J 25/58
L.4

У 25/58

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. Н. РЫБНИКОВЫМЪ.

ЧАСТЬ IV.

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ, СТАРИНЫ, НОБЫВАЛЬЩИНЫ, ПѢСНИ, СКАЗКИ, ПОВѢРІЯ, СУЕВѢРІЯ, ЗАГОВОРЫ И Т. П.

ИЗДАНІЕ Д. Е. Кожанчикова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 линія, № 12.)

1867.

2007065007

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Во всякой литературѣ, сколько нибудь сочувственной живому, неподдѣльному творчеству народа, появленіе сборниковъ, подобныхъ изданному нынѣ, составляетъ обыкновенно эпоху»; — вотъ что̀ сказано было въ началѣ замѣтки, приложенной къ I части этого изданія. Выписывающій теперь эти строки испыталъ даже на себѣ самомъ всю силу дѣйствія такихъ сборниковъ. Пѣснями Рыбникова и Кирѣевскаго рѣшена была разъ на всегда его собственная жизненная задача. Съ отвлеченныхъ высотъ художническаго «гражданства вселенной» онъ былъ ими перенесенъ къ живому ключу народности. Теперь онъ считаетъ себя счастливымъ, что и немногое, сдѣланное имъ, какъ съумѣлось, въ области изученья народной словесности, снискало ему то довѣріе, съ какимъ г. Рыбниковъ оставилъ на его попеченье эту четвертую и послѣднюю часть.

А посмотримъ вокругъ. То ли теперь настроеніе Русскаго общества, какое господствовало при изданіи I части? Рядомъ съ успѣхами изученья народности, не развивалось ли въ немъ и самосознанье народное? Недавній Славянскій съѣздъ со всѣми его проявленіями — да былъ ли бы онъ возможенъ у насъ, въ нашемъ обществѣ, при тѣхъ вѣтрахъ, которые дули еще преисправно и въ 1861 году?

Но и въ настоящее время, конечно, дуетъ не только попутный вѣтеръ. И у нашихъ недавнихъ гостей, и у насъ самихъ, — и впередъ еще будетъ не мало противныхъ вѣяній .... Только теперь ничто уже не убьетъ въ насъ вѣры, что — чѣмъ дальше, тѣмъ больше

будетъ *внутренно* крѣпнуть славянство во всѣхъ Славянахъ, и даже въ насъ, въ нашемъ Русскомъ обществѣ.

Но, ежели въ промежутокъ времени между 1861 и 1867 г., т. е. между I и IV частью этого сборника, такъ «много воды утекло,» то будемъ надѣяться, что съ быстротою дальнѣйшихъ, желанныхъ и даже обязательныхъ всѣмъ намъ успѣховъ въ дѣлѣ изученья народности, много также прибудетъ воды, той «живой воды,» отъ которой разомъ проснулись замершія силы богатыря народнаго!

Будемъ же работать, каждый по мѣрѣ средствъ, для Славянской науки, въ надеждѣ, что когда разольется въ ней яркій свѣтъ, тогда и на жизненномъ небосклонѣ Славянства станетъ наконецъ свѣтозарнѣе, чѣмъ теперь!

Орестъ Миллеръ.

P. S. О значеніи буквъ, набранныхъ густымъ шрифтомъ въ нѣкоторыхъ былинахъ настоящей части см. стр 347 части III, въ примѣчаніи.

25 Іюля 1867 г.

I.

БЫЛИНЫ,

ПОБЫВАЛЬЩИНЫ, СТАРИНЫ И БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ.

I. БОГАТЫРИ СТАРШІЕ.

1. Илья Муромецъ и Святогоръ богатырь.

(Побывальщина Пудожск. уѣзда.)

Изъ славнаго изъ города изъ Муромля, изъ того ли села изъ Карачарова, выѣзжалъ удалый добрый молодецъ, Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ, во да́лече далѐче во чисто поле. Наѣхалъ удалый добрый молодецъ богàтыря великаго Святогора, и убоялся добрый молодецъ, старый казакъ да Илья Муромецъ, того ли Святогора богàтыря, и спустилъ своего ли добра коня во кувыль-траву, самъ высталъ въ толстый сырой дубъ отъ Святогора богатыря. Пріѣхалъ Святогоръ богатырь подъ тотъ сырой дубъ, раскинулъ шатеръ бѣлополотняный и вынимаетъ изъ кармана жену красавицу. Разстилала она скатерти браныя, разставливала ѣства сахарныя и питьица медвяныя. Наѣдался Святогоръ досыта, и напивался онъ долюби, и сталъ опочивъ держать. Этая жена богатырская обозрила Илью во сыромъ дубу и говоритъ ему таковы слова: «Ай же ты, удалый добрый молодецъ, сойди со сыра дуба; буде не сойдешь со сыра дуба, разбужу Святогора богатыря и предастъ тебѣ смерть скорую». Убоялся Илья Муромецъ Святогора богатыря и слѣзъ со сыра дуба. Опять говоритъ таковы слова: «Сотвори со мной блудъ, добрый молодецъ! Не то, разбужу Святогора богатыря, предастъ тебѣ смерть скорую». Сдѣлалъ онъ дѣло повелѣное. Опять говоритъ таковы слова: «Поди со мной въ карманъ, добрый молодецъ!» Зашолъ съ нею вмѣстѣ въ карманъ. Проснулся Святогоръ отъ крѣпкаго сна, обсѣдлалъ своего коня богатырскаго и поѣхалъ ко

Святымъ горамъ. Сталъ его добрый конь богатырскій по колѣна въ землю угрязывать. И бьетъ богатырь коня по тучнымъ бедрамъ. И спроговоритъ конь языкомъ человѣческимъ: «Возилъ тебя, Святогоръ-богатырь и твою богатырскую молоду жену, а не могу возить двухъ богатырей и третью твою молоду жену». Сунулъ онъ руку въ глубокъ карманъ и вынимаетъ оттуда молоду жену, и вынимаетъ Илью Муромца. «Ты какъ зашелъ во глубокъ карманъ?» — Завела меня твоя молода жена наугрозою. — И разсказалъ Илья Святогору богатырю, какъ попалъ во глубокъ карманъ. Бралъ Святогоръ молоду жену, оторвалъ ей буйную голову, раздернулъ тѣло бѣлое на четыре па четверти, частиночки раскинулъ по чисту полю. И назвались Илья да Святогоръ братьями названными, и поѣхали ко Святымъ-горамъ. Наѣхали гробницу великую, выложена гробница краснымъ золотомъ. Легъ въ тую гробницу Святогоръ богатырь, какъ по немъ и устроена. «Покрой меня сверху досками, братъ названный!» Какъ покрылъ его досками, доски Божьимъ изволомъ приросли. «Открой меня, братъ названный!» Илья Муромецъ и открыть не могъ. Сталъ рубить доски саблей. Куда махнетъ саблей, тамъ станетъ желѣзный обручъ. «Возми, братъ названный, мою саблю». Илья сабли и подынуть не могъ. «Поди, братъ названный, я тебѣ силы дамъ». Припалъ Илья къ гробницѣ, и дунулъ Святогоръ духомъ богатырскимъ. Взялъ Илья тую саблю: гдѣ ударитъ, тамъ станутъ желѣзные обручи. «Припади ко мнѣ другой разъ, названный братъ, еще силы придамъ». Илья Муромецъ говоритъ на мѣсто: — Если еще припасть, то не понесетъ мать сыра земля: силы у меня довольно. — «Когда бы ты припалъ, дунулъ бы я мертвымъ духомъ и ты бы подлѣ меня легъ спать». Тутъ и остался Святогоръ богатырь.

(дер. Колодозеро отъ крест. Романова.)

II. ВРЕМЯ ВЛАДИМІРОВО.

БОГАТЫРИ КІЕВСКІЕ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

—

2. Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ.

(Пудожск. уѣзда.)

Во городѣ было во Муромѣ,
Во томъ селѣ во Карачаровѣ,
Жилъ молодой Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
И ходилъ-то онъ къ заутрини воскресныя,
И стоялъ-то онъ заутрню воскресную,
И завѣчалъ-то завѣты крѣпкіе:
«Поспѣть къ обѣдни воскресныя во Кіевъ-градъ,
«Проѣхать дорожкою прямоѣздею».
Какъ запала тутъ дорожка тридцать лѣтъ:
Никто той дорожкой не прохаживалъ
И никто той дорожкой не проѣздивалъ.
Да еще-то завѣчалъ другой завѣтъ:
«Проѣхать дорожкой прямоѣздею,
«Не марать-то сабли вострыя
«Въ кровь поганую татарскую».
Еще-то въ третій разъ завѣчалъ завѣтъ:
«Проѣхать дорожкой прямоѣздею,
«Не стрѣлять-то стрѣлочки каленыя».

Отстоялъ онъ раннюю заутрину воскресную,
Выходилъ со церкви соборныя,
Приходилъ на свой широкій дворъ,
Говорилъ-то своимъ слугамъ вѣрнымъ:
«Сѣдлайте-ко, уздайте добра коня,
«Добра коня бурушка неѣздянаго;
«Кладите войлочки коспвчаты,
«На войлочки кладите ковано сѣдельшко черкацкое,
«Подпругъ кладите до двѣнадцати,
«И подпруги кладите шелковыя,
«А стрѣмены кладите булатнія,
«Того ли булата заморскаго,
«Что мѣдь не трется и булатъ не гнется,
«Не для-ради красы-басы,
«А для-ради укрѣпы богатырскія».
Садился Илья на добра коня,
Палицу воинскую въ тороки вязалъ,
Саблю вострую на берлукъ [1]) кладалъ,
А стрѣлочку каленую на колсанъ кладалъ.
Столько видѣли удалаго сѣдевши,
А не видѣли удалаго поѣхавши.
Пошелъ-то его добрый конь въ полъ-травы,
Въ полъ-травы и поверхъ воды,
И повыше деревца стоячаго,
И повыше облачка ходячаго,
Рѣки-озера между ногъ пущалъ.
И лучилось Ильѣ бывать на тѣхъ лугахъ на царскихъ.
Облелѣяла [2]) кровь поганая татарская:
Черну ворону въ три году въкругъ [3]) не облетѣть,
Сѣру волку въ три году не обскакать.
Зговорилъ Илья таковы слова:
«Всякъ человѣкъ завѣтъ завѣчаетъ,
«А не всякой завѣтъ справляетъ».
Скакалъ Илья со добра коня,

---

1) берлукъ — ?
2) облелѣяла — облила.
3) въкругъ = вокругъ: ъ еще не перешелъ въ *о*.

Захватывалъ сыро-матеръ дубъ съ корешьями,
Началъ дубомъ помахивать:
Куда махнетъ, — туда улица.
Перемахнетъ, — переулочекъ.
Скоро скажется, тихо сдѣется.
Прибилъ-то онъ поганыхъ Татаръ до единаго,
Добрый конь скачетъ въ руды до брюха.
Садился тутъ Илья на добра коня.
Случилось быть въ городѣ во Турговѣ,
Въ томъ селѣ во Орѣховѣ.
Увидали его мужики Турговцы,
Выходили они со Божьихъ церквей,
Выносили ключи на томъ блюдѣ на золотѣ.
«Скажись-ко ты, удалый добрый молодецъ!
«Ты коей земли, коей орды,
«Какъ тебя именемъ зовутъ
«И какъ величаютъ по отечеству?»
— Я изъ славнаго изъ города изъ Мурома,
— Изъ того села изъ Карачарова,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ. —
«Возми-тко золоты ключи,
«Будь-ко ты у насъ воеводою,
«Береги насъ отъ поганыхъ отъ Татаровей».
И говоритъ имъ Илья Муромецъ:
— Не умѣю быть воеводою.
— Покажите дорогу прямоѣзжую въ Кіевъ-градъ. —
Говорятъ мужиченочки Турговцы:
«Запала тутъ дорожка тридцать лѣтъ:
«Никто по той дорожкѣ не прохаживалъ,
«И никто по той дорожкѣ не проѣздивалъ.
«Есть тамъ три заставы великія:
«Перва застава — грязь топуча, корба зыбуча;
«А другая застава великая —
«У той у славной рѣки у Смородиной,
«У тоя березы у покляпыя
«Есть гнѣздо на трехъ дубахъ,
«Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
«Не пропуститъ онъ ни конnаго, ни пѣшаго;

«Третья застава великая —
«У Соловья домъ стоитъ на семи дубахъ,
«На семи дубахъ и на семи верстахъ;
«Есть у Соловья семь сыновъ,
«Восьма дочь Настасья Соловьевична,
«Не пропустятъ они ни коннаго, ни пѣшаго».
Говорили тутъ мужичонки Торговцы:
«Возми-тко, Илья, золоты ключи
«И живи у насъ воеводою».
— Не умѣю быть воеводою.
— А покажите мнѣ-ка дорожку прямоѣздюю. —
И показали дорожку прямоѣздюю.
Садился Илья на добра коня.
Столько видѣли молодца сядучи,
А не видѣли удалаго поѣдучи.
Онъ поѣздъ держалъ во далече во чисто поле.
Случилось Ильѣ быть у той грязи топучія,
У тоя ли у корбы зыбучія,
Тутъ скакалъ Илья со добра коня,
Лѣвой рукой копя ведетъ,
А правой рукой дубья рветъ,
Моститъ мосты все дубовые.
И замостилъ мосты все дубовые.
Садился Илья на добра коня.
Лучилось Ильѣ быть у той рѣки у Смородины,
У того гнѣзда у Соловьинаго.
Закрычалъ Соловей разбойникъ зычнымъ голосомъ,
У Илы добрый конь па колѣна палъ:
Онъ билъ коня плеточкой шелковоей по тучнымъ бедрамъ,
А самъ коню приговаривалъ:
— Ахъ ты, волчья сыть, медвѣжій кормъ!
— Не бывалъ во далечѣ во чистомъ полѣ,
— Не слыхалъ ты богатырскаго покрыку,
— Не слыхалъ молодецкаго посвисту? —
Опущался Илья со добра коня,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Всякой человѣкъ завѣтъ завѣчаетъ,
— А не всякой человѣкъ завѣтъ справляетъ. —

Онъ натягивалъ свой тугій лукъ,
Каленой стрѣлы приговаривалъ:
— Не пади-ко ты ни на воду, ни на землю,
— А пади Соловью разбойнику во правый глазъ
— И выходи во лѣво ухо,
— Оброни-ко Соловья разбойника о сыру землю,
— Пролей-ко кровь по сыру дубу. —
Не пала стрѣла ни на землю, ни на воду,
А пала Соловью разбойнику во правый глазъ,
И выходила во лѣво ухо,
Обронила Соловья разбойника о сыру землю.
Садился тутъ Илья на добра коня,
Подъѣждялъ къ Соловью разбойнику,
И говорилъ Соловей таковы слова:
«Скажись-ко ты, удалый добрый молодецъ,
«Ты коей земли и коей орды,
«Какъ тебя именемъ зовутъ
«И какъ величаютъ по отечеству?»
Говорилъ Илья таковы слова:
— Родомъ я изъ города изъ Мурома,
— Изъ того села изъ Карачарова,
— Именемъ зовутъ Илья Муромецъ,
— А кто пожалуетъ, Илья Ивановичъ. —
«Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
«Не предай-ко смерти скорыя».
Взималъ Илья Соловья на бѣлы руки,
Привязывалъ тетивочкой шелковою
Ко той ко стремены булатніи.
Садился тутъ Илья на добра копя.
Случилось быть у того у дома Соловынаго.
И говорятъ меньши Соловьюноши:
— Ѣдетъ нашъ сударь-батюшко
— И везетъ мужика кована и вязана
— У той стремены булатніи. —
И поглядѣли больши Соловьюноши:
«То ѣдетъ не сударь-батюшко,
«А мужикъ везетъ батюшка кована и вязана.

«Вы взимайте-тко шалыги подорожныя
«И бейте мужика-деревенщину,
«Отымайте сударя-батюшка».
Говоритъ-то ихъ батюшко:
— Бросайте шалыги подорожныя,
— Не дразните удала добра молодца,
— А берите чаши великія
— И подите въ погреба во глубокіе;
— Насыпайте чашу чиста серебра,
— А другую чашу красна золота,
— Третью чашу скачнаго жемчуга:
— Дарите удала добра молодца,
— Не отдастъ ли родителя-батюшка? —
Говоритъ удалый добрый молодецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Мнѣ подарокъ непадобно,
«И не отдамъ вашего батюшка.
А тутъ Настасья Соловьевична
Взимала подворотню девяноста пудъ,
Ударила его, Илью Муромца, въ буйну голову
Той подворотней девяноста пудъ:
Только раздразнила удала добра молодца.
Тутъ скакалъ Илья со добра копя,
Пиулъ подъ г...о лѣвой ногой, —
Она изъ угла въ уголъ по двору начала перелетывать:
Нажила увѣчье вѣковѣчное.
И прибилъ онъ, не оставилъ ни единаго.
Садился онъ на добра копя,
Пріѣждяетъ онъ во Кіевъ-градъ
Ко солнышку ко князю ко Владиміру [на широкій дворъ]
И привязывалъ добра коня
Ко тому столбу точеному, колечку золоченому,
Самъ Соловью разбойнику наказываетъ:
«Стереги и береги моего добра коня».
Самъ коню вдвое-втрое наказываетъ:
«Не упусти Соловья разбойника кована и вязана».
Приходитъ Илья ко солнышку князю ко Владиміру,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,

Поклоны ведетъ по ученому,
Кланялся на три-четыре стороны,
Солнышку князю Владиміру въ особину.
Говоритъ солнышко Владиміръ князь:
— Скажись-ко ты, добрый молодецъ,
— Какой орды, какой земли, кой отчины,
— Какого отца и какой матери?
Говорилъ Илья таковы слова:
«Родомъ я есть изъ города изъ Мурома,
«Изъ того села Карачарова,
«Именемъ зовутъ Илья Муромецъ,
«По отечеству сынъ Ивановичъ.
«Какъ стоялъ-то я во городѣ во Муромѣ,
«Во той во церкви во соборныя
«И завѣчалъ-то завѣты крѣпкіе:
«Выйти отъ заутрыни воскресныя
«И поспѣть къ обѣдни воскресныя въ Кіевъ-градъ,
«Проѣхать той дорожкой прямоѣждею.
«И проѣхалъ я дорожкой прямоѣждею,
«А не поспѣлъ къ обѣдни воскресныя,
«Поспѣлъ къ обѣду государеву».
И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Пустымъ ты захвастываешь:
— Запала путь-дорожка тридцать лѣтъ.
— На той дорожкѣ есть заставы великія:
— На первой заставѣ на лугахъ стоятъ погапые Татаровья;
— А другая застава — грязь топуча, корба зыбуча;
— У той у славной рѣки у Смородиной,
— У тоя березы у покляпыя,
— Есть у Соловья гнѣздо на трехъ дубахъ;
— Еще застава великая —
— У Соловья разбойника домъ стоитъ на семи дубахъ,
— На семи дубахъ и на семи верстахъ;
— Естѣ у Соловья семь сыновъ
— И восьмая дочь Настасья Соловьевична. —
Говоритъ Илья таковы слова:
«Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!

«Проѣхалъ я дорожкою прямоѣздею:
«На тѣхъ лугахъ на царскихъ
«Прибилъ Татаровей погапыихъ,
«Не оставилъ ни единаго на сѣмена;
«Чрезъ тую грязь топучую
«Замостилъ мосточки все дубовые;
«У той рѣки у Смородшюй
«Убилъ Соловья разбойника
«И дѣтей не оставилъ ни единаго.
«И привезъ я Соловья разбойника кована и вязана
«У той стремены булатнія».
Тутъ выходилъ солнышко Владиміръ князь
Изъ-за того стола за дубоваго,
Выходилъ на широкъ дворъ,
Увидалъ коня у столба точенаго, у кольца золоченаго
И увидалъ Соловья разбойника кована и вязана
У той стремены у булатнія,
И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
— Закричи-ко ты зычнымъ голосомъ. —
И говоритъ Соловей таковы слова:
«Не тебя, а у кого ѣмъ-пью, того и слушаю».
Приходилъ со двора въ палаты бѣлокаменны,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Не пустымъ ли ты захвастываешь?
— Заставь-ко ты Соловья разбойника
— Закричать зычнымъ голосомъ, среднею прогласницею.—
Тутъ-то выходили на широкій дворъ,
И говоритъ Илья Муромецъ:
«Закричи-тко ты зычнымъ голосомъ, среднею прогласницею».
— Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
— Отвяжи-тко ты меня отъ стремены булатнія
— И перевязывай мою головушку шелковымъ платкомъ,
— А перстягивай головушку тетивочкой шелковою.
— Налей-ко ты чару зелена вина,
— Мѣрою полтора ведра, а вѣсомъ полтора пуда.

— И подпоси-тко Соловью разбойшку. —
Тутъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Подносилъ ему чару зелена вина.
Какъ взимаетъ Соловей чару на бѣлы руки
И вышиваетъ на единъ духъ,
И закричалъ-то онъ зычнымъ голосомъ.
Солнышко Владиміръ князь на колѣнка палъ
Подъ лѣвую пазуху Ильѣ Муромцу.
Изъ того крику Соловьшаго
Во городѣ стекольшика съ окончишокъ посыпались
И бабы поносныя разродились,
И кобылы[1]) .... жеребились.
Говоритъ Илья Муромецъ:
«Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
«Привезъ тебѣ *Соловья*[2]) въ подарочкахъ,
«Въ подарочкахъ и въ гостипечкахъ».
А зговорилъ солнышко Владиміръ князь:
— Не надо Соловья въ подарочки,
— А возми-тко, садись на добра коня,
— Взимай Соловья на бѣлы руки,
— Отвези во далече во чисто поле,
— Отруби ему тамъ буйну голову. —
Тутъ садился на добра коня,
Отъѣждялъ онъ во далече во чисто поле,
Отрубилъ Соловью буйну голову
И пріѣхалъ взадъ къ солнышку князю ко Владиміру.
И садилъ его за столы за дубовые,
За ѣства за сахарныя,
За напитки за медвеные,
И кормилъ-поилъ до сыта,
И дарилъ его подаркамы великима
За услугу за великую.

(Отъ Анфима Савинова, Филимоновской волости, дер. Ранпной горы.)

---

1) Слѣдуетъ дополнить: *жеребыя* или по заонежски *бережія*.

2) Поется съ удареніемъ на *Соловья*, т. е.: Теперь ты самъ убѣдился, что я тебѣ Соловья привезъ, а не кого другого.

3. Три поѣздки и борьба съ Соловьемъ разбойникомъ.

(Повѣн. уѣзда.)

Изъ того-ли изъ города изъ Мурома,
Изъ того-ли села Карачаева
Была въ одно 1) поѣздка богатырская.
Выѣзжаетъ удалый добрый молодецъ,
И на своемъ-ли онъ выѣзжаетъ на добромъ конѣ,
И на томъ-ли богатырскомъ кованомъ седлѣ,
Старый казакъ Илья Муромецъ.
Былъ добрый конь у него Тучападушко.
Съ горы на гору перескакивалъ,
Съ холмы на холмы перепрыгивалъ,
Онъ мелкія рѣки-озера между ногъ спущалъ,
И мхи-болота хвостомъ застилалъ,
И спни моря на-околъ скакалъ.
Выѣзжаетъ добрый молодецъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
И выѣзжаетъ онъ во чисто поле,
И увидѣлъ во чистомъ полѣ Сервалюцъ — камень,
На камени подпись подписана,
И той-ли рѣчью Латынскою,
И отъ камешка лежитъ на востокъ три розстани:
«Въ перву розстань ѣхать — богату быть;
«Въ другу розстань ѣхать — женату быть,
«Женату быть и съ дѣвицей спать;
«А въ третью розстань ѣхать — живу не быть,
«Живу не быть и убиту быть».
Стоитъ старепькой, издивляется,
Головой качаетъ, самъ выговариваетъ:
«Сколько-ль я въ чистомъ полѣ ходилъ,
«Ходилъ, гулялъ и прохаживалъ,
«А экова чуда не пахаживалъ!
«Развѣ поѣхать старому въ тую розстань,
«Въ тую розстань, гдѣ богату быть?»
И стоитъ старепькой, самъ раздумываетъ:
«Почто я поѣду въ тую розстань,

«Въ тую розстань, гдѣ богату быть?
«Нѣту вѣдь у меня молодой жены,
«И любимой семьи, малыхъ дѣточекъ:
«Некому держать золотой казны,
«Некому держать платья цвѣтнова.
«Развѣ поѣду я, добрый молодецъ,
«Въ тую дорожку, гдѣ женату быть,
«Гдѣ женату быть и съ дѣвицей спать?»
Стоитъ старенькой, самъ раздумался:
«Почто я поѣду въ тую розстань,
«Въ тую розстань, гдѣ мнѣ женату быть?
«Прошла теперь вся моя молодость:
«Молодую взять, то чужая корысть,
«А стару взять, то на печи лежать,
«На печи лежать и киселемъ кормить. —
«Поѣду я, добрый молодецъ,
«Въ тую дорожку, гдѣ мнѣ убиту быть:
«Знаю я, добрый молодецъ,
«Что на бою смерть написана?» 2)
Садился-ли добрый молодецъ
На своего добра коня богатырскаго
И такъ поѣхалъ въ тую розстань,
Въ тую розстань, гдѣ убиту быть.
Чуть проѣхалъ добрый молодецъ Корелу проклятую.
Не доѣхалъ онъ до Индіи богатыя,
Наѣхалъ добрый молодецъ сорокъ тысячъ разбойниковъ,
Сорокъ тысячъ разбойниковъ
И тѣхъ ночныхъ воровъ-подорожниковъ,
И испроговорилъ тутъ таково слово:
«Ахъ вы, сорокъ тысячъ разбойниковъ
«И тѣхъ ночныхъ подорожниковъ!
«Здѣсь вамъ бить-трепать стараго некого,
«И взять-то вамъ со стараго будетъ нечего:
«Здѣсь нѣту у стараго золотой казны,
«Да нѣту у стараго платья цвѣтнаго.
«Столько есть у стараго
«Добрый конь сивушко-Тучанадушко,
«И на добромъ конѣ есть уздечка тесмянная,

«И во той-ли уздечкѣ тесмяныя
«Въ обѣихъ сторонахъ зашито по каменку,
«По яспому по камешку по яхонту —
«И не для красы, и не для басы,
«Ради крѣпости богатырскія:
«Гдѣ ходитъ мой добрый конь въ темну осенну ночь,
«И видно его за пятнадцать верстъ; —
«Еще есть у стараго
«Сѣделышко черкасское,
«На которомъ я самъ сижу,
«Старый казакъ Илья Муромецъ;
«Еще есть у стараго
«На погахъ чеботки семи шелковъ, семи рядовъ,
«Не для красы, не для басы,
«Ради крѣпости богатырскія.
«Да еще у стараго случилося,
«На буйной головы шеломъ сорока пудовъ,
«И теперича оно мнѣ пригодилося!»
Хватилъ шеломъ во праву руку,
А копскій поводъ во лѣву руку
И направлятъ коня въ эту армію 3),
И въ сорокъ тысячъ разбойшиковъ
И тѣхъ почныхъ воровъ-подорожшиковъ.
И началъ шеломомъ помахивать:
Онъ въ сторону махнетъ,
Туда улица,
Въ другу сторону махнетъ,
Туда переулочекъ;
И въ двоемъ, въ троемъ топчетъ его добрый конь.
И убилъ сорокъ тысячъ разбойшиковъ
И тѣхъ почныхъ воровъ-подорожшиковъ
И не оставилъ ихъ на сѣмена.
Остальные видятъ, что бѣда пришла.
Бѣда пришла немшучая,
И разбѣжались они во темны лѣса,
Во темны лѣса во дремучіе.
И очистилъ тую первую заставу
И возвращается назадъ къ тому камени,

На которомъ подписана была подпись великая;
И поѣхалъ въ тую розстань,
Гдѣ женату быть и съ дѣвицей спать.
Пріѣзжаетъ онъ во чисто поле,
Во чистомъ полѣ стоитъ бѣлъ шатеръ,
Недалече отъ бѣла шатра
Стоятъ палаты бѣлокаменны.
И во тѣхъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Живетъ Палеица удалая.
И у ей была кроватка омапслива 4):
И принимала она каждаго страннаго
Во тѣ палаты бѣлокаменны,
Кормила кушаньями сахарными,
И поила напитками медвяными,
И отводила ихъ во спальну драгоцѣнную,
Гдѣ стояла кроватка омапслива,
Проспла добрыхъ молодцевъ на кроватку спать.
Впереди проситъ повалиться добрыхъ молодцевъ,
А во слѣдъ ложится красна дѣвица.
А того не знаетъ добрый молодецъ,
Что кроватка есть омапслива:
Который повалится спать на кроватку,
Та кроватка подвёрнется,
То улетитъ онъ въ погреба глубокіе.
Подъ кроваткой былъ погребъ въ глубину сорока сажень.
И во этомъ во погребѣ было накоплено
Триста рыцарей, силныхъ могучихъ богатырей.
Какъ увидала прекрасная дѣвица
Пріѣхавши того добраго молодца,
Выходила на крылечко переное,
Беретъ его за руки за бѣлыя
И за тѣ-ли перстни злачепые,
Цѣлуетъ его во уста во сахарныя
И приводитъ въ палаты бѣлокаменны;
Посадила его на золотъ стулъ
И за тотъ-ли за кленовый столъ,
И начала его попть-кормить,
И проситъ добра молодца на кроватку спать

И отъ того добрый молодецъ не отказывается,
Скидываетъ платье самоцвѣтное,
Испроговоритъ добрый молодецъ таково слово:
«Ахъ ты, душечка, красна дѣвица!
«Повались на кроваточку напередъ сама,
«А потомъ я повалюсь, добрый молодецъ».
Тутъ красна дѣвица призадумалась.
Хватилъ дѣвицу на середочкѣ,
И бросилъ ее на кроваточку,
И тутъ кроваточка подвернулася, —
Улетѣла она во погребъ глубокій. 5)
Закричалъ добрый молодецъ
Громкимъ голосомъ богатырскимъ:
«Ахъ, ребята! имай — хватай;
«Вотъ сама идетъ. . . . .»
Отворилъ погребъ глубокій,
И выпущаетъ онъ оттель всѣхъ рыцарей
И сильныхъ могучихъ богатырей:
Алешу Поповича, Никиту Добрынича 6)
И другихъ всѣхъ прочихъ.
И у самой красной дѣвицы
Отсѣкъ по плечъ буйну голову
За ту надсмѣшку великую.
И очистилъ тую заставу.
Возвращается назадъ къ Сервалюдъ-камню,
И поѣхалъ удалый добрый молодецъ
Въ тую розстань, гдѣ богату быть.
Во чистомъ полѣ нашелъ погреба глубокіе,
Которые были наполнены златомъ — серебромъ,
И поверху покрыты скатнымъ жемчугомъ,
И хранилось это злато — серебро
Той-ли душечки красной дѣвицы.
Не допускаютъ его стражи великіе,
И убилъ онъ стражу великую,
И завладѣлъ всѣ къ себѣ этые погребы,
И раздѣлилъ это злато — серебро
По церквамъ по Божіимъ,
И по сиротамъ по бѣднымъ.

И очистилъ тую третью великую заставу
Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Ко славному князю Владиміру;
Бьетъ челомъ о сыру землю,
Бьетъ челомъ низко кланяется:
«Ахъ, ласково солнце, Владиміръ-князь,
«Стольно-Кіевской, славно-Владимірской!
«Я очищу дорожку прямоѣзжую
«Отъ Кіева до Чершигова».
И была та дорожка прямоѣзжая
Три-девяносто равномѣрныхъ верстъ,
А около было полторы тысячи.
Никто этою дорожкою прямоѣзжею
Нѣша туда не прохаживалъ,
И на добромъ конѣ никто не проѣзживалъ.
На этой дорожкѣ прямоѣзжія
Была застава великая:
Сидѣлъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ
На семи дубахъ крякновистыихъ;
Свисталъ онъ посвистомъ змѣинымъ,
А кричалъ покрикомъ львинымъ,
И убивалъ проѣзжихъ добрыхъ молодцевъ,
Сильныхъ, могучихъ богатырей.
Поѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ
Очистить тую дорожку прямоѣзжую,
Беретъ съ собой свой тугой лукъ,
И еще беретъ стрѣлочку калепую.
Поѣхалъ добрый молодецъ во чисто поле
Той-ли дорожкою прямоѣзжею.
Чуть доѣхалъ добрый молодецъ
До тѣхъ дубовъ крякновистыихъ,
Увидѣлъ Соловей-разбойникъ добра молодца,
Засвисталъ онъ по змѣиному,
А закричалъ онъ по львиному, —
И у добра молодца у старова казака Ильи Муромца
Добрый конь на колѣна палъ.
Видитъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ —
Ѣдетъ добрый молодецъ,

И ничего не чувствуетъ, —
Закричалъ Соловей-разбойникъ во второй наконъ
Во весь крикъ звѣриный,
Что вздрогнулъ старый казакъ Илья Муромецъ,
А добрый конь на колѣна палъ.
Беретъ старый казакъ Илья Муромецъ
Свой тугой лукъ разрывчатый,
И полагаетъ онъ стрѣлочку каленую,
Стрѣляетъ онъ въ Соловья-разбойника;
Прилетѣла стрѣлочка ему въ правый глазъ,
И упалъ Соловей-разбойникъ о сыру землю.
Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ
Беретъ его на петелку шелковую,
И привязываетъ его къ стремени богатырскому,
И везетъ его во славный Кіевъ градъ,
Ко стольному князю Владиміру.
Увидалъ Владиміръ-князь столыо-Кіевскій
Ѣдучи удалаго добра молодца,
Стараго казака Илью Муромца,
И везетъ онъ Соловья-разбойника, —
Бьетъ челомъ и низко кланяется
За очищеніе дорожки прямоѣзжія,
И беретъ его за руки бѣлыя,
И за тые персти за злаченые,
Ведетъ его въ палаты бѣлокаменные.
Зачинаетъ Владиміръ князь почестенъ пиръ
На тѣхъ на князей, на бояръ,
И на славныхъ рускихъ богатырей,
И на тѣхъ поленицъ удалыхъ.
Всѣ на пиру сидятъ пьяны, веселы,
Всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Иной хвастаетъ тѣмъ и сѣмъ,
А иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
А иной хвастаетъ златомъ-серебромъ,
А иной хвастаетъ силой богатырскою,
А иной хвастаетъ палатой бѣлокаменной,

А иной хвастаетъ родимой сестрой,
А иной хвастаетъ любимой семьей,
А умный хвастаетъ отцомъ-матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
А старый казакъ Илья муромецъ
Ничего онъ не хвастаетъ,
За столомъ сидитъ, самъ кручинится,
Попустилъ буйну голову ниже могучихъ плечъ. 7)
Приходитъ къ нему Владиміръ-князь стольно-Кіевскій,
Испроговоритъ ему таково слово:
— Что-же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
— Ничѣмъ ты не хвастаешь?
— Похвастай-ко ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
— Своей-ли ты удачей да богатырскою,
— И какъ ты очистилъ дорожку прямоѣзжую,
— И какъ привезъ сюда Соловья разбойника.
— И прикажи-ко ты, Илья Муромецъ,
— Засвистать Соловью-разбойнику въ полсвистка змѣинаго,
— А закричать въ полкрика львинаго:
— Пусть послушаютъ всѣ гости пріѣзжіе. —
Привелъ Соловья-разбойника
Во тыя палаты бѣлокаменны,
Испроговоритъ таково слово:
«Ай же ты, Соловей Одихмантьевичь!
«Засвищи въ полсвистка змѣинаго,
«Закричи въ полкрику львинаго:
«Пусть всѣ у насъ на пиру потѣшатся,
«Пусть потѣшатся и всѣ послушаютъ».
Тутъ Соловей-разбойникъ зло выдумывалъ:
Хотѣлъ крикомъ да свистомъ
Убить всѣхъ на пиру сидящихъ:
Засвисталъ во весь свистъ змѣиный
И закричалъ во весь крикъ львиный.
Всѣ на пиру лежатъ безъ памяти,
Владиміръ-князь стольно-Кіевскій
Тотъ стоитъ-шатается,
А старый казакъ Илья Муромецъ
Тому чуду издивляется,

Издивлется, самъ усмѣхается,
Испроговоритъ онъ таково слово:
«Ай же ты, Соловей Одихмантьевичь!
«Не послушалъ ты моего приказанія».
Выводитъ Соловья онъ на улицу
Супротивъ палатъ бѣлокаменныхъ,
И отрубилъ у него съ плечь буйну голову.
Испроговоритъ тогда Владиміръ-князь столыно-Кіевскій:
— Ай же ты, удалый, добрый молодецъ,
— Старый казакъ Илья Муромецъ!
— Чѣмъ же я теперь буду жаловать?
— Бери у меня золотой казны,
— Золотой казны несмѣтныя,
— Столько бери, сколько надобно;
— И бери у меня городовъ съ пригородками,
— И бери у меня села съ приселками,
— И бери у меня деревни съ крестьянами,
— Бери въ награду чинъ великій. —
Испроговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Не надоть мнѣ твоей золотой казны,
«Золотой казны несмѣтныя;
«И не надо мнѣ твоихъ городовъ съ пригородками,
«И не надоть селъ съ приселками,
«И не надоть деревень съ крестьянами,
«И не надо въ награду чинъ великій:
«Это для меня ничего не надобно.
«Только дай мнѣ одно село Карачаево,
«Столько-бъ дай земли,
«Что живетъ старый казакъ Илья Муромецъ
«Въ томъ селѣ Карачаевѣ».
Бьетъ челомъ, низко кланяется о сыру землю
Князю Владиміру столыно-Кіевскому.
Садился добрый молодецъ
На добра коня,
И поѣхалъ добрый молодецъ
Во чисто поле.
Куда падаютъ копыта лошадиныя,
Тутъ становятся колодцы ключевой воды;

Въ чистомъ полѣ курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ валитъ.
Столько видѣли добра молодца сядучись,
А не видѣли его поѣдучись. —
Тѣмъ его поѣздка кончилась.

1) Однажды.

2) Если слова эти не принимать въ ироническомъ смыслѣ или за случайную ошибку (учитель нѣлъ «не писана», а Никитину слышалось «написана»), то пѣвецъ здѣсь противурѣчитъ высказывающемуся въ другихъ былинахъ сознанію самого Ильи Муромца, что ему смерть на бою не писана. Даже тогда, когда какой либо необыкновенный случай и вызываетъ иногда у Муромца сомнѣніе въ непреложности такого убѣжденія, то народъ художественно мотивируетъ внутреннюю причину сомнѣнія у богатыря:

«Хоть на бою мнѣ смерть не писана,
«Переступитъ сила черезъ великъ закопъ».

3) Первоначально въ былинахъ вмѣсто *армія* вездѣ стояло *войско*, *сила;* потомъ образовались соединенія въ родѣ: *сили — армія великая*, и наконецъ слово *армія* стало употребляться безъ перевода.

4) Омануслива—обманная, обманчивая. У Заонежанъ «сливый» часто употребляется вмѣсто «чивый», напр.: застойсливый, задумысливый.

5) На вопросъ, не знаетъ ли пѣвецъ еще чего нибудь про эту царевну — красавицу, онъ разсказалъ, что ее звали Зенирой прекрасной, что красотой своею она прельщала царевичей и королевичей, и сильныхъ, могучихъ богатырей, и что живописцы не могли описать этой красоты. —

6) Т. е. Добрыню Никитича, или же древняго старшаго богатыря Никиту, подъ видомъ котораго иногда дѣйствуетъ самъ Илья Муромецъ.

7) По моему мнѣнію, пѣвецъ машинально перенесъ на Илью Муромца кручину удалаго молодца на пиру изъ другой какой либо былины: о чемъ было тутъ кручиниться Ильѣ: по крайней мѣрѣ кручина его ничѣмъ не мотивирована.

(Отъ кр. дер. Выгозера — Ѳедора Никитина.)

1. Тоже.

(Новѣнецкаго уѣзда)

Пріѣхалъ Илья Муромецъ
Ко славной Елисей рѣкѣ,
Тутъ подпись есть на камени подписана:
«Отъ матушки Елисей рѣки
«Ко славному граду Кіеву
«Три дороги есть:
«Въ одну дорогу ѣхати — богату быть,
«Богату быть, да препятство есть;
«Въ другу дорогу ѣхати — женату быть;
«А въ третьи поѣхати — убиту быть».
Пріѣхавши Илья Муромецъ
На подпись — ту поглядывалъ
И самъ себѣ раздумывалъ:
— На что мнѣ-ка старому богату быть:
— Жены нѣту живота держать.
— Ай на что мнѣ-ка женату быть:
— Молодая взять — на чужу корысть,
— А стара взять, та есть немощна
— Животомъ править въ домѣ своемъ.
— А поѣду я въ дорогу ту, гдѣ убиту быть:
— Не много же мнѣ старому и надобно.
Поѣхалъ Илья Муромецъ
Въ ту дорогу, гдѣ убиту быть.
Наскочило на него сто-тридцать-пять разбойниковъ,
Говорятъ ему разбойники:
«Что есть при тебѣ, то складывай,
«Все складывай не затаивай».
Какъ отвѣтъ держитъ имъ Илья Муромецъ:
— Что есть у меня съ собой у стараго
— Вамъ складывать и не затаивать:
— На конѣ узда въ пятьсотъ рублей,
— А сѣделышко черкасское въ цѣлу тысячу,
— Получайте вы, если хочете да и можете. —
Приступили тутъ разбойники
Чтобы взять узду али сѣделышко;

Который лишь наклонится,
Тотъ тутъ же и протянется:
На томъ мѣстѣ и оставилъ всѣхъ
Сто тридцать пять разбойниковъ.
Ворочался Илья Муромецъ
Ко славной Елисей рѣкѣ
И подпись ту на камени
Про дорогу, гдѣ убиту быть,
Поправливалъ и переправливалъ:
— Та дорога есть очищена;
— Поѣду-жъ я теперечу
— Въ ту дорогу, гдѣ богату быть,
— Богату быть, да препятство есть. —
Подъѣхалъ Илья Муромецъ
Къ тому мѣсту по дорогѣ той,
Гдѣ Соловей сидитъ Рахматовъ сынъ
Въ гнѣздѣ его разбойничьемъ.
Увидѣвши богатыря мимо ѣдучи,
Закричалъ онъ гласомъ богатырскимъ,
Засвисталъ онъ свистомъ соловьинымъ:
Конь Ильи Муромца на колѣни палъ.
Говоритъ ему Илья Муромецъ:
— Ай же ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
— Будто ты не слыхивалъ гласу богатырскаго,
Свисту соловьинаго, что на колѣни палъ? —
Тутъ натягивалъ Илья тугой лукъ,
Тупоносу укладную полагалъ стрѣлу каленую,
Онъ налаживалъ въ соловья сына Рахматова
Въ его гнѣздѣ разбойничьемъ,
Въ крыло его правое,
Привязалъ его къ своему сѣдлу.
Привозилъ такъ Илья Муромецъ
Соловья сына Рахматова въ Кіевъ градъ,
Къ князю Владиміру на широкій дворъ,
Самъ говоритъ ему таково слово:
Отъ матушки Елисей рѣки
Всѣ дороги есть очищены. —

(Отъ кореляка Василья Лазарева изъ дер. Кименицъ.)

5. Дунай Ивановичъ.

(Петроз. уѣзда.)

Когда я читалъ Терентію Іевлеву, внуку знаменитаго Ильи Елустаѳьева, былину о Дунаѣ, какъ ее пѣлъ Кузьма Романовъ (1 ч. № 30, стр. 178), онъ, въ дополненіе къ началу той же былины, напечатанному съ его словъ во 2-й части, припомнилъ еще слѣдующіе отрывки:

Часть 1, стр. 180, послѣ 124 ст.

Зачалъ по двору поскакивать (Добрыня),
На всѣ стороны дубиною помахивать,
Во лѣвой рукѣ водитъ два добра коня,
Во правой рукѣ дубина сороцинская.
Какъ ясенъ соколъ попурхиваетъ,
Такъ добрый молодецъ поскакиваетъ.

Послѣ 143.

— Видно-то дочушка Богомъ суженая. —
Дунай унимаетъ Добрыню словами:
«Полно ти, Добрынюшка, уродовати:
«Видно намъ естѣ Божья помочь.

Король, исполняя обѣщаніе отдать за Владиміра Апраксію, зоветъ служанокъ:

— Ай же вы, служки — панюшки [1]), вѣрны нянечки!
— Умойте, убѣльте Апраксію,
— Напушите ей личко бѣлешенько,
— Накрутите ю хорошохонько;
— Ведите во риньгу королевскую,
— Отпустите ю во святую Русь. —
Беретъ Дунай королевну Апраксію,
Королю несетъ поклонъ въ особину.

Вмѣсто 154.

Спятъ они, спомъ темную ночь коротаютъ.
Какъ по той дорожкѣ Цареградскія
Ѣхалъ Татаринъ невѣрный

1) Панюшки — пани, пановые — паны.

Вмѣсто 159.

По утру вставаютъ, дорожку досматриваютъ,
Куды ѣхалъ Татаринъ невѣрныій

Вмѣсто 170.

Гдѣ было молчкомъ подъѣзжать

Когда у Дуная застоялась рука въ плечѣ надъ Татариномъ, котораго онъ сшибъ съ коня вострымъ копьемъ тупымъ концомъ, онъ говоритъ: «Вижу по пелькамъ, что женскій полъ». Настасья королевична объясняетъ ему послѣ 201 ст.

— Вчера меня дома не случилося.
Было у насъ два богатыря,
— Увезли сестрицу Апраксію.
— И поѣхала я за ними въ слѣдъ
— Воротить сестрица Апраксія,
— Либо положить головка Настасьина. —

Вмѣсто 207 и 208 ст.

Вмѣстяхъ сестрицы крестились и молитвились,
Вмѣстяхъ сестрицы за мужъ пошли.

Послѣ 240 ст.

Бралъ стрѣлочку калепую,
Намазывалъ саломъ змѣиньимъ

Вмѣсто 269.

— Отъ очей пекетъ красно солнышко,
— На каждой волосиночкѣ по скатной жемчужиночкѣ. —

6. Ставръ Годиновичъ.

(Пудожск. уѣзда.)

Во стольномъ во̀-о градѣ во Кіевѣ,
У солнышка у князя у Владиміра
Столько было столованье, почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На сильныхъ на русскихъ богатырей,

И на тыхъ поленицъ на удалыхъ.
Всѣ-то на пиру наѣдался,
Всѣ на пиру напивался,
И всѣ на пиру пьяны-веселы сидятъ,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Иный хвастаетъ золотой казной,
Иный хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иный хвастаетъ шелковымъ портомъ.
Только молодой Ставёръ сынъ Годиновичъ
Не ѣстъ, не пьетъ и не кушаетъ
И ни чѣмъ онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Зговорилъ ему солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты, молодой Ставёръ сынъ Годиновичъ!
«Что же ты не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
«Да ни чѣмъ ты, Ставёръ, не хвастаешь?»
— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
— Не чѣмъ мнѣ похвастать-то.
— Мнѣ похвастать — не похвастать золотой казной.
— Много у Ставра есть золотой казны:
— Золотая-то казна вѣдь не тощится.
— Это мнѣ, Ставру, и хвасть — не хвасть.
— И много у Ставра есть добрыхъ коней:
— Только добрые-то кони не ѣздятся.
— Такъ и то Ставру, мнѣ, хвасть — не хвасть.
— Похвастать-не похвастать мнѣ-ка цвѣтнымъ платьемъ.
— Много у Ставра есть платья цвѣтнаго:
— Только цвѣтное-то платье не дёржится.
— И то Ставру, мнѣ-ка, хвасть — не хвасть.
— Похвастать-не похвастать мнѣ молодой женой:
— Естѣ у Ставра молодая-то жена,
— Млада Василиста Микулична,
— Всѣхъ князей-бояръ продастъ и выкупитъ,
— И самого князя Владиміра обманетъ и проведетъ —
И за тую рѣчь неумильную
Да за тую-то хвасть неудальную
Столько взяли-то Ставра сына Гординовича
И посадили Ставра во темницы во темныя
Да во ты во погребы глубокіе.

Столько пала туда вѣсточка нерадостная
Къ молодой его жены Василисеты Микуличной:
«Взяли де Ставра да посадили Ставра
«Во темницы во темныя, во погребы глубокіе».
Тутъ-то млада Василиста Микулична
Садилась она на ременчатъ стулъ,
И начала она дума думати:
«Столько какъ Ставра да буде выкупить,
«Столько какъ Ставра да буде выручить?
«Столько много у Ставра золотой казны,
«И золотой-то казной буде Ставра не выкупить,
«И золотой-то казной буде не выручить.
«Буде выкупить Ставра да буде выручить
«Своима догадками женскима».
И взимала она ножницы булатнія,
И рубила свои волосы по мужичьему,
И сокрутилась во цвѣтно платье во мужичье,
И назвалась она грознымъ посломъ Васильюшкомъ.
Приходитъ грозный посолъ Васильюшко на почестенъ пиръ
Къ солнышку ко князю Владиміру,
Крёстъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
И кланялся на всѣ четыре стороны,
А солнышку князю Владиміру въ особицу.
«Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
«Отдай-ко ты любезную племянничку
«За грознаго посла за Васильюшка».
И хочетъ отдать солнышко Владиміръ князь
Любезную племянничку за Васильюшка,
И выходитъ любезная племянничка
Ко своему-то дядюшкѣ князю Владиміру:
— Да что-то у дядюшки затѣяно,
— Да что-то у дядюшки завѣдено!
— Столько отдаетъ онъ дѣвчину за женщину:
— И у его-ль у грознаго посла у Васильюшка
— Ж.... крутенька, и походка частенька,
— И грудь высока, и рѣчь у него по женскому. —
Погомъ говоритъ солнышко Владиміръ князь:

«Ай же ты, грозный посолъ Васплюшко!
«Бери-тко ты тугій лукъ,
«И кладывай-ко ты калену стрѣлу,
«И поди-тко во чисто поле
«Съ моима стрѣльцами, съ удалыми молодцами;
«И стрѣляй-ко ты стрѣлочки каленыя
«Во то остріе во ножечное,
«И коли-тко пополамъ стрѣлочку каленую:
«Тошто отдамъ племянницу любезную».
Тутъ-то грозенъ посолъ Васплюшко
Натягивалъ онъ тугій лукъ,
Кладалъ стрѣлочку каленую
И стрѣлялъ во то остріе во ножечное.
И попадала его стрѣлочка каленая
Во то остріе во ножечное,
И пополамъ стрѣлочка кололася.
И приходятъ они съ поля чистаго
Ко солнышку ко князю ко Владиміру:
«Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
«Натягивалъ я тугій лукъ,
«И кладывалъ я стрѣлочку каленую,
«Попадалъ въ остріе во ножечное,
«И кололъ пополамъ стрѣлочку каленую:
«Отдай-то теперь свою племянничку
«За грознаго посла за Васплюшка».
И хочетъ отдать солнышко Владиміръ князь
Свою любезную племянничку
За грознаго посла за Васплюшка.
И выходитъ любезная племянничка:
— Да что-то опять у дядюшки затѣяно,
— Да не что-то у дядюшки заведено!
— Выдаваетъ онъ дѣвчину за женщину:
— ..... крутенька, и походка частенька,
— И грудь высока, и рѣчь у него по женскому. —
И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты, грозенъ посолъ Васплюшко!
«Не угодно-ль тебѣ сходить со мной
«Во теплу во парну во баенку съ дороги попариться?»

И говоритъ ту грозный посолъ Васильюшко:
— Хорошо бы, солнышко Владиміръ князь,
— Во теплой во баенкѣ попариться. —
И пошли они со солнышкомъ со княземъ со Владиміромъ
Во теплу во баенку попариться.
Тутъ-то грозный посолъ Васильюшко
Попарился, да поуправился и ладился.
И говоритъ ему солнышко Владиміръ князь:
«Что же ты, грозный посолъ Васильюшко,
«Скоро поупарился и поуправился?»
И говоритъ грозенъ посолъ Васильюшко:
— Столько все-то у насъ по посольному,
— Столько все-то у насъ да по дорожному:
— То я скоро поупарился, то я скоро поуправился. —
И пошли они съ парной баенки,
И приходятъ въ палаты грановитыя.
И говоритъ ту опять грозенъ посолъ Васильюшко:
«Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
«Отдай-ко свою племянничку
«За грознаго посла за Васильюшка».
И говоритъ солнышко Владиміръ князь: [1])
— Ай же ты, грозенъ посолъ Васильюшка!
— Поди-тко ты на широкій дворъ,
— И дамъ я ти сильныхъ русскихъ богатырей,
— И буде мошь [2]) побороть могучихъ богатырей,
— То отдамъ за тебя любезную племяшничку. —
И тутъ шли они на широкій дворъ боротися.
Сталъ-то грозный посолъ Васильюшко боротися:
И сталъ-то борцовъ покидывать,
И сталъ-то борцовъ побрасывать
По тому двору по широкому,
И поборолъ ихъ всѣхъ до единаго.
Приходитъ ко солнышку князю ко Владиміру:
«Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
«Не съ кѣмъ мнѣ боле поборотися:

---

1) Предполагается и тутъ наущеніе Запавы.
2) Мошь вм. можешь, какъ хошь вм. хочешь.

«Отдай-ко любезную племянничку
«За грознаго посла за Васильюшка».
И пошелъ у нихъ почестенъ пиръ.
И тутъ да на честномъ пиру
Стали играть въ гуселышка яровчаты,
Спотѣшать князя со княгинею.
И говоритъ тутъ грозенъ посолъ Васильюшко:
«Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
«Нѣту игроковъ вѣдь хорошихъ на честномъ пиру.
«Какъ у васъ во стольномъ во Кіевѣ
«Есть молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ;
«Онъ мастеръ-то играть въ гуселышка яровчаты:
«Нѣтъ такого игрока нигдѣ и не водится.
«Прикажи-тко ты Ставра да на почестенъ пиръ
«Поиграть-то въ гуселышка яровчаты,
«Воспотѣшать-то князя со княгинею».
Говорилъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
— Ты, грозный посолъ Васильюшко!
— Посаженъ-то Ставеръ во темницы во темныя,
— Во темницы во темныя, во погребы глубокіе,
— За ту его рѣчь неумильную,
— За ту его хвасть неудальную:
— Похвасталъ онъ Ставръ молодой женой,
— Только младой Василистой Микуличной,
— «Что естѣ у Ставра молодая-то жена,
— «Млада Василиста Микулична,
— «Всѣхъ князей-бояръ продастъ и выкупитъ,
— «Солнышко-князя-государя обманетъ и прóведетъ»
— Такъ за то-то посаженъ молодой Ставеръ
— Во темницы во темныя, во погребы глубокіе. —
И тутъ-то говорилъ грозный посолъ Васильюшко:
«Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
«Выпусти Ставра на почестенъ пиръ:
«Столько некому играть на честномъ пиру
«Да воспотѣшить насъ на томъ на честномъ пиру».
Приказалъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
Приказалъ Ставра его выпустить
На тотъ ли на почестенъ пиръ.

Пришелъ молодой Ставеръ на почестенъ пиръ,
Садился на скамейку на дубовую,
Только сталъ играть въ гуселышка яровчаты
И спотѣшать ли князя со княгинею.
Только говоритъ тутъ грозный посолъ Василыошко:
«Садись-ко ты, Ставеръ, за дубовый столъ!»
Садился тутъ Ставеръ за дубовый столъ.
И говоритъ тутъ грозный посолъ Василыошко:
«Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
«Дай-ко мнѣ Ставра
«Сводить въ чисто поле до своего бѣла шатра».
И спустилъ Ставра солнышко Владиміръ князь.
И пошли они во бѣлой шатеръ.
«Ай же ты, молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ!
«Станемъ-ко съ тобой въ свайку играть.
«Какъ мы прежде съ тобой въ свайку игрывали
«И въ кольцо попадывали:
«У тебя есте свайка серебряная,
«У меня есть кольцо позолоченое».
— Да я съ тобой въ свайку не игрывалъ,
— Да я въ кольцо не попадывалъ. —
Тутъ грозенъ посолъ Василыошко
Вздымалъ свои платья по самый пупъ:
И вотъ молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ
Призналъ кольцо позолоченое.
Тутъ грозенъ посолъ Василыошко
Скидываетъ свои платья мужичія
Надѣвался во платья во цвѣтныя,
Во тыя ли платья во женскія.
Взимала она Ставра за бѣлы руки,
Приводила Ставра на почестенъ пиръ.
Глядитъ солнышко Владиміръ князь,
Что пришелъ не грозный посолъ Василыошко,
Пришла млада Василиста Микулична.
Говоритъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты, молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ!
«Умѣлъ-то ты похвастать молодой женой:
«Молода твоя жена Василиста Микулична

«Обманула она солнышка князя Владиміра,
«Обманула и провела».
«Да за то тебя Богъ проститъ
«Со младой Васплистой Микуличной!»
И пошли они во свои покои во высокіе,
И стали жить по старому, по прежнему.

(Отъ крест. дер. Раниной горы Аноима Савинова.)

---

7. Хотенъ Блудовичъ.

(Петрозаводск. уѣзда.)

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Было пированьице-почестный пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей
И на всю паленицу удалую.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
На томъ ли на пиру на почестноемъ
Было двѣ честныхъ вдовы:
Первая вдова Блудова жена,
А другая вдова Часовая жена.
Честная вдова Блудова жена
Наливала чару меду сладкаго,
Брала эту чару во бѣлы руки,
Подносила честной вдовы Часовой жены
И за этой чарочкой посваталась
На честной дѣвицы на Чайной Часовичной
За своего за сына за любимаго
За того Хотенушку за Блудовича:
«Ай же ты, честная вдова Часовая жена!
«Сведемъ-ко мы дѣтей въ одно мѣсто,
«А мы будемъ съ тобой родныя родницы,
«Родныя родницы, сватьюшки!

Честная вдова Часовая жена
Взяла эту чару во бѣлы руки
И выпила ей чару во ясны очи,
Облила ей шубу камчатую,
Пушокъ морской, вершокъ дорогой,
Сама говорила таковы слова:
— Ужъ ты, сука-б...., Блудова жена!
— Дойдетъ-ли Чайну Часовичну взять за себя,
— За своего Хотенушку за Блудовича!
— Какъ твой былъ мужище-то Блудище:
— Блудъ блудилъ по Новугороду;
— А сынище-то твой уродище:
— Ездитъ по городу, уродуетъ
— Со своимъ со паробкомъ любимымъ,
— Ищетъ бобоваго зерпенка,
— А гдѣ бы-то Хотену обѣдъ снарядить.
— Моя ли Чайная Часовична
— Сидитъ-то во теремѣ вся въ камкѣ,
— Во славноемъ-то теремѣ, златомъ верху:
— Ю буйные вѣтры не обвѣютъ,
— Красное солнышко не опекетъ,
— Частые дождички не обмочатъ,
— Добрые люди не оббалтъ,
— Не надсмѣется надъ ей пьяный пьяница.
— Отце есть у меня девять сыновей,
— У Чайной Часовичной девять братцевъ,
— Они ѣздятъ во чистомъ полѣ, полякуютъ;
— Полонятъ они Хотенку во чистомъ полѣ,
— И привяжутъ ко стремени сѣдяльному,
— И привезутъ Хотенку ко мнѣ на лицо:
— Захочу, — его кладу во повары,
— Захочу, — кладу его во конюхи,
— Захочу, — продамъ на боярскій дворъ. —

А стала тутъ вдова обезчещена,
Пошла со честна пира не весела,
И невесела пошла, неродостна:
«Замарала мою шубу камчатую,

«Пушокъ морской, вершокъ дорогой».
Приходитъ ко терему высокому,
Ко тому крыльцу бѣлодубову,
Стрѣтаетъ ее рожоное дитятко,
Молодой Хотенушка Блудовичъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Свѣтъ-государыня, моя матушка!
— Что-же ты идешь съ честна пира не весела,
— И не весела идешь, не радостна?
— Али мѣсто ти было въ пиру не по люби,
— Али чарою тебя пообнесли,
— Али надсмѣялся пьяный пьяница? —
Тутъ возговоритъ Хотенина матушка:
«Свѣтъ ты, мое чадо милое,
«Молодой Хотенушка Блудовичъ!
«Мѣсто мнѣ-ка на пиру было по люби,
«А чарой меня не обнесли
«И не надсмѣялся пьяный пьяница.
«Надсмѣялась надо мною честная вдова,
«Честная вдова Часовая жена.
«Подносили мнѣ-ка чару меду сладкаго;
«Я за этой чарочкой посваталась
«У честной вдовы Часовой жены
«На честной дѣвицы на Чайной Часовичной
«За тобя, Хотенушку за Блудовича.
«Она чары-то не выкушала,
«Вылила мнѣ чару во ясны очи,
«Облила мою шубу камчатую,
«Пушокъ морской, вершокъ дорогой;
«Сама говорила таковы слова:
««Ужъ ты, сука, б...., Блудова жена!
««Дойдетъ ли Чайну Часовичну взять за себя,
««За свого Хотенушка за Блудовича?
««Какъ твой былъ мужище-то Блудище,
««Блудъ блудилъ по Новогороду,
««А сынище-то твой уродище;
««Ѣздитъ по городу, уродуетъ
««Со своимъ со паробкомъ любимымъ,

««Ищетъ бобоваго зерненка,
««А гдѣ бы то Хотену обѣдъ снарядить.
««Моя ли Чайная Часовична
««Сидитъ-то во теремѣ вся въ камкѣ,
««Во славноемъ-то теремѣ, златомъ верху,
««Ю буйные вѣтры не о́ввѣютъ,
««Красное солнышко не о́пекетъ,
««Частые дождичка не о́бмочатъ,
««Добрые люди не о́ббялтъ,
««Не падсмѣется надъ ней пьяный пьяница.
««А есть у меня девять сыновей,
««А у Чайной Часовичной девять братцевъ.
««Они ѣздятъ въ чистомъ полѣ, полякуютъ,
««И полонятъ Хотенку во чистомъ полѣ,
««И привяжутъ Хотенку къ стремени сѣдильному,
««И привезутъ Хотенку на свой-то дворъ;
««Захочу, — его кладу во повары,
««Захочу, — кладу его во конюхи,
««Захочу, — продамъ на боярскій дворъ»».
Спроговоритъ Хотенка таковы слова:
— Я ей эту насмѣшку отсмѣюсь! —
Бралъ-то любимаго паробка,
Поѣхали по городу по Кіеву уродовать.
Подъѣзжалъ ко терему высокому,
Гдѣ сидитъ Чайная Часовична,
Ударилъ палицей булатпеей
По тому по высоку по терему:
Не было ни бури, ни падари [1]),
Не было погоды непомѣрныя, —
Верен свалились середи двора,
А про широкія ворота и слыху нѣтъ,
Высокъ-то вершокъ въ чисто поле слетѣлъ;
Во теремѣ околенки поломалися,
Полки, грядки повыпадали,
Кирпична печка порозсыпалась,
Одва тутъ Чайной со страху смерть не пришла.

1) Падарь — зимняя непогода, снѣгъ и вѣтеръ.

Тутъ-то Хотенка и посватался:
«Молода Чайная Часовична!
«Если съ чести идешь, за собя возьму;
«А нѣтъ, такъ возьму за товарища,
«За свого любимаго за паробка:
«По зубамъ ты, Чайна, разсыплешься,
«По власамъ ты, Чайна, распóлстишься,
«По ногамъ ты, Чайна, разширишься.
«А какъ станемъ держать за единочку,
«То всякъ-то свою половиночку.
«А я поѣду во чисто поле,
«Ты пошли туда девять братцевъ:
«Тамъ съ ними свидимся и перевидимся».
И поѣхалъ Хотенка во чисто поле,
Пораздернулъ бѣлъ шатеръ,
Ложился во шатрикъ спать,
А паробка поставилъ ко бѣлу шатру:
«Стой-ко, паробокъ, ко Новугороду,
«Вострепько гляди ко городу ко Кіеву,
«Какъ выѣдутъ Часовичи въ чисто поле.
«Если поѣдутъ по два, по три въ одномъ мѣстѣ,
«То у нихъ есть думушка ровная,
«Ровная думушка, не розная;
«А поѣдутъ тотъ напередъ, другой напередъ.
«То у нихъ есть думушка розная;
«И ты буди меня со крѣпка сна».
Выѣхали девять братцевъ въ чисто поле:
Тотъ ѣдетъ напередъ, другой напередъ,
Тотъ ѣдетъ хорошъ, другой лучшé того,
Всякому надобно повыславиться.
Какъ увидѣлъ паробокъ ихъ думушку розную,
Не будилъ Хотенку со крѣпка сна,
А садился на добра коня богатырскаго
И поѣхалъ встрѣту Часовичамъ:
Перво три братца конемъ потоптalъ,
Друго три братца коньемъ скололъ,
Три-то братца полономъ взялъ,
Привезъ ко шатрику ко бѣлому,

Будилъ Хотенку со крѣпка сна:
— Я во твоей служебкѣ повыслужилъ. —
Говорилъ Хотенушка таковы слова:
«Не твое было дѣло коня пожурять,
«Не твое было дѣло по полю пырять».
Садился на добрыхъ коней богатырскихъ,
Привязали Часовичей ко стремени сѣдяльному
И поѣхали ко городу ко Кіеву.
Увидала тутъ Часовая жена
Ѣдучи Хотенку со чиста поля,
Насыпала чашу чиста серебра,
Другую чашу красна золота,
Третью чашу скатна жемчуга,
Отнесла князю Владиміру,
Чтобы далъ силы сорокъ тысячей.
Какъ завидѣлъ силу Хотенка Блудовичъ,
Закричалъ имъ богатырскимъ покрикомъ:
«Если въ полонъ идете, живы будете,
«Если воевать идете, живы не будете:
«Я буду васъ бить, на двое двоить
«На двое двоить, на трое троить,
«На трое троить, четвертами четвертить,
«Я васъ на малыя на четверти.
«Вяжитесь-ка вы своима опоясками шелковыма
«По двое, по трое въ одно мѣсто,
«Подите ко городу ко Кіеву,
«Кричите вы во всю голову:
««Есть мы сила полоненая:
««Полонилъ насъ Хотенушка Блудовичъ»».
Вязались они своима опоясками шелковыма
По двое, по трое въ одно мѣсто,
Шли ко городу ко Кіеву,
Кричатъ-то во всю голову:
«Есть-то мы сила полоненая:
«Полонилъ насъ Хотенушка Блудовичъ».
Честная вдова Часовая жена
Прибѣжала ко князю ко Владиміру,
Сама говорила таковы слова:

— Ай же ты, солнышко Владиміръ князь,
— Назови Чайну Часовичну родной роднищей,
— Родной родной племницей,
— Выдай замужъ за Хотенку Блудовича. —
Тутъ ласковый Владиміръ князь
Заводилъ пированьице-почестный пиръ
На многихъ князей, на бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей
И на всю паленицу удалую.
И на томъ пиру на почестноемъ
Спроговорилъ ласковый Владиміръ князь:
«Ай же ты, Хотенушка Блудовичъ!
«Хороши твои поступки молодецкіе!
«Ты смѣешься надъ моей родницей:
«Мнѣ вѣдь Чайна Часовична родна племница».
Ино Хотенушка догадливъ былъ:
Выставалъ за столика дубоваго,
Шелъ на широкій дворъ,
Поставилъ свой костыль середи двора.
— Ай же ты, ласковый Владиміръ князь!
— Обсыпь мой костыль златомъ и серебромъ
— Съ нижняго конца и до верхняго:
— Тошто Часовичну за собя возьму,
— А нѣтъ, такъ возьму за товарища,
— За свого любимаго за паробка.
— А още ли не будетъ такъ, такъ още перстакъ:
— Отпиши-тко мнѣ-ка семь городовъ,
— Тошто Часовичну за собя возьму. —

(Отъ крестьянина Кижской волости Терентія Іевлева.)

---

8. Тоже.

(Повѣнецкаго уѣзда.)

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,

Завелся почесенъ пиръ.
Много на пиру было князей, бояръ,
Много сильныхъ богатырей
И много поляницъ удальихъ.
Было на пиру двѣ вдовы:
Одна честна двова Блудова жена,
Друга честна вдова Чесова жена.
Честна вдова Блудова жена
Налила чару зелена вина,
Поднесла чару Часовой вдовы,
Поднесивши, у ней дочери посватала
За того Хотея за Блудовича:
«У тебя есть дорого мило чадо на возрастѣ
«Молода Чайна Часовична,
«У меня есть дорого мило чадо на возрастѣ,
«Молодой Хотей сынъ Блудовичъ:
«Станемъ мы между собой родни дѣлати».
Она приняла у ней чару, не выпила,
Не выпила, въ глаза брызнула,
Измочила шубку камчатую,
Помутила зрѣнье видячее,
Сама говоритъ таково слово:
— Нельзя мнѣ за твоего сына дочь отдать:
— Мы есть роду богатаго, именитаго,
— Именитаго роду, княженецкаго;
— Вы есть роду нищетнаго, кошельчата. —
Пошла Блудова вдова съ пиру невесела.
Встрѣчаетъ ее Хотей сынъ Блудовичъ,
На бѣломъ дворѣ, невесело:
«Что-же, государыня-матушка,
«Съ честна пиру идешь невесела,
«Такиль мѣсто тебѣ въ пиру было не по отчины,
«Али чарой тебя обошли,
«Али голи кабацкія надъ тобой посмѣялися?»
— Ай же ты Хотей сынъ Блудовичъ!
— Мѣсто было сидѣть мнѣ по отчины,
— Да и чарой меня не обошли,
— Да и голи кабацкія не смѣялися.

— Было на пиру насъ двѣ вдовы:
— Одна честна вдова Чесова жена,
— Друга честна вдова Блудова жена.
— Я налила чару зелена вина,
— Подносила чару Чесовой вдовы,
— Подносивши, у ней дочери посватала:
— «У меня, есть дорого мило чадо на возрастѣ,
— «Молодой Хотей сынъ Блудовичъ,
— «У тебя есть дорого мило чадо на возрастѣ,
— «Молода Чайна Часовична:
— «Станемъ мы между собой родни дѣлати».
— Она приняла чару, не выпила,
— Не выпила, въ глаза брызнула,
— Обмочила шубку камчатую,
— Помутила зрѣнье видячее. —
У Хотея сердце разгорѣлося:
Онъ обсѣдлывалъ добра коня, обуздывалъ,
Беретъ сбрую молодецкую, богатырскую,
Беретъ палицу желѣзную
И поѣхалъ по городу по Кіеву.
Ѣздитъ по городу, уродуетъ.
Вышла Чайна Часовична на крылечечко,
Сама говоритъ таково слово:
«Звали у Хотея отца Блудовымъ,
«А теперь звать Хотея набъ уродищемъ:
«Онъ ѣздитъ по городу, уродуетъ,
«Ищетъ зернети бобоваго,
«На что бы ему уколотися».
Тутъ у Хотея сердце разгорѣлося:
Онъ ишбнулъ своей палицей желѣзноей
И вышибъ теремъ по окнамъ вонъ,
Подворотенку решетчату, по среди двора широкаго,
Весь зеленъ садъ разбилъ, разломалъ,
Самъ говоритъ ей таково слово:
— Ты Чайна Часовична!
— Не за мной будешь замужемъ:
— Возьму тебя за холопа послѣдняго. —
Идетъ честна вдова, Чесова жена,

Съ пиру веселешенька,
Встрѣчаетъ ю дорого мило чадо,
На бѣломъ дворѣ, Чайна Часовична.
Говоритъ честна вдова Чесова жена
Своему дорогу милу чаду
Молодой Чайны Часовичны:
«Что же у тебя въ домѣ несчастьице:
«Высокъ теремъ на боку,
«Подворотенка решетчата по среди двора широкаго,
«Зеленъ садъ весь разбитъ, разломанъ?»
Отвѣчаетъ ей дорого мило чадо
Молода Чайна Часовична:
— Ѣхалъ Хотей сынъ Блудовичъ на добромъ конѣ,
— Я на крыльцѣ была переноемъ,
— Сказала ему таково словцо:
— Звали у Хотея отца Блудовымъ,
— А теперь Хотея нужно звать уродищемъ:
— Онъ ѣздитъ по городу уродуетъ;
— Ищетъ зернети бобоваго,
— На чтобы ему уколоться набъ.
— Онъ шибнулъ палицей желѣзноей,
— Вышибъ теремъ мой по окнамъ вонъ,
— Подворотенку решетчату, середи двора широкаго,
— Зеленъ садъ весь разбилъ, разломалъ,
— Самъ говорилъ таково слово:
— — Ты, Чайна Часовична,
— — Ты будешь не за мной замужемъ:
— — За моимъ холопомъ за послѣднимъ. — —
Богатая бабища была упрямая,
Она наняла силы сорокъ тысячей,
А своихъ было девять сыновъ, девять богатыревъ,
Ихъ наладила предводительмы,
Выпущала силу во чисто поле,
Съ Хотсемъ насупротивъ.
Хотей сынъ Блудовичъ наряжается,
Во чисто поле отправляется,
Съ собой беретъ сбрую молодецкую, богатырскую,
Беретъ палицу желѣзную,

Да копье муржамецкое.
Выѣхалъ Хотей сынъ Блудовичъ во чисто поле,
А богата бабища упрямая,
Глядитъ въ трубку подзорную,
Что тамъ будетъ во чистомъ полѣ.
Хотей сынъ Блудовичъ
Заѣхалъ въ середку силы, въ матицу,
Перво три сына жезломъ скололъ,
А друго три сына конемъ стопталъ
А третье три сына полономъ взялъ,
Самъ говорилъ таково слово:
«Вольна сила есть наемная,
«Тронуть ся нечего».
Богата бабища упрямая,
Прибѣжала ко своему брату родимому
Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Говорила таково слово:
— Братецъ мой родимый,
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Хотей сынъ Блудовичъ,
— Поѣхалъ на добромъ конѣ въ чисто поле,
— Монхъ три сына, твоихъ племянника,
— Онъ жезломъ скололъ,
— Друго три сына конемъ стопталъ,
— А третьи три сына въ полонъ взялъ.
— Собери ты почесенъ пиръ,
— Созови ты князей-бояръ,
— Сильныхъ могучихъ богатырей,
— Отдавай ты любезну племянницу
— Молоду Чайну Часовичну
— За Хотея сына Блудовича,
— Выручи своихъ племянниковъ любимыихъ. —
Много есть на пиру князей, бояръ,
Много сильныхъ богатырей
И много поляницъ удалыихъ.
Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Хотею сыну Блудовичу:
«Ты естъ молодецъ на возрастѣ,

«А у меня есть дорого мило чадо,
«Племянничка на выдаваны:
«Станемъ мы между собой родни дѣлати».
У Хотея тутъ сердце разгорѣлося,
Выскочилъ Хотей черезъ дубовый столъ,
Выходилъ на бѣлый дворъ,
Онъ тыкнулъ свое копье муржамецкое
Вострымъ концомъ въ земъ, а тупымъ вверхъ;
Самъ говорилъ таково слово:
— Богатая бабища упрямая,
— Буде обсыплетъ мое копье муржамецкое
— Златомъ и серебромъ,
— Да накроетъ славной мѣдью аравицкою,
— Тошто я Часовичну за себя возьму;
— А буде не покроетъ моего копья
— Златомъ да серебромъ,
— Не покростъ славною мѣдью аравицкою,
— Возьму я Чайну Часовичну за холопа за послѣдняго. —
Тутъ бабища богатая упрямая
Наняла сорокъ телѣгъ ордынскіихъ,
Приводила телѣги ко погребу
Насыпала злата — серебра
И обсыпала копье муржамецкое
Златомъ да серебромъ
И покрыла славною мѣдью аравицкою.
Тошто Хотей Блудовичъ
Чайну Часовичну взялъ за себя.

(Отъ корелака Василья Лазарева изъ дер. Кяменицъ.)

---

9. Дюкъ Степановичъ.

(Дер. Кяменицы Повѣнецкаго уѣзда.)

Молодой боярчнъ Дюкъ Степановичъ
Выѣзжалъ изъ города изъ Галича
Изъ той Корелы изъ богатыя.

У него дворъ былъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ да о семи столбахъ;
Воротца были мѣдныя,
А подворотца желѣзныя;
Середи его двора боярскаго
Три было церкви соборныя,
Другъ отъ друга за полъ-поприща.
Ѣздитъ Дюкъ за охотою,
За куницами, за лисицами,
За сѣрыми пермястыми [1]) за утками.
День Дюкъ стрѣлятъ,
А въ ночь стрѣлы сбираетъ.
Гдѣ стрѣлы лежатъ,
Тамъ лучи пекутъ,
Какъ отъ яснаго отъ мѣсяца.
Вылеталъ орелъ съ земли Камскія,
Не того орла сына орловича,
Кой летаетъ по темнымъ лѣсамъ;
А того орла сына орловича,
Кой летаетъ по поднебесью.
Залеталъ орелъ подъ облако,
И сидѣлъ орелъ на сыпемъ морѣ,
На бѣломъ на горючемъ на камени,
Обронилъ онъ свои перушки орлиныя,
Орлиныя перьица, правильныя;
Тутъ ѣхали мимо гости корабельщики,
Нашли эти перьица орлиныя,
Орлиныя перьица, правилъныя,
Привозили ко славному городу ко Галичу,
И носили по славному городу по Галичу;
Не всякому эти перья доставалися,
Доставалися эти перья
Молодому Дюку Степановичу.
Чѣмъ стрѣлы его были дороги?
Колота была трость морска,
Писаны на три граны,

1) Пернастыми.

Перены были перьицами орлиными,
Орлиными перьицами, правильными,
И по дорогому по самоцвѣтному камню врѣзано.
Пошелъ добрый молодецъ Дюкъ Степановичъ
Ко святой честной ко заутрени,
Ко святой честной ко Воскресенской.
Куда идетъ Дюкъ Степановичъ,
Туда стелютъ сукна разноличныя, —
Холопы боярскіе шьютъ кафтаны разноличные;
Гдѣ стопъ удалый добрый молодецъ
У святой честной у заутрени,
У святой честной у Воскресенской,
Тутъ подметываютъ черны соболи заморскіе,
Чтобы сафьяшны сапожки не грязнились,
Золотыя скобки не рудились .....[1])
Тутъ холопы боярскіе шьютъ шапки соболиныя.
Пришелъ дороденъ добрый молодецъ,
Молодой боярнъ Дюкъ Степановичъ
Отъ святой честной заутрени,
Говоритъ молодой боярнъ Дюкъ Степановичъ:
«Свѣтъ государыня моя матушка,
«Честна вдова Омельфа Тимофеевна!
«Благослови меня ко стольному городу поѣхати:
«У стольнаго города не бывано,
«Владиміра князя не видано.
«Владиміръ князь скажутъ ласковъ есть,
«А княгиня Апраксія очень привѣтлива».
Не благословляетъ его матушка поѣхати
Ко стольному городу ко Кіеву:
— Станешь пить зелена вина,
— Хвастать своимъ богачествомъ. —
Говоритъ боярнъ Дюкъ Степановичъ:
«Благословишь, я поѣду;
«А и не благословишь, я поѣду».
Честна вдова Омельфа Тимофеевна,
Дюкова матушка, — была умпая,

1) Здѣсь пропускъ.

Роду-племени была разумнаго,
Отца-матери была хорошаго, —
Благословила его поѣхати
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю Владиміру.
Пріѣхалъ молодой боярин Дюкъ Степановичъ
Ко стольному городу ко Кіеву,
Идетъ ко Владиміру въ палату бѣлокаменну,
Билъ Владиміру князю о руку правую,
А княгинѣ Апраксіи о лѣвую,
Всѣмъ князьямъ, боярамъ
По всѣмъ сторонамъ низко кланялся.
Посадилъ его князь за дубовый столъ,
Налилъ ему чару зелена вина,
Другую налилъ пива пьянаго,
Третью налилъ меду сладкаго.
Выпилъ чару зелена вина
Молодой боярин Дюкъ Степановичъ.
Самъ говоритъ таково слово
Владиміру князю Кіевскому:
«Не могу пить зелена вина,
«Пахнетъ на бочки на дубовы, на обручи на еловы.
«У моей государыни у матушки,
«Честной вдовы Омельфы Тимофеевны,
«Бочки серебряшны, обручи позолочены:
«Не пахнетъ на бочки на дубовы, на обручи еловы.
«Ѣстъ колачики крупитчаты,
«Мякишка ѣстъ, а корки подъ столъ роетъ[1]).
«Не могу я ѣстъ здѣсь колачиковъ крупитчатыхъ:
«Пахнутъ на печи на кирпичныя,
«На хвою на сосновую;
«У моей государыни у матушки,
«Честной вдовы Омельфы Тимофеевны,
«Печки-то муравленыя,
«Помяльца то шелковыя,
«Она въ медъ да въ патоку помакиваетъ.

1) Бросаетъ.

«Тѣмъ сударыня печку подпахиваетъ».
Во Кіевѣ былъ Чурила Пленковичъ Щапливый,
Говоритъ онъ князю Владиміру таково слово:
— Я богатѣе себя Дюка перещаплю:
— Мнѣ всѣмъ Кіевомъ платья шьютъ. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Обсѣдлывалъ добра коня и вывелъ во чисто поле,
Привязалъ къ сѣдлу ярлыкъ
И послалъ коня къ своей матушкѣ:
«Свѣтъ государыня моя матушка!
«Пошли двѣ пары платья хорошія
«Съ пуговицами золочеными».
Посылала ему матушка
Двѣ пары платья хорошія
Съ пуговицами золочеными.
Онъ ударилъ рукою о бѣлую грудь,
О пуговицы золоченыя, —
Отъ тыхъ пуговицъ злаченыихъ
Пошелъ стукъ да гремъ,
Какъ отъ звону колокольняго.
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты, Чурила Пленковичъ!
«А это платье у меня есть заѣзжее,
«А заѣзжее есть и дорожнее».
Тутъ говоритъ Чурила Пленковичъ:
— Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Я на добромъ конѣ Дюка перещаплю. —
Поѣхали они на добрыхъ коняхъ.
Чурилина хвала напередъ зашла!
Ему первому скочить черезъ быстру рѣку.
Какъ скочилъ черезъ рѣку,
Такъ и палъ середи рѣки.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скочилъ вслѣдъ за нимъ,
Ухватилъ его за желты кудри,
Перетащилъ его на другу сторону,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ты думаешь, Чурила, щапить,

«Какъ въ Кіевѣ передъ дѣвками да передъ бабами.
«А не съ нами молодцами богатырями».

(Отъ Кореляка Василья Лазарева.)

---

10. О немъ же.

(Пудожск. уѣзда.)

Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай же, свѣтъ-государыня матушка!
«По всѣмъ землямъ было хожено
«И по всѣмъ землямъ было ѣздило,
«Во стольномъ городѣ не бываво,
«Солнышка Владиміра князя не видало.
«Поѣду я во стольный Кіевъ-градъ
«Ко солнышку ко князю Владиміру на почестный пиръ»
И говоритъ его свѣтъ-государыня матушка:
— Ай же ты, чадо мое милое,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Не ѣдь[1])-то ты во Кіевъ-градъ:
— Либо тамъ тебя не учествуютъ,
— Либо мѣсто тебѣ будетъ не по отчины,
— Либо тамъ тебѣ ѣства не полюбятся. —
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Званому гостю много чести надо,
«А незваному гостю какъ Богъ пошлетъ».
— Поѣдешь, мое чадо милое,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
— Не захвастывай своима животами спротскима. —
И тутъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Засѣдлывалъ добра коня сѣделышкомъ Черкацкимъ
И подтягивалъ двѣнадцатью подпругами шелковыма;
И надѣвалъ-то онъ шубу соболиную,
По подольчику простроченну въ три строчки:

---

1) Не ѣзди.

Первая строчка съ чистымъ серебромъ,
Другая-то со краснымъ золотомъ
И третія съ скатнымъ жемчугомъ;
И кладывалъ шапку черно-мурманку:
Спереду не видать ясныхъ очей
И сзаду не видать шеи бѣлыя.
И тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Садился на добра коня,
И пріѣждяетъ въ столенъ Кіевъ-градъ
Ко солнышку ко князю ко Владиміру.
И стрѣтилъ его Владиміръ князь,
Взималъ его за бѣлы руки,
Садилъ его за дубовый столъ на мѣсто на большее
И сидятъ-то за столомъ за дубовымъ.
Сталъ онъ колачикомъ закусывать:
И верхную корочку на столъ кладетъ,
А нижнюю подъ столъ кидаётъ.
Ажъ-же сказалъ таковы слова:
«Все-то у васъ не по нашему:
«Сверху пахнутъ на фою сосновую,
«А снизу на глину на кирпичную.
«Какъ у насъ во Карелѣ во богатыя,
«У моей-то свѣтъ-государыни матушки,
«Печены колачики на листочикахъ капустныихъ,
«А сверху помачиваютъ помялкой шелковой, въ меду настоянной:
«Да не пахнутъ колачики на фою сосновую,
«Снизу на глину на кирпичную».
Тутъ сидитъ Чурила [1]) Щаплешковичъ,
И самъ говоритъ таковы слова:
— Есть не молодой боярипъ Дюкъ Степановичъ,
— Есть-то халупна боярская:
— Отъ боярина уѣхалъ — коня угналъ,
— Угналъ коня и шубу унесъ. —
Тутъ Дюку Степановичу во преку [2]) пришло,

1) По моему мнѣнію, Чурилище Пленковичъ.
2) Отъ корня *прек.*, откуда перечить, прекословить.

За ту досаду за великую.
Тутъ-то бились съ Чурилой о великъ закладъ.
По Чурилы ручаются городомъ Кіевомъ,
А другимъ городомъ Черниговымъ;
А по Дюкѣ ручался солнышко Владиміръ князь.
И говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Посылай своихъ слугъ въ Корелу богатую
«Моихъ животовъ описывать» [1]).
И написалъ ерлыкъ скорописчатый
Своей свѣтъ-государынѣ матушкѣ.
Пріѣждяютъ къ его матушкѣ,
Ея дома не случилося:
Она въ церкви Господу Богу молится.
И тутъ идетъ Дюкова матушка изъ Божьей церкви.
И подаваютъ ей ерлычекъ скорописчатый.
Тутъ она повела въ покои высокіе
И садила она ихъ за дубовый столъ,
Кормила она до сыта
И поила ихъ до пьяна.
И повела по кладовымъ имѣніе показывать,
И еще повела во погреба глубокіе:
Тамъ висятъ бочки сороковки
Со златомъ и серебромъ и со скатнымъ жемчугомъ;
И трубы выведены во сине море,
Чтобъ оттуль вѣтерокъ вѣялъ,
И онѣ шатались на цѣпяхъ, не плеснѣли;
Какъ тыя бочки зашатаютъ,
Такъ какъ бѣлыя лебеди загогочутъ.
И говоритъ она таковы слова:
«Если продать имѣніе Чурилино,
«То не хватитъ денегъ и за бумаги заплатить.
«Поѣдемъ такъ домой:
«Намъ этого всего имѣнія не описать».
Пріѣждяютъ назадъ въ Кіевъ-градъ
И говорятъ солнышку князю Владиміру:

1) Отселѣ былина сказывалась побывальщиной: на стихи раздѣлена примѣрно.

«Продать все имѣніе Чурилшо,
«Не хватитъ денегъ на бумагу».
Чурила Пленковичъ опять ударилъ о великъ закладъ:
— Каждый день выѣздятъ намъ на коняхъ смѣнныихъ;
— И чтобы платья были въ каждый день смѣнныя. —
Тутъ Чурила Щапленковичъ
Выѣздяетъ каждый день на коняхъ смѣнныихъ
И каждый день въ платьѣ смѣнноемъ.
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
У него развертывается одинъ конь разными шерстями.
И шуба у него сегодня одного цвѣта,
А завтра у него другого цвѣта.
Въ послѣдній день Чурила одѣлъ шубу соболью:
Въ пуговкахъ вплетены добрые молодцы,
Въ петелкахъ красныя дѣвушки.
А у молода боярина Дюка Степановича
Въ пуговкахъ-то звѣри лютые,
Въ петелкахъ-то змѣи лютыя.
И тутъ Чурила не могъ перещеголять Дюка Степановича.
И тутъ они били во великъ закладъ
Ѣхать чрезъ рѣку Нѣпру.
И собрались ту къ рѣкѣ съ города Кіева
И съ другаго города Чернигова.
Какъ поѣдутъ чрезъ рѣку Нѣпру,
Пріѣздитъ солнышко Владиміръ князь.
Говоритъ Чурила Щапленковичъ:
«Поѣздій, Дюкъ Степановичъ, чрезъ рѣку Нѣпру».
А онъ ему на мѣсто говоритъ:
— Не мнѣ ѣхать, а тебѣ напередъ:
— Твоя похвала напередъ зашла.
И приправилъ Чурила добра коня:
Конь скочилъ до полъ-рѣки,
И понесло внизъ съ конемъ по рѣкѣ.
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Чтобъ не утонулъ Чурила Щапленковичъ,
Пришравилъ своего добра коня:
Конь скочилъ черезъ рѣку,
И онъ поймалъ Чурила за волосы

И перенесъ на другую сторону,
И назадъ скочилъ черезъ рѣку.
И тутъ просили его городами Кіевомъ и Черниговомъ простить.
Дюкъ Степановичъ пнулъ его подъ ...,
Самъ говорилъ таковы слова:
«Щапи между дѣвками, бабами и старыми старухами,
А съ нами, молодцами, никогда не щапи».

(Отъ крестьянина Филимоновской волости, дер. Ранниой горы, Апфима Савинова.)

11. Соловей Будимiровичъ.

(Пудожск. уѣзда.)

Исподъ дуба, дуба сыраго,
Исподъ той березы сподъ наклипины,
Матушка Нева широко прошла,
Устьемъ вышадала во синее море во Варянское. —
По синему морю корабли бѣжатъ.
Одинъ-то корабликъ изукрашенъ былъ:
Вмѣсто глазъ было вставливано
По яспому по каменю по яхонту;
Вмѣсто бровъ было вставливано
По дорогому соболю заморскому;
Вмѣсто ушей было вставливано
По дорогой куницы по заморскія;
Вмѣсто хвоста было вставливано
По дорогой лисицы по заморскія.
Не тымъ-то корабликъ изукрашенъ былъ
И не тымъ-то корабликъ снаряженъ былъ.
Какъ посредя того черленаго кораблика
Стоялъ стулъ рыбавчатый [1]).
На тоемъ-ли на стулѣ рыбавчатомъ

1) Рыбавчатый — ?

Сидѣлъ-ли малый упавъ молодецъ,
Удалый Соловей Будимірович҃ъ:
Столько-ко тымъ-то корабликъ изукрашенъ былъ
И тымъ-то корабликъ снаряженъ былъ.
Ѣхали по синему морю Вяпскому
Ко славному ко городу ко Кіеву.
Возговорилъ малый упавъ молодецъ:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая,
«Берите-тко трубы подзорныя
«И глядите по славному морю по синему,
«Далеко-ли до князя до Владиміра?»
Дѣлали оши дѣло повелѣное:
— Не далеко до князя до Владиміра. —
Возговорилъ малый упавъ молодецъ:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
«Берите щупы желѣзные,
«Щупайте пристань корабельную».
Становится пристань корабельная.
Возговорилъ малый упавъ молодецъ:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
«Ройте[1]) сходни на крутой берег҃ъ:
«Первую сходешку мѣдную,
«А другую сходенку серебрену,
«А третью сходню красна золота.
«И берите лисиц҃ъ — кушиц҃ъ счету нѣт҃ъ,
«Берите заморскихъ соболей,
«И берите кручатой камки —
«Въ золотѣ камочка не подогнется;
«Еще берите камни драгоцѣнные,
«Драгоцѣнные и самоцвѣтные».
По той по сходенкѣ по мѣдныя
Идетъ ли дружинушка хоробрая,
По другой по сходенкѣ серебряной
Идетъ матушка Соловьевая,
По той по сходнѣ красна золота
Идетъ малый упавъ молодецъ,

1) Рыть = бросать.

Удалый Соловей Будимірович.
Идутъ ли они ко городу ко Кіеву,
Ко солнышку ко князю ко Владиміру,
Крестъ кладутъ по писапому,
Поклоны ведутъ по ученому,
На три на четыре на сторонки поклапяются,
А солнышку князю Владиміру въ особину.
Малый упавъ молодецъ
Князя дарилъ кунпцами и лисицами,
Княгшну дарилъ кручатой камкой:
Въ золотѣ камочка не подогпется.
И тые подарки въ любовь пришли.
Зговорилъ солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты, младъ Соловей Будимірович!
«Ты сюда пріѣхалъ посломъ пословать,
«Алп торгомъ торговать, алп на жпру жить такъ?»
— Пріѣхалъ я на жпру жить.
— Позволь-ка мнѣ мѣстечка песомножечко
— Построить три терема хорошіе. —
Говорилъ солнышко Владиміръ князь:
«Строй-ка терема на горкѣ на Песочныя,
«Гдѣ жопки да бабы блпны продаютъ,
«А малые робята барышничаютъ».
Зговорилъ малый упавъ молодецъ:
— Не любо мѣсто на горкѣ на Песочпыя,
— Гдѣ жонки да бабы блпны продаютъ,
— А малые ребята барышпичаютъ.
— Дай-ка мнѣ мѣстечка песомножечко
— Противъ своей племяпницы любимоей
— Молодой Забавы Путятичной. —
Зговорилъ солнышко Владиміръ князь:
«Строй-ко ты терема высокіе
«Противъ моей племянницы любимыя
«Молодой Забавы Путятичной».
И зговорилъ малый упавъ молодецъ:
— Ай же вы, дружинушка хоробрая!
— Скидывайте кафтанцы скурлатъ-сукна,
— Надѣвайте кожаны работпіе,

— И розувайте сапожки зеленъ сафьянъ,
— Обувайте лапотцы липовые,
— Да берите топорики булатніе,
— И подите вы во Забавинъ садъ:
— Дубья, яблуши повырубите,
— Изъ саду вонъ повымечите,
— И стройте тамъ три терема хорошіе,
— И златоверхіе, маковки позолочены,
— И вершочки съ вершочками сплеталися.
— Чтобы на небѣ солнце, и въ теремѣ солнце,
— Чтобы на небѣ мѣсяцъ, то бы въ теремѣ мѣсяцъ,
— Чтобы на небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды,
— Чтобы все въ терему по небесному,
— Чтобы къ утру-свѣту и жить перейти. —
Тая ль молодая Забава Путятична [1])
Ставала по утру ранешенько
И умывалась бѣлешенько.
Тутъ-то Забава гулять пошла.
Пришла она ко терему, послушала, —
Отъ того отъ терема назадъ пошла.
У другаго терема простóяла, послушала:
Тамъ Соловьева матушка Богу молится.
Ко третьему терему Забава пошла, послушала:
Въ томъ теремѣ малый упавъ молодецъ
Сидитъ на стулѣ рыбавчатомъ,
Играетъ въ гусельшки яровчаты,
Тонцы ведетъ отъ Новагорода,
А папѣвочки ведетъ отъ Еросóлима.
Тутъ-то Забава простóяла и послушала:
У ней тепла вода въ щеботы стекла.
И приходитъ она во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писапому,
А поклоны ведетъ по ученому,
На всѣ на четыре на сторонки кланялась:

1) Разъ пѣвецъ пѣлъ: Тая ль молодость Путятична
Ставай по утру ранешенько
И умывалась бѣлешенько и т. д.

Тутъ-то малый упавъ молодецъ
Вставалъ со стула на рѣзвы ноги,
Взымалъ-то Забаву за бѣли руки,
И садилъ-то Забаву за дубовый столъ,
А самъ говорилъ таково слово:
«Ай же ты, Забава Путятична!
«Всѣмъ мнѣ ты, Забава, въ любовь пришла;
«Однемъ ты, Забава, не люба:
«Сама ты себя просватываешь.
«Да я бы дождался свѣту бѣлаго и солнца краснаго,
«Я бы къ тебѣ сватовей послалъ,
«И я бы на тебѣ посватался,
«А ты сама себя просватала».
Взималъ-то Забаву за бѣлы руки, .
И велъ-то Забаву во Божью церковь,
И пришималъ-то съ Забавой золоты вѣнцы.

(Отъ Анѳима Савинова, Филимонов. вол., дер. Рашной горы.)

12. О Михайлѣ Потыкѣ Ивановичѣ.

(Повѣнецкаго уѣзда.)

У солнышка у князя Владиміра
Пированьице идетъ по третій день.
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на честномъ наѣдалися,
Всѣ на пиру порасхвасталисъ.
Испроговоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
«Нечѣмъ мнѣ, князю, похвастати:
«Остались у меня даши-выходы
«За двѣнадцать годъ, за тринадцать лѣтъ съ половиною
«Съѣздите-ка, русскіе богатыри:
«Старый казакъ Илья Муромецъ!
«Съѣзди-ка во большу землю,

«Большу землю, каменну Москву[1]);
«Молодой Добрыня Никитинычъ!
«Ты съѣзди-ка въ небольшу землю,
«Небольшу землю, Золоту Орду;
«Михайла Потыкъ Ивановичъ!
«Ты съѣзди-ка во землю Подольскую;
«Повыправьте-ка тамъ дани выходы».
Старый казакъ Илья Муромецъ
Вставалъ по утру рапешенько,
Умывался бѣлешенько,
Убирался хорошохонько,
Сѣдлалъ своего добра коня,
Кладывалъ потники на потники,
На потники клалъ войлоки,
На войлоки черкасское сѣдельшко,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Чтобы сподъ сѣдла добрый конь не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ полѣ не выронилъ.
Пріѣзжалъ на гору сорочинскую,
Къ тому кресту къ Леванидову.
Молодой Добрыня Никитинычъ
Вставалъ по утру рапешенько,
Умывался бѣлешенько,
Убирался хорошохонько,
Сѣдлалъ своего добра коня,
Кладывалъ потники на потники,
На потники клалъ войлоки,
На войлоки черкасское сѣдельшко,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Чтобы сподъ сѣдла добрый конь не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ полѣ не выронилъ. —
Пріѣзжалъ на гору сорочинскую,
Къ тому кресту къ Леванидову.
Михаила Потыкъ Ивановичъ
Вставалъ по утру рапешенько,
Умывался бѣлешенько,
Убирался хорошохонько,

1) Второй разъ пѣвецъ пѣлъ: каменну орду.

Сѣдлалъ своего добра коня,
Кладывалъ потники на потники,
На потники клалъ войлоки,
На войлоки черкасское сѣдельшко,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Чтобы сподъ сѣдла добрый конь не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ полѣ не выронилъ;
Пріѣзжалъ на гору сорочинскую, -
Къ тому кресту къ Леванидову.
Тутъ стали они опоцевъ[1]) держать.
Крестами они побратались,
Назвались крестовыми братьями;
Потомъ они распростилися
На прощанья они спромолвили:
— Кто у насъ по прежде новыправитъ,
— Другому на встрѣчу поспѣвать. — —
Старый казакъ Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ во большу землю;
Добрыня Никитинычъ
Поѣхалъ онъ въ Золоту Орду;
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Поѣхалъ онъ во землю Подольскую,
Къ тому королю Подольскому,
Сталъ выправлять дани-выходы. —
Мужики на Подолѣ всѣ скошевалися[2]),
Не стали отдавать даней выходовъ.
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Поразсердилъ плечо богатырское,
Сталъ бить — казнить, иныхъ вѣшати.
Всѣ мужички Подоляне перепалися.
Стали отдавать дани-выходы:
Сталъ выправлять дани-выходы
За двѣнадцать годъ,
За тринадцать лѣтъ съ половиною.
Стали справлять мужики дани-выходы,

1) Опочивъ.
2) Собрались въ кошь, т. е. лагерь, станъ, изъ осѣдлостей.

Онъ сталъ гулять по заводямъ,
Стрѣлять гусей и лебедей,
Увидѣлъ онъ бѣлую лебедушку,
Натягивалъ свой тугой лукъ.
Лебедушка ему смолилася:
«Михайла ты Потыкъ Ивановичъ!
«Не стрѣляй меня ныпче лебедушки.
«Я есть не бѣлая лебедушка,
«А та красна дѣвушка,
«Марья Подоленка,
«Марья Подоленка королевична
«Возьми ты меня во замужество».
Зрадовался Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Взялъ Марью Лебедь Бѣлую,
Марью Лебедь Бѣлую королевичну,
Королевичну Подоленку. —
Получилъ онъ съ нихъ дани-выходы,
Поѣхалъ онъ къ солнышку Владиміру,
Ко князю стольно-Кіевскому,
Съ Марьей Лебедь Бѣлою,
Королевичною Подоленкой.
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіеву,
Ко князю стольно-Кіевскому,
Привозитъ онъ дани-выходы,
За двѣнадцать годъ,
За тринадцать лѣтъ съ половиною,
Съ той земли Подольскія.
Михайло Потыкъ Ивановичъ
Приводитъ въ вѣру въ крещеную
Марью Лебедь Бѣлую,
Принялъ съ ней по злату вѣнцу,
Сочинили закопный бракъ,
На томъ они порасписалися:
— Кто напередъ у насъ пріумретъ-ли,
— Другому идти во сыру землю,
— Во сыру землю на два мѣсяца. —
Пированьице у нихъ по третій день.
Приходитъ ко князю стольно-Кіевскому,

Испроговоритъ князь столько-Кіевскій:
«Чѣмъ тебя на скоро пожаловать:
«Города-ль тебѣ дать съ пригородками,
«Аль села тебѣ дать съ приселками?»
— Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
— Селъ твоихъ со приселками,
— Мнѣ дай-ка ты лишь волюшку:
— На царевыхъ на кабакахъ
— Давали бы мнѣ вино безденежно:
— Гдѣ могу пить кружкою, гдѣ полъ кружкою,
— Гдѣ полуведромъ, а гдѣ цѣлымъ ведромъ. —
Онъ сталъ ходить по царевымъ по кабакамъ,
Пить вино безденежно:
Гдѣ кружкою, гдѣ полукружкою,
Гдѣ полуведромъ а гдѣ цѣлымъ ведромъ. —
Отворилася дверь дубовая,
Дверь дубовая на пяту,
Пріѣзжаетъ посланникъ великій:
«Ахъ ты Михайла Потыкъ Ивановичъ!
«Что ты пьешь, ѣшь, проклаждаешься,
«Надъ собой невзгоды не вѣдаешь:
«Наѣхалъ царь Бухарь заморскій
И проситъ онъ у насъ даш-выходовъ
«Съ того князя столько-Кіекскаго
«За двѣнадцать годъ,
«За тринадцать лѣтъ съ половиною —
«Проситъ князь на думу великую».
Пріѣзжаетъ ко князю столько-Кіевскому;
— Пиши-тко ты, князь столько-Кіевскій,
— Ёрлыки скорописчаты,
— Что отправлены у меня даш-выходы
— За Михайломъ Потыкомъ Ивановымъ
— Къ тому царю Бухарю ко заморскому. —
Отправляется Михайла Потыкъ Ивановичъ
Самъ къ царю Бухарю послашпкомъ
Безъ даш безъ выходовъ.
Принимаетъ царь Бухарь заморскій
Ерлыки скорописчаты,

Самъ испроговоритъ:
«Прочитывалъ ерлыки скорописчаты:
«Гдѣ же дани-выходы остался?»
— Да колеса обломились,
— Тамъ тележки въ чистомъ полѣ остались,
— Остались починщики починивать. —
Царь Бухарь заморскій,
Онъ взрадуется и говоритъ:
«Михайла Потыкъ Ивановичъ!
«Чѣмъ у васъ на Руси забавляются?»
— У насъ на Руси забавляются,
— Играютъ во шашки во шахманки. —
Ставили дощечку дубовую,
Тыя шашечки кленовыя:
Тутъ царь Бухарь заморскій
Ставитъ на дощечку дубовую дани-выходы,
А Михайла Потыкъ Ивановичъ
Ставитъ добра коня и буйну голову.
Съиграли дощечку дубовую,
Проигралъ Михайла Потыкъ Ивановичъ
Своего добра коня и свою буйну голову.
Ставили дощечку въ другой разъ:
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Ставилъ свою Марью Лебедь бѣлую
Да свою матерь родимую,
А царь Бухарь заморскій
Поставилъ его добра коня,
Буйну голову и дани-выходы.
Михайла Потыкъ Ивановичъ повыигралъ.
Ставили они дощечку въ третій разъ:
Царь Бухарь заморскій
Ставилъ пол-царства Бухарства-имянства заморскаго,
А Михайло Потыкъ Ивановичъ
Ставитъ на дощечку дубовую
Онъ дани-выходы, буйну голову и коня богатырскаго.
Съиграли дощечку во третій разъ,
Повыигралъ Михайла Потыкъ Ивановичъ.
Ставили дощечку въ четвертый разъ:

Царь Бухарь заморскій
Ставилъ царство-имянство бухарское,
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Ставилъ полъ царства Бухарства заморскаго,
Еще ставилъ дани-выходы.
Съиграли дощечку въ четвертый разъ,
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Повыигралъ дощечку въ четвертый разъ.
Тутъ дверь отворилася,
Пріѣзжаетъ Добрыня Никитиничъ,
Самъ испроговоритъ:
«Что же, братецъ крестовый,
«Играешь во шашки во шахматки,
«Надъ собой невзгоды не вѣдаешь:
«Твоя Марья Лебедь-Бѣлая —
«Она померла».
Скочитъ Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Скочитъ онъ на рѣзвыя ноги,
Ухватитъ дощечку дубовую,
Тропнетъ дощечкой дубовою,
Два двери дубовыя,
Выставилъ онъ двери со липеньями,
Испроговоритъ брату крестовому:
— Ахъ ты, братецъ крестовый!
— Получай-ка царство-Бухарство заморское
— Со того царя Бухаря заморскаго,
— Оставь-ка царя посидѣльщикомъ. —
Сталъ получать Добрыня Никитиничъ
Царство-Бухарство заморское.
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Поѣхалъ во Кіевъ-градъ.
Дѣлали ему домовище великое —
Сидя сидѣть, стоя стоять и лежа лежать;
Писано у нихъ было на два мѣсяца,
Не захотѣлъ онъ идти на два мѣсяца,
Захотѣлъ пойти на полъ-мѣсяца:
Отправился онъ во сыру землю,
Пищу забралъ на полъ-мѣсяца.

Коваль онъ клещи великія.
Великія клещи желѣзныя
И три прута желѣзныхъ,
Друго три прута мѣдныхъ,
Отправился онъ во сыру землю
Съ Марьей Лебедь Бѣлоей,
Королевичной Подоленкой.
Середи почи темныя
Зажгана свѣча была восковая.
Приплыла змѣища великая:
Захватилъ онъ клещи желѣзныя,
Билъ онъ змѣищу великую,
Билъ онъ — приговаривалъ. —
Змѣя ему смолилася:
«Михайла Потыкъ Ивановичъ!
«Не бей меня на умертвіе:
«Оживлю твою Марью Лебедь-Бѣлую».
Оставила змѣенышевъ великъ залогъ,
Пошла по живу воду,
Приносила ему живу воду.
Онъ разсѣкъ змѣенышевъ на мелкія кусочики,
Обрызгалъ онъ змѣенышевъ, —
Змѣеньши срослись, — они поплыли;
Обрызгалъ онъ Марью Лебедь-Бѣлую, —
Марья ото сна пробудилася.
Закричалъ онъ уродище во сырой землѣ, —
Земля вся сколыбалася,
Теремы всѣ пошатилися,
Околенки вонъ повалилися.
— Во сырой землѣ уродищу не пожилось.
Сказали всѣ во градѣ Кіевѣ:
— Отпущенъ былъ на полъ мѣсяца,
— А прожилъ онъ во сырой землѣ двои сутки. —
Выкопали съ сырой земли,
Доставили его на святую Русь.

* * *

Онъ сталъ опять ходить по царевымъ кабакамъ,
Пить вино безденежно:

Гдѣ кружкою, гдѣ полъ-кружкою,
Гдѣ полуведромъ, а гдѣ цѣлымъ ведромъ.
Опять дверь дубова отворилася,
Михайлѣ Потыкѣ Иванову испроговорятъ —
«Что уѣхала Марья Лебедь-Бѣлая
«Съ тымъ королемъ Политовскімъ».
Михайла Потыкъ Ивановичъ
Надѣваетъ платья женскія;
Скорешенько садится на добра коня.
Увидала Марья Лебедь Бѣлая,
Подолеика королевична,
Скорешенько садилась на добра коня,
Подъѣзжаетъ къ Михайлѣ Потыкѣ Иванову,
Слѣзаетъ съ своего добра коня,
Поклонилась Михайлы Потыкѣ Иванову:
— Прости, прости, Михайла Потыкъ Ивановичъ,
— Во той вины прости меня, во глупости:
— Уѣхала съ королемъ Политовскімъ. —
Подноситъ она чару зелена вина.
До вина онъ былъ спачливый [1]):
Выпилъ онъ чару зелена вина,
Гдѣ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ. —
Подпала къ коню богатырскому,
Спустила богатыря черезъ плечо,
Сама ему приговариваетъ:
«Гдѣ былъ Михайла Потыкъ Ивановичъ,
«Стань тутъ бѣлый горючій камушекъ!»
Палъ да и закаменѣлъ.
Уѣхала Марья Лебедь Бѣлая
Къ тому королю Политовскому.
Идетъ времячка третій годъ ....
Братьица по немъ вспахнулися [2]), —
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Младый Добрыня Никитиничъ, —
Пошли искать Михайлу Потыка Иванова

1) Упадчивый.
2) Вспомнили съ безпокойствомъ.

Къ тому королю Полтовскому.
Сокрутялись каликами перехожими
Приходятъ къ этому камени,
Каликами перехожими.
Съ другой со стороны, другой розстани
Выходитъ калика старая,
Старая калика сѣдатая,
Сѣдатая сама плѣшатая:
— Здравствуйте, удалы добры молодцы!
— Куда вы отправились! —
Они ему спроговорятъ:
«Искать идемъ Михайлу Потыка Иванова
«Къ тому королю Полтовскому». —
— Возмите-ка меня въ третьихъ?
Испроговорятъ ему богатыря:
«Не побрезгуемъ — пойдемъ съ нами въ третьихъ».
Приходятъ къ королю Полтовскому
Всѣ они каликами.
Ставилися они середи города,
Закричали они во всю голову:
Теремы всѣ пошатилися,
Околенки всѣ повалилися,
Во градѣ всѣ пріужахнулись:
— Каки уродища объявилися? —
Испроговоритъ Марья Лебедь Бѣлая,
Лебедь Бѣлая королевична,
Королевична Подоленка:
«Есть не калики перехожія,
«Есть два русскихъ могучихъ богатыря,
«Третья калика незнаема.
«А тыхъ есть два брата крестовые:
«Бери-ка къ себѣ во гостебище». —
Выходитъ король Полтовскій,
Зоветъ калікъ перехожихъ,
Къ себѣ во гостебище:
— Подьте-ка, калики перехожія,
— Ко мнѣ во гостебище. —
Кормилъ онъ ихъ досыта,

Поилъ ихъ онъ до пьяна,
Дарилъ имъ честивъ дарева.
Спрашивали русскіе могучіе богатыри
У Марьи Лебедь Бѣлыя
Михайлу Потыка Иванова.
Она имъ испроговоритъ:
«Тоскую по Михайлы Потыкѣ Ивановѣ:
«Не знаю гдѣ Михайла Потыкъ Ивановичъ».
Отправились отъ Марьи Лебедь Бѣлыя,
Пошли они во Кіевъ градъ.
Приходятъ ко этому ко камени,
Испроговоритъ калика старая,
Старая калика матерая:
— Станемъ-те, братцы, животовъ дѣлить. —
Испроговорятъ русскіе богатыри:
«Калика ты старая,
«Старая калика матерая!
«Дѣли-тко ты эти вотъ животы».
Дѣлилъ онъ на четыре на часточки.
Говорятъ ему русскіе могучіе богатыри:
«Что-же ты, калика старая,
«Старая калика матерая,
«Что дѣлишь ты животы на четыре на часточки?»
Говоритъ имъ калика старая:
— Послѣ, братцы, станемъ здымать этаго каменя:
— Кто здыметъ камешекъ,
— Тому, братцы, четверта часть. —
Думаютъ богатыри сами себѣ:
«Что не здынемъ ли мы этаго камени».
Принимался Добрыня Никитиничъ
За горючій бѣлый камешекъ:
Выздыпулъ онъ до пояса,
По колѣна въ землю сѣлъ.
Принимается старый казакъ Илья Муромецъ:
Здыпулъ камешекъ на бѣлу грудь,
По поясъ въ землю сѣлъ. —
Не могли здынуть богатыри камешка.
Калика матерая,

Матера калика сѣдатая,
Сѣдатая калика плѣшатая
Берется за бѣлый горючій камешекъ,
Здымастъ камешекъ черезъ плечо,
Самъ камешку приговариваетъ:
— Гдѣ былъ горючій бѣлый камешекъ,
— Стань тутъ Михайла Потыкъ Ивановичъ! —
Кололся камешекъ на двое,
Выходитъ Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Выходитъ онъ на святую Русь,
Поклонъ онъ бьетъ по ученому
Братцамъ крестовымъ
И каликѣ перехожоѣ,
Что збавили отъ смерти напрасныя.
Спроговоритъ калика имъ старая:
— Прощайте-ка, русскіе могучіе богатыри!
— Михайла Потыкъ Ивановичъ!
— Какъ будешь у города у Кіева,
— Не забудь-ка прошенія:
— Пресвятой Богородицѣ и Михайлу архангелу
— Стройте-ка церковь, Богородицѣ и Михайлу архангелу
— И Николы святителю:
— Я збавилъ тебя отъ смерти напрасныя.
Поклонился Михайла Потыкъ Ивановичъ
Старой каликѣ матероѣ поппзехоньку.
Отправилась калика матерая,
Пошла она въ сторону,
А Михайла Потыкъ Ивановичъ
Сталъ отправляться къ королю Политовскому.
Стали братьица звать въ свою сторону.
«Нѣтъ, мои братьица крестовые!
«Набъ[1]) отсѣчь мнѣ Марьѣ буйна голова».
Отправился онъ къ королю Политовскому,
А богатыри пошли въ свою сторону.
Онъ приходитъ къ королю политовскому
Каликой старою,

1) Надо-бы.

Старой каликою, матерою,
Закричалъ онъ во всю голову:
Теремы всѣ пошатилися,
Околенки вонъ повалилися,
Во градѣ всѣ пріужахнулись,
Что уродище объявилося.
Марья Лебедь Бѣлая
Налила чару зелена вина,
Подноситъ Михайлы Потыку Иванову.
До вина былъ онъ спачливый:
Выпилъ чару зелена вина,
Гдѣ вышилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Тяла[1]) его за ноги,
Тащила во сѣни челядинны.
Прибила она его на спину.
Не хватило гвоздя у ней пятаго,
Пятаго гвоздя сердечнаго, —
Побѣжала скорешенько на рынечекъ.
Приходитъ Настасья королевична,
Богатырь ей прилюбится:
Вытащила вонъ гвоздья со стѣны,
Прибила Татарина на стѣну;
Накинула на него шубку соболиную,
Вела какъ скотинину
Во свои покои особые.
Прибѣгала Марья Лебедь Бѣлая,
Не осмотрѣла, что не Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Забила она пятый гвоздь татарину мертвому.
Тутъ Михайла Потыкъ Ивановичъ
Заростилъ свои раночки,
Проситъ коня богатырскаго, саблю вострую,
Чтобы съѣздить во чисто поле поляковать.
Приходитъ Настасья королевична
Къ королю Полтовскому:
— Батюшка, король Полтовскій!
— Дай-ка мнѣ коня богатырскаго,

---

1) Потащила (отъ — тягать).

— Дай саблю востроей
— Съѣздить мнѣ во поле поляковать. —
Онъ велѣлъ взять коня богатырскаго
Михайлы Потыка Иванова,
Велѣлъ сходить въ кладовую
Взять саблю вострую.
Взяла коня богатырскаго,
Взяла саблю вострую,
Подгоняла къ своимъ покоямъ особымъ.
Выходилъ подъ флеромъ подъ чернымъ,
Садился онъ на добра коня,
Уѣзжалъ во чисто поле,
А паѣзжалъ съ поля скорымъ гонцемъ,
Ставился середи двора королевскаго,
У тыхъ покоевъ особыхъ,
Противъ окна королевскаго,
Закричалъ онъ во всю голову.
Марья Лебедь Бѣлая перепалася:
«Кажется, забила Михайлы Потыку Иванову
«Сердечный гвоздь, —
«А Михайлъ находится во живности.
Наливаетъ чару зелена вина,
Зелена вина соннаго,
Подноситъ Михайлы Потыку Иванову.
До вина былъ онъ спачливый, —
А Настасья королевична
По поясъ бросилась въ окошечко:
— Не принимай-ка ты чары зелена вина:
— Гдѣ выпьешь, тутъ и въ сонъ заснешь».
Онъ не принялъ чары зелена вина,
Змахнетъ саблю вострую,
Отсѣкъ ей буйну голову.
Хотѣлъ королевство за щитомъ пройти,
Да огнемъ сожгать.
Настасья королевична умолилася:
«Не жги-тко ты королевства Полтовскаго,
«Да не бери-тко моего батюшка въ великъ полонъ,
«Что избавила тебя отъ смерти напрасныя».

Взялъ онъ Настасью королевичну
Да привезъ ко городу ко Кіеву,
Привелъ ее въ вѣру крещеную
И принялъ съ ней по злату вѣнцу,
Сталъ онъ съ ней вѣкъ свой коротати.
И строитъ два собора великіихъ:
Михайлу архангелу, да Пресвятой Богородицы
Да Николы Святителю.
Тутъ Михайла Потыкъ Ивановичъ
Старину кончалъ.

(Со словъ Пудожгорскаго кр. Василья Лукина.)

13. Иванъ Гостиный сынъ.

(Повѣнецкаго уѣзда.)

Отъ батюшки было отъ умнаго
И отъ матушки отъ разумныя
Зародилося чадушко безумное,
Безумное чадо неразумное,
Испо имени Иванушко Гостиный сынъ.
Померъ у Иванушка родный батюшка,
Осталась у Иванушка родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна.
Посылаетъ честна вдова Офимья Олександровна
Своего-ли чада милаго
Торговать за сине море.
И наказываетъ чаду родна матушка.
«И станешь торговать ты, чадо милое,
«Чадо милое, дитя любимое,
«Испо имени Иванушко Гостиный сынъ,
«Отнюдь не ходи ты на царевъ кабакъ,
«Ты не пей-ка, чадо, зелена вина
«И не имѣй союзъ со дѣвками .....
«И со тѣма со женками со .....
«И со тѣма голями кабацкими».

Поѣхалъ Иванушко за сине море
Торговать разными товарами, —
Не послушалъ чадо наказанья родной матушки:
И сталъ часто ходить на царевъ кабакъ,
И сталъ много испивать зелена вина,
Сталъ имѣть союзъ со дѣвками .....
И со тѣма со женками со .....
Со тѣма-ли голями со кабацкима.
И пропилъ, прогулялъ все отцовское имѣніе,
И всѣ промоталъ товары заморскіе,
И отдалъ въ закладъ черны корабли.
Про то услышала его родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна.
Пріѣзжаетъ она за сине море
За тѣ-ли города иностранные;
Стала добиратьсл чада милаго,
Чада милаго, сына любимаго,
По имени Иванушка Гостинаго. —
Приходитъ она къ цареву кабаку,
Испроговоритъ она таково слово:
«Ай же вы, народъ православный!
«Ай же вы, голи кабацкіе!
«Не видали-ли вы моего чада милаго,
«Чада милаго и сына любимаго,
«По имени Иванушка Гостинаго?»
И испроговорятъ сй тутъ голи кабацкіе:
— Ай же ты, честна вдова Офимья Олександровна!
— Сидитъ твое чадо милое
— За стойкой во царевомъ во кабакѣ,
— И пьетъ, кушаетъ онъ зелено вино. —
Приходитъ она да во царевъ кабакъ,
Она крестъ кладетъ по писапому,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Она бьетъ челомъ да о сыру землю,
Она бьетъ челомъ да низко кланяется,
Своему-ли она сыну, ему, въ особину.
Прокатились у ней слезы изъ ясныхъ очей,
И беретъ она чада милаго,

Чада милаго и единаго сына любимаго,
По имени Иванушка Гостинаго,
Беретъ она за бѣлы руки
За тые-ли перстни за злаченые
И ведетъ его ко синю морю,
Ко синю морю, ко солоному,
На тую пристань корабельную,
Ко тѣмъ ко купцамъ ко заморскіимъ,
И да спроговоритъ она да таково слово:
«Ай же вы, купцы заморяна,
«Вы заморяна и Вавилоняна!
«Вы купите у меня чада милаго,
«Чада милаго, дитя любимаго,
«По имени Ивана Гостинаго,
«И дайте вы за него пятьсотъ рублей».
И испроговоритъ Иванушко Гостиный сынъ:
— Не жалѣйте вы за меня цѣлой тысящи. —
Испроговорятъ купцы заморяна:
— Ай же ты, честна вдова Офимья Олександровна!
— Ты не вора-ли продаешь, не разбойника,
— Не почнаго-ли ты подорожника? —
«Я не вора продаю и не разбойника
«И не почнаго я подорожника:
«Продаю я единаго сына любимаго,
«По имени Иванушка Гостинаго».
Тутъ прощается Иванушко съ родной матушкой;
Прокатилися у Иванушки горячи слезы,
Горячи слезы изъ ясныхъ очей,
Во слезахъ онъ словцо вымолвилъ:
— Ты прощай-ка, прощай, родна матушка,
— Честна вдова Офимья Олександровна!
— По закону была родна матушка,
— А по житью-бытью змѣя лютая,
— Змѣя лютая, подколодная,
— Подколодная, подкустовная. —
Тутъ простилася родна матушка
Со своимъ-ли чадомъ милыимъ;
Прокатилася слеза изъ ясныхъ очей,

Во слезахъ она словцо промолвила:
«Не дивитесь вы, народъ православный,
«Что продала я своего чада милаго,
«По имени Иванушка Гостинаго.
«Не кормитель онъ былъ родной матери,
«А разоритель былъ золотой казны, —
«А за проступокъ я его и продала».

(Со словъ Выгозерскаго крестьянина Ѳедора Никитина.)

III. МОСКВА.

14. Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

(Дер. Кяменицы Повѣнецкаго уѣзда.)

Когда воцарился грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда онъ полонилъ славное Ообское [1]),
Полонилъ Ообское и еще и Новгородъ
И самъ на пиру расхвастался:
«Вывелъ я измѣну съ Ообскаго,
«И вывелъ измѣну съ Новагорода,
«Да надо вывести измѣну съ каменной Москвы».
Говоритъ ему меньшой сынъ,
Младой Иванушка Иановичъ:
— Пустымъ ты, батюшка, расхвастался:
— Не вывелъ измѣны съ Ообскаго,
— Да и не вывелъ измѣны съ Новагорода,
— Да не вывести и съ каменной Москвы:
— Со измѣною и ѣшь, и пьешь,
— И думу думаешь за однимъ столомъ. —
Тутъ скрычалъ Иванъ Васильевичъ:
«Подай измѣну на очь,
«А не подашь измѣны на очь,

1) Псковъ.

«Отсѣку у тебя буйну голову,
«Не дамъ живота ни на малый часъ»
Тутъ Иванушко задумался:
— Сказать на князя иль боярина,
— Пролить кровь напрасная;
— А сказать на братца на родимаго,
— На младшаго Оедора царевича.
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Которыми улицами ты ѣхалъ, батюшка,
— Тѣми улицами кура не пила;
— И которыми ѣхалъ Малюта Скурлатовичъ,
— И тѣми улицами кура не пила;
— А которыми ѣздилъ Оедоръ Ивановичъ,
— Задергивалъ рѣшетки желѣзныя
— И подпись подписывалъ.
— Что улицы казнены и раззорены;
— А остались тѣ улицы не казнены не раззорены. —
Скрычалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Гдѣ мои палачи немилостивы?
«Возмите младаго Оедора царевича,
«Ведите за Москву рѣку,
«Ко плахи ко липовой, ко сабли ко востроей».
Повелъ его Малюта Скурлатовъ сынъ
За матушку за Москву рѣку,
Ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей.
Не бѣлая лань пробѣгала вдоль по городу,
Пробѣгала царица благовѣрная,
Въ бѣлой тоненькой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ одних чулочкахъ безъ чоботовъ,
Ко своему братцу родимому,
Ко князю Никитѣ Романовичу.
Князь Никита Романовичъ за столомъ сидитъ,
Сидитъ хлѣбъ-соль кушаетъ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ты зачѣмъ гостья не звана идешь? —
А она говоритъ таково слово:
«Ты братецъ мой родимой
«Князь Никита Романовичъ!

«Потухла зоря рапоутренняя,
«Поблекло наше красно солнышко:
«Повелъ Малюта Скурлатовъ сынъ
«Младаго Ѳедора царевича за Москву рѣку
«Ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей,
«Отсѣчь ему буйну голову».
Князь Никита Романовичъ
Выскочилъ изъ за дубова стола
Черезъ дубовый столъ,
Дернулъ чоботы на босу ногу,
Кинулъ шляпу на одно ухо,
Кушью шубку за рукавъ схватилъ,
Бѣжалъ на конюшій дворъ,
Взялъ коня самолучшаго,
Сѣлъ ни на уздана, ни на сѣдлана,
Поѣхалъ вдоль по городу за Москву рѣку,
Голосомъ крычитъ, шляпой машетъ онъ:
— Стойте, народъ, сторонитеся,
— Дайте путь-дорогу широку
— Ѣхать за матушку Москву рѣку,
— Ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей. —
И крычитъ чрезъ Москву рѣку Малютѣ Скурлатову:
— Не за кусъ собака хватаешься:
— Что съѣшь, тѣмъ и подавишься! —
У Малюты сердце испужалося,
Правая рука застоялася,
Лѣвая нога задрожалася.
Пріѣхалъ князь ко плахѣ ко липовой, ко саблѣ ко востроей.
Скочилъ онъ со добра коня,
Поднималъ младаго Ѳедора царевича
Со плахи со липовой, за ручку за правую.
Цѣловалъ его въ уста во сахарные,
А самъ отдалъ Малютѣ Скурлатову
Конюха своего любимаго,
Который былъ лицо въ лицо и плечо въ плечо,
И единъ волосъ съ волосомъ ладились.
Билъ Иванъ Васильевичъ въ колоколъ во казненный,
Чтобъ идти въ церковь въ черныхъ платьяхъ всѣмъ.

Князь Никита Романовичъ
Надѣлъ на себя и на племянника
Красны платья лучше всѣхъ.
Подошелъ къ Грозному царю Ивану Васильевичу,
Билъ челомъ, его здравствовалъ:
— Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
— Со своей любимой семьей,
— И со двумя ясными соколами-сыновьями
— И со всѣма князьямы и боярмы! —
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Князь Никита Романовичъ!
«Перво былъ ты мнѣ старый другъ,
«Теперь сталъ ты мнѣ старый песъ.
«Таки ль-то надо мной незгоды не вѣдаешь,
«Не вѣдаешь незгоды, али надсмѣхаешься?»
Говорилъ Никита Романовичъ:
— Живетъ ли виноватому прощенынце? —
Говоритъ ему Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Радъ бы простить, да негдѣ взять!»
Вывертывалъ Никита Романовичъ
Младаго Ѳедора царевича:
— Вотъ тебѣ любезный сынъ,
— Младый Ѳедоръ царевичъ.
«Князь Никита Романовичъ!
«Прежде былъ ты мнѣ старый другъ,
«А теперь роденъ батюшка.
«Городовъ ли тебѣ надо съ пригородками,
«Аль казны тебѣ несчетной однозолотной?»
Говоритъ ему князь Никита Романовичъ:
— Городовъ мнѣ не надо съ пригородками,
— А казны есть своей про себя.
— А дай мнѣ вотчину Микитину,
— Чтобы слыла-была вотчина Микитина
— Отнынѣ и до вѣку:
— Кто коня угонитъ въ мою вотчину, ушелъ бы, —
— Того и Богъ проститъ;
— Кто жену уведетъ чужую, въ мою вотчину ушелъ бы. —
— Того и Богъ проститъ.

— Кто голову убьетъ, да въ мою вотчину уйдетъ. —
— Того Богъ бы простилъ. —
Тутъ далъ Грозный царь вотчину,
Котору онъ хотѣлъ. —

(Отъ кореляка кр. Василья Лазарева 1864 г.)

---

15. Кострюкъ.

(Кижская волость Петрозаводскаго уѣзда)

У грознаго царя Ивана Васильевича
Благовѣрная царица переставилась.
Захотѣлъ тутъ царь пожепитися
Во той землѣ во Крымскія, въ Жидовскія;
Скорыхъ пословъ туда посылалъ,
Молоду княгиню къ себѣ приказалъ.
Тутъ заводили они свадебку, почестенъ пиръ,
Не на мало, не на много, на двѣнадцать день.
Всѣ были тутъ за столы посажены,
И всѣмъ были кушанья налажены,
Всѣ сидятъ да ѣдятъ, хлѣба кушаютъ.
Сидитъ тутъ Кострюкъ Семрюковичъ,
Не ѣстъ, не пьетъ и не кушаетъ,
Нашихъ колачиковъ не рушаетъ.
Ретивое сердечко пришкручинилось:
«Умеръ у меня батюшка,
«Умерла у меня матушка,
«Либо надъ королемъ незгода приключилася.
«Съ маленька я потѣшивался,
«Съ малыма ребяткамы побарывался;
«Грозному-бъ царю донесли,
«Представилъ бы борцовъ удалыхъ молодцевъ,
«Со мною, Кострюкомъ, потѣшиться:
«Можетъ бы, я и повеселяе былъ».

Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Прежній шуринъ Никита Романовичъ!
— Выдь-ко на крылечко на красное,
— Выкликай борцовъ удалыхъ молодцевъ
— Супротивъ Кострюка Семрюковича. —
Тутъ-то Никита Романовичъ
Выходитъ на крылечко на красное,
Выкликаетъ борцовъ удалыхъ молодцевъ
Супротивъ Кострюка Семрюковича,
Крычитъ-то во всю голову:
Слышно во всей каменной Москвы.
Нѣтъ борцовъ удалыхъ молодцевъ:
Сколько-ни борцовъ пришли,
Всѣ они притуляются.
И сыскался Васенька маленькій
Изъ того пригородка изъ малаго,
Да еще Потанюшка хроменькій.
Говоритъ онъ таковы слова:
«Ай же ты, Никита Романовичъ!
«Донеси Грозному царю Ивану Васильевичу,
«Чтобы вышелъ на крылечико на красное,
«Приказалъ бы намъ бороться удалымъ молодцамъ
«Супротивъ Кострюка Семрюковича».
И вышелъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Они ему честь воздали,
Сами говорятъ таковы слова:
«Ай же ты, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Прикажи-тко съ нимъ поборотися,
«Руку-ногу ему ломить,
«Глазъ вонъ выворотить,
«Чтобы съ насъ послѣ не взыскивать».
— Дивья вамъ Господь пособилъ,
— Пособили чудотворцы Московскіе:
— Буду васъ поить-кормить
— И по цѣлой по тысячѣ пожалую. —
И подходятъ молодые стольники,
Говорятъ Кострюку Семрюковичу:
«Что же ты не ѣшь, не пьешь:

«Хлѣбъ-соль тебѣ на столѣ,
«Богъ у насъ на стѣны,
«А борцы-то у насъ на дворѣ,
«А чести съ тебя еще не выручили!»
Поскочитъ Кострюкъ Семрюковичъ,
Похватилъ скобочку — скамеечку,
Убилъ пятнадцать князей-бояръ
Да полтридцать стольниковъ.
Которы живы оставаются,
Всѣ на него проклинаются:
— На дворъ-бы ти, Кострюкъ, живу идти,
— А со двора Кострюку живу не придти! —
Выходитъ онъ на крылечко,
Только увидѣлъ борцевъ удалыхъ молодцевъ:
«Какъ положу одного на руку,
«А другаго положу сверху руки,
«Такъ сдѣлаю блиномъ овсяныимъ!»
Стоитъ широкъ да великъ,
Широкъ-великъ да и рогозоватый,
Рогозоватый да и продолговатый .....

(Отъ кр. Терентія Іевлева.)

16. Тоже.

(Повѣнецкаго уѣзда.)

Молодой борецъ Кастрюкъ
Семдесятъ городовъ прошелъ,
Триста борцевъ повалилъ.
Пріѣзжаетъ въ Москву бѣлокаменную,
Ставится онъ середи двора,
Проситъ у князя молода борца:
«Ежели нѣтъ у васъ молода борца,
«Всю Москву за щитомъ возьму».

Михайла князь московскіій
Садился онъ на ременчатъ стулъ.
Писалъ письмо скорописчато
Ко тымъ сыновамъ ко вдовинымъ,
Чтобы очистить своя каменна-Москва.
Съ тымъ борцемъ поборотися,
Тымъ молодымъ поратиться. —
Идетъ Иванушка вдовинъ сынъ,
Не бьетъ онъ челомъ, не поклоняется,
Выходитъ онъ на широкъ дворъ,
Схватились съ борцемъ поборотися,
Съ молодымъ поратиться. —
Повелъ Кастрюкъ молодой борецъ,
По колѣнъ ноги онъ вывернулъ. —
Михайла князь московскіій
Садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ письмо скорописчато
Михайлы ко вдовину. —
Михайлушко вдовинъ сынъ
Приходитъ съ Кастрюкомъ поборотися,
Съ молодымъ поратиться,
Не бьетъ челомъ не покланяется,
Выходитъ на широкъ дворъ.
Схватились съ Кастрюкомъ поборотися
Съ молодымъ поратиться.
Кастрюкъ съ .... ноги выдернулъ:
«Михайла князь московскіій!
«Давай молода борца.
«Нѣтъ, всю Москву за щитомъ пройду». —
Онъ садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ письмо скорописчато
Потанюшкѣ сыну вдовину. —
Идетъ Потанюшка вдовинъ сынъ,
На ножку Потанюшка прихрамливаетъ,
На другую Потанюшка припадываетъ.
Приходитъ ко князю московскому,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,

Князю Михайлы въ особину.
— Здравствуй, Михайла князь!
— О чемъ меня требуешь?
Испроговоритъ Михайла князь:
«Ахъ, Потанюшка вдовинъ сынъ!
«Проситъ Кастрюкъ молода борда,
«Чтобы съ нимъ намъ поборотися,
«Съ молодымъ поратиться».
Выходитъ Потанюшка вдовинъ сынъ,
Выходитъ Потанюшка на широкъ дворъ:
Самъ князю испроговоритъ:
— Какъ мнѣ съ Кастрюкомъ поборотися
— Съ молодымъ поратиться? —
Отвѣчастъ князь московскій:
«Какъ ты знаешь, Потанюшка вдовинъ сынъ!»
Какъ ухватитъ Потанюшка, вдовинъ сынъ,
Кастрюка, молода борда
Здыше его выше головы,
Спуститъ его о кирпичинъ мостъ,
Лопнула щиль по брюшины .....
Скидывалъ ю онъ до гола,
Стыдилъ ся личко бѣлое,
Повелъ ю по каменной Москвы,
Кричалъ во всю голову:
«Глядите на молода борца!» —
Увидала Авдотья Кастрюковна:
«Ай ты, Потанюшка вдовинъ сынъ!
«Отсѣкъ бы ты ей буйну голову,
«Не стыдилъ бы ты ей личка бѣлаго,
«Придалъ бы ей скору смерть».

(Отъ кореляка Василья Лазарева.)

IV. БЫЛИНЫ, ПОБЫВАЛЬЩИНЫ,

БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ КНЯЖЕНЕЦКІЯ, МОЛОДЕЦКІЯ, БЕЗЫМЕННЫЯ.

17. Паѣздъ Литовцевъ на Москву.

(Повѣнецкаго уѣзда.)

У стараго короля Политовскаго
По три дня было пированьице.
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру порасхвасталися.
Сидятъ тыхъ два малыхъ два витвица [1]),
Два тыхъ погапыихъ татарина,
Не ѣдятъ, не пьютъ, не кушаютъ,
Его бѣлыя лебедушки не рушаютъ.
Ходитъ старый король Политовскіій
Самъ король испроговоритъ:
«Что вы два тыхъ два малыхъ два витвица,
«Два тыхъ любимыихъ племянника!
«Не ѣдите, не пьете, не кушаете,
«Моей бѣлоей лебедушки не рушаете?
«Ѣства вамъ не по уму, питья не по разуму,
«Аль дуракъ надъ вами насмѣялся,
«Пьяница васъ пріобозвалъ?»
— Ѣства твои были по уму,
— Питья твои по разуму,
— Дуракъ надъ нами не смѣялся,
— Пьяница насъ не обозвалъ.

---

1) Въ другихъ былинахъ два витвика, два Ливика.

— А думаемъ думу крѣпкую,
— Крѣпкую думу за единую[1]):
— Ѣхати намъ въ каменну Москву,
— Въ каменну Москву, золоту Орду. —
Испроговоритъ король Политовскій:
«Что не идьте-ка[2]) вы въ каменну Москву,
«Въ каменну Москву, золоту Орду:
«Я сколько въ Москву не ѣзживалъ,
«А во цѣлости назадъ не пріѣзживалъ,
«Силушку свою поразтраторилъ
«И понѣ едва на охоту иду[3]).
«А вы поѣзжайте во Индеюшку богатую,
«Во тую Корелу проклятую:
«Раззорите Индею богатую,
«Тую Корелу проклятую».
Съѣхали во Индею богатую,
Раззорили Индею богатую
И съ конца въ конецъ съ головней прошли.
Воротились назадъ ко кресту къ Леванидову,
Стали они опоцевъ[4]) держать,
Сами промежъ собой пораздумались:
— Этимъ разомъ намъ, братецъ, поладилось.
— Поѣдемъ-ка мы въ каменну Москву,
— Въ каменну Москву, золоту Орду:
— Раззоримъ-ка мы каменну Москву. —
Пріѣзжали они въ каменну Москву,
Раззорили они три села любимыихъ:
Первое село Ярославское,
Другое село Переславское,
Третье село Косы-улицы;
Стали они опоцевъ держать. —
Старый Никита Романовичъ
Сталъ по палатамъ похаживать,
Могучими плечами поворачивать:

1) Единое.
2) Ѣздите.
3) Ѣду.
4) Опочивъ.

«Молодость моя, молодость!
«Улетѣла моя молодость во чисто поле,
«Во чисто поле яснымъ соколомъ.
«Прилетѣла старость со чиста поля,
«Со чиста поля чернымъ ворономъ,
«Садилась за мои плечи богатырскія.
«Старый пёсъ, король Полтовскій,
«Порушилъ свою заповѣдь великую:
«Мнѣ Никиты Романову порушать
«Своя заповѣдь великая».
Онъ выходитъ на широкъ дворъ
И сказываетъ свою силу безсмѣтную,
Безсмѣтную силу, безсмертную:
«Я слечу во чисто поле:
«Первый разъ заграю чернымъ ворономъ,
«Чтобы вамъ ко мнѣ справлятися;
«Другой разъ заграю чернымъ ворономъ,
«Чтобы вамъ ко мнѣ ѣхати;
«А третій разъ заграю чернымъ ворономъ,
«Чтобы сила при мнѣ была».
Онъ отправился во чисто поле,
Обернулся онъ сѣрымъ волкомъ,
Конюшекъ у нихъ всѣхъ повыдавилъ;
Обернулся онъ добрымъ молодцемъ,
Замочики въ оружьишкахъ всѣ повыщербилъ,
Сабелки у нихъ всѣ повытупилъ,
Тесочики [1]) у нихъ всѣ повыломалъ.
Тутъ прилетаетъ къ палатамъ бѣлокаменнымъ,
Заходитъ въ палату бѣлокаменну:
Тутъ сидятъ тыхъ малыхъ два витвица,
Два тыхъ поганыхъ татарина,
Его любимая племянница сидитъ за люлечкой,
Качаетъ дѣтище великое,
Сама испроговоритъ:
— Бай люли, дѣтище великое!
— Не вѣдаетъ любимый дядюшка,

1) Тесаки, короткія сабли.

— Старый Никита Романовичъ побѣды великія,
— Что моего мужа потребили,
— А меня младу обезчестили! —
А ходитъ младенчикъ по избы:
«Ахъ ты матушка Авдотья Ивановна!
«Нашъ дядюшка въ избушкѣ горносталышкомъ».
Скочили два тыихъ два витвица
На ножки на рѣзвыя,
Накинули шубку куньюю
На того горносталышка:
Горносталь былъ повертливъ,
Въ рукахъ горносталь выскакивалъ.
Обернулся горносталь чернымъ ворономъ,
Вылетѣлъ чернымъ ворономъ во чисто поле,
Садился онъ на сырой дубъ,
Заграялъ онъ чернымъ ворономъ, —
Сила къ нему тутъ справляется;
Другой разъ заграетъ чернымъ ворономъ, —
Сила къ нему тутъ поѣхала;
Третій разъ заграетъ чернымъ ворономъ, —
Сила при немъ вся стала.
А два тыхъ поганыхъ татарина
Кинулись они за оружьица, —
Въ оружьицахъ замочки повыщерблены;
Кинулись они за сабелки, —
Сабелки у ихъ всѣ повытуплены;
Кинулись они за тесочки, —
Тесочки у ихъ всѣ повыломаны;
Кинулись они за добрыхъ коней, —
Конюшки у ихъ повыдавлены.
Обступилъ тутъ Никита Романовичъ
Со своею было силою безсмѣтною,
Всѣхъ ихъ въ полонъ забралъ;
Одному глаза выкопалъ,
Другому по колѣнъ ноги вырубилъ:
— Подьте-ка къ дядюшкѣ хвастайте:
— «Раззорили мы нонь каменну Москву:
— «Первое село Ярославское,

— «Второе село Переславское,
— «А третье Косы-улицы». —
— Одинъ поскомъ несп,
— А другой дорогу показывай! —

(Со словъ Пудожгорскаго кр. Василья Лукина.)

---

18. Царь Саламанъ, царица Саламанія и царь Василій Окуловичъ.

(Кижская волость Петрозаводскаго уѣзда. Варянтъ къ № 56 III части.)

Послѣ 24 ст.:

«У ней тѣло было-бъ снѣга бѣлаго,
«Походочка была лани бѣлыя,
«Бѣлыя лани напольскія».

Послѣ 30 ст.:

«Чтобы мнѣ было съ кѣмъ жить да быть,
«А вамъ было кому покланятися».

Вмѣсто 56 ст.:

Онъ ударилъ Ивашка по той стороны,
Онъ ударилъ Ивашка по другой стороны:
«Какъ можно у жива мужа жена отнять!»

Послѣ 60 ст.:

— Сдѣлай царю Саламану шубу соболиную,
— Шубу соболиную — сорокъ сороковъ соболей

Послѣ 127 ст.:

Эти подарочки царицы въ честь пришли.

Послѣ 143 ст.:

— Сходи сама на насады черленые,
— Общѣши товары многоцѣнные,
— Чтобы намъ было съ чего торговать,
— Вамъ бы съ чего платить пошлины. —

Вмѣсто 207 ст.:

«Создай мнѣ каликѣ милостину,
«Чтобы было каликѣ чего ѣсть да пить,
«Да чего каликѣ волочитися».

Послѣ 271 ст.:

Пріѣзжала царица Саламанида,
Отвязала свой шелковъ поясъ
И сдѣлала три петелки шелковыя.
Первую петелку прошелъ онъ хитростью,
Другую прошелъ мудростью,
Третью прошелъ своей глупостью.
И говорилъ Саламанъ таково слово:
«Ты, прекрасный царь Василій Окуловичъ!
«Дай-ко предъ скорой смеретушкой турій рогъ, и т. д.»

Послѣ 278 ст.:

Высокія горы зашаталися,
Темныя лѣсы развалялися,
Во рѣкахъ вода пріусохнула,
Въ озерахъ вода пріудрогала,
Во моряхъ вода всколыбалася,
И пошелъ околъ моря шумъ великъ.

Послѣ 281 ст.:

— Это что̀ околъ моря шумъ великъ? —
«Всѣ птицы, всѣ звѣри взрадовалися,
«Летятъ глядѣть на царскую смеретушку».

Послѣ 306 ст.:

И налетѣла сила сильная.

Послѣ 310 ст.: Саламанида проситъ у Саламана прощенія, а онъ отвѣчаетъ:

«Во первой вины тебя прощу,
«Зачѣмъ шла на насады черленые;
«И въ другой вины тебя прощу,
«Зачѣмъ замкнула царя въ окованъ ларецъ;
«Въ третьей вины не могу простить,
«Зачѣмъ сдѣлала три петли шелковыя».

(Отъ Рябинина.)

19. Девять братьевъ и сестра.

(Повѣнецкаго уѣзда.)

Какъ у вдовушки было̀ у пашицы
Что-ль девять сынковъ и одина́ка дочь.
Что-ль девять сынковъ возрастать сталѝ,
Возрастать стали да вдругъ повыросли,
Вдругъ повыросли да во разбой пошли
Во тую ли во шайку да во разбойницку;
А одинаку дочь замужъ выдала
Что-ль за славное за сине море
За того ли купчика за богатаго.
Она годъ жила — не стоснулася,
Другой жила — да въ умахъ не было,
На третій годъ стосковалася.
У мужа она да подавалася
Ѣхать въ гости да во свою землю
Ко своимъ дражайшимъ (sic) къ родителямъ.
Двое вздумали, съ мужемъ поѣхали
На томъ-ли на черно́мъ на ко́раблѣ.
Середи моря̀ да средь синяго
Что-ль не тученьки да призате́мнѣли,
Не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
Призаче́рнѣли черны̀ ко́рабли,
Призабѣлѣли тонки парусы,
Что-ль наѣхало девять разбойниковъ.
У молодой жены у красавицы
Взяли — у ней тутъ мужа потре́били,
А жива́ младенчика въ море спу̀стили,
Молоду вдову прибезчестили,
Все имѣніе, злато-серебро да порозграбили,
Что-ль черненъ корабль да огню предали.
Всѣ разбойники спать улягутся,
А единъ разбойникъ, атаманъ большой,
Съ молодой вдовой сѣлъ разговаривать,
Разговаривать да на словахъ ласкать:
«Не кручинься ты, молода жена!

«Мы найдемъ тебѣ что-ль ина мужа».
Сталъ разбойникъ онъ выспрашивать:
«Ты скажи-ка, скажи, скажи, вдовушка,
«Ты чьего роду есть, да чьего племени,
«Ты да чьего отца, чьей ты матери
«И какъ тебя да именёмъ зовутъ,
«Звеличаютъ тебя да по отечеству?»
Во слезахъ вдовушка да словцо смолвила:
— И на ч-п-то меня бѣдну спрашивать?
— Тѣло мое полоненое,
— Я сирота вдова прибезчестьена [1]).
— Есть я роду самонижняго,
— Есть я роду вдовки-горя-пашицы.
— Что-ль у вдовушки было у пашицы
— Девять сыновъ, моихъ братьевъ родныихъ.
— Девять сыновъ возрастать стали,
— Возрастать стали, вдругъ повыросли,
— Вдругъ повыросли, да во разбой пошли;
— А меня, одинаку сестру, въ замужъ выдали
— Что-ль за славное да за сине море,
— Что за того-ль-за купчика за богатаго.
— Ужь я годъ жила — не стоснулася,
— Другой жила — въ умахъ не было,
— На третій годъ я стосковалася.
— Двое вздумали, съ мужемъ поѣхали
— Во свою землю да во отечество
— Ко своей родителю-матушкѣ,
— Честной вдовы да горе-пашицы. —
Тутъ разбойникъ, атаманъ большой,
Атаманъ-большой да прирасплакался:
Покатились слезы по бѣлу лицу.
Во слезахъ онъ словцо вымолвилъ:
«Выставайте-ко, братцы рóдные!
«Мы вѣдь сдѣлали проступки великіе:
«Первой проступокъ — во разбой пошли,

1) Въ Пудожскомъ уѣздѣ и сосѣдней съ нимъ части Повѣнецкаго уѣзда *щ* произносится иногда какъ *сть*.

«Грабили всѣ имѣнія, злато, серебро,
«Проливали напрасно кровь человѣческу;
«Другой проступокъ великій —
«У родимóй сестры мужа потребили,
«Живаго ина племника [1]) въ море спустили;
«Третій преступокъ великій,
«Великій грѣхъ тяжкій —
«Родиму сестру прибезчестили!»
Вставаютъ со сна всѣ разбойники,
И всѣ разбойники да прирасплакались
И съ родимой сестрой поздоровались.
Приходили они во свою землю
Ко той ли ко родимой ко матушкѣ
Ко честной вдовѣ, горе-пашницы.
Тутъ всѣ они съ матушкой поздоровались,
Тутъ поздоровались и всѣ расплакались;
Раздавали разграблено злато-серебро
И все имѣніе-богачество
По тѣмъ ли сиротамъ по бѣдныимъ,
По тѣмъ ли церквамъ по Божіимъ;
Сами пошли скитатися по разныимъ странàмъ.

(Отъ крест. дер. Выгозера Ѳедора Никитина.)

1) Можетъ быть: жива гоина племника.

II.

ЗАПЛАЧКИ СВАДЕБНЫЯ.

I. Пудожскія свадебныя заплачки.

—

1. ЗАПЛАЧКА НЕВѢСТЫ ВЪ ДЕНЬ СВАТОВСТВА ПОСЛѢ РУКОБИТЬЯ.

(См. ч. III, стр. 349.)

Что я спжу душа красная дѣвушка,
Безъ тонкаго, зычпаго голоса?
Осудятъ, подивуютъ люди добрые,
Меня дурой назовутъ, самовольницей:
«Эка дура младая буйная головушка,
«Она рада безволья великаго,
«Рада чужой дальной ознобной сторопушки!»
Меня Господи благослови дочь кручинную
Идти-выступить душѣ красной дѣвицы
Изъ милой, изъ любимой изъ колпицы [1])
Во свѣтлую, хорошую свѣтлицу;
Лицомъ мнѣ стать душѣ красной дѣвицы
На свѣтлую свѣтлицу,
Ростомъ стать на высокую горницу,
Ударить челомъ, поклонитися.
Здравствуйте, свѣты сердечные родители!
Вы во здравіи живете, во Божьей милости,
Вы на радости-весслія великія;

1) Деревянная пристройка печи, за которою устраиваются палати.

Какъ у меня-то, у души, у красной дѣвушки,
Не радуется сердце ретивое,
Не веселится млада буйная головушка.
У желаннаго родителя батюшка,
У желанной жалосливой матушки,
Передъ чуднымъ крестомъ, спасомъ-образомъ,
Не гори свѣча воску ярова,
Не здымайся правая ручепька
У желаннаго родителя батюшка.
Ты послушай-ко, жалосливый мой батюшко,
Что я скажу, душа красная дѣвушка:
Хоть ударили плотно крѣпкое рукобитьице,
Запоручили младу буйную головушку
На чужу дальну ознобную сторопушку
Ко многимъ богоданнымъ родителямъ, —
Какъ я жила, душа красная дѣвушка,
У васъ, свѣты сердечные родители,
За каку вину-проступку великую?
Я не трудница была, не работница,
Я не бральщица была краспымъ ягодкамъ,
Не ломальщица боровымъ-то рыжичкамъ,
Пристрамила васъ, сердечныхъ родителей?
Прибезчестила при славномъ при церковномъ при булѣ [1]),
Ссѣкла вамъ по плеча буйную голову,
Застоялась я, душа красная дѣвушка,
Со удалыми дородными молодцами?
Охти мнѣ, мнѣ-ка, бѣдной тошнехонько!
Не бери во гнѣвъ, желанный родитель батюшко!
Мнѣ сказали — доносили люди добрые.
Я пойду-то, душа красная дѣвушка,
Искать думщичковъ да совѣтничковъ,
Какъ поступать со своими свѣтами сердечными родителями.
Сама знаю я, душа красная дѣвушка:
Я продамъ скруты-паряды великіе,
Я найму пару копей наступчивыхъ,

1) Буево или буяво — мѣсто около церкви, обнесенное оградой, гдѣ кладбище и гдѣ въ праздникъ собираются прихожане и гости изъ другихъ приходовъ на праздникъ.

Я поѣду, душа красная дѣвушка,
Во шны города, во губернскіе;
Я куплю листъ бумажки гербовыя,
Я найму хитро-мудраго пісаря,
Напишу я прошеніе на свѣтъ сердечныхъ родителей,
На желаннаго родителя батюшка,
На желанную родитель матушку;
Задамъ это прошенье губернатору
И возмолюся, душа красная дѣвушка,
Судьямъ-властямъ немилостивымъ,
Чтобы обсудили моихъ свѣтовъ родителей,
Запретили бы моихъ свѣта желаннаго батюшка
И желанную матушку,
Чтобы не отдали меня, красную дѣвушку,
На чужую озпобную сторонушку.
Охти мнѣ, мнѣ-ка бѣдной тошнехонько!
Ужъ я съ глупа ума, дѣвочья-разума,
Я не ладно угадала-удумала,
Намутили мнѣ-ка люди добрые:
Нѣту надо мной больше судьи свѣта сердечныхъ родителей.

2. КОГДА НЕВѢСТА ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ГУЛЯНЬЕ ДЛЯ ПРИГЛАШЕНІЯ НА СВАДЬБУ СВОИХЪ РОДСТВЕННИКОВЪ И ПОДРУЖЕКЪ-ДѢВУШЕКЪ.

Меня Господи благослови дочь кручинную!
Не гнитесь не ломитесь ножки рѣзвыя,
Не падите бѣло-бумажныя рученьки,
Не меркни бѣлый свѣтъ во ясныхъ очахъ!
Я пойду, душа красная дѣвушка,
Искать свѣтовъ сердечныхъ родителей,
Батюшка съ родителью-матушкой.
Вы послушайте, свѣты сердечные родители:
Не жалѣйте своихъ добрыхъ коней наступчивыхъ,
Пожалѣйте меня, душу красную дѣвушку:
Запрягите пару коней наступчивыхъ,
Мнѣ объѣхать вся родня-порода сердечная,
Мнѣ зазвать душѣ красныя дѣвушкѣ
Во частую любимую гостьбицу

Вся родня порода сердечная
На побѣдную слезливую свадебку.

3. ПРИЧЕТЪ НЕВѢСТЫ ПО ПРІѢЗДѢ КЪ РОДСТВЕННИКАМЪ.

Не бойся, родня-порода сердечная!
Не съ конбоемъ [1]) я пріѣхала, душа красная дѣвушка,
Со кумами да со подружками
Къ вамъ во частую любимую гостьбицу, —
Я зазвать васъ въ частую любимую гостьбицу
На побѣдную слезливую свадебку
Къ моимъ свѣтамъ сердечнымъ родителямъ
И ко мнѣ-то ко красной ко дѣвушкѣ.

4. ПРИЧЕТЪ НЕВѢСТЫ ПРИ ОТЪѢЗДѢ ИЗЪ ГОСТЕЙ.

Спасибо, родня порода сердечная,
За чистую любимую гостьбицу,
Что приняли меня душу красную дѣвушку,
Угощали со кумами со подружками.
Вы гостите, вся родня-порода сердечная,
Ко мнѣ въ частую любимую гостьбицу
На побѣдную слезливую свадебку
Поуговаривать свѣтовъ сердечныхъ родителей,
Чтобы не отдали меня душу красную дѣвушку,
На чужу дальну озпобную сторонушку.
Лучше пусть наймутъ меня красную дѣвушку
Во горькія казачихи во полѣтнія [2]),
Возьмутъ мною несчетной золотой казны
И выкупятъ меня изъ этой лютой неволи великія
Со чужой дальной озпобной сторонушки.
Какъ чужа дальна озпобна сторонушка
Не садами она испосажена,
Не медами она наполивана,
Не сахаромъ, злодѣйка, пересыпана:

---

1) Въ причетѣ слышится: съ конбоемъ, т. е. съ конвоемъ.
2) Въ наемныя работницы каждый годъ въ теченіи лѣта.

Испосажена люта ознобна сторонушка
Лютой неволей великою,
Наполивана чужая ознобна сторонушка
Горькими слезами горючими,
Пересыпана она кручинушкой великою.

5. ПРИЧЕТЪ НЕВѢСТЫ ПО ПРІѢЗДѢ ДОМОЙ.

Слава тебѣ, слава Христу Господу!
Я объѣздила, душа красная дѣвушка,
По милой по родимой сторонушкѣ,
Зазвала свою родню-породу сердечную
Во частую любимую гостьбицу.
Вы ступайте, мои крестовыя кумушки,
Къ моимъ свѣтамъ сердечнымъ родителямъ
Во свѣтлую хорошую свѣтлицу,
Во новую высокую горенку;
Правьте тутъ дорожку широкую,
Мостите мосточки дубовые,
Устилайте суконцами ординарными,
Убивайте гвоздочками шеломчатыми,
Чтобы льзя [1]) пройти душѣ красныя дѣвушкѣ
Со кумами да со подружками
Ко своимъ свѣтамъ сердечнымъ родителямъ.
Вы послушайте, свѣты сердечные родители;
Я пріѣхала со кумами да со подружками:
Ставьте-ко столички дубовые,
Стелите-ко скатерти браныя,
Поспте пищу-яству крестьянскую, —
Я сяду, душа красная дѣвушка,
Со кумами со подружками.
Охти мнѣ, мнѣ-ка бѣдной тошнехонько!
Теперь все прошло да миновалося,
Еще часъ ко часу приближается,
Вѣкъ дѣвичій коротается,
Единымъ пройдетъ часочкомъ, минуется.

1) Замѣчательная коренная форма, извѣстная въ сложной: нельзя.

Охти мнѣ, мнѣ-ка бѣдной тошнехонько!
У меня все-то прошло да миновалося:
Прошли тихія бесѣды смиренныя,
Прошли долгія полуночныя вечериочки
Со своими-то со подружками со кумушками.
Вамъ спасибо, мои крестовыя кумушки,
Что пришли ко мнѣ ко красной ко дѣвушкѣ
Во частую любимую гостьбицу,
Что спровадить мою волю бажопую
На чужу дальнюю озпобну сторонушку.

6. ПРИПѢВКА ДѢВИЦЪ, КОГДА НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПО УТРУ ПО ПРІѢЗДѢ ВЪ ГОСТЬБИЦУ БУДИТЪ НЕВѢСТУ.

Еще что я заспалася да задремалася,
Моя мягкая перинка залежалася!
Пора вставать да пробужатися:
По селамъ пѣтухи поютъ,
По избушкамъ печки топятся,
По церквамъ да Богу молятся,
По часовенькамъ спасаются.
Мнѣ ночесь мало спалось, а много видѣлось:
У моей-то у тесовой у кроваточки
Въ ногахъ стоитъ роща лѣсу темнаго;
По бокамъ-то кроваточки
Натащило суметы [1]) снѣгу бѣлаго;
Со крутаго складнаго зголовьица
Бѣжитъ быстрая текущая рѣченька,
По быстрой текущей по рѣченькѣ
Плыветъ хороша водоплавная утушка,
Завернута млада буйная головушка
Подъ правое летучое крылушко.
Сама знаю я, душа красная дѣвушка,
Что не роща стоитъ лѣсу темнаго, —
Стояла чужая-то озпобная сторонушка;
Не суметы натащило снѣжку бѣлаго,
А тутъ стоитъ люта неволя великая,

1) Сугробы снѣга у околицъ или избъ по сторонамъ дороги.

Берегетъ меня красну дѣвушку;
Со крутаго складнаго зголовьица
Не быстра бѣжала рѣченька,
Тутъ бѣжали мои слёзы горючія;
Не утушка плыла водоплавная,
А уплыла отъ меня воля великая
За синія моря за широкія,
За славные города за сибирскіе.
Мнѣ ночесь мало спалось, а много видѣлось:
Приходила желанная родитель-матушка,
Меня словцомъ побудила, а ручкой окутала:
«Спи-ко, малая косатая ластушка,
«Про запасъ, про запасное времячко!
«Ты будешь на чужой дальной озноб̀ной сторонушкѣ,
«Не даютъ тамъ долго спать-высыпатися:
«Вечеру [1]) уложатъ поздешенько,
«По закатъ красна солнышка,
«По утру разбудятъ ранешенько,
«До всхода тепла краснаго солнышка;
«Погонятъ тебя бѣдную
«Въ лѣсъ по красныя боровыя ягодки,
«Даютъ корзинку четверичную,
«Во корзинку кинутъ корку огорѣлую».
Вы послушайте, крестовыя кумушки!
Какъ пойдете съ милой родимой сторонушки
Во темный лѣсъ по красны ягодки,
Привершите къ моимъ свѣтамъ сердечнымъ родителямъ,
Къ большому косивчату окошечку.
Вы покличьте меня, душу красну дѣвушку,
Предайте моимъ родителямъ,
Тоскѣ-кручинушкѣ великія.
А какъ вы придете во темный лѣсъ,
Крестовыя мои кумушки,
Вы сядьте на колодку дубовую,
Вы запойте частую умильную пѣсенку, —
Я услышу, душа красная дѣвушка,

1) Въ вечеру, вечеромъ.

Съ чужой дальной ознобной сторонушки,
Такъ приду я къ вамъ, крестовыя кумушки.
Помогите мнѣ набрать красныхъ ягодокъ
Полную корзину четверичную:
Приду-то я, красная дѣвица,
На чужую ознобную сторонушку,
Ко многимъ богоданнымъ, не къ родителямъ, —
Не зачнутъ меня бранить красную дѣвушку.

7. ПРИЧЕТЪ ДѢВИЦЪ, КОГДА ОНѢ, ВЫТОПИВШИ БАНЮ ЗОВУТЪ ТУДА НЕВѢСТУ.

Отворяйся, дверь дубовая,
По петелькамъ шелковымъ,
По порожкамъ по кленовымъ!
Не купцы изъ Питера наѣхали,
Не наборщички съ Петровскаго [1]), —
Идутъ баенныя истопщички,
Подружки да водоношички.
Вы пожалуйте, родители,
Въ нашу парную баенку,
Въ бѣлую умываленку.
Не спѣшитесь-ко, родители:
Не про васъ-то байна топлена,
Не про васъ байна изготовлена, —
Про душу красную дѣвушку.
Ты пожалуй, красна дѣвушка,
Въ нашу парную баенку,
Въ бѣлую умываленку.
Еще наша парна баенка
Во сыромъ-то бору рублена [2]),
На добрыхъ-то коняхъ вожена,
По рѣкѣ байна приправлена,
По край бережку поставлена,
Мшона байна лисицами,
Крыта байна куницами.

---

1) Съ Петровскаго завода, съ Петрозаводска.
2) Рублена.

Во нашей парной баенкѣ
Ободверепки дубовыя,
А дверцы-то щитовыя [1]),
Петельки шелковыя,
Гвоздочки шеломчатые.
Во нашей парной баенкѣ
Есть три лавочки брусовыя,
Есть три грядочки сѣченыя,
Есть три стопочки точеныя,
Три окошечка косивчаты.
Во нашей парной баенкѣ
Камеленочка хрустальная,
Черпушечка серебряпная;
Наша парная баепка
Топлена травой-муравою,
Растоплена парна баенка
Цвѣточками лазуревыми;
Во пашу парпу баепку
Изъ трехъ рѣкъ вода пошена:
Со первой рѣки угрюмыя,
Со второй рѣки свирѣпыя,
Со третьей рѣки веселыя.
Ты пожалуй, красна дѣвушка,
Во нашу парпу баенку,
Во бѣлую умываленку.
Ты пе мойся, красна дѣвушка,
Матушкой Угрюмъ-рѣкой:
Богоданные [2]) будутъ угрюмые,
Милый-ладый [3]) невеселъ съ тобой;
Ты пе мойся, красна дѣвушка,
Матушкой Свирѣпъ-рѣкой:
Богоданны будутъ свирѣпые,
Милый-ладый песговорчивый;
Ты умойся, красна дѣвушка,
Матушкой Веселъ-рѣкой:

1) Плотныя.
2) Свекровь и свекоръ, а также и прочіе старшіе родные мужа.
3) Разумѣется женихъ.

Богодашные будутъ весслые,
Милый-ладый сговорчивый.
Вамъ спасибо, баешныя истопщички,
Подружки водопощички!
Честно зазвали и именно [1])
Меня-то, душу красную дѣвушку,
Въ хорошу тепло-парную баенку.
Подойди-ко, жалостливая матушка,
Пришеси-ко мою бѣлую рубашку полотняную,
Которая шита по три ночи лѣтнія:
Первая шита ночь Петровская,
Другая шита ночь Иванская,
А третья шита ночь Ильинская;
На правомъ плечѣ шита зоря утрянная,
На лѣвомъ плечѣ поздня вечерняя,
Противъ ретива сердца красное солнышко,
На крылечкахъ младъ свѣтелъ мѣсяцъ,
По всей-то рубашкѣ полотняноей
Разсыпались часты мелкія звѣздочки;
По подолу рубашки полотняноей
Всѣ исшиты пути-дорожки широкіе,
Куда мнѣ идти красной дѣвушкѣ
На чужу дальну озпобну сторонушку.
Подойди ко мнѣ, мила сестрица голубушка,
Пришеси-ко мнѣ часто-рыбій гребешокъ
И бѣло хрустальное зеркальцо.
Ты послушай-ка, жалостливый мой батюшко.
Дай мнѣ вѣрнаго, надійнаго товарища
Идти въ хорошу парну баешку
Со кумами со подружками,
Чтобы правилъ путь дороженьку широкую,
Со сторонъ берегъ душу красную дѣвушку,
Чтобы буйны вѣтры не обвѣяли,
Черны вороны не обграяли,
Злы собаки не облаяли,
Добры люди не смѣялися.

1) Съ почетомъ.

Теперь я поневольная душа красная дѣвушка:
Запоручена моя буйна млада головушка
На чужу дальну озлобную сторонушку
Ко многимъ богоданнымъ родителямъ.
Какъ за мной-то за душей красной дѣвушкой
Ходитъ лютое безволье великое,
Бережетъ меня душу красную дѣвушку.
Охти-мнѣ, мнѣ-ка тошнехонько!

8. ПРИЧЕТЪ ДѢВУШЕКЪ ПО ВЫХОДѢ НЕВѢСТЫ ИЗЪ БАНИ.

Спасибо тебѣ, теплопарная баенка,
На пару-жару, на мыльномъ щелокѣ!
Тебѣ спасибо, бѣла березка кудреватая,
На хорошемъ семишелковомъ вѣшчкѣ!
Спасибо, быстрая текучая рѣченька,
На свѣжей-то ключевой воды!
Послѣ моего быванья, вѣку долгаго,
Раскатись-ко, бѣла парна баенка,
Съ верхняго бревешка до подвальнаго;
На этомъ на мѣстѣ на баенномъ
Вырости, бѣлая березка кудреватая!
На эту березку кудреватую
Солетятся всѣ птички заморскія;
Какъ настанетъ годовой господней праздничекъ,
Какъ пойдутъ-то добры люди крещеные
На славное церковное буяво
Постоять-то на этомъ на мѣстѣ на баенномъ,
У этой бѣлой березки кудреватыя,
Подивуются: была хороша тепло-парная баенка,
Теперь выросла бѣла березка кудреватая:
Видно выдана душа красная дѣвушка
На чужу дальну озлобную сторонушку.

II. Вытегорскіе свадебные причеты.

(См. ч. III, стр. 347.)

—

1. ПРИ ПРОСВАТОВСТВѢ НЕВѢСТА СТИХОВОДНИЧАЕТЪ.

Благослови, Боже Господи,
Благословите-ко, родители,
Повести мнѣ зычнымъ голосомъ.
Не лебедушка воззыкнула,
Красна дѣвица заплакала,
Повела да зычнымъ голосомъ
По позднéй по вечерниочкѣ
Позакать да красна солнышка.
Разодвиньтесь, кумы подруженьки!
Попройти мнѣ красной дѣвицѣ,
Въ чéстно мѣсто, во большой уголъ.
Въ честномъ мѣстѣ — во большомъ углу
Есть гости-то незнамые,
У кормильца-то у батюшка
Голоса есть незнакомые.
Какъ взгляну я, красна дѣвица,
На икону бѣлокрущату, —
На иконѣ бѣлокрущатой
Всѣ ли списаны святители;
За столомъ бѣлодубовенькимъ
Всѣ ли собраны родители?
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешинько!
На иконѣ бѣлокрущатой
Не всѣ списаны святители,
За столомъ бѣлодубовенькомъ
Не всѣ собраны родители.
Не спѣши, кормилецъ-батюшко,
Засвѣчать да восковой свѣчи,
Господу̀-Богу молитися,
Ужъ ты бить да по бѣлымъ рукамъ,

Цѣловать да Спаса образа.
Есть послы у меня посыланы
Во всѣ четыре стороны.
Какъ со батюшкину сторону
Нѣтъ половины роду-племени,
Какъ со матушкину сторону
Нѣтъ всего-да роду-племени.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнехонько,
Сколь гораздо обиднехонько!
Отвернусь я, красна дѣвица,
Отъ стола бѣлодубоваго,
Я теперь пойду, кручинная,
Во родў да искать сродничковъ,
Во племени да доброхотничковъ.
Гдѣ-то есть у красной дѣвицы,
Гдѣ кормилецъ-то мой батюшко?
По далеку всё туляется,
По малў всё придвигается.
Слушай-ко, кормилецъ батюшко!
Поспрошу я, красна дѣвица,
Въ чемъ я дочь да провинилася,
Въ чемъ красна я проступилася?
За вину буду вишпися,
За проступокъ буду клапяться.
Видно я, кормилецъ-батюшко,
Не раба была, работница,
Не бѣлая портомойница.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешнпько!
Промѣняли красну дѣвицу
Милую да на постылово!
Вы на что да прпобзарплись,
Вы на что да прпукинулись:
На богатое богачество,
Или на хорошее хорошество,
Или на хоромное строенпще,
На безрозчетную золоту казну,
На зеленое да вино пьяное?

2. НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛѢ ПРОСВАТОВСТВА НЕВѢСТА ПРИЧИТАЕТЪ:

Что-то я да разсидѣлася,
Ужъ я чего да призадумалась,
Будто у меня у красной дѣвицы
Нѣтъ горя, нѣтъ кручшшушки.

Слушайте, кумы-подруженьки,
Вы души да красны дѣвицы!
Послѣ моего бываньица,
Послѣ моего живаньица,
Какъ поѣдите, мои голубушки,
Ко владычну честну праздничку
Господу Богу молитися,
Къ ранней-то заутренькѣ,
Къ пресвященной-то обѣденькѣ, —
Такъ потрудитесь, милы лебеди,
Приверните, кумы подруженьки,
Къ моимъ сердечнымъ то родителямъ,
Такъ крикните вы да гаркните
Мою родитель-то матушку
Подъ косящатымъ окошечкомъ:
«Что будь да, желанна тетушка,
«Ты свою-то дочь любимую
«Ко владычну чéстну праздничку».
Какъ поглядитъ родитель матушка,
Какъ на васъ, мои голубушки,
Взадъ да по походочкѣ,
Спереду васъ по поступочкѣ,
Сотлѣетъ ея сердечушко,
Изоржавѣетъ ретивое,
Схватится и догодается
Что отпустила лебедь бѣлую.

3. ПЕРЕДЪ СВАДЬБОЮ, УТРОМЪ, ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ:

Что-то спятъ мои родители,
Что-то спятъ мои сердечные?

Они спятъ, не пробужаются,
По сегодишнюю денечику
На корыстяхъ спятъ на радостяхъ.
Какъ вечéръ по позду вечеру
До сытá да наѣдался,
До пьянá да напивался.
Время встать вамъ, пробудитися:
По деревнямъ печи топятся,
По дворамъ да пѣтухи поютъ,
По полямъ да пахари пашутъ,
Въ островахъ [1]) да сѣкари сѣкутъ.
Какъ по сегодишнюю денечику,
Какъ почесь по позду вечеру,
Я ждала всё дожидалася,
Я рожону свою матушку,
Во мягкóй своей постелюшкѣ
На совѣтъ па думу крѣпкую.
Не могла, горе, дождатися
Моей рожопой-то матушки:
Не было да поры-времечка.
Ахти мнѣ-да мнѣ тошпешинько
Мнѣ душѣ да краспой дѣвицѣ!
Какъ мнѣ почесь да въ темпой поченькѣ,
Мнѣ немного ночесь спáлося
Мнѣ во сняхъ грозно казалося:
«Будто ночесь во темпой поченькѣ,
«Что у васъ, мои родители,
«Что у васъ, мои сердечные,
«Всѣ тыночки раскатилися,
«Всѣ столбы да пошатѝлися,
«Съ теремовъ верхи повынесло».
Разсудите-ко, родители,
Разсудите вы, сердечные,
Мнѣ къ чему да показалося,
Мнѣ къ чему ночесь пригрѣзилось?
Видно спугалися родители,

---

1) Островъ — небольшой отдѣльный лѣсъ, особнякъ. (Даля Слов., 1283).

Видно спугалися сердечные.
Не пугайтесь вы, родители,
Не пугайтесь вы, сердечные!
Что не къ вамъ да показалося,
Что не къ вамъ почесь пригрѣзилось.
Разсужу я, красна дѣвица,
Я своимъ да глупымъ разумомъ,
Что-ка мнѣ да показалося,
Что-ка мнѣ почесь пригрѣзилось:
Не тыночки раскатилися
Не столбы да пошатилися,
Не съ теремовъ верхи повыпесло, —
Приоткатитъ красну дѣвицу
По сегодишнюю денечику
Съ вашего-то вита гнѣздышка,
Повынесетъ у красной дѣвицы
Мою красную-то красоту,
Что дѣвочью волыу волюшку
Съ моей буйной головушки.

4. НЕВѢСТА ПОЕТЪ МОЛИТВУ:

Помолюсь я, красна дѣвица,
Самому Христу небесному,
Пресвятой я Богородицѣ:
Сохрани-помилуй, Господи,
На сегодпешній великой день.
Помолюсь я, красна дѣвица,
Я Николѣ Многомилостиву:
Сохрани-помилуй дѣвицу,
Святый Никола Многомилостивый!
Помолюсь я, красна дѣвица,
Я Пречистой Богородицѣ:
Ты, Пречиста Богородица,
Прпочисти, Матерь Божія,
Всѣ пути да всѣ дороженьки:
По сегодишнюю денечику
Мнѣ пройти да прокатитися

Мнѣ душѣ да красной дѣвицѣ
На любовное гостебище
Съ кумушками, со подружками,
Со душа̀мъ со краснымъ дѣвицамъ,
Не въ первые, во послѣдніе.
Помолюсь я, красна дѣвица,
Я Покрову Богородицы:
Ты покрой да меня, Матушка,
На сегоднешній Господень день
Своей ризою петлѣною.

5. НЕВѢСТА ПРИГЛАШАЕТЪ ДѢВИЦЪ ВЫДТИ НА УЛИЦУ «ОТДАВАТЬ ДОБРОВЪ».[1])

Вы пойдемте, кумы подруженьки,
На широкую-то улушку.
Пособите-ко, голубушки,
Приотдать да красной дѣвицѣ
Мнѣ-ка позднее добровтечко.
Вы давайте-ко, родители,
Великое благословенъице
Мнѣ повыдти красной дѣвицѣ
На широкую то улушку
Съ кумушками — со подружками.

Выходятъ на улицу и, раскланиваясь во всѣ четыре стороны, причитаютъ:

Затѣмъ добровъ да доброваньице
Что во всѣ четыре стороны:
Какъ во первую сторонушку,
По Никольской пути-дороженькѣ,
Что на площадь то широкую,
На ограду бѣло-камешу,
На могилочки восокія.

1) *Добровъ* — прощанье съ родомъ-племенемъ въ предсвадебный день: невѣста съ вожатыми ѣздитъ по всей родиѣ и испрашиваетъ прощенья въ своихъ проступкахъ.

Затѣмъ добровъ да доброваньице
По большой пути-дороженькѣ
Въ грозну службу Государеву,
Государю царю батюшку,
Что къ самой-то государынѣ,
Государскимъ малымъ дѣтушкамъ.
За тѣмъ добровъ да доброваньице
Вамъ поля, луга зеленые,
И на широку гладку улушку.
За тѣмъ добровъ да доброваньице
По всему да свѣту бѣлому,
И вамъ, сердечные родители!
Благодарствуйте, голубушки,
Тайны-милыя подруженьки,
Пособили, бѣлы лебеди,
Приотдать да красной дѣвицѣ
Мнѣ-ка позднее добровтечко.

Возвращаются къ дому.

Что слава, слава Господу!
Встрѣчаютъ меня родители,
Встрѣчаютъ меня сердечные,
Честно-хвально за бѣлы руки,
Посередь широкой улушки,
На круто красно крылечушко.

По приходѣ въ избу.

Затѣмъ добровъ да доброваньице
Во всю свѣтлую-то свѣтлицу,
Во высоку нову горницу,
Вамъ пречестны — Святы образы,
Вамъ, косящаты окошечка,
Вамъ, стекольчаты околенки,
Вамъ, брусовы бѣлы лавочки,
Большачку въ домѣ на бо́льшинѣ,
Что большухонькѣ разводчицѣ. —
Походить мнѣ красной дѣвицѣ,
Походить — покрасоватися,
Погулять — погуливатися

У сердечныхъ-то родителей; —
Не долго мнѣ красоватися,
Не долго мнѣ волеватися:
Часъ къ часочку коротается,
Мнѣ одинъ часъ да остается.
Я теперь пойду кручинная,
По полу̀ пойду расхаживать,
Терема пойду раскрашивать,
Цвѣтно платьице допашивать,
Красной кра́соты додерживать,
Черныхъ чеботовъ дотаптывать.
Вы топчитесь, черны чоботы,
На моихъ да рѣзвыхъ ножепькахъ,
Ты носись да, цвѣтно платьице,
На моихъ да узкихъ плечикахъ,
Ты держись да, красна красота,
На моей да буйной головушкѣ,
Развивайтесь, алы лепточки,
Во моей да русой ко́сынькѣ,
По моимъ да узкимъ плечикамъ.

6. НЕВѢСТА ПРИЧИТАЕТЪ, КОГДА КТО ЛИБО ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ПРІѢЗЖАЕТЪ ЗВАТЬ ЕЕ ВЪ ГОСТИ.

Что слава, слава Господу!
Кого ждала, того до́ждала,
Кого звала, того вызвала:
Дождалась я, красна дѣвица,
Ужъ я зову-то гостиново,
Я пріѣзду лошадинаго,
Что зовутъ да меня жалуютъ
На любовное гостебище,
Съ кумушка̀ми со подружками,
Со душамъ со краснымъ дѣвицамъ.
Ужъ вы потчуйте, родители,
Ужъ вы чёстуйте, сердечные,
Удалово добра молодца
Что Ивана-свѣтъ-Сергѣича.

Вы сряжайтесь-ко, голубушки,
Вы сдобляйтесь[1]) ко, подруженьки,
Вы души, да красны дѣвицы,
Сестрицы мои голубушки,
Что со мной со красной дѣвицой
На любовное гостебище.
Прокатитесь, бѣлы лебеди,
При послѣднемъ порѣ-времечкѣ
Что со мной со красной дѣвицей.

7. ПО ПРІѢЗДѢ ДОМОЙ НЕВѢСТА БЛАГОДАРИТЪ:

Благодарствуй, добрый молодецъ,
Иванъ да ты Сергіевичъ!
Укаталъ да красну дѣвицу,
По сегоднешню денечику
Съ кумушками, со подружками,
Со душамъ со краснымъ дѣвицамъ.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Пришла честь да слава добрая,
Похвала да мнѣ-ка славная,
Мнѣ душѣ да красной дѣвицѣ.
Благодарствуйте, родители,
Благодарствуйте, сердечные,
Ты, кормилецъ мой да батюшко,
Ты, родитель моя матушка,
Родимы да милы братьицы!
Учестили да употчевали
Всю родню свою широкую,
Всю природу-то хорошую.
Ужъ какъ брали красну дѣвицу
Честно-хвально за бѣлы руки,
Съ моими милыми подружками,
Брали меня чёстывали
Отъ души да отъ сердечушка

1) *Сдобляться* или *сподобляться* = собираться, проготовляться, отъ корня *доб*, откуда *удобство*, *надобно* и др.

Со всѣмъ родомъ, со всѣмъ племенемъ.
Нагулялась красна дѣвица
При послѣднемъ порѣ-времечкѣ,
Со всѣмъ родомъ распростилася,
Я со всѣми разгостилася.

8. ЕСЛИ НЕВѢСТА СИРОТА, ТО ПРІѢЗЖАЕТЪ НА МОГИЛЫ РОДИТЕЛЕЙ И ПРИЧИТАЕТЪ.

Вы повѣйте, вѣтерочики,
Со всѣхъ четырехъ-то сторонушокъ,
Вы не свѣйте, вѣтерочики,
Съ лѣсочиковъ вершечиковъ,
Съ Божьей церкви-то златыхъ крестовъ.
Ужъ вы свѣйте, вѣтерочики,
Со могилушки песочикъ.
Отворись-ко, мать сыра земля,
Росколись-ко, гробова доска,
Размахнитесь, полотенечка,
Покажи-ко, красно солнышко,
Ты, родитель моя матушко,
Ты свое да лицо бѣлое.
Слушай-ко, моя добротушка!
Какъ я стояла, красна дѣвица,
Я у ранней-то заутрени,
У пресвященной-то обѣденки, —
Я молилась, низко кланялась
Самому Христу небесному,
Пресвятой я Богородицѣ.
Я просила-низко кланялась
У Христа-то у небеснаго,
У Пресвятой я Богородицы
Я двухъ ангеловъ-архангеловъ:
Прилетайте-ко вы, ангелы,
И приносите-ко вы, ангелы,
Моей родимой-то матушкѣ
Душеньку да во бѣло тѣло,
Дыханьице да въ ретиво сердце,

Ходость[1]) въ рѣзвы ноженьки,
Маханье[2]) да во бѣлы рученьки,
Слухъ да во чутки уши,
Взглядъ да во ясны очи,
Рѣчь-пословицу умильную
Во уста бѣлосахарныя.
Ты вставай-ко, красно солнышко,
Ты родитель моя матушка,
И ты садись, родитель матушка,
Край[3]) высокой-то могилушки,
Ужъ ты врядъ да со мной по ряду
Ужъ я стану, спротиночка,
Про твое житье выспрашивати,
Про свое горе высказывати.
Слушай-ко, родитель матушка!
Какъ не дай да тово, Господи,
Безъ сердечныхъ жить родителей,
Безъ родители-то матушки!
Во рашémъ то спротаньицѣ,
Въ горе-горькомъ покликаньицѣ[4]),
Надо много ума-разума.
Какъ послѣ твоего было живаньица,
Послѣ твоего было бываньица,
Находилась горебѣдная
По чужимъ дѣламъ-работушкамъ:
Не могла, горюша бѣдная,
Я угодить-то чужимъ людямъ,
Я ни дѣломъ, ни работушкой,
Я ни умомъ-то, я ни разумомъ.
Слушайко-ко, родитель матушка!
Есть у меня, у красной дѣвицы,
Есть горя̀ много, кручинушки,

---

1) и 2) *ходость* и *маханье* — замѣчательныя народныя слова для обозначенія способности движенія руками и ногами.

3) *край*. Очень употребительное въ Олонецкомъ подрѣчіи выраженіе, имѣющее силу предлога, напр.: край лѣса, край моря.

4) *Покликаньице*. Жизнь въ «спротаньицѣ» представляется при безпрестанномъ покрикиваньи на сироту.

Три поля́ горя́ насѣяно,
Три горы есть попакачено:
Не съ кѣмъ горюшка измыкати.
Кручины не съ кѣмъ убавити,
Нѣтъ ни съ коей-то сторонушки,
Нѣтъ ни роду, нѣтъ ни племени,
Камешка будто отколышекъ,
Чурочки будто отрубышекъ.
Хоть есть у меня у красной дѣвицы,
Есть много роду племени,
Есть сестрицъ много голубушекъ,
Есть желашыхъ у меня тетушекъ,
Родимыхъ да милыхъ братыцевъ, —
Отошла жалость великая
У всего да роду племени.
Слушай-ко, желанна матушка!
Я пришла да красна дѣвица,
Я пришла, къ тебѣ пріѣхала,
За великимъ благословенышемъ.
Чѣмъ ты станешь, красно солнышко,
Благословлять, родитель матушка,
Раншю бѣдну сиротиночку?
Мнѣ не въ садъ бѣдной садитися,
Подъ вѣнецъ да становитися,
Такъ чѣмъ же ты станешь, родитель-матушка
Благословлять да красну дѣвицу:
Ужъ ты златомъ, или серебромъ,
Или цвѣтнымъ меня платышемъ,
Или безросчетной зототой казной?
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Глупая я, неразумная!
Мнѣ не надо, красной дѣвицѣ,
Мнѣ ни злата да ни серебра,
Не безросчетной золотой казны,
Мнѣ не цвѣтнаго-то платьица.
Ты давай, родитель-матушка,
Велико́е благословенышце:
Какъ твое-то благословенышце

На головушкѣ не старѣетъ,
На сердечушкѣ не ржавѣетъ,
Въ темномъ лѣсѣ не теряется,
На водѣ не потопляется.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Глупая́ я, неразумная,
Рания бѣдна сиротшочка,
Я горюша горегорькая!
Благословила, красно солнышко,
Что родитель меня, матушка,
Изъ-за малово ребячества
Рашебѣдным̀ъ спротаньицемъ,
Горегорькимъ покликаньщемъ.
Вы пойдемте, милыя подруженьки,
Вы, души красны дѣвицы,
Вы пойдемте да поѣдемте
Мы съ сердечною-то матушкой!

9. КОГДА НЕВѢСТА РАЗСТАЕТСЯ СЪ КРАСОТОЮ (головнымъ дѣвичьимъ уборомъ), ТО ПРИЧИТАЕТЪ:

Гдѣ-то есть у красной дѣвицы
Кумушки мои подруженьки?
Собирайтесь-ко, лебедушки,
Въ одно стадо-то гусиное,
Въ одинъ кругъ-то лебединый;
Пособите-ко, голубушки,
Помогите-ко, подруженьки,
Приотдать да красну кра̀соту,
Умѣстить да воли́ну волюшку.

Обращаясь къ матери, продолжаетъ:

Гдѣ-то есть у красной дѣвицы,
Гдѣ рожона моя матушка?
По далеку всё туляется,
По малу̀ всё придвигается.
Ты давай, родитель матушка,

Часто-рыбчатое[1]) блюдечко
Положить мнѣ красна красота.
Ты снимай, родитель матушка,
Мою красную-то красоту
Со моей буйной головушки.

Мать беретъ съ головы невѣсты красоту и кладетъ на блюдо; невѣста продолжаетъ:

Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Подымулись твои рученьки
Снять красную-то красоту
Со моей буйной головушки,
При кумахъ да при подружкахъ,
При душахъ да красныхъ дѣвицахъ.
Поглядите-ко, подруженьки,
Посмотрите-ко, сердечныя:
Не статится мнѣ, не ладится
Мнѣ безъ красныя-то красоты,
Безъ дѣвочьей вольной волюшки.

Беретъ съ блюда.

Воротись-ко, красна красота,
Взадъ на бѣлыя-то рученьки.
Поприжму я красну красоту
Я ко вздоху-то тяжолому,
Я ко сердцу-то ретивому:
Хоть я часъ да покрасуюся,
Хоть другой я поволююся,
Цѣлый годъ пропохваляюся
На остудной-то сторонушкѣ
Противъ чужово чужанина.
И я не знаю, красна дѣвица,
Мнѣ куда да молодешенькѣ,
Положить мнѣ красна красота,
Умѣстить да вольна волюшка.

1) *Рыбчатый, рыбачатый*,—на рыбу похожій. (Даля Слов., II, 105) (?).

Ты возми, родитель-матушка,
Мою красную-то красоту,
Что дѣвочью вольну волюшку,
И положи, родитель-матушка,
Во теплую къ себѣ пазушку
Ко ретивому сердечушку.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Матушка у меня старешенька,
Поясокъ держитъ слабешенько,
Испорошитъ красну красоту,
Потеряетъ вольну волюшку.

Беретъ отъ матери крàсоту.

Воротись-ко, красна красота,
Взадъ на бѣлыя-то рученьки,
Понрижму я красну красоту
Я ко вздоху-то тяжолому,
Я ко сердцу-то ретивому,
И не разстанусь съ красной красотой,
Со дѣвочьей вольной волюшкой.
Хоть долгò мнѣ красоватися,
Мнѣ будетъ да припростатися
Мнѣ со красной-то красотой.
Положу я красну красоту
Въ Божью церковь во соборную,
Ко иконамъ бѣлокрущатымъ:
Старъ пройдетъ, Богу помолится,
Младъ пройдетъ, — да подивуется,
Малъ пройдетъ, да попотѣшится.
Тамъ есть мѣсто и мѣстечко,
Тамъ помѣстье вѣковѣчное.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
У попа-отца духовнаго
Стали дѣти своевольные,
Исталуютъ [1]) красну красоту,
Изорвутъ да вольну волюшку.

1) *Исталовать* — ?

Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко.
Воротись-ко, красна красота,
Взадъ на бѣлыя-то рученьки,
Хоть я часъ да покрасуюся,
Хоть другой я поволююся.
Гдѣ-то есть у красной дѣвицы,
Гдѣ душа да красна дѣвица,
Гдѣ сестрица моя голубушка?
Ты возми-ко красну красоту,
Ты дѣвочью вольну волюшку.
Ты носи, моя голубушка,
Мою красную-то красоту
По владычнимъ честнымъ праздничкамъ,
По Христовымъ воскресеньицамъ,
Ко пѣнью Божью-церковному,
Ко звону̀ да колокольному,
Ты ко ранней-то заутренкѣ,
Къ пресвященной-то обѣденкѣ.
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Не помѣстье вѣковѣчное;
Исталуетъ красну красоту,
Изорветъ да вольну волюшку.
Воротись-ко, красна красота,
Взадъ на бѣлыя-то рученьки.
Я не знаю красна дѣвица
Мнѣ куды класть красна красота,
Умѣстить да вольна волюшка.
Гдѣ-то есть у красной дѣвицы,
Гдѣ кормилецъ-то мой батюшко?
Ты давай, кормилецъ батюшко,
Подъ косищатымъ окошечкомъ,
Мнѣ-ка мѣстечка немношенько,
Мнѣ земелюшки малешенько,
Разсадить сады зеленые.
Положу я красна дѣвица
Во садики зеленые

Свою красную-то красоту,
Я дѣвочью вольну волюшку.
Тутъ ей мѣсто, тутъ ей мѣстечко,
Тутъ помѣстье вѣковѣчное.
Ты гляди, родитель-матушка,
Со косящата окошечка
На красную-то красоту,
На дѣвочью вольну волюшку;
Береги, родитель-матушка,
Мою красную-то красоту,
Что дѣвочью вольну волюшку.
Какъ сойду я красна дѣвица
На остудную сторонушку,
Ко чужому-то чужáнину,
Ко чужимъ-то лютымъ людямъ,
Какова да пора сдѣется,
Каково да время слýчится,
Какъ нагрубя́тъ меня грубешенько,
Надсадя́тъ да обиднешенько; —
Я приду да красна дѣвица
Со остудной-то сторонушки
На любовное гостебище,
Ко сердечнымъ-то родителямъ;
Приверну я красна дѣвица
Во зеленой-то садочикъ,
Я возму да красна дѣвица
Свою красную-то красоту,
Я дѣвочью вольну волюшку,
Я на бѣлыя-то рученьки,
На совѣтъ на думу крѣпкую,
Наговорюсь я пришабаюся,
Я со красной-то красотой,
Со дѣвочьей вольной волюшкой.
Тутъ ей мѣсто, тутъ ей мѣстечко,
Тутъ помѣстье вѣковѣчное.

10. НЕВѢСТА ПРОСИТЪ У РОДИТЕЛЕЙ БЛАГОСЛОВЕНІЯ.

Выдавайте-ко, родители!

Засвѣчай, кормилецъ-батюшко,
Засвѣчай-ко воскову свѣчу.
Благословляйте-ко, родители,
Благословляйте-ко, сердечные,
Мнѣ не въ садъ бѣдной садитися,
Подъ вѣнецъ да становитися.

11. НЕВѢСТА САДИТСЯ ЗА СТОЛЪ ВМѢСТѢ СЪ ДѢВИЦАМИ.

Вы садитеся, кумы-подруженьки,
Большàя да возлѣ мѐньшую,
Меньшая да возлѣ бóльшую.
Слушайте, милыя подруженьки,
Вы души да красны дѣвицы,
Какова да пора сдѣется,
Каково да время слу̀чится,
Какъ приступитъ чужой-чуженецъ,
Съ княженѐцкимъ своимъ пóѣздомъ,
Такъ не сдавайтесь, бѣлы лебеди,
На поклоны-то на низкіе,
На слова-то вы на ласковы,
На чѐстны дóроги подарочки,
На городецки сладки прянички,
На базросчетну золоту казну,
На зеленое вино пьяное.

12. ПО ПРІѢЗДѢ ЖЕНИХА НЕВѢСТА ПРИЧИТАЕТЪ.

Что катитъ да туча темная,
Со громами, Божьей милостью,
Съ маланьѐй да со сверкучей.
Не могла пасть да туча темная,
Что ни нà воду, ни нà землю,
Ни на корбы-то дремучія,
На болота-то зыбучія.
Ужъ какъ пала туча темная,
Что на батюшковъ высокъ теремъ,
Что на дѣвочій зеленой садъ.

13. ЖЕНИХЪ ВХОДИТЪ ВЪ ДОМЪ; НЕВѢСТА ПРИЧИТАЕТЪ:

Отвернусь я, красна дѣвица,
Отъ стола бѣло-дубоваго,
Отъ скатертей-то шито-браныихъ;
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Хоть долго́ мнѣ-то бранитися,
Мнѣ будетъ да помиритися,
Со чужимъ-то со чужанипомъ,
Со удалымъ добрымъ молодцемъ.
Слушай-ко, добрый молодецъ!
Есть у тя ли, добрый молодецъ,
Моимъ сердечнымъ-то родителямъ
Честны дороги подарочки:
Моему кормильцу-батюшку
Много злата, много серебра;
Моей рожопой-то матушкѣ
Что бадья да меду сладкаго,
Голова да бѣла сахару?
Ахти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Не сулитъ всё добрый молодецъ
Честныхъ дорогихъ подарочекъ.
Отвернусь я, красна дѣвица,
Отъ стола бѣло-дубоваго,
Отъ скатертей-то шито-браныихъ.
Хоть долго мнѣ-ка бранитися,
Мнѣ будетъ да помиритися
Со чужимъ-то мнѣ чужанипомъ.
Поспрошу я, красна дѣвица,
Есть у тя-ли, доброй молодецъ,
Чѐстны дòроги подарочки:
Родимымъ да милымъ братьицамъ
Три ведра да зелена вина,
Три бочки да пива пьянаго.
Есть у тя-ли, доброй молодецъ,
Чéстны дóроги подарочки
Сестрицамъ моимъ голубушкамъ —
Городски сладки пряпички?

(Записано въ Исаевской волости г. Любимскимъ).

3. Изъ Петрозаводскихъ свадебныхъ заплачекъ.

—

1. ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ ПОСЛѢ «ПРИКАЗА» ПРИ БЛАГОСЛОВЕНІИ

(Ялгубскій погостъ).

Обнеболили родители
Вольну волюшку въ неволюшку.
Разлучаютъ родители
Живо-ранную разлукушку.
Отказали родители
Отъ житья, отъ живленьица,
Отъ хоромнаго строеньица.

2. ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ СИРОТЫ НА МОГИЛѢ РОДИТЕЛЕЙ.

(тоже).

Кормить поить есть кому,
А благословить младой нскому:
Нѣтъ кормильца свѣта-батюшка,
Нѣтъ родители-матушки.
Поджидай, мое солнышко, братецъ ро́димый,
Со Никольскія дубровушки
Кормильца свѣта-батюшка:
Посулилъ родный батюшка
При скорой смеретушкѣ,
При послѣднемъ часу времени,
На крѣпкое рукобитьице,
На послѣднее прощаньице,
На вѣковое благословеньице.

3. ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ ПОСЛѢ ПРОСВАТАНЬЯ

(тоже).

Отцу.

Ты, кормилецъ государь батюшко!
Обострочь меня, дѣвушку,
Хоть на лѣтышко красное:

Ваша думушка часовая,
Моя жирушка вѣковая.

Матери.

Ты, родитель моя матушка!
Ты, денна́ моя заступница,
Ты, почная богомольница,
Въ день по красному солнышку,
Въ ночь по свѣтлому мѣсяцу.

Брату.

Ужъ ты, братецъ, мое красное солцышко,
Братецъ, тонкая тонниочка!
Обострочь меня, красну дѣвушку,
Хоть на лѣтышко красное,
Полюбоваться со дѣвушкамы,
Погулять лѣто красное.

4. НАКАНУНѢ ВѢНЦА, КОГДА ВОДЯТЪ НЕВѢСТУ ВЪ БАНЮ.

(Заонежье.)

Одна изъ дѣвицъ, «истопница», зоветъ невѣсту въ баню. Причитанье заводится еще въ сѣняхъ.

Вы не гнитесь, перекладинки кленовыя,
Не ломитесь-ко, мостшочки дубовыя,
Ты здышися-ко, ручка правая,
Ты на тягу на желѣзную!
Отворись-ко ты, дверь дубовая,
Что-ль пройти мнѣ въ строеньице хоромное.

При входѣ въ избу:

Есть-ли на́ стѣны теперича святители,
Есть-ли при́ домѣ теперича родители?

Невѣста отвѣчаетъ:

Нѣтъ управы безъ исправшика,
Божьей церкви безъ служителя.
Есть хозяинъ въ дому — батюшко,
Есть хозяйка въ дому — матушка.

Истопница къ родителямъ невѣсты:

Я прошу васъ во парную во баенку.
Ино не спѣшите-ко, желанные родители!
Не про васъ-то байна топлена,
Не про васъ-то вода ношена.

Обращаясь къ народу:

Вы пожалуйте во парную во баешку,
Старички вы почтенные,
Вы, старушки старо-древнія!
Да не радуйтесь, старички со старушенкамы!
Не собирайтесь-ко вы съ вѣничонкамы:
Не про васъ-то байна топлена,
Не про васъ-то вода ношена, —
Байна топлена про бѣлую лебедушку.
Ворочусь, пойду въ унылый задній уголокъ:
Ты пожалуй-ко, душа красна дѣвица,
Во парну теплу баенку.
Я сегоднишнимъ Господнимъ-Божымъ денечкомъ
Вставала-ранешенько,
Умывалася бѣлешенько:
Я крестъ клала по писаному,
Поклонъ вела да по ученому
Я Исусову молитву сотворила,
По церковному начало положила
И истопляла теплу баенку
Про тебя, про красну дѣвушку,
Про твою-то вольню волюшку.
Байна топлена не дровцами еловыми,
Не лучинушкой растоплена сосновою:
Она топлена сахарной деревиночкой,
Растоплена цвѣтками лазоревыми
Для тебя, для красной дѣвушки,
Про твою бажону волюшку.
Изукрашена та баешка:
Прорублено три окошечка,
Положено три стопочки точеныхъ,
Покладено три грядочки клейменыхъ.

Невѣста къ матери:

Ты дай же, родима моя матушка,
Мылья̀ да съ умываньицемъ,
Мнѣ бѣлила со румянами,
Часто-рыбій дай-ко гребешокъ,
Да тонко-бѣлую сорочечку,
Кою шила по три вечера рожествепскихъ,
Кроила по четыре благовѣщенскихъ,
Строчила-то по пяти по Христосьскіяхъ.

Входя въ баню:

Кладу волюшку на стопушку точеную,
Алы лентонточки на гвоздикъ золоченыій,
Цвѣтно платьице на грядочку клейменую.

5. ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ ПЕРЕДЪ БАНЕЙ.

(Ладвинск. погостъ.)

Устоюсь я, молодешенька,
Предъ святыхъ святителей,
Предъ земныхъ содержителей.
Введенье Богородица!
Сведи меня дѣвушку
Во теплу парну баенку;
Успенье Богородица!
Ты успѣй меня, Владычица,
Во теплу парну баенку;
Стрѣтенье Господне!
Ужъ ты стрѣть меня, Боже,
Во теплу парну баенку;
Покровъ Богородица!
Ты покрой меня, дѣвушку,
Своей ризой нетлѣнноей:
Пока риза та не вытлѣетъ,
Голова моя не старѣетъ,
Сердечко мое не ржавѣетъ.
Ты подай, родитель-матушка,
Шиту-брашную скатереть:

Мнѣ укрыться молодешенькой
Идучи да во паршу баенку
Со бѣлыма лебедушкамы,
Со милыма подруженькамы.
Подойдите вы, бѣлыя лебедушки,
Мои милыя подруженьки,
Подъ праву руку, подъ лѣвую.
Ты дай, кормилецъ-батюшко,
Попередъ пережателей [1]),
Позади провожателей.
Вы возьмите, братцы соколы,
Огни-лучи свѣтлые,
Пистолеты зарукавные,
Ко теплой парной баенкѣ:
Не пришелъ бы чужой чужанинъ.
Вы зажгите, братцы-солнышка,
Огни да леменаціи [2]).
Постой, стадышко гусиное,
Норови гнѣздышко лебединое
Подъ нашимъ подъ большимъ угломъ.
Мой батюшка кличетъ съ окошечка,
Родна матушка со другова:
«Воротись, наше дитятко,
«Воротись, наше рожоное,
«Воротись, сбережоное:
«Мы смостимъ мосты калиновы,
«Постелемъ сукна кармазинныя
«Отъ терема до берега,
«До теплой парной баенки.»
Я сама пораздумалась:
Не проторьтесь, родители,
Не изъяньтесь, жеданные!
Отъ ногъ сукно стирается,
Отъ слезъ камка слиняется,
Отъ кручины мостъ подломится.

1) Пережатель — замѣчательная народная форма для обозначенія идущихъ и ѣдущихъ впереди поѣзда или хода.
2) Иллюминація.

Я сойду, молодешенька,
По старому по прежнему.

Послѣ бани:

Не ластушка вылетывала,
Не касатал выпурхивала
Изъ теплой парной баенки;
Я не мылась, не парилась,
Только съ волюшкой разсталася,
Потеряла потеряшечку,
Обронила оброночку.
По моемъ да бываньицѣ
Раскатись, парна баенка,
По единому бревешечку
На четыре сторонушки.
На тое бы па мѣстечко
Протекла бы рѣчка быстрая.
У моего кормильца-батюшка,
Пока ходила я, дѣвушка,
Во теплу парну баенку,
Были паняты плотнички,
Новы сѣни подрублены,
Въ ступенях число прибавлено....
Не посмѣла я, молодешенька,
Итти въ свѣтлую свѣтлицу.
Слава, слава Господу!
Встрѣчаетъ кормилецъ-батюшко
Со иконой Богородицей,
Со коврягой краснокорою.
Ты, коврига краснокорая,
Поверпись горой высокою:
Не подшелъ бы чужой чужанинъ
Ни съ которой сторонушки.

По приходѣ въ избу:

Слава, слава, Господи!
Мнѣ создалъ, Боже-Господи,
Мнѣ-ка милую тишинку,

Мнѣ-ка смирную погодушку.
Поглядите вы, родители,
Таково-ль пошло дитятко
Во теплу парну баешку,
Таково-ль пришло со баенки?
Я не мылась, не парилась,
Только съ волею разсталася;
Я не мыломъ умылася,
Я умылась, дѣвушка,
Слезамы горючима;
Я не паромъ упарилась,
А великой кручшушкой.
Я потеряла потеряшечку,
Обронила оброночку —
Свою волыюю волюшку.

6. ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ, КОГДА ОТЕЦЪ ЕЯ ѢДЕТЪ СО «ЗВАТЫМИ» ПРИГЛАШАТЬ ЖЕНИХА.

(Острѣчинскій погостъ.)

Съ сего утрышка ранняго,
Съ сего дня съ сего меженнаго
Я сидѣла, красна дѣвица,
Во своей свѣтлой свѣтлицы,
Во столовой новой горницы,
И увидала, упримѣтила,
Что родитель-то мой батюшко
Въ цвѣтны платья одѣвается,
Съ родомъ племенемъ скопляется,
Въ путь-дорожку спаряжается
За чужимъ за родомъ-племенью
Со своима онъ со зватыма.

7. НАКАНУНѢ ВѢНЧАНІЯ ПЕРЕДЪ УЖИНОМЪ КЪ ПОДРУГАМЪ.

(Ладвинскій погостъ.)

Ты кормилецъ мой батюшко,
Да родитель моя матушка!

Ставьте вы столы дубовые,
Постелите скатерти вы бранныя,
Кладите кушанья вы сахарныя,
Питьица носите медвяныя.
Вы садитесь, милыя подруженьки,
Все родъ-племя широкое!

Во время ужина:

Ужъ вы еще покушайте, мои бѣлыя лебедушки,
Мои милыя подруженьки,
Все родъ-племя широкое!
Не обезсудьте, пожалуста, за пиво пьяное,
За вино за зеленое,
За гусей, за лебедей,
За свѣжу рыбу трепучую.
Посылала я, молодешенька,
Кормильца свѣта батюшка
На царевы больши кабаки
За виномъ за зеленымъ,
За пивцомъ да за пьянымъ:
По моему да безсчастьицу,
Кабаки все призаперты,
Чумаковъ-цѣловальниковъ
Въ домѣ не случилося.
Посылала я, дѣвушка,
Крестоваго я батюшка
Въ далече чисто поле
За гусямы да за лебедямы:
По моему да безсчастьицу
Первый разъ стрѣлилъ — не выстрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ — не дострѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ — перестрѣлилъ:
Разлетѣлись гуси лебеди.
Я, того да не пытаючись,
Посылала братца родимаго
На синее на морюшко
За свѣжей рыбой трепучею:
По моему да по безсчастьицу,

Завѣялъ сильный сиверикъ, —
Волна на морѣ сходилася,
Съ береговъ рыба отшатилася
На омуты, на омуты на глубокіе.
Ужъ вы еще-ка покушайте,
Мои бѣлыя лебедушки!
Не безсудьте, пожалуста,
Овсяннички за пряшички,
Житнички за пшеничники,
Ржаной хлѣбъ за колачики.
Соль ты солоная,
Изъ-за моря привезеная,
Обвернись на разны кушанья!
Ужоль сыты, голубушки,
Ужоль честны, подруженьки?
Благодарствуйте, родители,
Накормили меня до сыта,
Напоили меня до пьяна:
Покормилъ меня батюшко
Кручиной великою,
Напоилъ слезамы горючима;
Ваши ѣствы сахарныя
Въ бѣлу грудь становилися;
Ваши питья медовыя
Уста запечатали;
Ваша ложечка красная
Между сюда [1]) замѣшалася,
Сего темнаго обночьица,
Между бѣлыхъ лебедушекъ,
Между милыхъ подружечекъ.

8. КОГДА НЕВѢСТУ НАКРОЮТЪ ПЛАТОМЪ, И ОНА ПОДНОСИТЪ ЖЕНИХУ ПЛАТОКЪ.

(Остречинск. погостъ).

Не шли бы ножешьки рѣзвыя,
Не глядѣли очи ясные

1) Произносится — суды.

Во эту свѣтлую свѣтлицу,
Во столову нову горшицу.
За этимъ столомъ дубовымъ
Будто во́рона да чернаго
Есть чужаго роду-племени.
Во большомъ углу ясенъ соколъ
Надо мной онъ сидитъ-ломается,
Надо мной онъ надсмѣхается.
Подойду къ столу близехонько,
Поклонюсь ему низехонько:
«Ты, удалый, добрый молодецъ,
«Прими мои подарочки.

9. ПО ПРІѢЗДѢ ЖЕНИХА КЪ НЕВѢСТѢ, ВЪ ДЕНЬ ВѢНЧАНЬЯ, ПЕРЕДЪ БЛАГОСЛОВЕНЬЕМЪ.

(Заонежье.)

Вижу-смѣчу, дочь невольница,
Что за чудо причудилося:
Во почетномъ во большомъ углу
Сидятъ гостюшки нежданые,
Сватовья сидятъ незваные.
Вы зачѣмъ сюда пріѣхали
Да вы что здѣ-ка провѣдали:
Здѣ-ка-ль улицы рядовыя,
Здѣ-ка-ль лавочки торговыя,
Здѣсь-ли дѣвушку на выдаванье,
Здѣсь-ли волюшку на продаванье?
На горы стоялъ мой зеленый садъ,
Край пути стоялъ при дороженькѣ;
Не мѣшалъ мой зеленый садъ
Ни попамъ-отцамъ духовнымъ,
Ни служителямъ церковнымъ;
Помѣшалъ мой зеленый садъ
Лишь злодѣю свату большему.

Обращаясь къ свату:

Тебѣ дай-же, Боже-Господи,

Ступень ступить — нога сломить,
Съ коня скочить — голова свернуть,
На полѣ бы со метлицею,
На гумнѣ бы со торицею,
Въ киселю бы задавитися,
А прѣснымъ молочкомъ залитися.

Къ жениху:

Становись же, младъ отецкій сынъ,
На одну со мной мостиночку,
На едину перекладинку.
Гляди вточь да во ясны̀ очи,
Гляди впрямь да во бѣло лицо,
Чтобы жить тебѣ не каяться,
Мнѣ-ка жить бы да не плакаться.
Скажи, гдѣ я прилюбилася,
Въ кое время приглянулася:
Я на горочкѣ-ль катаючись,
На работѣ-ль работаючи,
Аль на бесѣдушки играючи?
На горочкѣ катаючись
Отъ вѣтра̀ лицо навѣ̀яло:
Отъ того была хорошая;
На бесѣдушкѣ играючи,
Было личико набѣ̀лено,
До ала да нарумянено;
На работѣ работаючи,
Я васъ да испугалася,
Въ лицѣ кровь да разыгралася.
Во ту пору, во то времячко
Было росту поднаставлено,
Было туку поднабавлено.
Скажи, что берешь-начаешься?
Да я и дѣвушка не дешевая;
У меня ли, у лебедушки,
Три стѣны городовыхъ:
Перва стѣна городовая —
Стоитъ крестна моя матушка,

Друга стѣна городовая —
Сестрица есть родимая,
Третья стѣна городовая —
Братецъ, красно мое солнышко.
Съ моимъ родомъ познатися —
Съ золотой казной разстатися:
Набъ [1]) дарить тебѣ, задаривать
Сватушка братца родимаго
Добрымъ коемъ воропымъ,
Свѣтъ сестрицу-то родимую
Дарить розовой косыночкой,
А крестову мою матушку
Красной шубой соболиною.

Примѣчаніе. *Особенности свадьбы въ Остречинскомъ и смежныхъ съ нимъ приходахъ Петрозаводскаго уѣзда.*

Свадьба начинается, разумѣется, сватовствомъ. Сватами бываютъ близкіе родственники жениха или посторонніе люди, извѣстные по своему знанію дѣла сватовства. Сватать принято ночью, когда всѣ заснутъ въ первый сонъ. Въ то время сваты сбираются въ домъ жениха. Передъ иконою затепливаютъ свѣчи; всѣ домашніе и присутствующіе присядутъ на лавки, а потомъ встанутъ и помолятся Богу. Женихъ подходитъ къ родителямъ, кланяется имъ въ ноги и проситъ ихъ благословенія «на женитьбу и долгій вѣкъ съ женою богосуженой». — «Богъ благословитъ тебя на доброе дѣло, рожоное дитятко!» благословляютъ жениха родители, возлагая ему на голову икону.

За тѣмъ сваты, въ сопровожденіи всѣхъ сродниковъ жениха, выходятъ на улицу (гдѣ для нихъ приготовлены лошади), молятся Богу, обращаясь лицомъ къ соборной церкви, откланиваются своимъ «провожатымъ» и отправляются къ дому невѣсты. Чтобъ никого не встрѣтить, выбираютъ окольный путь: всякая встрѣча поѣзду сватовъ и вообще ѣдущимъ и идущимъ на промыселъ, на важное дѣло, почитается у мѣстнаго населенія неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ. Въ поѣздѣ сватовъ, на всякій случай, находится дружка изъ людей, умѣющихъ «отпускать свадьбы»: онъ

1) Надобно.

ѣдетъ всегда впереди. У подъѣзда невѣстина дома сваты оставляютъ лошадей и, перекрестившись, стучатся въ двери (См. стр. 348 III ч.).

Во время просватыванія, обыкновенно, невѣсты не бываетъ въ комнатахъ; когда же сваты окончатъ свое порученіе и, по просьбѣ хозяевъ, останутся погостить, то она приходитъ разряженая для подчиванія гостей. Тутъ родители спрашиваютъ у нея, согласна ли она итти замужъ за имрека. Если невѣста согласна, то предъ иконою зажигаютъ свѣчи и всѣ присутствующіе молятся Богу; по окончаніи молитвы отецъ невѣсты, въ знакъ непремѣннаго согласія отдать свою дочь за мужъ, подаетъ руку бо́льшему свату, а невѣста падаетъ въ ноги родителей со слезами и причитаніями (см. III ч. со стр. 394 №№ 1, 2 и слѣд.).

Послѣ угощенія чаемъ, кофе, пряженными пирогами и ужина, сваты отправляются домой и просятъ родителей невѣсты отправить на слѣдующій день къ жениху посла съ «приказомъ». Съ приказомъ ходитъ отецъ невѣсты съ нѣсколькими родственниками; пришедши въ домъ жениха и помолившись Богу, онъ говоритъ родителямъ своего будущаго зятя: «челомъ здорово, любезный сватушка (или любезная сватушка)! У насъ есть дочь, лебедь бѣлая, имярекъ. Просимъ покорно поспѣшать къ ней: не то она улетитъ за сине море, за горы высокія, и вамъ больше не увидать ей (ея)».

Сговоръ и богомолье обыкновенно бываютъ въ домѣ невѣсты. Сюда съѣзжаются родственники съ женихової и невѣстиной стороны и со взаимнаго согласія порѣшаютъ о приданомъ невѣсты. Заплачки приведены въ 3-й части сборника (см., между прочимъ, IV ч. заплачки; III, 1). По окончаніи причитанья дѣлаются приготовленія къ богомолью (благословенію). Въ большой уголъ ставятъ широкій столъ, накрытый бѣлой скатертью; на столъ кладутъ бѣлый («свадебный коровай») и черный («коврига благословлёная») хлѣбъ и соль. Приглашаютъ причтъ; священникъ, по окончаніи молитвъ, осѣняетъ молодыхъ крестомъ; а отецъ невѣсты благословляетъ ее и нареченнаго ея жениха хлѣбомъ-солью.

Въ предсвадебный день, послѣ нѣсколькихъ причитаній отцуматери, невѣста снова проситъ ихъ благословенія на «вѣки вѣкущіе» и отправляется съ «вожатою» (Заонежскою вопленницею или плакальщицею) и нѣсколькими подружками по всей родѣ «от-

давать добровъ», т.-е. прощаться съ родными и испрашивать у нихъ прощенія во всѣхъ своихъ проступкахъ. Прежде всего невѣста ѣдетъ къ крестному отцу, а если она сирота, то на могилу отца и матери, и поетъ причитанья (см. IV ч. заплачки II, 5 и III 8). Отъ крестнаго отца она ѣздитъ ко всѣмъ дядюшкамъ, тетушкамъ, братцамъ, сестрицамъ, братанамъ и сестріямъ и вездѣ поетъ по коротенькому причету (см. IV ч. II, 5 и 6). Отдавъ добровъ, невѣста возвращается домой и собирается въ баню. Причеты, которые поются въ это время, напечатаны въ III ч. на стр. 397 и въ IV въ Пудожскихъ и Петрозаводскихъ заплачкахъ.

За тѣмъ невѣста снаряжается для вечерники, которая устраивается въ предсвадебный день. Главнымъ украшеніемъ «княгини порученой» — широкая, усаженная бисеромъ или жемчугомъ лента, называемая «волею» или «красотою». Ленту эту носятъ только до свадьбы, наканунѣ которой она торжественно снимается съ головы дѣвушки: это снятіе «красоты» служитъ знакомъ, что дѣвушка разсталась съ своей «дѣвочьей» долей и рѣшилась отдать себя въ распоряженіе мужа. Около шести часовъ вечера является женихъ съ родными: ихъ встрѣчаютъ въ сѣняхъ, подносятъ по «стрѣтной» чарочкѣ всѣмъ, начиная отъ большаго свата до послѣдняго поѣзжанина. Тутъ крестный отецъ жениха проситъ показать невѣсту богосуженую. Но невѣсту окружаютъ всѣ ея подруги и родные, какъ бы стараясь ее скрыть, и за показъ требуютъ угощенія. Имъ даютъ по рюмкѣ водки и по нѣскольку пряниковъ. Угощеніе повторяется до трехъ разъ. За тѣмъ вожатая подводитъ невѣсту къ молодому князю, и онъ въ первый разъ цѣлуетъ ее.

Взявъ невѣсту за руку, женихъ входитъ въ избу и садится съ нею за княжій столъ. За нимъ входятъ и размѣщаются поѣзжане. Родители невѣсты подчуютъ гостей чаемъ и закускою и дарятъ ихъ заранѣе условленными подарками, которые подноситъ невѣста: невѣсту тѣ отдариваютъ деньгами. Когда окончена раздача подарковъ, и невѣста сядетъ подлѣ жениха, къ ней подходитъ старшая сваха и проситъ «развязать и отдать ей волю». Но свахѣ воли отдать нельзя, потому что сваха стара: у нея лента-воля будетъ валяться попусту. Извинившись передъ свахою, невѣста начинаетъ причеты о разставаньѣ съ волей.

Въ Остречинахъ послѣ благословенья жениха и невѣсты хлѣбомъ-солью, невѣста поетъ:

Помолиться было Богу Спасу, пресвятой Богородицы
За царя государя великаго:
Имъ дай Господи здравья долгаго,
Долгаго вѣку протяженнаго:
Жить послѣ меня, сизой косатой голубушки,
Со маленькими сердечными дѣтушками,
Со всей силой и арміей.
Теперь помолиться сизой косатой голубушкѣ
За ласкотпшка желаннаго батюшка:
Ему дай Господи здравія,
Здоровья долгаго и протяженнаго.
Помилуй Господи и матушку
И всѣхъ моихъ родныхъ родителей!

У богатыхъ послѣ благословенья бываютъ въ честь молодыхъ нѣсколько вечеринокъ. Онѣ проводятся въ разныхъ играхъ и пѣсняхъ; послѣдняя посвящается исключительно молодымъ и называется свадебною. Вечеринки заканчиваются ужиномъ, и тутъ невѣста не обходится безъ пѣсни или причета; а если не поетъ сама, то проситъ спѣть свою вожатую. Въ эти дни бываетъ и катанье невѣсты съ подружками, зимою по рѣкамъ, по берегамъ которыхъ расположены селенія. Поѣздъ ѣдетъ длинною вереницею, а подруги невѣсты поютъ въ честь молодыхъ коротенькія причитанья и пѣсни.

Изъ пѣсень, которыя поются на этихъ вечеринкахъ, приведемъ:

I.

Не отъ вѣтра, не отъ вихоря
Да не отъ Божьей милости
Верея пошатилася,
Ворота отворилися,
Широко размахнулися.
Не слыхала молодешенька,
Какъ бояра на дворъ въѣхали,
Съ широка двора на новы сѣни,

Съ новыхъ сѣней въ нову горницу.
Ужъ я столько услышала,
Ужъ я столько увидѣла,
Какъ Григорій зашелъ въ горницу,
Свѣтъ Ивановичъ во свѣтлицу.
Тутъ и я испугалася,
Тутъ и я перепалася,
Придроглося ретиво сердце,
Прибѣлѣло лицо бѣлое,
Рѣзвы ножки подломилися,
Бѣлы ручки опустилися,
Изъ глазъ слезы прокатилися,
Во слезахъ слово молвила,
Въ возрыданьѣ рѣчь говорила:
«Вотъ идетъ погубитель мой,
«Вотъ идетъ разоритель мой,
«Вотъ идетъ расплети-косу,
«Вотъ идетъ потеряй-красу.»
Тутъ спроговоритъ добрый молодецъ
Да Григорій Ивановичъ свѣтъ:
— Ужъ ты, глупа красна дѣвица,
— Неразумна дочь отецкая!
— Что не я погубитель твой,
— Что не я разоритель твой:
— Погубитель-отъ твой батюшка,
— Разорительница — матушка,
— Расплети-косу — сватьюшка,
— Потеряй-косу — друженьки,
— Что два дружки хорошіе,
Два удалыхъ добра молодца

II.

Мимо батюшковъ высокъ теремъ,
Мимо матушкинъ зеленый садъ,
Мимо дѣвицынъ зеленъ садъ
Пролегала путь-дороженька
Широка-долга спроважена.
Что-й по той ли по дороженькѣ

Что-й по той ли по широкой
Тамъ ѣдетъ-гуляетъ
Удалый добрый молодецъ
Григорій-то Ивановичъ.
Онъ сворачивалъ съ дороженьки,
Приворачивалъ къ окошечку,
Колотился подъ окошечкомъ,
Своей тростью *натуральною*:
«Ты душа-ль моя душенька,
«Душа-ли красна дѣвица,
«Да ты, Марья Ивановна!
«Пріотворь, душа, окошечко,
«Пріотдерни запавѣсочку,
«Покажи-ко лицо бѣлое,
«Лицо бѣлое румяное,
«Будто пороха спѣгу бѣлаго.
«Будешь ты, душа, прилюбишься,
«Я товарищу похвалю,
«Своему брату крестовому».
Прилюбилась красна дѣвица
Удалому добру молодцу
Григорью-то Ивановичу.

III.

Ты зоря-ль моя, зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Ай люли вечерняя!
Солнышко восхожее,
Высоко восходило [1]),
Далеко освѣтило
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ море синее.
Какъ на синемъ на морѣ
Тутъ лежала жердочка
Тонкая кленовая,
Гибкая сосновая.

---

1) Слѣдуетъ припѣвъ послѣ каждаго втораго стиха.

Тутъ никто не хаживалъ,
Никого не важивалъ,
Переходилъ добрый молодецъ,
Переводилъ красну дѣвицу,
Переводя ее цѣловалъ-миловалъ:
«Ты ходи — не обманывай,
«Ты люби — не разглядывай!
«Другъ мой, красна дѣвица!
«Ты роди-ко мнѣ сына, бѣлаго сыра,
«Ты роди-ко мнѣ дочку, бѣлую лебедку.

IV. ПѢСНИ.

1. ДѢТСКАЯ ПѢСНЯ.

Уточка маховая,
Гдѣ почёсь почевала,
Гдѣ почёсь побывала?
«Тамъ, тамъ, на болотцѣ
«У Кузьмы-Демьяна,
«У святой Варвары».
Печка топилась свѣтленько,
Кашка варилась густенько,
Пирожки на полкѣ прячутся,
Пиво въ бочкѣ дерется.
Шли, шли, шли скоморошки,
Выпрутали по пруточку.
Вы, гудки, не гудите,
Матушку не будите.
Матушка старенька,
Батюшка молоденекъ,
Три братья по службамъ,
Двѣ сестры по замужамъ.
Брата Романа убили,
Подъ колоколъ схоронили,
Кадильцемъ накадили,
Просвиркой помянули.
Кто по брата Романа поплачетъ?
Два волка мохнатые,
Двѣ свиньи горбатыя,

Двѣ курицы безхвостыя,
Да два пѣтуха безголовые.

(Записано въ г. Каргополѣ).

2. ПЕБЫВАЛЬЩИНА О МИЗГИРѢ

(См. III ч. стр. 332).

По край болота
Жили мызгирь толстой, клопъ простой,
Мошка грязная до строка некошная.
Опѣ завоевали да и заворовали:
Дескать[1]) другъ дружку и хвалятъ
А мызгиря, борца, ни къ какому дѣлу не ставятъ.
Это мызгирю стало вредно,
И взяло его великое непокорство.
Опъ съ горя съ кручинушки
Ставъ ножками трясти
Да мережки плести
И ставить тѣ мережки
На тѣ путь-дорожки,
Гдѣ мухи летали.
Одна муха летала,
Да въ мережку и попала.
Мызгирь пришовъ,
Въ мережкѣ муху заставъ,
Ей руки и ноги связавъ
И ставъ ее бити-губити
И за горло давити, —
А муха — вопити[2]).
Услыхала ихъ драку
Честная госпожа оса.
Она прилетѣла, въ скорости, боса,
Да и безъ пояса;
Прилетала, да тутъ же въ мережку и попала,
Однако рвалась да вырвалась
И говоритъ:
«Ахъ, тошно моей головѣ!
«Лучше жить бы мнѣ въ своей слободѣ:

1) Въ вѣдом. напечатано: да, скатъ-де.
2) Въ вѣдом. напечатано: А мухи ево-пити.

«У насъ выѣзды частые,
«А у мызгиря, плута, вымыслы лихіе».
Вотъ пропустили про мызгиря такую славу,
Будто бы его заслали въ дальные города,
Будто бы ему тамъ руки и ноги связали
И шибко больно наказали.
Мухи послѣ того первую весенку летаютъ,
Да пѣсенки попѣваютъ;
Въ барскіе домы летаютъ,
Крестьянъ кусаютъ.
Какъ-бы муху убить,
А она, плутовка, и улетитъ.
Вотъ мухамъ сталъ жаръ не понутру,
И всѣ онѣ забрались въ дуплю.
А мызгирь тогда сдружився
Съ клопомъ да съ тараканомъ
И со сверчкомъ блинщикомъ,
А дуплю подтепётивъ.
Сверчокъ-смовчокъ
Сѣвъ на коверъ
Да въ дудочку заигравъ,
А клопъ да тараканъ
Учали бить въ барабанъ,
Мухи такого шуму испугались,
Тотчасъ всѣ изъ дупли выбирались,
И всѣ въ мережку попались.
Мызгирь ихъ въ мережкѣ заставъ,
Всѣмъ имъ руки-ноги связавъ,
И учавъ ихъ бити-губити
И больно за горло давити,
А мухи — вопити.
Тогда мухи, которыя и по волѣ летали,
Къ мызгирю тутъ прилетали,
И всѣ ему покорство воздавали.
Сему судному дѣлу конецъ,
А хто сложивъ про его,—молодецъ.

(Перепечатано изъ Волог. губ. вѣдом. 22 апрѣля 1866 г.)

III.

ПОВѢСТИ, СКАЗАНІЯ И СКАЗКИ.

1. О НАЧАЛѢ ГРАДА МОСКВЫ

И О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ

ДАНІИЛѢ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ.

(Списокъ съ рукоп. Новгородской лѣтописи.)

Въ лѣто 6799-е октября 29, сѣде во Владимірѣ градѣ князь Андрей Александровичъ, третій сынъ Невскаго, а въ Суздалѣ княжилъ тогда братъ его Данiилъ Александровичъ. Почему бы было на Москвѣ царству быти? Были тогда на томъ мѣстѣ на Москвѣ рѣцѣ села праздныя болярина Кучка Стефана Иванова. Быша же у болярина того два сына вельми красны. Увѣдалъ же о нихъ к. Данiилъ Александровичъ Суздальскiй Невскаго, нача просити у Кучка болярина того два сына его къ себѣ на дворъ и съ великимъ прещенiемъ глаголаше ему: «Аще не даси мнѣ сыновъ своихъ во дворъ, азъ пойду на тя ратію, и тебе мечемъ побію, а села твоя красная огнемъ выжгу». Болярин же Стефанъ Ивановичъ Кучковъ убояся страха Данiила Суздальскаго, отдалъ сыновъ своихъ обоихъ князю Данiилу Суздальскому; князь Данiилъ возлюби я зѣло: единаго пожаловалъ въ столынки, а другаго въ чашники, тако де и княгиня Данилова, Улита, возлюби я. И уязви ю врагъ на тѣхъ юношъ похотію блѣдною [1]), и діавольскимъ навожденiемъ смѣсися съ ними, и начаша мыслити съ княгинею, како бы предати князя Данiила, господина своего, смерти. И возваша его въ поле ѣздити утѣшенiя ради звѣрскаго лова,—

1) т. е. блудною.

яко же бысть обычай. И бывшимъ имъ на поли, негда же пріидоша въ нѣкія дебри, начаша они, Кучковича, предавати князя своего Даніила горькой смерти, онъ же убѣжа отъ нихъ на конѣ своемъ въ чащу лѣса и бѣжа отъ нихъ подлѣ рѣки Оки, оставя коня своего. Зліи же убійцы аки лютіи звѣріе напрасно хотяху восхитити его, быша же во ужасѣ велицѣ, искаша его много и не обрѣтоша, токмо обрѣтоша коня его. Князь же Даніилъ добѣжа съ нуждою до перевоза, не имѣя что дати за перевозъ, точію на рукѣ его перстень златъ бѣ, и той дая перевощику. Перевощикъ же рѣче: «Лихи вы люди и обманчивы таковые, яко переѣхавши чрезъ рѣку и не давши перевозу ничего, отходите», и не позна его, яко князь есть Даніилъ. Онъ же обѣщая ему златый перстень той отдати; перевощикъ же, пріѣхавъ съ другой стороны, и егда близъ бывъ князя, и протеже князю весломъ и рече: «Дай мнѣ перстень, и азъ тя перевезу». Князь же Даніилъ, мнѣвъ яко праведенъ есть человѣкъ, положи ему на весло перстень свой; онъ же, взявъ перстень, и отторжеся отъ брега. Князь Даніилъ побѣже подлѣ рѣки, бояся за собою гонившихъ. Прейде же день той къ вечеру, не имѣя гдѣ нощевати, пусто бо мѣсто въ дебри. И по случаю найде въ той чащи струбецъ малъ стоящъ. Ту бо погребенъ бысть нѣкій мертвый человѣкъ. Князь же влѣзѣ въ струбецъ той и скрыся въ немъ, забывъ страхъ мертвыхъ, и преночи ту нощь. Сынове же Кучковы быша въ печали великой, яко упустиша князя Даніила жива отъ рукъ своихъ ранена. И пріидоша въ раскаяніе и рѣша въ себѣ: «Лучше бы намъ не мыслити на князя своего смертнаго дѣла, яко убѣжа отъ насъ раненъ, въ градъ Владиміръ, къ брату своему Андрею Александровичу, и будетъ намъ отъ нихъ злая казнь различная и лютая. Такожде и княгинѣ Улитѣ быть повѣшеною». Пришедше, сказаша княгинѣ Улитѣ. Она же, наполнена сущи злыя мысли на мужа своего Даніила Александровича, распалившеся сатаническимъ навожденіемъ злыя похоти, повѣда имъ, окаянная, вся тайны мужа своего, рекши: «Есть мужа моего песъ. И какъ онъ, князь Даніилъ, ѣздитъ противъ враговъ своихъ на бой, на татаръ или на крымскихъ людей, и приказываетъ мнѣ поѣждая: егда де я отъ татаръ убіенъ буду, или инымъ нѣкіимъ случаемъ пріидетъ мнѣ безвѣстная [1]),

1) т. е. смерть.

или на бою въ трупѣ сыскати не возмогутъ, и не познаютъ отъ множества мертвыхъ, пошли на взыскание мое дворянъ своихъ съ тѣмъ моимъ псомъ и вели имъ пустити его предъ собою проста [1]), а за ними ѣхать имъ скоро: и той песъ взыщетъ мя не ложно и тѣло мое лизати будетъ радостно». На утріи же княгиня Улита, давъ имъ того пса, и сказа имъ: «Гдѣ князя Даніила обрящете, тамо его смерти предайте». Оніи же зліи убійцы, злаго тоя злобѣсницы княгини совѣта послушали и, вземше того пса, и побѣжаша на то мѣсто, идѣже хотѣша князя Даніила смерти предати, и съ того мѣста пустиша онаго пса предъ собою; песъ побѣже предъ ними, они же за нимъ скоро ѣхаша. Песъ же бѣжа подлѣ Оки рѣки и набѣже на оный струбецъ, идѣже спаше князь Даніилъ; увѣдавъ же песъ князя Даніила, и нача шею вертѣти и хвостомъ махати, радуяся. Ищущіе же, узрѣвше пса радующася, вскорѣ скочиша, и скрывше [2]) струбецъ онъ, обрѣтоша ту Даніила Александровича и предаша его смерти. Прободше его мечи и копіи и главу его отсѣкоша, и паки въ той же струбецъ вкладоша тѣло его и покрыша. Благовѣрный же князь Даніилъ бысть четвертый мученикъ, пріятъ мученическую смерть отъ прелюбодѣевъ жены своея. Борисъ и Глѣбъ и Святославъ убіени быша отъ брата своего окаяннаго Святополка, такожде и сей отъ Кучковичевъ. По убіеніи же его пріѣхаша Кучковичи во градъ Суздаль, и привезоша ризу кровавую князя Даніила, и даша ю княгинѣ Улитѣ, и живяху съ нею въ прелюбодѣяніи беззаконно по прежнему. Но скоро бо пріиде вѣсть во Владиміръ градъ ко князю Андрею Александровичу, что сотворила таковое убійство надъ братомъ его княземъ Даніиломъ Александровичемъ, въ Суздалѣ, жена его Улита. Сыну же его Іоанну Даніиловичу, внуку Александрову, оставшемуся малу сущу, яже яръ и лютъ бѣ, отъ рожденія же его храняше нѣкій рабъ вѣрный именемъ Давидъ. По смерти же Даніиловѣ минуша уже два мѣсяца, сжалися той вѣрный слуга, Давидъ, о сынѣ его, князѣ Іоаннѣ Даніиловичѣ и взя отай [3]) нощію, и всѣде на конь и гна съ нимъ скоро ко граду Владиміру и ко князю Андрею Александровичу, къ дяди его, и

---

1) не привязана.
2) вскрыша.
3) тайно.

сказа ему вся по ряду, случившаяся во градѣ Суздалѣ, таковое убійство надъ братомъ его Даніиломъ. Князь же Андрей, слышавъ сія, сжалися по братѣ своемъ, яко князь Ярославъ Владимірович по братіи своей Борисѣ и Глѣбѣ, и собра на окаяннаго убійцу воя и, Бога въ помощь призвавъ, отмсти кровь братіи своей Бориса и Глѣба и Святослава и побѣди Святополка: такожде и сей новый Ярославъ, князъ Андрей Александровичъ, прослезися горцѣ по братѣ своемъ князѣ Даніилѣ Александровичѣ, и воздѣ руцѣ своя на небо, рѣче со слезами: «Господи, Владыка, Творче и Создателю, отмстивый кровь праведную Бориса и Глѣба на окаянномъ Святополкѣ княземъ Ярославомъ! тако, Владыко Господи, отмсти кровь неповинную, чрезъ мене грѣшнаго, брата моего князя Даніила, надъ блудниками и наложниками скверныя тоя блудницы». Святополкъ бо окаяшный брато-убійство сотвори: очи его злѣ прострѣшася на злато и сребро и на сласть царствія сего, и на единъ часъ насладися, небеснаго же царствія во вѣки лишися и во днѣ адовѣ мученіе воспрія: тако и сія скверная и несытая блудница княгиня Улита блуднаго скверненія на единъ часъ насладися, не токмо же небеснаго царствія лишися, но и сего свѣта власть отрицула, и возлюбиша скверную злую похоть блудную, уготовася діаволу невѣста, во днѣ адовѣ вѣчное мученіе наслѣдова. И собра князь Андрей войска своего, въ градѣ Владимірѣ, пять тысящъ и пойде ко граду Суздалю; услышавъ же оніи убійцы зліи Кучка Стефана дѣти, что идетъ на нихъ князь Андрей Александровичъ Владимірскій съ силою, нападе на нихъ страхъ и трепетъ, и бѣжаша къ отцу своему Стефану Кучку. Князь же Андрей пришедъ съ воинствомъ къ Суздалю. Суздальцы же непротивившася; но покорившася ему, глаголюще: «Мы не быхомъ совѣтницы на смерть государя своего, и не приводихомъ убити брата твоего. Но вѣмы, яко жена его злую смерть умыслила съ любовниками своими Кучковичи, мы же тебѣ пособники на злыхъ тѣхъ измѣнниковъ». Князь же Андрей повелѣ княгиню Улиту поимати, и казнити всякими муками, и предаде ю горькой смерти. Суздальцы же собраша три тысяци войска князю Андрею Александровичу въ помощь, и пойде князь Андрей со всѣмъ воинствомъ на болярина Стефана Кучка; Кучко же не возможе противитися ему, и взя вся села его красная и самаго Кучка и дѣтей его, и повелѣ ихъ оковати узами крѣпкими.

Потомъ же казни съ дѣтьми его всякими различными казньми въ лѣто 6979-е марта въ 17 день.

И тако князь Андрей отмсти кровь своего князя Данiила, побѣдивъ боляриша Кучка и злыхъ убiйцевъ, и все имѣнiе ихъ и богатство разграби, селъ же красныхъ не пожже, а переночи ту нощь. Заутра же востав, посмотрѣ по всемъ краснымъ селамъ, и вложи ему Богъ въ сердце на томъ мѣстѣ поставити градъ, и воздохну изъ глубины сердца своего, и воздѣ руцѣ свои на небо и рѣче: «Боже Вседержителю, всѣмъ видимымъ и невидимымъ творче и содѣтелю! прослави мѣсто сiе и подаждь помощь желанiю сердца моего создати Святыя церкви».

И сѣде князь Андрей въ красныхъ селахъ жительствовати, и посла во градъ Владимiръ и Суздаль сына своего князя Георгiя, а племянника своего, братня сына, Iоанна Даниловича къ себѣ взя, и воспита въ добромъ наказанiи. Той же князь Андрей Александровичъ воздвиже церковь деревянну Пресвятыя Богородицы Благовѣщенiя.

Такожде повелѣ градъ основати около тѣхъ красныхъ селъ по Москвѣ рѣкѣ, и именованiе тому граду положи Москва отъ рѣки Москвы. Пособствоваша же ему Суздальцы, Владимiрцы и Ростовцы, и такъ устроiша градъ въ лѣто 6799-е мѣсяца iулiа въ 27 день на память святаго мученика Пантелеймона, и оттолѣ нача именоватися градъ Москва.

Поживе же той благовѣрный князь Андрей во градѣ Москвѣ, и устрои Божiя церкви, преставися въ лѣто 6813, оставляетъ градъ Москву племяннику своему князю Iоанну Даниловичу, ионе же сынъ его князь Георгiй Владимiрскiй преставился прежде смерти отца своего лѣтомъ единымъ. Остася же по немъ наслѣдникъ сынъ его малъ, токмо 4-хъ лѣтъ 2-хъ мѣсяцевъ. Князь же Iоаннъ Даниловичъ доспѣ совершеннаго возраста, взя къ себѣ сродника своего Георгiя Георгiевича, и подъ свою область Суздаль прiимъ. При семъ великомъ князѣ Iоаннѣ Даниловичѣ, въ лѣто 6816 марта въ 22 день, прiиде изъ Владимiра града къ Москвѣ Петръ митрополитъ. Благослови князя и нарече его великимъ княземъ Московскимъ и всея Россiи, и пророчествова о градѣ Москвѣ, яко будетъ сей градъ, по Божiю благословенiю, царствующiй, и распространится и умножится силою Животворящiя Троицы, и Пресвятыя Богородицы домъ будетъ, церквей Божiихъ

и монастырей будетъ множество, и наречется сей градъ вторый Іерусалимъ, многими землями обладаетъ, не токмо же во всей Россіи прославится, но и во всѣхъ земляхъ, отъ нынѣ и до скончанія вѣка. Князь же великій Іоаннъ Даниловичъ вручи Петру митрополиту пасти церковь Божію, престолъ Господа нашего Іисуса Христа, домъ Всесвятыя и Живоначальныя Троицы и Пресвятыя Богородицы, и бысть митрополитъ Московсковскій и всея Россіи.

2. ИСТОРІЯ СЛАВНАЯ.

СКАЗАНІЕ О АЗОВСКОМЪ ОСАДНОМЪ СИДѢНІИ, КАКЪ ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СИДѢЛИ ВЪ АЗОВѢ ГОРОДѢ АТАМАНЫ-КАЗАКИ ОТЪ ТУРЕЦКАГО ЦАРЯ БРАГИМА.

А всего казаковъ сидѣло въ Азовѣ пять тысящъ. Тому своему осадному сидѣнію привезли къ Москвѣ грамоту, къ царю и государю и великому князю Михайлѣ Ѳеодоровичу всея Россіи. — Прибѣжалъ съ Дону атаманъ Наумъ Васильевичъ съ казаки, а въ грамотахъ пишетъ: числомъ въ лѣто 7140 году *прислалъ*[1]) подъ Азовъ городъ Брагимъ, турскій царь, пашей своихъ изъ турецкой земли, а съ *ними*[2]) войска прислано тридцать тысящъ, кромѣ вымышленниковъ и *водаковъ* изо многихъ нѣмецкихъ земель, опричь напятыхъ подкопщиковъ для промыслу землянаго. Да съ ними же, пашами, пришелъ въ ходъ крымскій *хамъ* со всею ордою крымскою. Да они-жъ, паши и крыскій *хамъ*, взяли съ собою кафимскихъ мужиковъ, что живутъ на сей сторонѣ синяго моря, многія тысящи, и нѣсть имъ числа, на загребеніе Азова города и чтобъ насъ казаковъ живыхъ землею засыпать. Да съ ними же, пашами, пришло изъ *своей*[3]) орды войско черниж-ское великое; да съ ними же пашами пришло 30 *(тысящъ)*[4]) пу-

1) Въ оригиналѣ *присланъ*.
2) *съ нимъ*.
3) *свои*.
4) тысящъ, въ оригиналѣ пропущено.

шекъ полковыхъ, а *гомовыхъ*: величиною ядра въ полтора и въ два пуда. Да съ ними же пришло 50 тяфяновъ турецкихъ. А сбирался тотъ Брагимъ, турецкій царь, *равно* четыре года, а на пятый годъ все-то войско пришло подъ Азовъ городъ въ ранніе обѣдни. И заняли они тѣмъ войскомъ всю степь Азовскую, что съ высотъ Азова города конца ихъ не видать было; и разставили они палатки и шатры, и всѣ свои знамена распустили: и какъ цвѣты въ полѣ зацвѣли. И учали они во своихъ таборахъ стрѣлять изо всего снаряду, и стрѣляли день и ноць: и отъ той великой стрѣльбы на городѣ Азовѣ развалился всѣ крѣпости Азовскія. И на другой день *стали*[1]) изъ утра на первомъ часу, и выступили изъ таборовъ своихъ, и пошли строемъ ко Азову городу. А напередъ войска идутъ 12 головъ янычарскихъ; у всякаго головы по двѣ тысящи янычарей, сирѣчь стрѣльцовъ; а на головахъ на всѣхъ платье златоглавное съ клеймомъ турецкимъ. А за ними идутъ два полковника нѣмецкихъ съ полками солдатскими; а ихъ солдатовъ въ полку по шести тысящь человѣкъ. И захватя отъ *Дону рѣки*[2]) до моря синяго, подобенъ ихъ строй строю солдатскому. А у янычарей у всѣхъ пищали турецкія съ запаленыя фитили, аки свѣщи горятъ. И пришли ко Азову городу подъ самую стѣну, и стали строемъ на *шеринки* многія несмѣтныя тысящи, и прислали къ намъ, казакамъ, подъ стѣну голову янычарскую на сговоръ. И какъ пришелъ голова подъ стѣну, и сталъ намъ казакамъ говорить гладкою рѣчью:

«О людіе Божіи царя небеснаго, яко никѣмъ въ пустыну въводими, яко орлы парящіе и яко львы свирѣпые, сосѣди наши ближніе, казачество волное и воинство свирѣпое, молодцы избранные! Не полныя ваши гортани, не сытое ваше сердце, не можете удолить свое сердце! Наступили вы, казаки, на десницу великую, на Брагима царя турскаго, и взяли вы, казаки, у него Азовъ городъ, и вынесли вы, казаки, въ Азовѣ, всѣхъ воеводъ и властей, и затворились вы, казаки, тѣмъ Азовымъ городомъ всѣ моря синія. Да вѣдомо вамъ есть казакамъ буди, что отъ сильнаго Московскаго государства къ вамъ выручки не будетъ. Аще вы, казаки, *похощете*[3]) нашему Брагиму царю Турскому, и вы, ка-

1) т. е. встали или выстали.
2) *отъ Дону рѣки* въ оригиналѣ повторяется
3) Въ оригиналѣ *похоще*.

заки, напишите повинную, а въ повинной напишите Азовъ городъ, — и Брагимъ турскій царь всѣхъ васъ пожалуетъ и наложитъ на васъ платье златоглавное съ клеймомъ турецкимъ, и станутъ васъ называть многія орды индейскія святорусскими богатырями. И что вы, казаки, неустрашитеся такихъ *великихъ* [1]) силъ турецкихъ такими малыми людьми рождалися вы, казаки, такова велика подъ Азовъ городъ... А буде вы, казаки, не сдадите добромъ Азова города, и пѣшеча вы ночью побѣжите вонъ изъ Азова-города на Донъ-рѣку, тамо живы не будете. Хотя бы васъ, казаковъ, сидѣло въ Азовѣ 40.000 [2]) человѣкъ, и тутъ вамъ противъ нашей великой силы стояти... Пришло нашей силы подъ васъ, что и смѣты нѣтъ: сколько на главахъ вашихъ волосовъ, а втрое того силы пришло съ пашами. Вить толь силенъ казимбалскій шахъ и шаховы люди, и тѣ не могутъ отъ нашихъ великихъ силъ стояти и во осадахъ сидѣти. А васъ, казаковъ, всего 5,000, а и тутъ намъ не сдадитеся и великихъ нашихъ силъ не устрашитеся».

Отвѣтъ казаческій изъ Азова города: «Да не боимся мы, казаки, вашего Брагима царя Турецкаго и 54 пашей его и великихъ Турецкихъ силъ. Мы, казаки, взяли у васъ Азовъ городъ никакими великими людьми: всего насъ было 5,000 человѣкъ; а взяли мы Азовъ городъ среди бѣлаго дня храбростью и молодечествомъ своимъ. А сидѣли мы, казаки, въ Азовѣ-городѣ малыми людьми для отпытку, каковы турки городовъ имать. И то мы васъ, турокъ, отвѣдываемъ за всегда; а намъ, казакамъ, знакомы ваши турки на полѣ и на морѣ: почасту мы съ вами видаемся. А какъ мы, казаки, взяли Азовъ-городъ, тогда мы накормили вашимъ поганымъ трупамъ волковъ сѣрыхъ, лисицъ красныхъ, борзыхъ орловъ, черныхъ воронъ; а послѣ того они давно не ѣдали вашего поганаго трупа; а нынѣ мы, казаки, конечно, накормимъ ихъ. А вы же, собаки смрадныя, зовете насъ служить вашему царю турскому: какъ намъ оставить пресвѣтлый свѣтъ, и во тьму кромѣшную къ вамъ, сабакамъ, пти? *Ради* [3]) мы служить надъ вашими головами своими острыми саблями. Да вы же, собаки, не устрашите, что отъ сильнаго нашего Москов-

1) Въ ориг. *велик*.
2) Въ ориг. *4000*.
3) Въ ориг. *радимъ*

скаго царства къ намъ запасовъ небудетъ. То мы сами вѣдаемъ. Николи къ намъ запасы не ходятъ. Кормитъ насъ молодцовъ царь небесный своею милостію и благодатію, что вить мы, казаки, не сѣемъ и не оремъ и въ житницы не сбираемъ; питаемся звѣрьми полскими и рыбами морскими; а злато и сребро-то у васъ, собакъ, за моремъ емлемъ. Что мы, казаки, ни шаха кизилбалскаго, что ихъ людей землею засыпаете... Хотя насъ, казаковъ, сидитъ въ Азовѣ 5000, однакожъ великій Божій промыселъ! Надѣемся и не боимся мы, казаки, ни вашихъ 30,000: дадимъ мы про себя знать и вѣдать во всей вашей странѣ бесурманьской. Только пошедъ, скажите пашамъ вашимъ, чего имъ отъ насъ хочется изъ Азова-города? Или они пришли по наши сѣрые сапуны, то станетъ въ великую куплю. А какъ свѣдаютъ наши на Дону молодцы и придутъ на взыскапіе головъ нашихъ, тогда не убѣжать вамъ будетъ во свою бусурманскую землю. Подите отъ Азова прочь и скажите пашамъ своимъ, почто они пришли къ намъ; а мы вамъ добромъ Азова-города не сдадимъ; а вы времени своего не теряйте!»

И какъ голова отъиде отъ Азова прочь, и сказали пашамъ своимъ, что ихъ казаки бранятъ, Азова-города добромъ не сдадутъ, тогда паша войску повелѣ вовсе готовитися на *приступъ* ко Азову-городу. И пошли напередъ войска: 2 полка нѣмецкихъ съ полками солдатскими, и за ними вся орда, и кафимскіе мужики на взятье Азова города. И тутъ пошла у нихъ стрѣльба у всего войска, и отъ той стрѣльбы стала гроза велпкая, что намъ, казакамъ, нельзя вопъ выйти. И тогда турки пришли подъ стѣну, и стали они по стѣнамъ городскимъ приставливать и обухами прибивать лѣствицы. Тогда поднялся тутъ великій дымъ; и тогда у насъ на томъ приступномъ мѣстѣ 12 пушекъ набиты дробью; и убили мы у нихъ 12 головъ янычерскихъ и двухъ полковниковъ нѣмецкихъ съ полками солдатскими. И вышли мы, казаки, на высоту, и взяли у нихъ знамя большое съ клеймомъ турецкимъ, да взяли у нихъ пашу перваго. А на томъ мѣстѣ день бились до вечера; а на первомъ нощномъ часу турки пошли въ таборы свои; а мы всю нощь смѣчали, многоль войска побито: и побито у нихъ 9000 человѣкъ, окромѣ кафимскихъ мужиковъ, а тѣмъ и смѣты нѣтъ. А изъ утра прислали турки подъ Азовъ-городъ толмачей своихъ. Толмачи почали просить мертвыхъ тѣлесъ;

а за всякое тѣло давали по золотому, а за начальныхъ давали по 12-ти, а за пашу давали что̀ онъ потянетъ. И мы, казаки, о томъ отказали, что мы мертвыхъ тѣлъ никого не продаемъ: «возмите вы ихъ даромъ, и впредь мертвыхъ тѣлъ купить не приходите. Это вамъ изъ Азова-города игрушка первая: только мы, молодцы, ружье свое прочистили. Не дорого намъ злато ваше, дорога намъ честь и слава молодеческая. Дадимъ мы про себя знать и вѣдать во всей вашей странѣ бесурманской! Турки же слова-то слышатъ, что имъ приступомъ Азова не взять; — и учали всѣмъ войскомъ своимъ гору рыть, и *ворыли* [1]) гору многимъ выше Азова-города, и хотятъ тою горою засыпать Азовъ городъ и насъ, казаковъ, горькою смертію излучать. — И видимъ мы, казаки, промежь собою: «хорошо намъ, казакамъ, всѣмъ умирать въ полѣ, а не въ ямахъ. Помолимся мы, казаки, всемилостивому Спасу да Іоанну Предтечу и Николы чудотворцу!» И пошли изъ Азова-города вонъ и глагола другъ другу: «Умирать ли намъ или не умирать на полѣ?» И какъ мы взошли на ту высоку гору, и увидѣли насъ турки, что мы на нихъ идемъ, и закричали мы, казаки, единогласно: «Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!» И какъ турки то слово услышали изо устъ нашихъ, тогда побѣжали отъ той горы; а мы тутъ побили у нихъ многія тысящи, да взяли у нихъ 40 бочекъ пороху да 60 знаменъ походныхъ, и подкоповъ разрыли нѣсколько, и въ той горѣ одинъ подкопъ зажгли: и бросило ту гору на ихъ таборы; а мы возвратились въ Азовъ-городъ. И видимъ мы, казаки, что стоитъ надъ нами, казаками, милость Божія. И видятъ турки и вымышленники, что не взять Азова-города, и стали думать, и придумали *(совьтъ)*, что имъ другую гору рыть. И когда стали рыть всѣмъ войскомъ своимъ, и въ 3 дня *ворыли* [2]) многимъ *выше* Азова-города; и поставили оны на той горы весь свой турецкій снарядъ и все свое войско, и учали стрѣлять по городу изъ всего снаряду, и стрѣляли 20 дней *безъотводно*. И разбили всю стѣну Азовскую до земли, только осталась церковь Іоанна Предтечи и Николы Чудотворца. А мы въ то время подѣлали покои земляные, подкопы въ полѣ отводны. А послѣ стрѣльбы они, турки, удумали, что намъ покою какъ

1) Рыть, значитъ на олонецкомъ подрѣчіи бросать; *ворыть гору* накидать, насыпать гору.

2) Въ оригин. ошибочно *вырили*.

во дни, такъ и въ нощи, покоя не дать; и учали оны приступать безотступно, и хотятъ насъ прямымъ боемъ взяти: днемъ приступаетъ 10,000, а въ нощи приступаетъ другое 10,000. Уже они приступъ чинятъ 14 дней толико же нощей, и бой чинятъ съ перемѣною; а мы стали быть люди одинакіе, и дружина наша малая. И видимъ мы, казаки, смерть подъ собою горькую, что ста ихъ войско нечестивое. И собрался мы, бѣдные, къ Предтечеву и Николину образу, и стали мы умильно плакати: «Свѣтъ, государь Іоаннъ Предтеча и Никола Чюдотворецъ! Чѣмъ мы васъ прогнѣвали? Вы намъ велѣли брать Азовъ городъ, и мы по вашимъ словамъ и велѣніямъ разорили гнѣздо змѣиное, искоренили христіанскихъ душегубцевъ; а вы насъ выдаете роду невѣрному, басурманамъ проклятымъ и смраднымъ *геманомъ*[1]). Стоимъ мы, бѣдные, за вѣру христіанскую». И стали прощаться: «Простите насъ, казаковъ, государь царь, великій князь Михайла Ѳедоровичъ, всея Россіи самодержецъ, и простите насъ патріархи вселенскіе, простите насъ всѣ православные христіане! Простите насъ моря синія и поля чистые, что мы, бѣдные, умираемъ въ пустыняхъ: уже у насъ не служатъ скорыя наши ноги, и отъ пороху не можемъ слова молвить». А до того несли мы постъ великъ и чистоту телѣсную. И турки у насъ спрашивали почасту: «Что у васъ выѣзжаютъ два юноша младые и сѣкутъ нашихъ турокъ на полы?» И мы имъ сказали, что то-де наши воеводы. А на первомъ приступѣ многіе изъ насъ искусные люди видѣли: у Предтечева образа слезы испущали. И мы то вѣдаемъ, что стоитъ милость Божія надъ нами. И послѣ искушенія мы, казаки, подняли честныя иконы на руки свои и пошли на прямой бой и на *поле*[2]) умирать. И какъ вышли изъ Азова-города на турокъ, и турки побѣжали отъ горы. А мы на томъ бою побили 7000 человѣкъ, а пушки и весь снарядъ загвоздили и покинули на той же горы, и воротились мы опять въ Азовъ городъ. И видимъ мы, что стоитъ милость Божія надъ нами. И послѣ того приступу три дни къ намъ турки ко Азову не приходили; а мы въ то время отъ великаго труда отдохнули; а на четвертый день прислали турки толмачей своихъ. Толмачи-жъ пришедъ кликали насъ на сговоръ; а мы

1) т. е. демонамъ.
2) Въ оригин. *поля*.

не можемъ и рѣчи говорить: головы наши не служатъ. Толмачи-жъ стали кидать на стрѣлахъ къ намъ ерлыки; а въ тѣхъ письмахъ пишутъ, чтобъ мы, казаки, отдали имъ, туркамъ, мѣсто Азовское и взяли-бъ на всякаго молодца по 300 златницъ; а насъ со всѣмъ животомъ отпущаютъ на тихій Донъ. И мы, казаки, ихъ въ томъ отказали: «Не дорого намъ ваше злато, дорога слава молодецкая. Дадимъ мы, казаки, про себя знать и вѣдать во всей вашей странѣ басурманской. Не на то мы въ Азовѣ сѣли, чтобъ вамъ, собакамъ, мѣсто Азовское опять выдать. Потомъ къ намъ не приходите на сговоръ: вѣдаемъ мы, что вамъ, собакамъ, всѣмъ отъ нашихъ рукъ побитымъ быть». Тогда толмачи прочь пошли. И послѣ того, спустя съ день времени, видимъ мы, казаки, по валу два мужа ходящихъ въ бѣлыхъ ризахъ, сѣдинами украшены, а съ ними жена въ бѣлыхъ ризахъ; а мы мнимъ быть Іоанну Предтечу и Николы Чудотворцу и пречистой Богородицы. А говорятъ они намъ, что *де*[1]) турки побѣжали и крымскій хамъ, и насъ, *казаковъ*, за ними[2]) посылали. И мы кинулись на ихъ таборы: турки бѣгутъ, бѣгутъ многими дорогами. И мы ихъ поймали и стали ихъ пытать и спрашивать: «Отчего ваши турки бѣгаютъ многимъ путемъ?» И они намъ сказали: «Что де отъ сильнаго вашего Московскаго царства выставала грозная туча; и изъ той тучи выѣзжали 2 младые юноша и сѣкли нашихъ турокъ на полы». А по томъ мы, казаки, подняли мѣстныя иконы Іоанна Предтечи и Николы Чудотворца, и сами пошли на свой тихій Донъ, Азовское мѣсто оставили. А на Дону построили мы монастырь во имя Іоанна Предтечи да Николы Чудотворца. И въ той обители поставили мы атамана игуменомъ, и въ той же обители *скончалъ*[3]) жизнь свою. А по томъ намъ, казазамъ, память вѣчная, а туркамъ укоризна вѣчная.

(Изъ стар. рукописи, въ которой есть и лѣтописные отрывки.)

---

1) Въ ориг. *іде.*
2) Въ ориг. казакамъ за вами.
3) Въ ориг. *скончали.*

3. ГИСТОРІЯ

О АЗОВСКОМЪ ВЗЯТІИ ПО ОСАДНОМЪ СѢДЕНІИ ОТЪ ТУРСКАГО ЦАРЯ АБРАГИМА ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ АТАМАНА НАУМА ВАСИЛЬЕВИЧА И ЕСАУЛА ИВАНА ЗЫБИНА СЪ ТОВАРИЩАМИ 1635 ГОДА.

Въ лѣто благочестиваго государя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи самодержца, собравшеся воеиное, великое количество, разныхъ сторопъ и городовъ, 500 человѣкъ, на тихомъ Дону, атаманъ у нихъ былъ родомъ Нижняго Нова-города, что на Волгѣ рѣкѣ. И въ нѣкое время Азовскій паша, по нашему воевода, изъ турецкихъ болръ, отдаде въ замужество дочь свою за крымскаго хана, и нагрузилъ 4 бусы живота, и дочь свою съ симъ животомъ отпустилъ *вдонъ* по Дону въ городъ Крымъ къ хану..... въ провожатые съ ней послалъ 700 человѣкъ. Въ то время услышали на Дону казаки, атаманъ съ товарищами, нача мыслити, какъ бы невѣсту крымскаго хана вполонъ взять и живота нажить. Сдѣлали струги легкія, есаулскія, собрались во единой кругъ и начали молитися святымъ образамъ Іоанну Предтечу и Николаю Чудотворцу и просить о совершеніи дѣла своего. И по молитвѣ собрашася казаковъ 400 человѣкъ, пошли въ путь; а оставили на Дону 100 человѣкъ, да чернаго попа Серапіона, который къ нимъ пришелъ изъ Астрахани отъ архіепископа Макарія. Струги своя на себя взлегоша, шли до моря недѣлю и два дня, и пришедъ сташа въ камышникѣ тайно, и стояша пять дней, и не сташа у нихъ пищи, и отпусти атаманъ казакъ 10 человѣкъ въ степь, убить какихъ нибудь звѣрей на съѣденіе. Тогда казаки въ степи нашли двухъ татаръ, а кони у нихъ привязаны. Они взяша и приведоша ко атаману. Тогда атаманъ спросилъ татаръ: «Куда идете и откуда?» татары сказали: — «Идемъ отъ города Азова, для звѣринаго промыслу». — «А гдѣ же плывутъ паши вашего бусы?». Они рекоша: — «Заутра будутъ здѣсь. — И паки вопроси: «Много ли живота на бусахъ?» Отвѣща ему: — «Живота многое множество и провожатыхъ 700 человѣкъ». — И повелѣ атаманъ съ татаръ главы срубить. Въ 3-й день изготовиша казаки своя легкія суда и сами вооружилися,

ожидали бусовъ. И въ половину дня плывутъ бусы. Они же сѣдше въ легкія суда свои, и плыша на нихъ прямо и вскочиша на бусы, татаръ всѣхъ порубиша, 700 человѣкъ, и, приставиша бусы къ берегу, выгрузили они животъ. И запретилъ атаманъ всѣмъ казакамъ, чтобы съ пашевою дочерью никто не сдѣлалъ безчестія и насилія, чаяше отъ паши турецкаго выкупу дочери скоро быть. И посла двухъ казаковъ на Донъ пригнать 300 коней. Казаки на Донъ пріѣхали, объявили, что помощію крестителя Господня и Предтечи Іоанна и Николая Чудотворца, поручилъ Богъ взять 4 буса съ дочерью паши, нѣсколько дѣвицъ и живота. Услыша казаки, прославиша Бога и угодниковъ Его. И скоро *скоими* (?) пріѣхаша животы, дѣвицъ и дочь на Донъ приведоша, и на Дону весь животъ разделиша.

Услыша о томъ Азовскій паша, что дочь его съ 25 дѣвицами, 4 буса и животъ, казаками взятъ, послаша на выкупъ злата, сребра, жемчуга, на 10,000 рублей. Казаки на выкупъ отдали и послали въ Астрахань весь турецкой животъ смѣнять на русскій товаръ, и привезоша оттуда на 30,000. И казаки отъ той татарской свадьбы обогатѣли и написали два образа (великія) во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца, и поставиша въ часовнѣ, и собрался во единый кругъ, и нача совѣтовать, какъ бы имъ Азовъ градъ взять: «Атаманъ Наумъ Васильевичъ и есаулъ Иванъ Ѳедоровичъ! Сдѣлаемъ 130 телѣгъ, положимъ товаровъ по малу числу, а въ 30 телѣгъ посадимъ казаки по 4 человѣка съ ружьями и съ русскимъ товаромъ». И похвалиша совѣтъ казаки, и рекоша: «Все да будетъ тако».

И сдѣлаша 30 телѣгъ и положили по 4 человѣка казаковъ и по малу русскихъ товаровъ, и рекоша вси: «Помощію Божіею и молитвами Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца». И рекоша: «Или возмемъ Азовъ городъ, или въ немъ останемся». И начаша молитвовати, а потомъ взяша честныя иконы и шли до камышника и, не доходя за день до Азова, становились и зачали думать. И печалится атаманъ, видя ихъ печальныхъ, и рече: «Не думайте: заутра намъ Богъ поможетъ взять Азовъ городъ». И повелѣ лечь въ телѣги по 4 казака, со оружіемъ: «И какъ будетъ время, бутьте готовы». Увезоша ихъ съ товарами всякими, приставилъ къ телѣгѣ по человѣку, а 300 человѣкъ убралъ въ нѣмѣцкое купецкое платье. — И написалъ листъ къ Азовскому па-

шѣ. Въ листе пишетъ: «Изъ Астраханскаго царства отпущены товары съ торговыми людьми въ турецкую землю, въ городъ Азовъ;» и казаки другими именами названы; о товарѣ нѣсколько тысячь выпись объявили; таможенный отпускъ за печатью атаманъ руку приложилъ; и противо того точную копію написалъ. И въ самую полночь пошли со всѣмъ обозомъ къ Азову, и стрѣтили ихъ 6 человѣкъ татаръ, спросили: «куда ѣдете, откуда и съ чемъ?» Они сказали: — «Изъ Астрахани, купцы съ товарами, ѣдемъ въ Азовъ-городъ». — И повелѣ атаманъ всему обозу остановиться, и даша тѣмъ людямъ по 3 бѣлки. Тогда опые взяша бѣлки, поѣхали въ Азовъ, объявиша Пашѣ, что ѣхавшимъ намъ на ловлю, встретился великой обозъ русскихъ людей, до 100 или болѣе возовъ, называются изъ Астраханскаго царства торговые люди, а товары у нихъ русскіе, и на нашу руку есть; а сказываютъ въ Азовъ везутъ. Паша, слыша отъ своихъ татаръ про торговыхъ людей, послалъ 8 человѣкъ осмотрѣть товаръ, и татара, пріѣхавшимъ казакамъ, велѣли стать къ городовой стѣнѣ, и вопросиша: «Какіе люди и откуду?» Казаки сказа, что люди торговые изъ Астрахани. Потомъ спросиша: «Есть ли у васъ письмо отъ вашего воеводы, и какой у васъ товаръ продать?» Тогда атаманъ велѣлъ развязать 10 возовъ, открыша товаръ: котлы, порохъ, свинецъ, укладъ, холстъ, сукна добрыя, соболи, лисицы, бѣлки. Видѣша турки и татара, и вопросиша: «Во всѣхъ ли возахъ такой товаръ?» атаманъ рече: — «Въ двухъ возахъ есть такой товаръ: пашѣ вашему и коменданту подарки; развязать же ихъ теперь нельзя, а заутро сами принесемъ. — И подариша смотрителямъ по лисицѣ, а турокъ по 6 паръ бѣлокъ. Тогда они все поведа подробно пашѣ, и вопроси паша: «Есть ли у нихъ листъ отъ тамошняго воеводы, и по какой цѣнѣ такіе товары продаются?» Турки отвѣща: — «Заутро сами вашему величеству принесутъ и драгіе для васъ подарки въ возахъ: намъ не развязываютъ. — Паша, слыша, что у нихъ есть драгіе подарки, и скоро торговыхъ людей велѣлъ въ городъ пустить. Турки и татаре показаша пашѣ, что торговые люди подарили имъ по одной лисицѣ. Паша, видя подарки цѣною по 5 рублевъ, и мысля: «А меня де подарятъ завтра драгими подарками». Казаки на захожденіи солнца въѣхаша въ Азовъ-градъ, и заставляша ихъ турки носити товары въ лавки. Казаки рекоша: «Просимъ до утрія: товары

осмотримъ, пропишемъ, иной просушимъ: тогда въ лавку сносимъ.» И начаша варити яству, и пріидоша отъ паши, и рекоша: «Поидите, хозяева, къ нашему пашѣ, съ писменнымъ видомъ. Атаманъ съ лутшими 4 человѣками, пришедъ къ пашѣ, поклонися и даша листъ. Паша принялъ, распечаталъ, прочелъ и спросилъ: «Есть ли тамошняя выпись?» Атаманъ выпись показалъ, сколько товару, на сколько тысячь. Посмотря выпись, отдалъ торговымъ людямъ, а листъ къ себѣ взялъ. Тогда атаманъ вынялъ изъ мѣшка три сороки соболей, подарилъ пашу. Паша принялъ и честь имъ отдалъ, отпустилъ ихъ до утра. И какъ вышелъ атаманъ съ товарищи и рече слугѣ пашеву: «Заутро принесу къ нему драгіе подарки: чтобъ у возовъ нашихъ караула не было, понеже мы опасныхъ людей сего града не боимся». Слуга же о семъ возвѣсти пашѣ. Тогда паша повелѣлъ у торговыхъ людей караула стояти. Казаки же, сваря яствы и нача ясти, и по съѣденіи затворили врата па запоръ, — и мало казаки прнумолкнули, потомъ велѣлъ атаманъ развязывать, и выпустили изъ телегъ 400 человѣкъ. И начали ясти, и по яденіи созва атаманъ во единой кругъ, и рече имъ: «Какъ изъ гостинаго двора выйдите и розно разыдетесь, и ни которая часть назадъ не отступать и не выдавать». А самъ атаманъ пошелъ къ пашѣ ко двору и другія мѣста, и у возовъ оставили чернаго попа, Серапіона, да съ нимъ 10 человѣкъ казаковъ, дабы молились Богу и угодникамъ Его Іоанну Предтечу и Николаю Чудотворцу. И какъ пошли съ гостинаго двора и закричали громкимъ гласомъ, и почали на караулахъ рубить турокъ и татаръ, и раставили къ вратамъ свои караулы, а атаманъ у паши главу своею рукою ссѣкъ. А какъ услышали турки и татара голосъ русскихъ людей, вышедше изъ дворовъ своихъ безоружны, а иные же съ ружьями,—казаки же рубятъ и колютъ копьями, аки овецъ, и разыдошася по всему Азову и рубили съ полуночи и до бѣла свѣту. И видя турки-татара, что ихъ много убито, прятались, гдѣ кто могъ, но и тутъ сыскивали и побивали, а женщинъ молодыхъ и дѣвокъ въ полонъ брали. И повелѣ атаманъ трупы мертвыя въ море метать; а плѣнныхъ женъ, дѣвокъ и малыхъ робятъ, собрано числомъ 15000; и жита собрали со всѣхъ домовъ и наклаша великіе груды. И по дѣлежу досталось на казака по 2 тысящи рублевъ и по три человѣка, по 4 коня. И взявъ съ собою святыя иконы, и несоша по-

средѣ града со псалмопѣніемъ, и украсиша ихъ сребромъ и златомъ, и обложиша церковь во имя святыхъ Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца. Атаманъ раздаде казакамъ домы и начаша жити и Бога молити, и создаша церковь деревянную. И послали казаки отъ воинства трехъ человѣкъ въ Астрахань, къ архіерею Макарію съ писаніемъ, чтобы далъ имъ архимандрита, попа, діякона бѣлаго на освященіе Божьей церкви. Архимандритъ даде имъ грамоту, діякона, попа, освятивъ церковь. И многіе казаки на турчанкахъ поженились и въ крещенную вѣру привели. И прославися о семъ въ русскихъ городахъ. Многіе люди приходили къ нимъ, и собралося къ казакамъ въ Азовъ 15,000 человѣкъ.

И прослыша о томъ царь турецкій Абрагимъ, что Донскіе казаки Азовъ взяли; (собра?) свои великія паши и старшины, полковники, повѣда имъ, что Азовъ взяли Донскіе казаки и людей въ немъ побили. И нача Абрагимъ думу дати, какъ бы Азовъ взять, а казаковъ вырубить всѣхъ. И рекоша ему пашу царю Абрагиму, чтобъ казаковъ вырубить, дабы они тебѣ, царю, не смѣялися. Въ лѣто 1140, царь Абрагимъ турецкой посовѣтоваша со своими пашами, повелѣлъ отъ себя указъ послать, во все области, въ 12 земель, къ королямъ и пашамъ, сбирать силу скоро. Паша же разослалъ указы, чтобы всякъ съ собою со своею силою шелъ къ царю Абрагиму, понеже хочетъ самъ царь итьти на взятіе града Азова. Паши же и короли собирали силу ровно въ 4 года, и собралося силы въ Царь-градъ къ царю Абрагиму безчисленное множество, а именно: съ турецкимъ царемъ Абрагимомъ разныхъ земель, первые — турки, вторые — нѣмцы, третьи — черкасы, четвертые — серпы, пятые — арапы, шестые — мошаны, седьмые — буданы, осмые — бошняки, девятые — арнауты, десятые — полохи (волохи?), 11-е — мулчаны, 12 — татара. И повеле царь Абрагимъ войску своему выдать денежное жалованье, а потомъ учреждати полки. И пошелъ царь Абрагимъ изъ Царя-града со своею силою на пять городовъ, а впереди шли великія четыре паша и несли знамя. На одномъ написана персона царя Абрагима турецкаго по атласу бѣлому, златомъ и сребромъ вышито. И за тѣми паши шла конница многая, и князья, и бояре, числомъ 5000, въ разномъ одѣяніи украшены златомъ и сребромъ, украшена въ бархатѣ и атласѣ. А за тѣмъ

войскомъ шли старшіе 100 человѣвъ. У всякаго паши вполи было по 900 человѣкъ; а за ими шелъ крымскій царь, старшій, со своей силой, за имъ идутъ 20 пашей; у всякаго паши по 1000 человѣкъ. За ними идутъ 50 полковниковъ, у всякаго полковника по 2000 человѣкъ. За нимъ (ними?) идутъ 20 пашей, у всякаго паши по 9 головъ, у всякой головы по 12000 человѣкъ; да пѣхоты турецкой 500 полковниковъ, у всякаго паши въ полку по 2000 человѣкъ. А за ними идетъ пѣхота арапской земли 200 полковниковъ, у всякаго въ полку по 2000 человѣкъ; а за ними шло горскихъ черкасовъ 4000 человѣкъ; а за ними идутъ два полка немѣцкія земли, а въ нихъ 60000 человѣкъ со всякимъ огненнымъ снарядомъ. И не дошедъ царь Абрагимъ, пятаго года за день августа 3 дня, въ обѣдѣ, и сталъ близь рѣки Сепны, и послалъ скорыхъ гонцовъ къ Азову граду; и гонцы пріѣхали къ Азову, и стали въ полуденную сторону Азова. И какъ казаки гонцовъ увидѣли съ наугольныхъ башенъ и хотѣли по нихъ палить изъ пушекъ; но одинъ казакъ не велѣлъ палить и сказалъ атаману, что живутъ въ полѣ не знаемые люди. Атаманъ посла 30 человѣкъ осмотрѣть, какіе люди въ степи ѣздятъ. Татаре же объвили, что ѣдемъ мы къ вамъ: царь турецкій Абрагимъ съ силою смѣты нѣту велѣлъ вамъ объявить, вытьти къ встрѣчу: винность ему принести. И грамоту казакамъ даша. Казаки же сказаша: —«Винности ему не принесемъ, Азовъ не отдадимъ»,—и 7 человѣкъ убиша, и 3-хъ живыхъ пустили. И пришедъ къ царю Абрагиму, сказаша вся бывшая съ ними. Возъярися царь, повелѣ въ подъемные бубны бить, и самъ пойде подъ Азовъ со всею силою августа въ 6 день. Не дошедъ Азова за три версты въ полуденную сторону, и заняли тамъ своимъ войскомъ всѣ Азовскія поля и однемъ часомъ стали люди многи. И отъ силы турецкія, отъ рысканія конскаго, земля подъ Азовомъ подогнулась, а изъ Дону рѣки вода на берегахъ оказалась. Турки поставили полатки многія, и казаки посмотрятъ съ высоты града: но только конца войска не видать. Задняя сила собиралась въ 2 дни. Въ 3-й день Азовскую степь все палатками, а не цвѣтами украсили. Уредивъ полки, конница выступила, а потоля и пѣхота распустила знамена, нача въ литавры бить, во всѣхъ концахъ, и учали со всего снаряду по Азову бить. И отъ стрѣлянія на Азовѣ башенные верхи попадали, и крѣпости башенныя порушились. Подобно быть тог-

да грозы небесной, молніи и страшный громъ съ небеси, и отъ стрѣльбы ихъ непрестанно стоялъ огонь и дымъ; и бысть тма претустая, наступило дивно и несказанно ихъ бусурманскій приходъ былъ видѣти и уму человѣческому непостижимо. И становилися отъ Азова за полверсты, и ударили въ бубны и въ трубы, и пошли приступомъ къ Ачакову. Казаки, видѣвъ, вооружилися и стали думу думать, и утвердились Азова не отдавать и не сдаваться на ласковыя турецкія слова. Спустя два дни, пошли турки на приступъ и на передъ два полка нѣмецкіе; за ними шло 12000 въ пащыряхъ и въ кончедалахъ, препоясаны поясмы златыми, въ рукахъ турецкія пищали; за ними 20 человѣкъ янычаръ, у всякой головы въ полку по 12000 человѣкъ. Тогда казаки смотря: отъ Дону и спняго моря войской и солдатской строй стоитъ; потомъ шла сила крымскаго царя, 12 пашей, у всякаго въ полку по 1000; за ними 500 полковниковъ, у всякаго полковника по 2000; за ними шла турецкая сила 50 полковниковъ, у всякаго въ полку по 1000 человѣкъ, да полевыхъ 5000 человѣкъ, пушекъ 13000; за нею идетъ арапской земли 20 полковниковъ, у всякаго въ полку по 3000 человѣкъ, да горскихъ черкасовъ 50000... всей (все) силы турецкія. И обступили Азовъ на обѣ стороны. И того-жъ дня на вечерѣ, какъ пришли турки, и прислали подъ городъ двухъ человѣкъ янычаръ съ словомъ отъ царя турецкаго Абрагима: «Казаки вы добрые и храбрые молодцы! Ваша дружина, сосѣди наши ближніе, казачество волное, войско свирепое, молодешь избранная, людіе Божіе, Царя небеснаго! Не кемъ въ пустыни видѣмые, яко орлы парящіе, безъ страху по воздуху летаете, и яко львы свирепые въ пустыняхъ рыскаемые, непостоянные нравы, пустынные жители, разбойники нещадные, несытыя ваши очи, неполныя ваши чрева! Кому приносите вы обиду такую, что на великую десницу, на царя турецкаго, вы богатыри русскіе нарицаетесь. Государь нынѣ васъ можетъ избавить отъ руки сильныя: прогневали вы его весма Салтанское величество, убили вы въ Азовѣ любимаго пашу его и взяли славный Азовъ: тѣмъ вы положили на себя имя звѣриное, прогневали вы его величество, разлучили его съ корабельнымъ пристанищемъ, не даете проходъ кораблямъ торговымъ. Ожидайте вы царя турецкаго: въ ночь сію выходите и золото несите съ собою, и мы ни чѣмъ васъ не тронемъ. А естьли вы сейчасъ

вонъ не выйдите, то сможемъ васъ живыхъ видѣти, и кто васъ, злодѣевъ, можетъ укрыть отъ руки его: нѣтъ ему равна, никотораго возраста, только повиненъ единому Богу небесному, и единъ только стражъ гроба Божія, понеже повелѣлъ ему Богъ, отъ всѣхъ царей, великимъ государемъ, царемъ восточнымъ, быть. И турки никогда не боятся вашихъ казаковъ, воровъ и разбойниковъ, а кровь ваша ему недорога. И прислалъ къ вамъ султанъ, чтобы вы добромъ, безъ кровопролитія, помирилися. Сдайте намъ Азовъ-градъ и напишите повинную: царь нашъ проститъ васъ. А ежели вы города не сдадите и повинности не принесете, чрезъ цареву милость, то мы васъ, воровъ и разбойниковъ, поимаемъ, аки птицу, въ руки своя, и не будетъ вамъ выручки отъ царя Московскаго. А ежели хотите служить султанскому величеству, принесите главы повинныя, — тогда отпуститъ царь глупость вашу, и пожалуетъ васъ честью великою и обогатитъ богатства множествомъ, учинивъ васъ людьми честными, надѣнетъ платье златотканное, клеймы богатырскіе, и называть васъ станутъ: съ Дону славнаго, тихаго, казаки-богатыри, отъ востоку и до западу, за то, что вы неустрашились и дождались къ себѣ, подъ городъ Азовъ, турецкаго царя сильнаго. И лутше бы вамъ Азовъ сдать, и его не трудить». Казаки, слышавъ, ни мало неустрашились, отвѣщали турецкимъ головамъ: — «Добрыя ваши рѣчи, да намъ неугодны. Азова мы вамъ не отдадимъ, повинной не пишемъ и силы царя вашего не боимся. Мы живемъ подъ высокою десницею государя, царя и великаго князя Михаилы Ѳеодоровича всея Россіи, и готовы мы служить надъ вашими головами своими саблями вострыми. Гдѣ вашъ царь, Абрагимъ, умъ дѣвалъ? И вѣдомо вамъ, что съ насъ кафтаны даромъ ни кто не снималъ. А царь Абрагимъ, пришедъ съ наемными турецкими и нѣмецкими людьми, мы люди Божіе, надѣемся на всевышняго Бога и на Матеръ ето пресвятую Богородицу и святыхъ угодниковъ Его, на всю братію товарищевъ Дону тихова. А царь вашъ, бѣшеная собака, сказывается Богомъ вышнимъ въ титлахъ: онъ, басурманъ, на Бога обпадежился». Слышавъ янычарскія головы отъ казаковъ досадныя слова, пересташа говорить и пошли во свои полатки и сказаша царю Абрагиму слышанное. Царь же, слышавъ слова досадныя, скричалъ громкимъ голосомъ: «О воры, Донскіе казаки, хвалитесь, мое такое величество и ве-

ликое воинство саблями вырубить». Послалъ всѣ полки свои, чтобы крѣпко приступили и сего бы дня Азовъ взяли, а казаковъ бы до единаго вырубили. И въ 6 часовъ дни итти на приступъ къ Азову, и принесли подъ городъ лѣстницы, кирки, лопаты, великіе щиты. Потомъ турецкая орда нача перво палить изъ ломовыхъ пушекъ и стрѣлять изъ всего снаряду: казаки, отъ того дыму, не видятъ, по которымъ полкамъ палить. И поставиша лѣстницы на стѣны и стали кирками и лопатами разорять стѣну градскую, тогда турки на стѣны многія поскакаша. Казаки, видя турокъ много, единогласно скричали, начали рубить турокъ, и бросать живыхъ со стѣнъ, и лѣстницы ломать, изо всего снаряда палить: и отъ того ихъ стрѣлянія полки мало отступили, казакамъ отраднѣе стало. Въ одномъ мѣстѣ, подъ стѣною, турки кирками и обухами стѣну ломаютъ, но казакамъ учинить съ ними нечего. Тогда сдѣлали оцепъ и тѣмъ хватали изъ подъ стѣны турокъ, и похваташа 250 человѣкъ. Тогда турки изъ подъ стѣнъ въ полки свои ушли и объявили царю Абрагиму: и повелѣ царь приступить на крѣпко. И въ 5 часовъ дни начали турки изъ пушекъ, изо всего снаряду по городу стрѣлять и лѣстницы поставлять, и разбили Никольскую башню до половины, и на ту башню взошли турки и начали побивать казаковъ; и казаки, сразившися крѣпко съ турки, съ башни ихъ побили, знамя взяли и бились до вечера. На закатѣ солнца пошли турки въ таборы, а казаки сосчитали турковъ убитыхъ 2300 человѣкъ и тѣхъ ихъ въ домъ (Донъ?) пометали, а въ ночь изготовили 64 ломовыя пушки и снарядили со сношомъ стрѣлъ, ломаными жеребьями и ядрами, полевыхъ пушекъ 70, изрядно зарядили и поставили по всемъ стѣнамъ Азовскимъ. И поимали татара 6 человѣкъ казаковъ, приведоша предъ царя. Царь испыта ихъ, рече: «Скажите, гдѣ сей нощи были?» Они отвѣща: —«Для промысла рыбной ловли». —И повелѣ ихъ испытать, не людей ли ихъ пришли осматривать. И биша ихъ довольно, тогда повѣдаша царю, что 5000 коней, находящихся на островѣ, отсюда 30 верстъ. Тогда, по повелѣнію царя, пригнаша кони къ царю, а казаковъ повелѣ царь казнить; но паши упросиша, чтобы казаковъ отдали на размѣну турокъ. Тогда царь повелѣ въ трубы играть и въ бубны бить, и, разрядивъ полки свои по чину, и напередъ послали казаковъ 6 человѣкъ, да 20 турокъ, да размѣнять на тур-

ки казаковъ. И казаки со стѣны рекоша туркамъ: «Отдайте нашихъ, а мы отдадимъ вашихъ турокъ, и положите ружья ваша. Тогда турки ружья пометали, а казаки вышли, своихъ взяли и турокъ увезли въ Азовъ и врата затворили. Турки увидѣша, что ихъ обманули, и начали приступать крѣпко и палиша изъ всего орудія непрестанно, а казаки изъ Азова стрѣляютъ и не могутъ за щитами доставать ихъ: турки одолеваху казаковъ. Тогда атаманъ повелѣ женамъ и дѣтямъ варъ варити въ большихъ котлахъ, съ каломъ лошадинымъ и коровьимъ, и тѣмъ варомъ турокъ варить. И почали изъ ломовыхъ пушекъ палить, и видѣша турецкія паши и старшины, что сильныхъ много побили, отошли мало отъ града; потомъ приступиша къ стѣнамъ и бишася во весь день съ казаки, а въ 23 часу пошли турки въ таборы своя. И отъ тѣхъ приступовъ градская стѣна разбита во многихъ мѣстахъ, и у казаковъ пороху мало стало. И начали казаки полоненыхъ турокъ спрашивать, какъ хотятъ турки Азовъ взять и много ли силы было въ первый разъ. Тогда турки рекоша: въ первый день подвели подъ наугольную башню три подкопа и поставили по 2 бочки съ порохомъ и со свѣщами. Тогда казаки разрыша стѣну и выкопаша 6 бочекъ, увидиша, что свѣчи догараютъ. Тогда казаки бочки въ Азовъ вкатили, свѣчи погасили, и пустили подъ башню водяной подводъ и потопили турецкіе лагери и шатры. Видя турки, что вода подступила, не знаютъ откуда; разсвѣтающу дню увидя, что изъ подъ наугольной башни. И не было приступу 3 дни, для того, что вода разлишася и ее засыпали землею и равняли мѣсто. Въ четвертую ночь собралось 20 казаковъ и нача прошаться у атамана, чтобы отпустилъ ихъ въ турецкое войско, для кражи оружія и знаменъ. Атаманъ запрещая и уимая ихъ, но не могъ удержать. Въ нощи же той пондоша изъ града, отъ Дону, камышникомъ и внидоша въ турецкое войско и видѣша турокъ спящихъ, и проидоша въ трехъ мѣстахъ стражей; и нача татара окликать, — казаки отвѣща по турецки; и пріидоша къ четвертой стражѣ и близъ турецкаго царя Абрагима, видѣша на караулѣ одного не спяща, и нача турки окликать казаковъ, а они назвались турецкими людьми и захватили платкомъ часовому тому гортань, обвѣртеша въ коверъ и бросили на сторону. Паши же отъ царя слышаху, велѣли бить тревогу и въ трубы трубить, и раздѣлили войско и пошли на приступъ

къ Азову, и начали съ мудростію приступати, и выкопали близь Азова шанцы и непрестанно бились трои сутки. И было отъ турокъ въ тѣ дни 36 приступовъ, и разбили азовскую стѣну до половины, а силы у турокъ пало въ тѣ приступы 4000. На четвертый день турки отступили и пошли. И видя царь Абрагимъ, что Азова не взяли, и велми печаленъ, и отъ того царь не могъ стоять въ шатрахъ своихъ, дабы того не учинили, что и крымскому царю. И въ полночь царь Абрагимъ вышелъ изъ шатра и дѣлилъ всякому человѣку по три снопа травы камышнику, велѣлъ связывать и обнести вокругъ Азова и зажечь. И загорѣшася велми жарко, и отъ того жара нападе на казаковъ страхъ и трепетъ, и бысть отъ того пламя жаръ великъ, и новопостроенная въ Азовѣ церковь сгорѣла. А турки изъ пушекъ начаша стрѣлять, и бысть день, аки нощь: казаки же за церковь Божію возъярилися и вышли къ морю въ собраніи 300 человѣкъ, съ ружьемъ, копьи и саблями, пустилися все водою, и начали турокъ сѣчь и колоть; турки же видѣша, а не знаютъ, откуда тѣ люди, яко изъ огня выскочили, и побѣжали въ таборы свои; казаки же много ихъ побиша, а иныхъ въ полонъ взяша, да отняли 30 бочекъ съ порохомъ, 20 пушекъ и 40 знаменъ, въ полонъ взяша пашей—129, старшихъ—190, янычаръ—90 и самаго пашу, при немъ знамя персоны царя Абрагима турецкаго. И пріидоша съ полоненными въ Азовъ, а турки въ свои таборы; и начли силы побитой 58000, и написаша имена казаки полоненныхъ всѣхъ, и стрѣлиша въ таборы турецкіе. Турки, вземь стрѣлу, принесли къ царю Абрагиму, и прочелъ царь: видя имена своихъ пашей старшихъ, прослезился, и на выкупъ послаша царь съ пашами злата довольное число. И пришли паши къ Азову и начали говорить казакамъ: «Тихова Дону казаки, люди вольные! Милость вамъ и здравіе прислалъ нашъ царь Абрагимъ. Отдайте нашихъ людей, сколько есть, и берите казны за нихъ сколько надобно». Тогда казаки уговорилися за каждаго янычара взять по 60 златыхъ, за пашу по 100, за старшихъ по 300, а за начальнаго пашу, сколько онъ на вѣсъ потянетъ, столько и червонныхъ взяша; а ихъ людей всѣхъ отдали и почали надъ турками смѣятись, сказаша: «Подите, турки, царю своему скажите, что у насъ, у казаковъ, первая потѣха съ нимъ только: лишь мы ружья прочистили. А сколько вамъ подъ Азовомъ не стоять, а Азова города не взять».

Паши же, пришедъ къ царю Абрагиму, возвѣщаша глаголы ихъ подробну. Тогда царь Абрагимъ зѣло озлился отъ множества потерянія своей силы и повелѣлъ къ себѣ всѣмъ пашамъ на совѣтъ быть. И рече царь: «Како, что сотворимъ симъ ворамъ, донскимъ собакамъ? Азъ бо и самъ царь здѣсь, не могу ни чего сотворить имъ: повѣдайте?» Паши же ничего ему отвѣщаху; но единъ, отъ крымскаго царя, рече: «Послушай, царю Абрагиме, моихъ словесъ: повели всему воинству подъ городомъ валъ великій земляной вести, съ гору великую, и тою землею Азовъ засыпати». Царь же Абрагимъ похвалиша совѣтъ его и подариша его драгими подарками. По утру же, разсвѣтающу дню, августа 11 дня, начали въ полкахъ въ бубны бить, и въ трубы трубить; и тогда турки, не дошедъ Азова, начали землю въ одно мѣсто носить и наносиша выше Азова. Атаманъ же, видѣвъ сіе дѣло, повелѣлъ изъ подъ стѣнъ Азова поставить съ порохомъ бочки и свѣщи пріуготовить; а сами, видя скорую смерть свою, начали молиться образамъ святымъ, дабы Господь Богъ избавилъ отъ скорой смерти: и въ 1 часу ночи взорвало три подкопа, и насыпанную гору подняло на турецкое воинство. То увидѣша казаки изъ Азова и начали турокъ многихъ въ полонъ брать; и побѣжала турецкая конница, не могли казаки противъ турокъ стоять, попеже конница въ доспѣхахъ крѣпкихъ; и ухватили у казаковъ три человѣка и Есаула Зыбина, увезли въ свои таборы; казаки же гнались за ними и не могли отбить, пришедъ въ Азовъ въ полонъ привезли 500 человѣкъ. Атаманъ и казаки, всѣ сожалѣя объ есаулѣ, и рекоша: «Что уже дѣлать». И когда есаула привели къ царю Абрагиму, скочилъ онъ съ мѣста и ударилъ его скипетромъ и глаголаша старшимъ своимъ: «Не волкъ ли сѣрой полевой и не атаманъ ли собачій Донской». Паши же рекоша, кои были въ плену: — «Сей есть есаулъ.—Тогда царь рече: «Почто вы, воры, наступиша на десницу мою великую,—взяли вы Азовъ градъ и побили въ немъ всю силу мою, и добрыхъ головъ погубиша, и хощете противу меня устоять, и много пакости въ полкахъ моихъ учинили въ ночное время, убили крымскаго царя, Старчея, и еще же мнѣ посмѣялися?» Есаулъ Иванъ Зыбинъ, видя отъ царя смерть предъ собою и рече: — «Великій царь! многая головы нами побиты, и хотя бы и ты самъ попался, то изрубя твое тѣло по частямъ, разбросали бы по чистому полю». — Царь же на сіе разъярися и повелѣ

привязати къ хвосту коня свирѣпаго и гонять почисту полю. И разбиша тѣло его на части, и привезоша татаринъ къ Азову и вскричалъ: «Возмите казака своего, — Ивана Зыбина, есаула своего!» Казаки же взяша тѣло есаулово, отдали женѣ его; коня же того убили, а татаринъ убѣжа въ свои таборы. Жена же есаулова, обмывъ мужа своего, горко плакала съ сыномъ своимъ, упоминая: «Другъ мой, родимый! почто оставилъ меня, сироту, съ двумя дѣтищами? Кто насъ будетъ поить кормить? И если бы ведала смерть твою, и я бы въ замужество не обязалася и не крестилася, и такой бы мнѣ печали не было». Ко утру же турки сосчитали побитой своей (подразум. силы): начли 8000. Августа въ 15 день послалъ царь къ Азову пашей старшихъ своихъ, и съ ними листъ далъ, кой отстрѣлили въ городъ. Казаки же нача листъ читать, и пишетъ: «Войску Дона тихова, Азовскимъ казакамъ, миръ и здравіе! Вѣдомо будп, хочетъ турецкій царь со своею силою во свое царство отъпти: и вы напишите мировую и пришлите къ царю Абрагиму, а полонъ между нами размѣняемъ; и что вы побили силы многія тысячи, въ томъ мы васъ прощаемъ, и учнемъ жить въ тишинѣ, въ совѣтѣ, и будите сосѣди наши ближніе». Казаки рекоша: «Дайте намъ до утра подумати: пришлемъ мы вамъ мировую со своими людьми». — По утру же казаки посовѣтоваша, и повелѣ атаманъ полоненныхъ всѣхъ побити, тѣло ихъ пометаша въ море. И пришедъ отъ царя паши, и начали просить отъ казаковъ мировыя письма, тогда казаки сказаша: «Вы хотите насъ, какъ воробьевъ, на мякинѣ проманутъ, Азовъ обманомъ взять. Скажите царю своему, что мировыхъ писемъ не пишемъ, да и миру у насъ не будетъ, и плѣнныхъ на размѣнъ не отдадимъ, и есть у насъ про ваше войско приготовлено 400 пушекъ: тотъ у насъ будетъ миръ». И такъ турецкіе паши поидоша со стыдомъ въ таборы свои и сказаша царю Абрагиму. Царь созва всѣхъ пашей начальниковъ и нача поить всякими винами всѣхъ и войско и глагола, чтобы въ сію ночь Азовъ городъ взяли; паши же обѣщаяся взять головами своими Азовъ. И какъ всѣ напились до-пьяна и заспаша крѣпко, тогда бывшіе у нихъ въ плѣну казаки, развязавшися, вышли изъ таборовъ турецкихъ, прибѣжали въ Азовъ и кричали, что мы, казаки, ушли изъ таборовъ; казаки же, услуша ихъ, скоро впустили въ городъ; они же сказа атаману и всѣмъ казакамъ, что въ

сію ночь хотятъ пристать тихо со всѣмъ войскомъ, и хвалятся Азовъ взять, а насъ всѣхъ вырубить. Атаманъ же и казаки слышаху, повелѣ всѣмъ казакамъ съ ружьями по стѣнамъ стояти Егда же бысть полночь, царь Абрагимъ повелѣ всему войску итти подъ Азовъ; егда же собралися турки и пріидоша царю, повѣдаша, что полоненныя нощію уидоша, турки же реша: Мы, великій царю, по твоему благодарствію, вчера быхомъ пьяны и невѣдаемъ, како казаки ушли, а скупа отъ нихъ невзяли; царь же прогнѣвася, велѣлъ стражей смертію казнить и войску на приступъ иттить подъ Азовъ, и турки поидоша тихо. Казаки стерегоша турокъ; егда усмотрѣли идущихъ ко граду, и начали палить изъ пушекъ. Турки же крѣпко устремилися и хотятъ Азовъ взять; и поставили къ стѣнамъ лѣстницы, по которымъ турки многіе на стѣну взошли. Увидѣли казаки турокъ на стѣнахъ града со знаменами и казаковъ со стѣнъ сбиваютъ; тогда казаки вскричали и начали турокъ побивати. И Господь Богъ помогая имъ, и на стѣнахъ градскихъ многое число побили молитвами Чудотворца, и день и ночь бишася. И бысть въ тѣ сутки отъ турокъ 43 приступа, и не могли Азова взять, и поидоша въ таборы своя и сосчитали силы убитыхъ 90,000, и слышавъ то царь, и бысть въ не умѣ, и созва нашей всѣхъ и рече имъ: «Заутра повелѣваю сдѣлать выше Азова земляную гору и на ней поставить весь пушечный снарядъ. И сдѣлаша оную гору и поставиша на ней весь пушечный снарядъ. Тогда турки начали палить съ того земляного валу въ городъ изъ пушекъ безпрестанно,—и производиша пальбу 6 дней и 6 нощей, и стѣны азовской до половины разрушили. Казаки, видѣвъ отъ турокъ сильное нападеніе, и начали дѣлать для защиты земляные шанцы и скрылись въ нихъ съ женами и дѣтьми. Турки же въ городъ стрѣляютъ попеременно, одни днемъ, а другіе нощію. Видитъ казачество, что смерть приходитъ, понеже всѣ казаки притомилися, а другіе ранены, и начали Господу Богу молитися, и обѣщалися, глаголюще: «Аще насъ Господь Богъ избавилъ отъ сей смерти, то мы въ Азовѣ жить не будемъ, и выидемъ на тихой Донъ Ивановичъ, и поставимъ монастырь во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца». Мало минуло время, начали турки кричать: «О казачество вольное! Кто у васъ выходитъ единъ, власы у него долгіе, а другой сѣдъ, гонятъ нашу силу турецкую?» Казаки же отвѣща-

ша: «То наши воеводы и началышки, заступники, гонятъ васъ проклятыхъ». Казаки же видѣша себѣ помощь Божію, наипаче крѣпко бишася, и велми утрудишася, покинувъ ружья на сырую землю, и сами начали прощатися. Видѣша жены казацкія, что казаки, пометавъ ружья, прощаются, восплакаше, бьющеся о землю, рвуще платіе свое, и бысть въ шанцахъ плачъ и вопль великій. Казаки, видя женъ своихъ плачущихъ и смотряще на дѣтей своихъ, заплакаша отъ горести сердца, нача прощатися: «Прости намъ, православный царь Михайла Ѳедоровичъ всея Россіи, простите митрополиты и архіепископы, архимандриты и игумены и всѣ православные христіаны! Уже намъ по морю синему во легкихъ своихъ стружкахъ не ѣздить, въ зеленыхъ дубровахъ не гулять!» Для той казацкой печали того же дня веста отъ сѣверной страны туча, а изъ той тучи вышла дѣва Пречистая Богородица и съ ней множество прекрасныхъ юношей; и пришедъ дѣва прогна турокъ съ той ихъ горы; турки же видѣша, что гонимы быша изъ горы, другъ друга гнаша, и нападе на нихъ страхъ и трепетъ, и ослѣпи очи ихъ, и между собою начали сѣчися. И пришедъ пречистая дѣва Богородица къ шатру злочестиваго царя Абрагима, и рече: «Почто, злочестивый царь, людей Божіихъ томиши? Да изыдеши отселѣ, дондежѣ стерть не умертвитъ всей странѣ». Видя царь турецкій пречистую Дѣву съ небесными силами со всѣми ангелы и мученики, вострепета, слыша гласъ онъ, и отъ того часа дѣва невидима бысть. Тогда царь турецкій Абрагимъ очувствовался, яко отъ сна возбудился, и сядѣ на свой конь и погна съ малыми людьми со всею темною областію въ турецкую землю. — И все его войско смятеся великимъ страхомъ и ужасомъ, и весь свой скипажъ турецкой оставили: и оружіе, и пушечный снарядъ, и побѣжа царь со стыдомъ. Казаки же ничего сего не знаютъ, что пречистая Дѣва Богородица мати Христа Бога нашего, сошедъ съ небеси, съ нею же ангельское воинство, и великій Іоаннъ Предтеча и угодникъ Христовъ Николай Чудотворецъ предсташа намъ, рабамъ грѣшнымъ, донскимъ казакамъ, побѣдиша, прогнаша турецкаго царя Абрагима и окаянную турецкую силу; и ожидая, сидючи казаки въ земляныхъ шанцахъ, страшнаго турецкаго приступу и скорой себѣ смерти, и начали въ разумъ входить и вышедъ изъ шанцевъ въ новопостроенную гору, и осмотрѣли турокъ, и ни единаго не видя, и собрашася вкругъ, пондоша на гору, и видѣша казаки,

силою Господнею и помощію угодниковъ, Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца прогнаны быша турки, снидоша съ горы, пошедъ по степямъ, и видя Азовская степь трупами мертвыхъ тѣлъ наполнена, шатры, пушки и екипажъ весь, и множество коней въ камышникѣ хождаше, тогда весь богажъ и 500 пушекъ и довольно пороху въ Азовъ переправиша, начали молебствовать, потомъ весь турецкій животъ дѣлить. Живота досталось на каждаго человѣка по 25 коней, златыми по 2000, жемчугу, атласу, бархату, шелку, поравну всѣмъ. И стали казаки совѣтовать, и вспомянули прежде свое обѣщаніе, чтобы не жить въ Азовѣ градѣ и ѣхать на тихій Донъ Ивановичъ, и построить тамъ монастырь, и взяша съ собою 800 полковыхъ пушекъ, идоша казаки 500 человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей, изъ Азова града, въ 12-й день октября. И созизда казаки, по обѣщанію своему, монастырь честной, во имя Крестителя Господня и Предтечи Іоанна, и угодника Христова Николая Чудотворца, и въ томъ монастырѣ построиша двѣ церкви деревянныя, и чернаго попа, ермонаха Серапіона, поставиша игуменомъ въ этомъ монастырѣ, по своему обѣщанію, пошли 20 казаковъ въ монашескій чинъ. И бысть тамо, на Дону, православная, донская обитель, и начаша казаки обитель распространять и надѣлять хлѣбомъ и солью. Потомъ атаманъ Наумъ Васильевичь, волное казачество, на тихомъ Дону лѣтъ живота своего 67 годъ съ миромъ ко Господу отдаде душу, и положиша казаки тѣло его во гробѣ честно, въ ново-созданномъ монастырѣ и оставиша пожитки ..... уша поминовенія, въ томъ монастырѣ по душѣ его. О томъ Всемогущему Богу слава и держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Донскому казачеству, за храбрость молодецкую, похвала во вѣки.

(Со старинной рукописи).

---

4. О СОЛНЦѢ.

ВѢДОМО БУДИ, КАКО СОТВОРЕНО ПОВЕЛѢНІЕМЪ БОЖІИМЪ.

(Изъ книги Граѳографы).

Величество солнца больше ѯ поприщъ, видимо же мало есть,

понеже отъ земли отстоитъ высоко. Одежда и вѣнецъ царскій на немъ, и Ангеловъ Господнихъ ѳ тысящъ, по вся дни хождаху съ нимъ. И егда зайдетъ солнце на западъ, тогда ангелы Господни совлекаютъ съ него одежду тою и вѣнецъ царскій на престолѣ Господни; а у солнца останутся по три ангела и снабдѣваютъ солнце. И далъ Богъ ѯ ангеловъ облачати солнце въ царскую одежду и вѣнецъ, и егда пойдетъ солнце отъ востока къ западу, тогда огненныя птицы нарицаемыя Финиксы и ксалавъ, летаютъ предъ солнцемъ и омакаютъ крылія свои въ водѣ окѣянстей, и кропятъ ими солнце, да не попалитъ лучами своими. Отъ огня солнечьнаго и тѣмъ птицамъ періе обгораетъ, и бываютъ голи, яко оскорплени и паки куплются въ окѣанѣ, и обновляются. Того ради и петель пророкъ нарицается, имѣетъ подъ крылама своима перо бѣло инехъ птицъ. И егда солнце на западъ, тогда у петеля посвербитъ перо, когда же двигнутъ ангели Господни одежду и вѣнець отъ престола Господня, тогда пробуждается петель, поднимаетъ гласъ свой и плещетъ крылама своима ѧ. проповѣдуетъ мирови воскресеніе и Ангелъ правдѣ, ѕ. подай светодавче Христе и посли свѣтъ твой всему міру. ѕ. Христосъ животъ есть и вся совѣршаетъ, и такъ петель пѣснитъ до свѣта, творца своего величаетъ, праведнымъ радость возвѣщаетъ. Аминь.

5. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ, ЦАРИЦѢ, ОКЛЕВЕТАННОЙ МАЧИХОЮ, И ДВУХЪ СЫНОВЬЯХЪ ЕЯ.

Въ этой рукописи начальнаго листа нѣтъ. Въ другой — того же содержанія — начинается такъ: «Бысть въ Палестинскихъ странахъ, «въ нѣкоемъ градѣ, великій царь, благочестивъ и славенъ зѣло, «имѣяше же у себѣ матерь; послѣ же той царь сосла жену бла«гочестиву и славну..... Мать царя....»

...не любяше ея, и мысляше всегда, во умѣ своемъ, навести на ню пакость, и печешеся о томъ. По времени же нѣкоемъ благочестивая та родила чадъ своихъ: два сына близнеца. Царь же зѣло радостенъ бысть, ради рожденія чадъ своихъ — и восставъ иде въ церковь Божію съ вельможи своими, и пача молебная пѣнія свершати Господеви о благополучіи своемъ и о здравіи чадъ своихъ, и моляше Бога, а благодаряше Его радостно; мати же царева обрѣте тогда подобно время злобѣ своей, и наученіемъ вражіимъ пача смышляти, да наведетъ на царицу пагубу. Призва къ себѣ отъ царевы полаты мужа нѣкоего добородна тѣломъ, и рече ему съ ласканіемъ: «Сотвори нынѣ повелѣнное мною, и азъ ти воздамъ честь велію, и сподоблю тя велика сана: только сохрани мною заповѣданная крѣпце». Онъ же рече: — «Что есть, госпоже царице, хотѣніе твое?» Она же рече ему: «Иди нынѣ въ полату къ царицы, идѣже почиваетъ, и возляги съ нею на одрѣ». Онъ же рече: «Не могу сего не токмо сотворити, ни помыслити на таковое злое: аще царь увѣсть, что будетъ? Всяко убіетъ мя». Она же рече: «Не бойся, токмо послушай! Азъ тя избавлю отъ руки царевы, и не сотворитъ ти ничтоже зла: вѣси бо яко мощно ми есть. Послушай, сотвори волю мою: не вѣси, чимъ тя прославлю и почту». Онъ же велми отрицашеся, не хотя сотворити такова зла дѣла. Она же, злая ехидна, вельми нудяше мужа того, и прещаше ему смертію, аще не сотворитъ тако, и многими муками стращаше ему. Онъ же много отрицашеся и убояся, не можаше прещенія преслушати. Давъ ей слово таково сотворити. Она же возставъ скоро и веде его въ палату къ царицы, предстоящимъ же дѣвамъ повелѣ отступити, и заповѣда имъ, да ничто же глаголютъ о приходѣ ея, прещаше имъ муками и смертію. И откры завѣсу, идѣже царица опочиваше по рожденіи младенцевъ: спяше бо крѣпце отъ истомленія и напоенія, и не чаяше прихода ихъ. Мати царева повелѣ ему возлещи къ царицѣ на одръ безъ гащѣ. Онъ же, послушавъ злыя тоя, и завистливыя, и лукавыя зміи матере царевы, по повелѣнію ея возлеже къ царицы на одръ безъ гащъ; а царицы же о семъ не вѣдущи ничтоже, и не разумѣ злохитрства свекры своея крѣпкаго ради сна; лукавая же ехидна и злокозненная змія, мати царева, въ то время изыде отъ царицы изъ палаты, и скоро иде въ церковь не по обычаю, яко же достоитъ. И пришедъ въ церковь не

обычно, возгласи сыну своему царю: «Что тако радуешися и веселишися о рождении чадъ своихъ, и молебная благодарственно совершаеши; а не вѣси того, что твоя лукавая и льстивая прелюбодѣица царица нынѣ творитъ: возлежитъ на одрѣ съ рабомъ твоимъ, и прелюбодѣйствуетъ, якоже обыче преже. И тыя младенцы рожденныя не твоего зачатія есть, но отъ онаго мужа любимца ея, иже нынѣ съ нею веселится, и подобаетъ бо ся ему; а она льститъ тебѣ по вся дни своими словесы и ласканьми. Ты же убо, яко простоумецъ, мнии ю вѣрну быти и любезну, мене же, матерь свою, презираеши и неемлеши вѣры рождышей тя. Аще хощеши прямо ея и мои глаголы истинно увѣдати, иди скоро въ ложницу и виждь лукавое твоея жены злое дѣйство, како тебѣ ругается и державѣ твоей: на лице льститъ и ласкаетъ, аки вѣрна, показуется тиха, благовѣрна, а по злодѣянію своему не токмо быти съ тобою во царствіи твоемъ, но ни жити достойна». Царь же, слышавъ сія глаголы отъ матери своея, ужасенъ бывъ, и во измѣненіи, не дождався конца молебнаго пѣнія, скоро пойде изъ церкви съ ближними своими къ царицѣ своей въ полату, и пришедъ внезапу, и видѣ у нея раба своего ближняго, лежаща на одрѣ безъ гащъ. Наполнися ярости и ударивъ его мечемъ въ сердце и прободе; рабъ же той вельми взревѣвъ и умре. Царице же *всего сего* (?) сопѣй сущи, ничтоже невѣдущи, въскочи во ужасѣ велицѣ и трепетѣ, аще бо можно, дабы въ землю скрылась, да не мощно. Царицу свою повелѣ воврещи въ темницу и съ чады ея, ничтоже ей о томъ вѣдущу, и много время пребысть въ темнице, блюдома и съ чады твердыми стражы по повелѣнію цареву, и питаема нужною пищею. Царь же отъ полаты изыде во мнозѣ печали и страсѣ, бывъ въ недоумѣніи срама ради, и размышляя въ себѣ: «Что есть се, и како горькое сіе измѣненіе сотворися?» и много сѣтуя о томъ. По лѣтѣ нѣкоемъ призвавъ къ себѣ въ полату бояръ своихъ, и рече имъ: «Что подобаетъ царице сотворити?» Нѣціи же отъ нихъ не мнѣша быти такову царицу, но несмѣяху глаголати; рекоша къ царю: «Сердце твое въ руку Божію есть: яко же бо той изволилъ, тако и будетъ». И по прехожденіи времени, повелѣ царь той изыти внѣ града на нѣкое пространное поле и престолъ царскій устроити тамо, и степени, и сѣдалища властемъ, и вельможамъ, и всему сигклиту, и купцемъ, и всѣмъ жителямъ города того; и самъ изыде вооруженъ, и седѣ

на престолѣ своемъ, и повелѣ молчанію быти. Возгласи и рече властямъ, и вельможамъ, и всѣмъ собравшимся ту: «Судите мя съ царицею моею, понеже велико зло сотвори, и рцыте ми, что подобаетъ сотворити противу зла ея?» Власти же, и болре, и вси предстоящіи единогласно рекоша: «Божія воля да будетъ, о царю, и твоя, якоже вѣси и хощеши: мы како можемъ судити господей своихъ». Повѣлѣ же царь ту въскрай народа уготовати огнь велій, и сотвориша скоро и велій зело. Повелѣ же привести и царицу изъ темницы, и съ чады. Посланніи же скоро шедше втемницу, и обрѣтоша царицу ницъ лежащу предъ образомъ Господнимъ и Богородицы молящуся со слезами, истомленну сущу отъ поста и печали; младенцы же близь нея бяху. Вземше ю, ведоша къ царю, а чады ея несуще. Царица же ведома плакаше горько, глаголаше: «Создателю мой Господи! Ты вѣси яже суть о мнѣ; вѣси яко ничто же согрѣшихъ, о немъ же осуждена есмь. Помилуй мя, Создателю мой, щедротъ ради твоихъ и сихъ ради младенцовъ незлобивыхъ! Вѣси, яко царстіе суть сынове, а не прелюбодейчища. Не вѣмъ бо откуда есть напасть сія на ны, и любимаго ми государя души поврежденной, лютыя ради клеветы сея». И паки глаголаше царица: «О всемилостивая Владычице Мати Бога всѣхъ и нескверная дѣвице! Ты вѣси, господже моя, яко не осквернихъ дѣвства моего, ни брака царскаго обезчестихъ, нынѣ же, что прилучися, не вѣмъ. И прінде ми конечное, поругательное осужденіе, за высокоуміе ли, или кое ино погрѣшеніе мое; а яже глаголютъ, не повинна есмь, ты вѣси Владычице всѣхъ. Помилуй мя въ часъ сей и младенцевъ сихъ сиротъ, ни откуду имѣющи: аще ты не помилуеши, не имамъ кому помолитися». Егда приведоша ю близь царя, пріемши младенцы своя на обою руку, поверже предъ ногами царю. Младенцы же оны, осязающе руками младенческими за нозѣ царя отца своего играюще, понеже второе лѣто бяше по рожденіи ихъ. Паде же и царица на нозѣ царю, горько вопіющи со слезами, глаголаше: «Помилуй мя, владыко мой, царю праведный, погибшую нынѣ душею и тѣломъ, а не вѣдущу о сихъ, ничтоже сотворшу, яже есть глаголемое о мнѣ, и како прінде на мя напасть смертная и поругательная. Вижду, яко предлежитъ ми нынѣ повелѣнный тобою огнь, и въ честную руку твою мечь, мнѣ же, бѣдной, укоризненная смерть. Ей, благій царю мой господи! свидѣтели ми не-

бо и земля, паче же создатель нашъ Богъ. Ими ми вѣру, яко таковаго зла не сотворихъ, ни помыслихъ во умѣ моемъ во вся дни живота моего. Вся благая тщахся предъ тобою творити, и сотворихъ по силѣ моей повиновеніе, и совѣтъ имѣхъ, яко же ты вѣси, яко же подобаетъ женамъ благочестивымъ. Помилуй мя, благій царю господи мой, и не погуби мене нынѣ смиренныя, погибаемыя напрасно, мать утомленную гладомъ и жаждею истаявшую, и отъ печали сокрушенную, не имущую, гдѣ главы подклонити, и у кого милости попросити, развѣ создателя всѣхъ Бога: во того бо руку твое сердце, владыко мой, пречестнѣйшій мой господине! Ей, воистинну живаго на небесѣхъ Бога, свѣдущаго всѣхъ тайная сердца, яко не сотворихъ любодѣйства, ниже помыслихъ на державу твою. Къ тому не имамъ, что глаголити, токмо помилуй мя, и даруй ми животъ; аще ли не возможно, поне младенцевъ сихъ, не злобивыхъ чадъ своихъ, помилуй и не погуби ихъ со мною. Вѣрую бо, яко по времени извѣститъ ти Богъ, яко твое есть царское сѣмя законное въ нихъ, и мое, бѣдницы, законное рожденіе, а не прелюбодѣйчища. Всяко извѣститъ ти Свѣдый вся, да не будетъ сокрушеніе сердцу твоему ихъ ради... Остави ихъ жити: не повинни бо суть младенцы». Царь же, слышавъ отъ ися глаголы тыя, и видѣ горькія слезы ея и младенцовъ предъ погама ползающихъ и охапающихъ руками нозѣ его, и помянувъ царицыну вѣру къ Богу и къ нему, и добродѣтель къ человѣкамъ, и добронравіе, воздержаніе и молитву, и къ нему благій совѣтъ; умилися, испусти слезы. Слышавъ же нѣкоихъ отъ бояръ, глаголющихъ между собою тако: «Яко младенцы тыя подобны суть царю, отцу своему. Воистинну клевета и неповинная бѣда царицы есть». Вельможи же и власти горько плачущеся царицы ради, глаголати же несмѣяху на лице, матери его ради. И помолчавъ много, рече царь ко всѣмъ предстоящимъ ту великимъ гласомъ со слезами: «Рцыте ми нынѣ, что сотворю страшницы сей царицы моей, яко злѣ поругася царствію моему? Видѣхъ бо очима моима зло сіе. Имѣхъ бо ю благочестиву и добродѣтельну, а обрѣтеся, его же не чаяхъ. Како имѣти ю хощу предъ очима моима, а самъ видѣхъ таковое зло». Предстоящіи же, царскій сигклитъ, и власти, и вельможи и вси боляре малъ часъ умолкоша, захлипающеся въ слезахъ, и паки съ моленіемъ рекоша къ царю, падше преклонишася ницъ предъ ногама его: «Мы, владыко, не смѣемъ много глаголати,

токмо послушай насъ, благій царю! Отдаждь ей Богу судити, иже вину и правду ея повѣдаетъ. Мы вины ея не можемъ помыслити: а что прилучися, всевидящее око исправитъ. Послушай насъ, благій царю, отпусти ю и съ чады малыми младенцы, даруй имъ животъ, яко же ты изволиши, не повели умертвити царицы нашея и чадъ своихъ, отпусти ихъ, яко же ты волиши. Понеже единъ Богъ вѣсть всѣхъ человѣкъ тайная сердца, ожидая обращенія всѣхъ: аще ли согрѣшила царица, то да ся покаетъ, аще ли ни, да прославитъ ю Создатель всея твари, всещедрый Господь Богъ, и Пресвятая Богородица призритъ на младенцовъ сихъ, и еже хощетъ, сотворитъ съ ними смерть или животъ; токмо молимъ тя, не ослези насъ, всего царства твоего жителей, горькимъ симъ осужденіемъ, ангели и ты порадуешися въ прендущее время, и присѣтитъ Господь Богъ, и извѣститъ, яже суть о нихъ». Царь же въ размышленіи бывъ и плачася, и видѣ горькій плачь въ народѣ, и видѣ царицу свою плачущуся, и отъ печали, и отъ истомленія скончевающуюся предъ ногама его, прежде осужденія смертнаго, и младенцовъ ползающихъ, ово къ матери подвизающихъ востати, ово къ нему радостнѣ не метующа языкомъ младенческимъ, зря на нихъ, умилися, и повелѣ царицы дати мало брашно, и проводити ю и со младенцами ея въ пусто мѣсто, идеже никто же отъ живущихъ человѣкъ проходитъ, тамо оставити ихъ повелѣ. Глаголя: «Еже восхощетъ Богъ о нихъ, то и сотворитъ». И тако печаленъ отъиде въ полаты своя. Мати же его, радующися и веселящися, яко улучи желаніе свое, и исполни волю свою. И тако проводиша мужіе царицу въ пустыню, и со младенцы ея, и обрѣтоша мѣсто, имущее древеса плодовита многа, и оставиша ихъ тамо; она же препочинувъ многи дни на мѣстѣ томъ, питающися отъ плодовъ земныхъ, моляще Господа и пречистую Богородицу, и всѣхъ святыхъ, и плачущися, и рыдающи горько о разлученіи царства, и поруганіи своемъ, благодаряше Бога и радоващеся, яко оставлена жити съ чады своими. И по нѣкоемъ времени пойде съ мѣста того съ чады своими, и иде не мало дней путемъ своимъ, и обрѣте, при потоце, мѣсто сѣнно, и красно, и плодовито, и нача ту жити. И пребывающу ей, и питающуся съ чады своими, и нѣкогда возляже опочинути, и прінде нѣкій звѣрь, зовомый львица, и восхити у нея единаго младенца и бѣжа; царица, возбнувъ, зря несома сына своего львицею, отъ страха оцепенѣ. И внезапу

нападоша на львицу ту птицы велицыи, хотяху у нея отняти младенца, и тако много брашася съ нею, и прогнаша ю во островъ нѣкій; и тамо уйде въ пещеру, и пребываше ту, и не изъяде младенца, испиташе ею, яко же обычай ей бѣ. Царица же она, взя младенца другаго на руку свою, и вельми востенавъ горько со слезами въ жалости сердца глагола: «Боже создателю мой! Паки оставилъ мя еси лютѣ мучиму быти отлученіемъ чада моего, и горькою смертію его уязвихся паки». И пойде во слѣдъ звѣря того, правя путь его многое время, и обрѣте во острови изъ пещеры исходящу львицу и съ чадомъ ея, и питающу младенца, и играющу съ нимъ, и тѣшащу его; и порадовася царица, яко живъ есть сынъ ея, благодаривъ о томъ и моляше Бога, и пребысть во островѣ томъ время не мало, зря на чадо свое и на львицу, приближитися же не смѣя, но изъ дали зря. И по многомъ времени отъиде царица отъ мѣста того и съ чадомъ своимъ, а унесеное львицею возложи Богови во умѣ своемъ, и моляшеся о снабдѣніи его. И тако многое время скитаяся по пустыни, и взыде на гору высоку, и узрѣ градъ велій и возрадовася вельми, славя и благодарствивъ Бога зело, и пойде со тщаніемъ на сторону ту, идѣже градъ, и пріиде близь него и обрѣте человѣка, идуща по пути, и вопроси его о жительствѣ града того, и во градѣ живутъ ли благочестивіи христіане, а градъ той державы онаго царя мужа ея: уразумѣ бо она о глаголѣ человѣка того, недалечѣ есть отъ царствующаго града. И повѣда она себѣ заблудившуюся и съ чадомъ своимъ, въ пустыни скитащуся болѣ двою лѣту, и моляше человѣка онаго со слезами, дабы повелѣлъ въ дому его поне мало время пребыти. Мужъ же той старъ бяше, и благочестивъ, и богобоязнивъ, и милостивъ, и искусенъ въ вещехъ, видѣ жену доброродну и въ рѣчехъ разумну и искусну въ бесѣдехъ, и одѣяніе ея, аще и ветху и раздрано, но честно бяше, и разумѣ ею быти не просту жену, и чадо ея, младенеца, не проста разумѣ быти. Онъ же пріятъ ю съ радостію, и покояше ю и чадо ея, и велію честь воздая имъ; она же пребываше въ дому его 15 лѣтъ, и изучи сына сына своего божественному писанію, и всякому доброму навыканію и искуству: бяше бо и хитра сама божественнымъ книгамъ, и всякому доброму навыкновенію. Отрокъ же бяше, сынъ ея, добророденъ тѣломъ, и прекрасенъ зело, и разумиченъ, и дарова ему Богъ силу велію. Мати же о

немъ радовашеся и благодаряше Бога, храня тайну въ сердцѣ своемъ.

Благочестивый же мужъ той, у него же пребываше царица, видя ю постящуся и молящуся часто, о всякомъ блазѣ прилежащу, и сына своего тому учащу, и никогда же слыша отъ нея пустошныя глаголы, почиташе же и храняше ю, яко матерь, а отрока любяше, яко сына; и сперва бо той мужъ бяше воинъ храбръ зѣло, и силенъ, и искусенъ въ ратѣхъ. Имяше же въ дому своемъ щитъ, и колчубъ, и шеломъ, и палицу, и копіе, и вся оружія воиньская. Сынъ же тоя царицы ходяше въ храмину ту часто и тѣ доспѣхи на ся возлагая многащи, и ношаше храбруюши; раби же же того господина видѣша тако творяща, смѣющеся, и по времени нѣцыи отъ нихъ сказаша вся господину своему: онъ же слышавъ, возбрани имъ накостити ему, и нѣкогда самъ смотря отай храброванія его, и уразумѣ, яко воинъ хощетъ быти велій, и паче его, и сильнѣе; и благадари Бога о томъ, яко наслѣдникъ хощетъ быти храбрѣе его и сильнѣе, не позавидѣ, но паче чтяше и и радовашеся. По времени же нѣкоемъ, идеже царствуя царицы оныя мужъ, а отрока ея отецъ, и пріиде на градъ той и на царство его, царь нѣкій славенъ и силенъ, имѣя рать съ собою велику зѣло, и многи храбры воини и сильни. И стояше подъ градомъ тѣмъ многое время, и прося изъ града храбра мужа, дабы выѣхалъ и брался съ ними; аще ли ни, то царство предали ему, чая не обрѣтися въ градѣ у нихъ воинъ сильныхъ, противу его храбрыхъ сильниковъ, и прещаше имъ по вся дни люто; живущіи же людіе во градѣ и самъ царь вельми ужасошася о томъ и убояшася прещенія царя противнаго, не чаяху у себѣ сильныхъ воинъ противъ супостатъ. Сынъ же оныя царицы, слыша таковая, и вѣдая яко отецъ его царствуетъ во градѣ томъ, нача молити матерь свою, дабы его отпустила съ молитвою и благословила ѣхати ко граду тому, на освобожденіе граду и царству и на отмщеніе супостатъ онѣхъ. Мати же его моляше и возбраняше ему отъ таковаго начинанія, и глоголаше, дабы отложивъ мысль ту, еже разлучитися отъ нея, «како, рече, хощеши возлюбленное мое чадо, на каковое великое дѣло дерзнути, его же ради мнози сильныцы отбѣгаютъ страха ради ратнаго, понеже тамо и неповинныхъ восхищаетъ смерть, отъ отцей и матерей отлучаетъ и рыдаетъ(?) и плачь велій наводитъ. А ты мене, чадо мое драгое,

како хощеши оставити? Не вѣси ли что пострадахъ, и отъ чего во что пріидохъ, и разлучихся царства и отца твоего, пречестнаго и любимаго ми, и брата твоего сына моего въ сокрушеніи и болѣзни воспитаннаго, такожде отъ мене злѣ отъята, яко и ты мало распамятствуеши о немъ: увы мнѣ, увы мнѣ! Нынѣ хощеши мене при старости спру и убогу оставити безъ утѣшенія». Отрокъ же онъ, слыша отъ матери таковая, съ плачемъ паде на позѣ ея, моляшеся: «Аще Богъ мене молитвъ ради твоихъ святыхъ спасетъ, вѣруй, паки возвращуся, мати моя, и имамъ тя утѣшити; не въ руку ли божію здѣ и тамо есмь азъ, не можетъ ли тебѣ ради и тамо мя спасти? Токмо благослови мя и молитвуй о мнѣ». Мужь же той, у него же пребываста, видя отрока у матери, молящася о отпущеніи, и матерь, плачущуся о разлученіи, нача ю молити и углаголовати утѣшительными словесы и со слезами, и не вѣдящу тайны ихъ. Глаголя: «Госпоже благородная и благочестивая! уразумѣхъ бо азъ, яко не проста рода еси ты, но благородна и благочестива, и не проста мужа жена, и что приключися тебѣ и чаду твоему; Богъ вѣсть, мнѣ яко не истинну рекла еси, но ни что же ми о семъ. Токмо молю тя, послушай моленія сына твоего, и отпусти его съ миромъ и съ молитвою: вѣруй — святый тя Богъ въ пустыни толика лѣта отъ звѣрей, и отъ гадовъ, и отъ птицъ, и отъ всякія напасти свободивый, и воспита младенца твоего, и приведый васъ на мѣсто сіе, не можетъ ли спасти и тамо въ рати сущa, и паки возвратити его къ тебѣ и утѣшити тя; а негли имъ свободитъ царство наше, и проженетъ супостатныхъ, и прославитъ имя свое святое на немъ, паче же и тебѣ прославитъ и утѣшитъ». Она же, слышавши таковая, отпусти его съ миромъ и съ молитвою и слезами, сама же остася, прилѣжа посту, паче же молитвѣ. Отрокъ же онъ паде на позѣ господину своему о упокоеніи матери его. Мужъ же той обѣщася предъ Богомъ вся исполнити прошеніе его и даде ему всю храбрость ополченія своя и воиньскій конь, и тако молитвовавъ обще съ матерію его, отпустиста со слезами, — и тако поѣхавъ ко граду тому. Въ тоже время корабленницы нѣцыи идоху по морю и пристаста ко брегу ко острову оному, идѣже львица пребываетъ, иже унесе сына царева. И исшедше изъ корабля на островъ той, и хождаху по нему плодовъ ради земныхъ, и видѣху слѣдъ звѣринскъ и человѣческъ. И идоша путемъ тѣмъ, и узрѣша пещеру, и приникше,

видяще львицу лежащу, въскрай ея млада юношу доброродна лежаща, и удивишася зѣло, и вельми ужасошася, бѣжаща въ корабль и прочимъ видѣнная повѣдаша. Сущіи же въ корабли, слышавше таковая, удивишася, хотяще истѣе увѣдати, собравшеся вземше оружіе, поидоша на островъ той видѣти бывшее; и пришедше близь вертепа того, и приникше, и видѣша львицу лежащу, и въскрай ея юношу доброродна лежаща нага. Львица же зряше на нихъ тихимъ взоромъ, и обращающа юношу зрѣти на нихъ, яко наказуя. Кораблениицы же удивишася, мысляху: «Что се хощетъ быти, и како безъ испытанія хощемъ отъити о дивнѣй сей вещи?». И вземше брашно добро и метнуша ко львицы: востявше же юноша и львица и вземше брашно, ядоша взирающе на кораблениковъ; они же метнуша ризу добру, львица же вземъ одѣя отрока; они же метнуша и опоясаніе, отрокъ же преиоясався, и близь львицы сѣдъ. Львица же вставши и пойде изъ пещеры тоя осклабляющися и веселящися, зря на кораблениковъ, образомъ же яко любезпуя; они же ужасошася, отступаша отъ пещеры. Изыде же и юноша въ слѣдъ львицы, и поклоняшеся имъ. Они же приглашающе его къ себѣ, махающе руками, показующе брашно въ сосудѣхъ. Онъ же приступи к нимъ близъ. Они же поемше юношу того и ведоша на корабль свой; онъ же не противпся имъ, идяше. Львица же въ слѣдъ ихъ идяше. Кораблениицы же доску восходную вземше въ корабль, дабы оставити львицу на брезѣ; она же бредущи и вскочи на корабль скоро, кораблениицы же ужасошася, бѣжаша во единъ край корабля. Львица же пришедши ко отроку своему и видѣ предъ нимъ брашно добро, и нача ясти со отрокомъ тѣмъ, и насытився преклоняше главу свою, ласкася тихимъ взоромъ къ кораблеиъщикомъ тѣмъ, придружающеся, аки молвити хотяше. Отрокъ же той кланяшеся имъ, львица же ляже ту на корабли; отрокъ же иде къ кораблеищикомъ тѣмъ и вземъ единаго за руку, не умѣяше глаголати, но немотуя, веде его ко львице, той же з болзнію иде по немъ; отрокъ же повелѣ рукою гладити львицу, она же ласкающися придружающися къ нимъ; кораблеиъщицы же удивишася зѣло и тако единъ по единому придружишася ко львице и ко отроку и быша безъ бѣды. И поидоша въ путь свой брегуще отрока и львицу и тѣшаще ихъ. Отрокъ же мало по малу навыкая языку ихъ, и наукамъ и искуству, и самъ глаголати начиная. И Божіимъ изволеніемъ пріидо-

ша ко граду тому, идѣже юноши того отецъ царствуетъ, и приста́ша ко брегу, и идоша во градъ ко царю съ дары своими. Царь же пріятъ отъ нихъ дары и почти ихъ, печаленъ бо бяше нашедшія ради рати на царство его. Кораблепницы же повѣдаша цареви, какъ на пути обрѣтоша львицу во островѣ, и съ нею юношу доброродна, и прекрасна зѣло, и разумѣна, и имѣютъ ихъ на кораблѝ своемъ. Слышавъ же царь таковая, удивися и повелѣ львицу и юношу привести предъ ся. Кораблепницы же шедше приведоша ихъ къ царю. Видѣвъ же царь львицы тоя кротость и взираніе ласкательное, и юноши того доброродство, и красоту и искусъство, яко многихъ превзыде человѣкъ возрастомъ и добротою, удивися, и почте корабленниковъ, и повелѣ львицу въ нѣкоемъ мѣстѣ хранити и питати доброю пищею. Юноши же тому вда одѣяніе честно, и устрои его пребывати близъ себѣ. Повелѣ же ко львицы приходити часто, да не упываетъ. Юноша же той веселяшеся, навыкая языку и искусству. По времени же нѣцыи видѣша юноши того храбрство, яко воинская тяжкая оружіе пыташе и крѣпкія доспѣхи на ся возлагаше и храбро хождаше, обрѣтеся паче всѣхъ во градѣ храбрыхъ и сильныхъ, изшелъ бы на брань противу ратныхъ, и повѣдаша цареви. Царь же, слышавъ таковая, возрадовася, призва его къ себѣ и рече ему: «О юноше! Аще даде ти Богъ храбрость и силу на ополченіе къ ратнымъ, послушай мене, яко отца, и буди ми сынъ, бездѣтну сущу царю: изыди изъ града на отмщеніе ратныхъ и способствуй намъ, аще Богъ подастъ ти помощь, и возвратишися побѣдивъ — здравъ, азъ ти велію честь учиню. Аще будеши разуменъ и искусенъ въ царскихъ вещехъ, устрою тя въ чину, яко сына». Юноша же поклонися царю глаголя: «Богъ да поможетъ ми молитвъ ради твоихъ! Отпусти мя противу супостатъ и даждь ми оружія воинская вся». Царь же возрадовася и повелѣ ему устроити, яко же хощетъ, и конь, яко же ему угоденъ. И помолився Богу и поклонився царю, изыде противу ратныхъ. А львица она услыша отрока того пошествіе из града, растерза замки и двери, и изыде изъ храмины, идѣже храмина бѣ. Егда же отрокъ приближися къ супостатомъ и нача сѣщи ихъ безъ жалости, а львица такожь съ нимъ въ купѣ ратныхъ угрызая и растерзая ихъ погты своими страшно. Съ другія же страны тѣхъ ратныхъ полковъ, Божіимъ изволеніемъ онъ царицынъ сынъ, иже съ матерію во градѣ вос-

питанный, въ то время пріѣхавъ и нача сѣщи и побивати противныхъ безъ удержанія, а не вѣдая того, яко братъ его сѣчетъ отъ града, и тако смятошася полцы, и сильнїи ихъ ни во что же быша, а прочїи устрашишася, видѣша львицу храбрующу, а воини побиваюшу безъ удержанія, и бѣжати отъ нихъ не могоша. Они же два храбрыя воины юношы невѣдуще другъ друга съѣхашася, и увѣдаша яко за едино храбруютъ, поклонишася другъ другу глаголюще: «Богъ да поможетъ ти, брате, за молитвъ святыхъ своихъ». И тако побѣдивше вся воины противныя и храбрыя ни во что же вмѣниша, и видѣша рать побіену, и поехаша во градъ къ царю заедино, и ко граду ѣдучи другъ друга братомъ названа, и во единодушіе согласишася. Львица же во слѣдъ ихъ идяше тихо и кротко радующися. Юноша же той, иже царицынъ сынъ, вопроси другаго о львицѣ. Онъ же глагола: «Яко мати ми есть». Царицынъ же сынъ удивися, и вниманіе умомъ своимъ: «Не братъ ли ми есть сей унесенный львицею». Внимая и храня мысль въ сердцы своемъ. Егда же слыша царь и вси людіе градстіи пришествіе ихъ и увѣдаша о побѣдѣ на супостаты, царь же повелѣ вельможамъ своимъ срѣсти ихъ внѣ града, и почтить ихъ паче прочихъ. Самъ же срѣте во градѣ; юноши же, слѣзше с коней, поклонишася цареви; царь же со слезами облобыза ихъ и возблагодаривъ ихъ радовашеся. И иде въ церковь, юноши жь держаще единъ подъ десную, а другій подъ шуицу, идоша въ церковь божію и сотвориша молебное пѣніе Господу Богу и пречистѣй Богородицы и всѣмъ святымъ, и воздаша благодарственная; сотвори же царь милостыню нищимъ и посѣщеніе темничнымъ. И вси людіе царства того возвеселишася, воздаша хвалу Богу. Львица же она въ то время пребываше въ привратѣ церковнѣмъ. Царь же повелѣ ввести въ перьвую храмину и воспитати ю доброю пищею и покоемъ; она же радующися идяше ласкающеся к нимъ. Сотвори же царь юношамъ тѣмъ и боляромъ, и властемъ, и вельможамъ радостныя тоя побѣды пиръ великъ и торжество.

Юноша же, иже звѣринескъ сынъ именовашеся, почиташе брата своего царицына сына, яко старѣйшаго, понеже бо бяше искусенъ божественному писанію и речевитъ зѣло, и всякому навыкновенію хитръ и той на отвѣтѣ и на вопросѣ пребываше. Пребывающимъ же имъ во единой храминѣ на упокоеніи обоимъ. И тако многи дни торжество бяше и веселіе въ полатѣ царевѣ

зъ боляры и вельможи, и многими дарми даровъ юношь тѣхъ почтивъ первыми мѣстами въ сѣданіи и въ хожденіи, и любляше ихъ вельми, яко чадъ своихъ. и моляше Бога, дабы и они любили его, яко отца своего. Видяху бо подоболична юношы тыя, яко братія, людіе же зряху на царя и на отроковъ тѣхъ, удивляющеся, яко подобятся царю виды своими, и разгарахуся у народовъ сердца к любленію отроковъ тѣхъ. По времени же нѣкоемъ въ торжествѣ на пированіи разблажися сердце царево и вопроси отроковъ тѣхъ, коего града бяху и какова отечества? Юноша же той, иже отъ царицы оноя испросися ратоватися съ супостаты, вставъ рече: «Ахъ, благій царю, не вѣмъ, каковъ бѣ отецъ мой, но слышалъ у госпожи моея матере, яко бѣ она царица нѣкоего царя благочестива и славна, живша со отцемъ моимъ, мужемъ своимъ, въ законѣ Божіи въ совершеніѣй любви, и храняста оба союзъ, яко же подобаетъ мужемъ и женамъ благочестивымъ безъ порока. Бяше бо мати моя милостива и благочестива зѣло, и любима бяше отцемъ моимъ царемъ благочестивымъ онѣмъ и почитаема подначальствующими властьми, и князи, и вельможи, и всѣми народы добродѣтельнаго ради ея нрава. Имяше же царь той отецъ мой у себе матерь горду и неблагородну, завистливу и ненавистну; и тая убо бяше отъ вельможъ и отъ народа презираема за злонравіе ея; бяше бо и властолюбица, завиствуя бо на матерь мою, яко почитаема паче ея отъ народа бысть и имя ея обношашеся во всѣхъ устѣхъ паче ея, матере царевы. И искаша времени да сотворитъ накость матери моей; и возмерзи ея сыну своему, а моему царю, и народу, и во многое время не возможе обрѣсти вины, всяко злохитръствующи. Егда же Божіимъ изволеніемъ отецъ и мати моя зачаста насъ законно и по времени роди мати наю, мене и другаго близнеца сына царю, и отецъ нашь ради рожденія радостенъ бысть, иде въ церковь божію молебная пѣнія совершити. Въ той часъ мати наша по рожденіи наю въ полатѣ почиваше, отъ истомленія и отъ напоенія спяше крѣпко. Мати же же царева окаянная баба наю навожденіемъ вражіимъ отъ зависти умысли, и призва отъ царевы полаты мужа доброродна тѣломъ а проста нравомъ, часто предстояща цареви, и глагола ему ласковыми словесы злокозньствуя, ово дары обѣщавая, ово смертію претя, и обѣщавая ему сановство велико — припуди его возлещи къ матери моей на одръ безъ гащъ; а сама въ той часъ

сказа пришедши къ сыну своему, отцу царю нашему, въ церковь и рече ему: «Что ты, царю, радостная твориши торжества рожденія ради чадъ своихъ, а не вѣси того, что льстивая жена твоя нынѣ творитъ, въ полатѣ съ предстоящимъ тебѣ мужемъ онѣмъ прелюбодѣйствуетъ. И та рожденная чада не отъ твоего сѣмени есть, но отъ инаго мужа прелюбодѣица, иже нынѣ на одрѣ возлежитъ съ нею. Аще ли не имаши вѣры, иди и видь!» Отецъ же мой царь, слышавъ таковая, оставивъ молебная пѣнія, и скоро иде въ полату къ матери моей, и видѣ у нея на одрѣ лежаща служащаго ему, вземъ мечь пронзе его. Мужъ же той вскрича и умре. Мати же моя о сихъ ничто же вѣдѣ, возбнувъ отъ крика того ужасеся, не мога что молвити. Отецъ же нашь царь повелѣ ю и съ нами, чады своими, въ темницу всадити, опечалися вельми, не мня ю такову быти, якову же обрѣте; вѣдый же добродѣтельное нрава ея, вѣдая и жестоту матере своея, въскорѣ не умертви метере нашея ни наю; но повелѣ ю в темницы хранити и питати и по мнозѣ времени хотя ю сожещи и съ нами, чады своими, и совѣтомъ царскаго сигклита, и пріятель ближнихъ, и моленіемъ властнымъ, не умори наю ни сожже, и повелѣ отвѣсти въ пусто матерь мою и наю, и сотвориша тако. Мати же наю, увѣдавъ о бѣдѣ своей въ темницы сѣдя, и возложи надежду на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, моляся, и благодарѣ терпяше, пребываше въ пустыни плачущи, и питающи насъ отъ плодовъ земныхъ и отъ сосецъ своихъ, и доиде до нѣкоего потока и мѣста добро-плодовита, и пребывая ту не мало время. И нѣкогда возляже опочинути, и въ то время пріиде на насъ звѣрь лютъ — львица и восхити у нея младенца брата моего и увесе. Мати же моя по слѣду тому звѣрину идяше, плакашеся вельми, и постиже во островѣ томъ львицу въ приморіи и видѣ сына своего, у нея брегома и питаема, зря на него плакашеся, приближитися же не смѣя, и отиде скитающися по пустыни, возложивъ печаль свою на Бога, и многи дни гладомъ томима и жаждою и зноемъ опаляема, нося же мене съ собою единаго. И доспѣхомъ нѣкоего града, изъ него же азъ нынѣ пріидохъ, слышихъ рать сію, нашедшую на градъ сей. Мати же моя егда пріиде со мною ко граду тому, обита́ у нѣкоего мужа благочестива, и нищелюбива, и престарѣла зѣло, и до сего времене, иже мене снабди браннымн оружіи». Царь же слышавъ таковая отъ юноши, разумѣ яко быти

ему сынови его, смятеся утробою, обліяся слезами, и помолчавъ вопроси другаго юношу рече: «А ты храбрый юноше, откуду еси и какова града и отечества?» Онъ же вставъ рече: Азъ, царю, не могу довольно глаголати, понеже не навыкновенъ есмь языка совершенно вашего, и не вѣмъ, коего града есмь, или отечества; но мало распамятствую яко по пустыни ходихъ съ женою нѣкоею и отрочищемъ другимъ и мнѣхъ. яко мати ми бысть и братъ; но мало памятствую, паче же нынѣ отъ словесъ сего юноши вразумляюся; унесе бо мя львица у матери моей, и внесе въ пещеру свою, азъ же отъ страха изумихся; и, егда отдохнувъ мало, востахъ хотѣхъ бѣжати отъ нея, она же охапивъ мя гладяше, ласкаяся взирающе ко мнѣ любезно, объемлющи лизаше и не врежаше мя. Азъ же видѣхъ, яко не вредитъ мя, но паче утѣшаетъ и питаетъ мя, и многащи по острову оному хождахъ, она же въ слѣдъ мене хождаше, и никому не даяше мя вредити, въ нощи же ону идохове и почихомъ ту. Львица же она питаше мя отъ сосцу своею, приношаше же ми и плоды земныя, могущія укрѣпляти, и тако жихъ с нею въ пещерѣ до дне того, егда кораблепницы о́ни пріидоша и поемше насъ, и представиша мя предъ тобою, пречестнѣйшій царю, а иного о себѣ ничто же вѣмъ». Царь же, слышавъ отъ юноши таковая, смущашеся сердцемъ; князи же и людіе слышаху таковая распыхахуся сердцы въ любовь к нимъ, и зряху бо ихъ, подоболичны бо отцу своему царю, и глаголаху молкомъ другъ другу: «Что се хощетъ быти?». И паки царь вопроси перваго юношу, рече: Да гдѣ же нынѣ обитаетъ мати твоя? Онъ же рече: «Царю! рекохъ ти, яко во ономъ градѣ у онаго христолюбца благочестиваго мужа; и вѣмы яко нынѣ ожидаетъ мя по вся часы слезно, понеже скоро обѣщахся къ ней возвратитися. А еще о царѣ своемъ, отцѣ нашемъ, и о царствіи, и о сродницехъ, и о отечествѣ всегда болѣзнуетъ слезящи, и о дѣтищи своемъ плакаше, но о мнѣ веселящися во вся дни, и отъ тыя печали и скорби утѣшеніе пріимаше мене ради и онаго благочестиваго мужа утѣшительныхъ словесъ. Азъ же согрѣшихъ нынѣ, умедлихъ во упокоеніи своемъ при державѣ твоей, наведохъ на ню такову скорбь, яко по вся дни слезящи умирати ей, не токмо первыхъ ради бѣдъ, но моего ради отшествія, и не вѣмъ жива ли есть нынѣ, или ни отъ таковыя болѣзни и надсады». Самъ же глаголя плачася о матери своей. Царь же, слышавъ

отъ обою юношу таковая, вставъ возопи гласомъ великимъ: «О возлюбленніи мои князи и боляре, и вельможи и весь сигклитъ царскій и вси православныя христіяне, днесь радость моя исполнися». И рече къ юношамъ: «Вы есте благороднїи юноши». Воистинну есте моя чада возлюбленная законная. и отъ сѣмени моего рожденная, и отъ матери вашей благочестивой и добродѣтельной царицы моей возлюбленной и избранной, а отлучена со благочестивою матерію вашею ненависти ради вражія, завистію бѣсовскою». И падъ на выя ихъ плакася коемуждо довольно. плакашася же князи и боляре и вельможи и народъ радостнымъ плачемъ и возглашаху побѣдная Богови: промчежеся же слово то того часа во весь градъ. и слышаху по торжищамъ и улицамъ велика гласованія радостная. Глагола же царь: «Азъ васъ ради, чада моя, и матере ради вашея и до сего часа скорбя сердцемъ печаловахъ въ царствіи живя и многа блага предъ собою зря богатство безчисленное и главы велики и всѣхъ предстоящихъ съ трепетомъ поклоняющихся, никогда же совершенно возвеселихся, и утроба моя вельми болѣзнуя матере ради вашея и васъ и до сего часа, и иныя себѣ царицы супружницы не пояхъ того ради, но надѣяся на всещедраго Бога милость, и упованіе на него возлагахъ. Имите ми вѣру, Богъ свидѣтель, не осквернихъ себе во дни своя блудомъ, и нынѣ, чада моя возлюбленная, васъ ради возвеселихся душею и сердцемъ». Они же храбрые юноши, слышавше таковая, падше поклонишася царю отцу своему, со слезами и радостію великою облобызающе нозѣ его, и славяху Бога благодарствующе, яко сподоби ихъ видѣти отца своего во царствіи и славѣ велицей, и въ томъ часѣ бысть у царя того во всемъ царствіи томъ радость велика и торжество о обрѣтеніи чадъ своихъ, паче же храбрыхъ и мудрыхъ и о одолѣніи супостатъ. И тогда убо целова царь чадъ своихъ во уста и во главы и пойде съ ними въ церковь Божію, вслѣдствующи князи, и боляре, и весь сигклитъ, и народи, и сотвориша молебное благодарственное пѣніе, и учинишася во градѣ томъ звоны велицы и ликованія страшна и велика зѣло. И повелѣ царь вскорѣ написать грамоту, и преписа своею рукою къ царицы своей умильно, и посла сына своего иже ею воспитаннаго, и даде ему князей и боляръ и сигклитъ со многою силою и богатствомъ. И тако въ скорѣ поидоша со тщаніемъ; слышано же бысть матери царевы сія, якоже обли-

чися злоба ея, и паче прославися невѣстка ея царица, и противъ ею бысть промыслу ея, и срама ради и зависти не возможе стерпѣти, испивъ зелія лютаго и умре. Царь же проводивъ погребе ея по чину, яко же подобаетъ. Храбрый же царевичь, юноша, и съ полкомъ своимъ дойде града, идѣ же мати его пребываетъ, вда ей грамоту цареву отца своего и поклонися ей до земли, положи предъ нею дары велики; она же паде на выю его, плакашеся, едва отъ радости не умре. Сказа же ей яко и вторый сынъ ея, иже восхищенъ бысть звѣремъ, лютою львицею, нынѣ живъ обрѣтеся въ царствіи своемъ нынѣ у царя, и о побѣдѣ такожь сказа; она же прочте грамоту цареву, и видѣ сына своего, и слыша о другомъ, отдохнувъ наполнися радости великія, и воздаде благодареніе всесильному Богу, поклонися душею и сердцемъ благодарствивъ.

Скоро воста съ сыномъ своимъ идяше къ царствію съ полцы своими съ великою радостію, благодарствивъ же и одаривъ онаго мужа, у него же пребываше в дому. Егда же услышану бысть, яко царица близь есть царства своего, тогда изыде сынъ ея царевичь, иже звѣрискъ нарицашеся, со священнымъ соборомъ, со кресты и со иконы и съ пѣніемъ—въслѣдствующи князи, и боляре, и вельможи, и вси людіе града того, съ женами и съ дѣтьми срѣтоша ю внѣ града того, съ веліею честію и звоны великими, и поведоша ю сынове ея въ церьковь Божію. Пріиде же и царь въ церковь прежде пришествія ея, и срѣте ю въ церковныхъ дверехъ, пріемъ ю за деснюю руку, и веде ю въ церковь Божію. Царь же и царица не могущи стояти отъ жалости великія на ногахъ своихъ, но подъдержими бяху чады своими и боляры, и тако сотворивше молебное пѣніе и благодарственное торжество: цѣлова ю во уста и поидоста въ полату. Поклонижеся царица цареви, едва проглагола: «Радуйся, царю, и вовѣки живи!» царь же подхвативъ ю облобыза глаголя: «прости ми, любимица моя благочестивая, по бѣсовской зависти въ невѣдѣніи согрѣшившаго и оскорбившаго тя неповинну сущу». И сотвориша тогда празднество веліе, и испроси царица у царя, еже отпустити осужденныя на смерть, и темничнымъ разрѣшеніе, и отдати долги должникомъ, и сотворися тако. И бысть въ царствіи томъ радость велія зѣло о обрѣтеніи царицы и чадъ ея. Царь же нача жити въ царствіи своемъ съ царицею и съ чады своими въ радости велицей. Паче

же благочестіемъ и добродѣтелію сіяя. Слышано же бысть и по окрестнымъ странамъ слава и храбрость дѣтей его. Мнози и данницы сотвориша. Они же пребывающе благочестивно и благодарствующе и славяще собравшаго ихъ въ купѣ Создателя своего, въсещедраго Бога въ Троицы славимаго Отца и Сына и Свята-го Духа во вѣки Аминь.

(Изъ старинной рукописи.)

---

6. СКАЗКА О МУЖИКѢ — ВОИНѢ.

(Пудожскаго уѣзда.)

Мужикъ поѣхалъ рѣпы пахать. И насѣло на его лошадь много комаровъ, оводовъ, бучней и мухъ. Онъ какъ махнетъ мѣшкомъ, то нѣсколько головъ сразу убьетъ. И говоритъ мужикъ самъ себѣ: «Что мнѣ-ка рѣпу пахать, какъ я нѣсколько головъ сразу убиваю? Такъ лучше я поѣду домой, и пойду въ чистое поле, и буду воевать». И пошелъ онъ изъ дому въ чистое поле къ старцу — монаху лука просить. Прійдя къ старцу, спросилъ у дверей его кельи: «Отче святый, дома ли ты?» — Дома, — отвѣчалъ старикъ. Что тебѣ нужно, мужичокъ? —

«То нужно, что я, съѣхавши рѣпу пахать, нѣсколько головъ сразу побилъ, то къ тебѣ пришелъ лука просить: хочу идти въ чистое поле поляковать».

— Не дамъ я тебѣ лука, отвѣчалъ старецъ; а послушай, я тебѣ сказку скажу, тогда и лука дамъ. —

«Ну такъ сказывай, отче, сказку, когда хочешь сказать; только лука-то дай».

— Слушай же:

«Насъ было сорокъ братьевъ и все разбойники, а я изъ нихъ самый меньшой братъ. И не боялся ихъ сорока человѣкъ, хоть братья-то мои вдвоемъ—втросмъ меня дюжѣе. Была у насъ

мыза край самой дороги. Разбойничать мы далеко не ходили. И купцы про это все знали, и дарили насъ кто по тысячѣ, а кто по двѣ и больше; а у кого подарковъ не случится, тотъ принесетъ намъ покорность, и мы того пропустимъ безъ всякой остановки. Долго ли, коротко ли мы жили въ этой мызѣ, того не помню. И разъ, глядимъ, ѣдетъ старикъ очень старый на двухъ сѣрыхъ коняхъ: онъ не то чтобъ насъ подарить, такъ не снялъ колпака и не хотѣлъ даже на нашу мызу взглянуть. Тогда, какъ я, меньшой братъ, былъ у нихъ, бо́льшихъ братьевъ, на посылкахъ, то братья меня и послали воротить этого старика взадъ, за то что онъ не хотѣлъ даже поглядѣть на мызу и рожи даже не поворотилъ. — «Воротить его назадъ» — приказывали они мнѣ. Я побѣжалъ въ ту сторону, куда старикъ проѣхалъ. Догналъ старика и говорю ему: «Ахъ ты, старый чортъ! воротись назадъ, не то бѣда тебѣ будетъ». Старикъ мнѣ и говоритъ: — Дарить у меня васъ нечѣмъ. — «Не мое дѣло, сказалъ я, поди, братьямъ отвѣчай самъ, а я спустить тебя не могу». И онъ со мной воротился. Приходимъ въ нашу мызу, братья на старика закричали: «Ахъ ты, старый чортъ! ты не то чтобы подарить насъ, такъ не хотѣлъ колпака прикривить, такъ складывай намъ деньги». — Что, кормильцы, складывать, у меня денегъ нѣтъ, то вѣдаете вы. — «Ну, старый чортъ, крикнутъ братья, складывай, не то тебя жива не спустимъ. Старикъ стоитъ на своемъ: — у него-де есть въ карманѣ одинъ сгибенекъ; его, пожалуй, подаритъ, а больше дарить нечѣмъ. — И вдругъ, показавши сгибенекъ, махнулъ въ одну сторону и попалъ въ одного брата, а отъ того еще девять убилъ, потомъ махнулъ въ другую сторону — въ другаго брата, и за нимъ тоже отъ него девять убилось; такъ и въ третью сторону махнулъ и тоже десятерыхъ убилъ; и въ четвертую сторону махнулъ и тоже девять человѣкъ убилъ. А я положилъ завѣтъ уйти въ монахи, лишь бы остаться живымъ, и свалился между мертвыми въ то время, когда старикъ убивалъ третій десятокъ. Старикъ такъ со сгибнемъ пошелъ — сѣлъ на своихъ коней и поѣхалъ, куда ему надо, оставилъ насъ лежучись. Я въ это время не смѣлъ даже и пошевелиться, лежа между братьями. Наконецъ слышу, старикъ уѣхалъ; всталъ я и оглядѣлся кругомъ. При мнѣ была здоровая дубинка. Взяло меня горе, и я побѣжалъ за старикомъ съ тѣмъ, чтобы убить его. Вотъ и догоняю его, и догналъ уже, и лишь

только хочу его ударить, да какъ одумаюсь, что если не убить его, то онъ меня убьетъ, и такъ отойду, и иду надзоромъ сзади. Опять побѣгу, и опять раздумаюсь. Наконецъ положилъ себѣ въ душѣ такое мнѣніе: «лучше идти мнѣ за старикомъ, и гдѣ остановится, тамъ убить его: наняться въ работники къ кому нибудь и выжидать удобнаго случая, когдабъ удобнѣе убить старика». Съ тѣмъ пошелъ я за нимъ, однако ему не показываюсь, потому что онъ меня въ лицо зналъ. Старикъ этотъ пріѣхалъ въ Московское царство и воротитъ прямо къ дому своему. Кругомъ дома его обнесенъ высокій, прочный тынъ, а ворота рѣшетчатыя желѣзныя. Подъѣхавши къ дому, старикъ отворилъ самъ своими руками ворота, поддынулъ ихъ къ верху, и лошади прошли въ нихъ свободно. Я въ это время остался за тыномъ. Прошло порядочно времени, и я, подошедши къ воротамъ, сталъ ихъ дубинкою отпирать и не могъ даже нисколько поднять; а старикъ рукой поднялъ. Отошелъ я и сталъ ходить около воротъ и тына, — перетаптываясь съ мѣста на мѣсто. Старикъ меня увидалъ, что хожу около воротъ, вышелъ, поднялъ одной рукой эти ворота, и они отворились. Онъ мнѣ и говоритъ: «Что̀ молодецъ топчешься до позда? хочешь обокрасть, что̀ ли?». — Я, говорю, не воровать пришелъ, а наняться въ работники хочу куда нибудь и служить, да не смѣю у тебя постучаться. — «А когда не воровать пришелъ, а въ работники наймоваться, то поди: мнѣ работника надо, и я найму тебя». И я съ нимъ пошелъ въ его домъ». —

Мужикъ выслушалъ это и говоритъ монаху: «Отче! у тебя сказка-то какая длинная! Я послушалъ, теперь дай лука-то мнѣ. Я пойду въ чистое поле поляковать».

— Ничего, ничего, дружокъ, послушай еще моей сказки. Покуда сказки тебѣ этой не доскажу, — лука не дамъ. — И говоритъ монахъ: —

«Старикъ тотъ провелъ меня въ покои своего дома и приказалъ своимъ дворовымъ кормить — поить меня и на работу не посылать. Я, говоритъ, нанялъ его въ работники (т. е. меня-то)». Недѣлю живу, другую живу, и третью живу. Меня кормятъ и поятъ, а дѣлать ничего не даютъ. Хозяина въ это время я и въ глаза не видалъ. Комнатъ въ домѣ много. И слышу что въ мастерской рядомъ съ той компатой, гдѣ я жилъ, зешь метлой пашутъ. Поглядѣлъ туда: а тамъ старенькой и горбатый старичокъ пашетъ

зень; взялъ онъ большой чанъ съ кожами и переставилъ на другое мѣсто. Въ этотъ же день молодой работникъ въ этой мастерской говоритъ мнѣ: «Что ты, готовоѣжа, столько ты живешь у насъ, ничего не дѣлаешь, да еще надъ нами насмѣхаешься. «И однимъ пальцемъ тихонько пошихнулъ меня, — я палъ на зень за мертво, и послѣ мнѣ сказали, что я три часа лежалъ безъ чувствъ. Послѣ этого я пришелъ въ свой опять покой, и оттуда уже самъ не смѣлъ выйти никуда. Наконецъ пришелъ ко мнѣ самъ хозяинъ и сказалъ: «Работникъ! ступай за мной». Привелъ онъ меня въ свой покой, въ которомъ стоялъ большой столъ, а на столѣ было накладено всякихъ кушаньевъ и напитковъ много — премного. Въ комнатѣ похаживаетъ молодецъ въ одномъ камзольчикѣ, только мостовняки подъ ногами подгибаются, самъ и говоритъ: «Что, батюшка, работника этого нанялъ? — Да, дитятко, этого работника. «Ну, коли это работникъ, то садись со мной обѣдать», говоритъ молодецъ и посадилъ меня за столъ. Я сѣлъ на уголокъ, а самъ сѣлъ на другой, а хозяинъ стоитъ и смотритъ на насъ. Стали мы ѣсть. Я поѣлъ да и не хочу больше, а молодецъ хозяйскій все оплетаетъ. Хозяинъ говоритъ мнѣ: «Что же ты, работникъ, мало ѣшь? Ѣшь больше». Какъ обѣдъ нашъ кончился, молодецъ хозяйскій и я начали одѣваться, — и одѣлись. Потомъ вышли на дворъ и тамъ обсѣдлали и обуздали тѣхъ самыхъ двухъ сѣрушковъ, на которыхъ старикъ около нашей мызы ѣхалъ. Молодецъ на одного сѣрушка сѣлъ, а я на другаго сѣсть не могу. Старикъ — хозяинъ взялъ меня, какъ ребенка, посадилъ и ноги ремнями привязалъ. «Ну, говоритъ, теперь не выпадешь». Подошелъ онъ къ воротамъ, одною рукою отворилъ ихъ и выпустилъ насъ за ворота. Хозяинъ мой такъ шибко поѣхалъ на сѣрушкѣ своемъ, за которымъ и мой бѣжалъ сѣрушко, что я рѣшительно ничего не видѣлъ: даже и свѣтъ въ глазахъ потемнѣлъ. Ѣхали близко ли — далеко ли, и пріѣхали въ чистое поле. Хозяинъ спустился съ сѣрушка своего, развязалъ мнѣ ноги и меня снялъ. Потомъ раскинулъ бѣлый, полотняный шатеръ, привязалъ лошадей къ столбу, зашелъ въ шатеръ и меня туда взялъ. Тамъ хозяинъ приказалъ мнѣ сойти въ погребъ, отворить дверь и взять тамъ котелъ, налить въ него воды и сварить каши пообѣдать. И я пошелъ въ погребъ, двери кое-какъ отворилъ, а котла я поднять не могъ порожняго, не то чтобы въ немъ воды принести. Прихожу къ

молодому хозяину и говорю: «Воля твоя, господинъ хозяинъ! Не могу поднять котла». Хозяинъ и говоритъ: «Одиннадцать лѣтъ батюшка нанималъ работниковъ, и всѣ они мнѣ въ дорогѣ кашу варили, а на двѣнадцатый годъ батюшка нанялъ такого работника, что мнѣ надо для него каши сварить». — Пошелъ самъ, взялъ котелъ, почерпнулъ воды, сварилъ кашу и меня накормилъ. Ложится спать и наказываетъ мнѣ: «Смотри, работникъ, ты не спи и гляди вотъ въ ту сторону, и когда увидишь, что ѣдетъ молодецъ на сѣромъ конѣ, и стоя стоитъ, и въ гусли играетъ, и пѣсни поетъ, и пляшетъ, и говоритъ: «Хорошъ молодецъ, да не у мѣста спитъ», — то ты меня не буди; второй разъ проѣдетъ тотъ же молодецъ, — не буди; и въ третій разъ проѣдетъ, — не буди. А когда объявится Татаринъ, будто сѣна копъ, на ворономъ конѣ, тогда меня непремѣнно буди, а если не можешь разбудить, то вотъ этимъ стибнемъ бей меня, говоритъ, въ пяту». — Сказалъ и заснулъ. Молодецъ на сѣромъ конѣ проѣхалъ всѣ три раза и приговаривалъ: «хорошъ молодецъ да не у мѣста спитъ». Вотъ ѣдетъ и Татаринъ на ворономъ конѣ. Я сталъ хозяина будить и разбудилъ. Онъ и говоритъ: «Поздно-де я разбудилъ». Сталъ сѣдлать коня своего сѣрушка, а мнѣ наказываетъ опять: «Гляди, работникъ! Когда мы съѣдемся и будемъ съѣзжаться первой разъ съ саблями, второй разъ съ палицами, а третій разъ съ копьями, — и если мы падемъ и будемъ лежать, — то гляди: чей конь голову повѣситъ, тому значитъ въ живыхъ не быть; а чей будетъ кругомъ ходить, тому въ живыхъ быть. И если мой конь будетъ кругомъ ходить, то ты иди мнѣ на помочь; а если мой конь голову повѣситъ, то ты отправляйся домой и скажи моему батюшкѣ, что меня въ живыхъ нѣтъ». Вотъ они съѣхались въ первый разъ, — ударились саблями и другъ друга не ранили, кони ихъ проскочили; съѣхались во второй разъ, — ударились палицами и тоже не ранили другъ друга; съѣхались въ третій разъ, ударились копьями вострыми, копья ихъ до рукъ пригибалися. И въ это время они соскочили съ коней своихъ, схватилися охабкою, и упали они о землю такъ, что земля сколыбалася, и поганый татарище на верхъ палъ, да тутъ они оба затхнулися, а сѣрушко головушку повѣсилъ, а воронушко вокругъ пошелъ. Я гляжу и думаю: «хозяинъ мой — отецъ этого молодца — убилъ моихъ братьевъ, а непріятель этотъ ничего мнѣ не сдѣлалъ, то пойду и добью хозяина». Прихожу къ

нимъ и вижу, что они оба лежатъ замертво; а сгибенекъ, которымъ отецъ хозяина убилъ моихъ братьевъ, лежитъ поодаль; я взялъ его, разшаталъ, раскачалъ его и хлопнулъ молодца по лбу, а у него изъ горла кровавый кусокъ выскочилъ, и онъ ожилъ, меня поблагодарилъ и выскочилъ изъ-подъ-низу Татарина, взялъ ножище — кинжалище и вонзилъ его въ грудь Татарина, — и пошла съ татарина кровь ручьями: совсѣмъ доубилъ его. Потомъ у меня сталъ спрашивать: «За что я его ударилъ по лбу?» Я отвѣчалъ ему: «Отецъ твой убилъ моихъ 39 братьевъ; я съ тѣмъ нанялся и въ работники, чтобы за братьевъ кровь отмстить, — и потому ударилъ тебя въ голову. Вотъ сущая моя правда. Прости меня!» — и онъ меня простилъ».

Мужикъ выслушалъ это и говоритъ монаху: «Отче! сказка твоя длинная. Дай же мнѣ лука. Я пойду домой и стану воевать».

— Когда дослушаешь мою сказку, тогда и лукъ дамъ. — И монахъ продолжалъ:

«И говоритъ молодецъ:

«По одиннадцать лѣтъ ѣздилъ я въ поле и не могъ непріятеля убить, а на двѣнадцатый годъ чрезъ тебя, работникъ, убилъ его». И возвратились мы съ нимъ въ шатеръ. Онъ меня уже не посылалъ варить кашу, сварилъ самъ и меня накормилъ. Пообѣдавши, легли мы спать; и онъ такъ захрапѣлъ, что меня въ шатрѣ, какъ на морѣ на валахъ, стало шатать. Хозяинъ мой выспался, обѣдалъ обоихъ сѣрушковъ, посадилъ опять меня и ноги перевязалъ, и сѣлъ самъ, и мы съ нимъ отправились домой. Пріѣхали, и старикъ насъ встрѣтилъ и ворота отворилъ, запустилъ насъ во дворъ, отвязалъ меня отъ лошади и пустилъ, а сѣрушковъ убралъ въ конюшни. Хозяева пошли въ свои покои, и я пошелъ въ свой покой. Опять меня по прежнему стали кормить и поить. — Чрезъ нѣсколько времени приходитъ ко мнѣ самъ старикъ хозяинъ и говоритъ: «Ну, работникъ, пойдемъ за мной». И привелъ меня въ тотъ же покой, гдѣ я первый разъ при отъѣздѣ обѣдалъ. Въ покоѣ дѣвица похаживаетъ, только половиченки подгибаются; разодѣтая, красивая, и коса у ней длинная. Сама и говоритъ отцу своему: «Родитель батюшко! одиннадцать лѣтъ я ѣздила съ непріятелемъ воевать и теперь только на двѣнадцатый годъ, пріѣхавши съ этимъ работникомъ, на его счастье, я убила непріятеля (въ это время я такъ и остолбенѣлъ), такъ теперь я

за него замужъ выйду: благослови меня!». Я и думаю: «Какая это будетъ мнѣ жена: руку или ногу откинетъ, и задавитъ меня». Я сказалъ тутъ: — А помнишь ли, хозяинушко, какъ ты на мызѣ-то нашей убилъ сорокъ безъ одного моихъ братьевъ, а я живой между ними палъ и завѣтъ завѣчалъ поступить въ монахи, если останусь живъ; такъ мнѣ за это жениться нельзя. — Она и говоритъ отцу: «Батюшко! Когда я въ полѣ лежала мертвая, то онъ за это твое убійство меня сгибнемъ ударилъ по лбу, и у меня выскочилъ кровавый съ горла кусокъ, а чрезъ это, вмѣсто смерти, я получила жизнь, и за его откровенное признаніе его простила и умертвила окончательно Татарина невѣрнаго, то прости его и ты. А если ты, дружокъ, — говоритъ мнѣ, не хочешь по завѣту на мнѣ жениться, то не женись, а ступай по своему обѣщанію; и не хвастайся мной, а, что знаешь, того никому и нигдѣ не разсказывай ни въ Москвѣ и ни въ Вологдѣ». За тѣмъ я отъ нихъ ушелъ въ эту келью и теперь даже отъ нихъ получаю по обѣщанію пищу, обутку и одѣтку, и живу въ уединеніи».

Мужикъ сказалъ старцу монаху: «Ну, отче! сказка теперь у тебя вся?

— Вся, отвѣчалъ ему монахъ.

«Ну, такъ дай же мнѣ, отче, твоего лука: я пойду въ чистое поле воевать — поляковать».

Монахъ, отпоясавъ ремень отъ себя и, неговоря болѣе мужику ни слова, схватилъ его, положилъ голову межъ ноги и началъ такъ сильно драть, что мужикъ закричалъ дурнымъ матомъ. Монахъ приговариваетъ: «Вотъ тебѣ лукъ, вотъ тебѣ война и поляkованье! А лучше поди-ко, да паши рѣпу, да хозяйство веди». Мужикъ, вырвавшись отъ монаха, побѣжалъ домой не оглядываясь и въ безпамятствѣ даже позабылъ свою шапку.

(Отъ кр. дер. Раннной Горы Филимоновск. вол. Анфима Савельева.)

7. СКАЗКА ОБЪ ОЛЁШѢ ГОЛОПУЗОМЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ мужичокъ. У этого мужичка былъ сынъ Олёша. Съ малолѣтства Олёша у дьячка выучился грамотѣ, а потомъ сдѣлался такой лѣнтяй, что кромѣ печи никуда не ходилъ. Вотъ и говоритъ отецъ Олёшѣ: «Пора тебѣ, Олёша, и къ работѣ привыкать?» — «А что, говоритъ Олёша: докормите до уса, такъ и буду помогать». Вотъ и усъ у Олёши пробился. Отецъ и говоритъ опять: «Олёша! пора тебѣ и пахать». — «А на что пахать, говоритъ Олёша, пахать? — лучше на печи лежать. Докормили до уса, такъ докормите и до бороды, а тогда ужь и пахать стану». Выросла и борода, а Олёша кромѣ печи и свѣта Божьяго не зналъ. Вотъ отецъ и говоритъ опять: «Ну, пора тебѣ, Олёша, и за умъ хватиться. — Люди добрые, изъ твоихъ-то товарищей, ужь нѣкоторые и дѣтокъ имѣютъ, а ты и пахать не умѣешь». Олёша на другой день и поѣхалъ пахать, а день-то былъ такой жаркой, что оводовъ и комаровъ гибель насѣла на его и на лошадь. Онъ и давай ихъ бить, да и пробилъ весь день. Подъ вечеръ онъ сталъ ихъ считать: считалъ, считалъ да и сосчитать не могъ. Пріѣхалъ домой, ужь темно было, да и говоритъ отцу: «Ужь я тебѣ не пахарь да и не кормилецъ, а наживай-ко хлѣбъ-то самъ! Я поѣду свѣта посмотрѣть, да себя показать: у меня сила богатырская — поѣду да потѣшуся, да еще дайте мнѣ эту клячу». Отецъ видитъ, что *и взаболь* [1]) отъ него не хлѣбъ, взялъ да и отпустилъ. Олёша взялъ косу да топоръ да толокна мешокъ, да на клячу рогожу накинулъ, да сѣлъ и поѣхалъ. У кого-то онъ слыхалъ, что богатыри-то ѣздятъ, такъ записочки за собой кидаютъ; — и онъ тоже вынялъ лоскутокъ бумаги да и пишетъ: «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олёша».... да и задумался, какую дать себѣ фамилію: онъ не зналъ, какъ прозывался отецъ да и онъ самъ: смотрѣлъ, смотрѣлъ да увидѣлъ, что балахонъ у него разорванъ, и сквозь его видно пузо: вотъ онъ и написалъ: «Олеша Голопузой».

[1]) Въ самомъ дѣлѣ.

«Я, Олеша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей (за богатырей-то онъ принялъ оводовъ) избивалъ, а мелкой силы (т. е. мошекъ) и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олеши Голопузого, взадъ ѣхать — не уѣхать, и впередъ ѣхать — не уѣхать; а лучше мнѣ, ОлешѢ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Написалъ да и бросилъ. Вотъ ѣдетъ за нимъ настоящей богатырь и видитъ, что лежитъ записочка, сошелъ съ коня, поднялъ и читаетъ: «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олеша Голопузой. Я, Олеша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олеши Голопузого, взадъ ѣхать — не уѣхать, и впередъ ѣхать — не уѣхать; а лучше мнѣ, ОлешѢ Голопузому, въ ясныя очи показаться». — Какой это, думаетъ онъ, такой богатырь? Я, кажись, всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей знаю, а такого неслыхалъ; да и это бы ничего, а онъ такъ еще похваляется, что, вишь, сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олеши Голопузаго, взадъ ѣхать не уѣхать и впередъ ѣхать не уѣхать, а лучше мнѣ, ОлешѢ Голопузому, въ ясныя очи показаться?» Хорошо, поѣду. А самъ вынялъ лоскутокъ бумаги и написалъ: «Ѣдетъ въ Царство Царя Кощея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ царской. Я, Иванъ сынъ царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть на днѣ моря камешковъ». Вотъ ѣдетъ и скачетъ онъ за Олешей и видитъ, что ѣдетъ такой хухлякъ съ косой да съ топоромъ, что и за богатыря не принялъ и хотѣлъ проскакать мимо, а Олеша и кричитъ ему: «И потише можешь ѣхать-то!» — Иванъ сынъ Царской подъѣхалъ къ ОлешѢ и говоритъ: «Ты ли сильный и могучій бугатырь Олеша Голопузой?» «Извѣстно, что я», говоритъ Олеша: «а многоли ты можешь убить силы въ одинъ часъ и въ одну минуту и куда теперь ѣдешь??» «Я, говоритъ, Иванъ сынъ Царской: ѣду теперь въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть камешковъ на днѣ моря». — «Ну, намъ такіе люди и надобны: поѣзжай рядомъ». — А для Ивана сына Царскаго это было сущее наказаніе, потому что у него конь рвался, а у Олеши кляча еле-еле двигалась.

Вотъ ѣхали они близко ли — далеко ли; низко ли — высок ли: —

сьоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Вотъ ѣдетъ другой богатырь и видитъ двѣ записочки; поднялъ и читаетъ: (на одной) «Ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ царской. Я, Иванъ сынъ царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть камешковъ на днѣ морскомъ»; (на другой): «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олеша Голопузой. Я, Олеша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня Олёши Голопузого, взадъ ѣхать — не уѣхать, и впередъ ѣхать — не уѣхать; а лучше мнѣ, Олешѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». — Какъ это, говоритъ Илья Королевичь (это былъ онъ): Я всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей и Ивана сына Царскаго знаю, а этого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ такъ похваляется, что «вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олёши Голопузого, взадъ ѣхать не уѣхать, и впередъ ѣхать не уѣхать; а лучше мнѣ, Олёшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Хорошо, поѣду.— А самъ вынялъ лоскутокъ бумаги и написалъ: «Ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея сильный и могучій богатырь Илья Королевичь. Я, Илья Королевичь, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть листочковъ въ лѣсѣ». Написалъ да и бросилъ, а самъ поскакалъ за Олёшей. Вотъ слышитъ Олёша, что скачетъ кто-то, и говоритъ Ивану сыну царскому: «Скажи, чтобы тише ѣхалъ-то». Иванъ сынъ царской остановился и говоритъ: «Тише, тише. Это сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой». Илья Королевичь подъѣхалъ къ Олёшѣ и говоритъ: «Здравствуй, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой!» — Здорово, говоритъ Олёша: много ли ты можешь въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы и куда теперь ѣдешь?». «Я ѣду, говоритъ Илья королевичь, въ царство сильнаго и могучаго (богатыря) царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть листочковъ въ лѣсѣ». — «Ну, говоритъ Олёша, намъ такіе люди и надобны: поѣзжай рядомъ». Вотъ они ѣдутъ (да записочки подкидываютъ), близко ли — далеко ли, низко ли — высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. — Вотъ ѣдетъ еще богатырь Данило Бѣлой, и видитъ — лежатъ три записочки,

сошелъ съ коня и читаетъ: (на одной) «Ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго Царя Кащея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ Царской. Я, Иванъ сынъ Царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить силы столько, сколько есть камешковъ на днѣ моря». (На другой): «Ѣдетъ въ царство сильнаго и могучаго Царя Кащея сильный и могучій богатырь Илья Королевичь. Я, Илья Королевичь, могу въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы столько, сколько есть листковъ въ лѣсѣ». (На третьей): «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой. Я, Олёша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня Олёши Голопузого, взадъ ѣхать, не уѣхать, и впередъ ѣхать, не уѣхать, а лучше мнѣ, Олёшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». — «Какъ», говоритъ Данило Бѣлой: «Я всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей знаю, а этого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ еще такъ похвалялся, что «вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олёши Голопузого, взадъ ѣхать, не уѣхать, и впередъ ѣхать, не уѣхать, а лучше мнѣ, Олёшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Ну, такъ и быть — поѣду да посмотрю, что это за птица такая». Вотъ слышитъ Олёша, что кто-то скачетъ, и говоритъ Ильѣ Королевичу: «скажи, чтобы ѣхалъ-то по тише!». Илья Королевичь остановился и говоритъ: «Тише, тише — это сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой». Данило Бѣлой подъѣхалъ къ Олёшѣ и говоритъ: «Здравствуй сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой!» — «Здорово, здорово», говоритъ Олёша: «а сколько ты можешь въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы и куда теперь ѣдешь?» — «Я ѣду въ царство сильнаго и могучаго царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько естъ песку по краямъ моря». «Ну, говоритъ Олеша: намъ такіе люди и надобны, поѣзжай рядомъ». Вотъ они ѣхали близко ли — далеко ли, низко ли — высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, — и наконецъ пріѣхали они на луга царскіе, раскинули шатры бѣлополотняные, выставили на нихъ флаги шелковые, а Олёша раскинулъ рогозку да и повалился. Тѣ богатыри насыпали своимъ конямъ пшена бѣлояраго, налили сыты медовыя, а Олёша спустилъ свою клячу на Божью волю; а она тѣхъ коней и объѣла,

да богатыри и прекословить ему не посмѣли. На другой день начали они кличь кликать, а у Царя Кащея дочь просить; а если Царь Кащей имъ откажетъ, такъ грозили войско прибить, царство разорить, а дочь силомъ взять. А лишь только увидѣли, что выходитъ войско изъ города, и пошли къ Олёшѣ и говорятъ: «Скажи, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой: самъ ли ты пойдешь противъ войска или намъ велишь?» — «Пусть идетъ меньшой братъ, сказалъ Олёша. Не прошло и часу, какъ пріѣзжаетъ меньшой братъ (Иванъ сынъ Царской) и привозитъ на коньѣ голову воеводы и говоритъ: «Ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ погамъ твоимъ я привезъ». — «Ну, говоритъ Олёша: ты достоинъ чести — спасибо!» На другой день они опять выѣхали прежній кличь кликать, и лишь только увидѣли, что выходитъ изъ города войско, поѣхали въ шатры къ Олёшѣ и говорятъ: «скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой: самъ ли ты поѣдешь противъ войска, или которому либо изъ насъ прикажешь?» «Пусть, говоритъ Олёша, ѣдетъ средній братъ». — Не прошло и полуторыхъ часовъ, какъ пріѣхалъ средній братъ (Илья Королевичь), привезъ на коньѣ голову воеводы и говоритъ: ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ твоимъ погамъ я привезъ». — «Ну, говоритъ Олёша: и ты достоинъ чести; — спасибо!». На третій день Царь Кащей вывелъ противъ нихъ всё войско — сколько осталось, и лишь только это увидѣли богатыри, пришли къ Олёшѣ и говорятъ: «Скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой, самъ ли ты поѣдешь противъ войска, или которому либо изъ насъ прикажешь?» — «Пусть, говоритъ Олёша, ѣдетъ старшій братъ». Неуспѣли тѣ богатыри ничего сдѣлать, какъ пріѣхалъ старшій братъ (Данило Бѣлой), привезъ голову полководца и говоритъ: «ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ погамъ твоимъ я привезъ». — «Ну, спасибо, говоритъ Олёша». Вотъ видитъ Царь Кащей, что бѣда приходитъ и посылаетъ гонца къ сыну Демьяну Кащенчу, что пріѣхали подъ его царство четыре богатыря, и войско, сколько было въ царствѣ, всё прибили «и хотятъ царство мое разорить и сестру твою силомъ взять». Демьянъ-то Кащенчь былъ 12-ти лѣтъ, а ростомъ 12-ти саженъ, а толщиною 6-ть саженъ; онъ ѣздилъ на волшебномъ конѣ и бился съ сильнымъ и

могучимъ царемъ Далматомъ. — Царь Далматъ и самъ-то былъ богатырь, да и въ царствѣ у него было до ста тысячъ богатырей, и онъ хотѣлъ взять за себя сестру Демьяна Кащеича, прекрасную царевну Елену Кащеевну. Демьянъ Кащеичь въ недѣлю проскакалъ три тысячи верстъ и началъ по чистому полю разъѣзжать и тѣхъ богатырей на битву вызывать. Богатыри и говорятъ между собою: «Ну, если самъ Олёша Голопузой не поѣдетъ, то намъ тутъ вѣрная смерть». Однако ослушаться не смѣли и пришли къ Олёшѣ и говорятъ: «Скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой, самъ ли ты пойдешь противъ Демьяна Кащеича, или изъ насъ кому либо прикажешь?» — А что, развѣ я своей очереди не знаю», говоритъ Олёша! Вотъ выѣхалъ Олёша противъ Демьяна Кащеича съ косой да съ топоромъ и думаетъ: «Однако смерть такъ смерть: пусть отсѣкутъ мнѣ голову, и кóпцы въ воду». А богатыри одинъ за другимъ и уѣхали: такъ испугались Демьяна Кащеича. Вотъ какъ сталъ Олёша съѣзжаться да и думаетъ: «Дайко голову-то я наклоню: такъ хоть не увижу, какъ отсѣкутъ ее! Сдумано — сдѣлано; а Демьянъто Кащеичь думалъ, что это какая либо рыцарская хитрость, да повалился да и заснулъ. Вотъ Олёша и думаетъ, что долго богатырь-то головы не сѣчетъ: дайко взгляну; — взглянулъ, а Демьянъто Кащеичь спитъ. Олёша сошелъ съ лошади да и давай по шеѣ пилить косой: коса не беретъ, — давай топоромъ, и топоръ не беретъ. Что дѣлать? — Подошелъ онъ къ Демьяну, а у него мечь-то закинутъ за спину, да такъ и заснулъ. Вотъ Олёша (привязалъ) кой-какъ, приподнялъ меча да и спустилъ на шею, а голова-то и покатилась. Олёша привязалъ ее за волосы къ хвосту клячи, а та и ни съ мѣста. Вотъ онъ вскарабкался кой-какъ на лошадь богатырскую ѣхать къ богатырямъ: посмотритъ, а тамъ и мѣсто чисто; поворотился да и поскакалъ въ городъ, тамъ царь Кащей встрѣтилъ его съ честію и славою, одѣли его какъ красную дѣвицу, а Демьяна похоронили тоже съ честію. У Царя Кащея не пиво варитъ, не вино курятъ, а честнымъ пиркомъ и за свадебку! Вотъ прошло послѣ свадьбы почти три года. Въ одно утро встаетъ Царь Кащей и смотритъ, а на его лугахъ царскихъ раскинуты шатры бѣлополотняные, а на тѣхъ шатрахъ бѣлополотняныхъ выкинутъ флагъ сильнаго царя Далмата! Царь Далматъ лишь только услышалъ, что Демьянъ Кащеичь убитъ, и пошелъ войной

на царя Кащея. Царь Кащей не успѣлъ еще отойти отъ окна, какъ выѣхали изъ шатра три могучихъ богатыря и стали они кличь кликать и царя Кащея на бой вызывать; а если царь къ нимъ не выйдетъ, то они его царство разорятъ, а прекрасную царевну Елену Кащеевну силѣмъ возмутъ». Вотъ царь Кащей и говоритъ Олёшѣ: «Зять мой любезный! ты прибилъ у меня всё войско и сына моего Демьяна убилъ; такъ вся теперь надежда у меня на тебя: самъ ты защищай и жену свою и царство; а если ты враговъ прибьешь, я тебѣ и царство сдамъ, однако и голова моя стара стала».

«Вотъ тебѣ, матушка, и Юрьевъ день», думаетъ Олёша: «однако ужь двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать, а я еще вотъ, — что сдѣлаю: не далеко отъ города, на дорогѣ къ лугамъ, есть дубъ, такъ велю на этотъ дубъ придѣлать шелковую петлю, да такую крѣпкую, чтобы скорѣе дубъ сломился, чѣмъ она сорвалась, а какъ поѣду къ лугамъ-то, такъ и суну голову-то въ петлю; хоть стыда меньше будетъ; а пусть тамъ надъ мертвымъ хоть что дѣлаютъ». Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Вотъ и выѣхалъ Олёша да и сталъ править къ самому этому дубу, да вмѣсто себя-то и заправилъ въ петлю коня. Конь-то былъ такой сильный, что и вырвалъ дубъ со всѣми кореньями, да и побѣжалъ по войску, да куда прибѣжитъ — тутъ и улица, а повернетъ — тамъ переулокъ, и наконецъ притопталъ и придавилъ до одного человѣка. Вотъ царь Кащей такъ этому обрадовался, что въ тотъ же день и сдалъ ему свое царство. А Олёша такъ этимъ удивилъ своихъ сосѣдей, что во всю жизнь свою ни съ кѣмъ не воевалъ (т. е. никто не смѣлъ съ нимъ воевать). А нашъ сильный и могучій Царь Олёша привезъ къ себѣ отца и сталъ жить да быть.

Я тамъ былъ, мёдъ и пиво пилъ: пиво-то тепло, по губамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Сообщено г. Барсовымъ.)

IV.

НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ И СУЕВѢРЬЯ

ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

ЗАОНЕЖСКІЯ ПОВѢРЬЯ.

По вѣрованію Заонежанъ, земля, кромѣ людей, населена несмѣтнымъ множествомъ видимыхъ и невидимыхъ существъ, которыхъ нельзя причислить къ благимъ духамъ. Трудно пріискать для нихъ общее народное названіе. Замѣчу только, что у нихъ нѣтъ никакой связи съ библейскимъ діаволомъ. Въ представленіи Заонежанъ — человѣконенавистникъ діаволъ самъ по себѣ: это отвлеченное существо, о которомъ, внѣ круга религіозныхъ вѣрованій, они знаютъ лишь изъ особаго рода сказаній; въ жизни же они имѣютъ дѣло съ духами совершенно иного порядка, которые и по природѣ, и по наклонностямъ близки къ человѣку, но только сильнѣе его. Это домовики, лѣсовики, лѣсные старики, водяшки, водяныя женщины и т. п. Когда-то эти духи были языческими геніями, иные изъ нихъ принадлежали къ лику боговъ, но, по введеніи христіанства, потеряли свои небесные престолы. Впрочемъ, отнявъ у нихъ тронъ, христіанство не лишило ихъ власти, потому, вѣроятно, что культъ ихъ былъ не общественный, а семейный.

Чтобы какъ нибудь согласить существованіе своихъ пенатовъ съ христіанскими понятіями, народъ сложилъ слѣдующую легенду: «по досюльному окіянъ-морю плавало два гоголя: одинъ бѣлъ гоголь, а другой черенъ гоголь. И тыми двумя гоголями плавали самъ Господь Вседержитель и Сатана. По Божію повелѣнію, по Богородицину благословенію, Сатана выздынулъ со дна моря горсть земли. Изъ той горсти Господь-то сотворилъ ровныя мѣста и путистыя поля, а Сатана надѣлалъ непроходимыхъ пропастей, щпльевъ и высокихъ горъ. И ударилъ Господь молоткомъ

въ камень и создалъ силы небесныя; ударилъ Сатана въ камень молоткомъ и создалъ свое воинство. И пошла между воинствами великая война: по началу одолѣвала было рать Сатаны, но подъ конецъ взяла верхъ сила небесная. И сверзилъ Михайла архангелъ съ небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю въ разныя мѣста: которые пали въ лѣса, стали лѣсовиками, которые въ воду — водяниками, которые въ домъ — домовиками; иные упали въ бани и сдѣлались баенниками, иные во дворахъ — дворовиками, а иные въ ригахъ — ригачниками».

Кромѣ лѣсовиковъ, водяниковъ и ихъ собратій, есть особое сословіе *нечистой* силы или чертей *(лембоевъ)*: имъ подневольны *заклятые*, и съ ними ведутъ дружбу *клохтуны* или *крестуны*. Черти въ глазахъ народа тоже отличны отъ дьявола: по заонежскому поговорью, «чёртъ чёртомъ, а дьяволъ самъ по себѣ». Эта нечистая сила вездѣ водится, но ея любимыя жилища на Ишь — горахъ и Мянь — горахъ [1]). Тамъ когда-то жили, по народному преданью, двѣ сестры, блины пекли, съ горы на гору перебрасывали. Теперь тамъ живутъ цѣлыя полчища нечистой силы, у нихъ тамъ цѣлыя селы съ переселками и города съ пригородками. Лембои женятся между собою, распложаются, а все имъ мало: дня не проходитъ, чтобъ они не похищали людей, въ особенности дѣтей, которые закляты родителями. Если отецъ или мать скажутъ своему дѣтищу не въ добрый часъ нехорошее слово, напр. «изыми тя», или «унеси тя» — быть ребенку между заклятыми [2]). Заклятые нужны нечистой силѣ, потому что единственно посредствомъ ихъ она можетъ проникать къ людямъ: забудутъ крещеные перекрестить ѣства, — самой то нечистой силѣ нельзя ихъ стащить, — вотъ и посылаютъ на это дѣло заклятыхъ. Воротить заклятаго можно посредствомъ осиноваго листа; отъ того и слыветъ у Заонежанъ поговорье, что заклятаго человѣка отъ дому отдѣляетъ только осиновый листъ.

«А часто ли у васъ люди попадаютъ къ нечистой силѣ?» спрашивалъ я на Шуй-наволокѣ. Въ отвѣтъ на мой вопросъ Заонежане привели мнѣ десятки примѣровъ и изъ прошедшаго, и изъ

1) Есть горы этого имени по Заонежью, въ Толвуѣ и Кижахъ, и на Пудожскомъ берегу.

2) Слѣдовательно, «нечистая сила» можетъ вредить человѣку только тогда, или, лучше сказать, въ ней является только тогда вредная сила, когда люди сами вызываютъ ее, когда обрекаютъ другъ друга гибели.

недавнихъ дней, насказали мнѣ случаи, о которыхъ слышали и которые сами видѣли. «Лонись (т. е. прошлаго года) въ деревнѣ Боярщинѣ мать проклила дочку, — пошла дѣвка по ягоды и не воротилась; а добрые люди видѣли ее потомъ между заклятыми.— Въ деревнѣ Середкѣ мать выбранила мальчика, — и мальчикъ пропалъ. Мѣсяца черезъ два послѣ этого, Леонтій Богдановъ шелъ съ лѣсу и, подходя къ дому, видитъ: на воротахъ что-то копышется: анъ сидитъ на воротахъ младенецъ: «Только бы его снять, да крестъ надѣть; съ рукъ-то бы не взяла нечистая сила». Но пока Леонтій Богдановъ проклаждался, разсуждаючи такимъ образомъ, мальчикъ сгинулъ изъ виду».

На Толвуѣ пропалъ мужъ у жены. Долго она понапрасну его отыскивала. И вотъ сжалился надъ нею сусѣдъ и указалъ ей такого колдуна, больше котораго никто не могъ отыскать ея мужа. Стала она просить колдуна о своемъ дѣлѣ, а тотъ и говоритъ ей: «Да что Иванъ-то Васильевичъ тебя ко мнѣ посылаетъ: онъ твоего мужа лучше меня отыскать можетъ». Пала баба въ ноги къ Ивану Васильевичу и упросила его пособить ея горю. Наканунѣ Иванова дня отправились они оба къ Ишь-горѣ и пришли туда въ полуночную пору. Колдунъ научилъ бабу, что ей нужно дѣлать, и остался самъ внизу, а она поднялась вверхъ на гору, — и видитъ большое село. Была темная ночь, а сталъ бѣлый день; конца нѣту строенію. На улицахъ пляски и игрища, разставлены столы, на столахъ ѣствамъ и питьямъ счету нѣтъ [1]). Какъ завидѣли черти чужую женщину, окружили ее со всѣхъ сторонъ и стали у ней выспрашивать: «Зачѣмъ пришла къ нимъ?» — Я-де мужа розыскиваю. — «Ну, говорятъ, ладно, такъ розыскивай: только держи ухо востро». Стали рядами цѣлыя ихъ тысячи: платья у всѣхъ одноличныя, точно съ одного плеча; нельзя ихъ различить одного отъ другаго ни по волосу, ни по голосу, ни по взгляду, ни по выступкѣ. И никакъ бы не могла баба признать между ними мужа, да на счастье вспомнила наказъ сусѣда. У всѣхъ платье застегнуто съ лѣвой стороны, и нѣтъ ни кровинки въ лицѣ; а у мужа правая пола вверху, а кровь на щекахъ такъ

1) При этомъ разскащикъ остановился и пояснилъ мнѣ: «плясали-де и забавлялись черти заклятые, а ѣства и питьица унесены были отъ крещеныхъ, которые забыли благословиться: такъ нечистая сила унесла неблагословленное, вмѣсто того оставила имъ всякихъ пакостей».

и играетъ. Какъ указала она мужа, се честью отпустили съ нимъ домой; и пока они шли до сусѣда, не спускала съ рукъ руки мужа.

Въ досюльные годы въ Заонежьѣ жилъ старикъ, и померли у него оба сына. Остался онъ одинъ со старухой, кормился охотой, и была у него собака, ей цѣны нѣтъ. И разъ попался ему встрѣчу хорошо убранный человѣкъ: «продай, говоритъ, собаку и приходи ко мнѣ на Мянь-гору завтра вечеромъ за расчетомъ». Старикъ собаку отдалъ, а на другой день пошелъ на Мянь-гору. Идетъ себѣ, да думаетъ: — Здѣсь и дороги никогда не было. — Какъ поднялся на верхъ горы, видитъ большой городъ, и показали ему домъ хорошо убранаго человѣка. Самого хозяина еще не было дома, но старика напоили, накормили, послали попариться въ баенку и дали ему парильщикомъ добраго молодца. Какъ выпарилъ старика молодецъ въ парной баенкѣ, палъ ему въ ноги и говоритъ: «Не бери, дѣдушка, за собаку жаловашья, а проси меня». — Хорошо, скажетъ, дитятко! — Воротились они тутъ въ палаты; хозяинъ уже дома и спрашиваетъ старика: «Что тебѣ за собаку?» — А не надо мнѣ ни золота, ни серебра. Дай мнѣ этого дородня добра молодца; дѣтей у меня нѣту-ти: будетъ онъ мнѣ на мѣсто сына. — «Много ты просишь, старичокъ, да дѣлать нечего: надо дать». И велѣли молодцу надѣть одежду самолучшую, дали ему хорошую шляпу, сапоги козловые и все исправное; отпустили его со старикомъ и на прощенье дали 500 рублей на его житье. Какъ пришли они на фатеру, молодецъ и говоритъ ему: — Отдай, — дѣдушка, деньги старухѣ, а у насъ денегъ будетъ. Ступай ты въ Новгородъ и отыщи на улицѣ Рогатицѣ такого-то купца. — И разсказалъ ему тотъ молодецъ, что̀ надо сдѣлать, и что̀ говорить, и отпустилъ въ Новгородъ. Старикъ пришелъ въ Новгородъ, разыскалъ на Рогатицѣ домъ купца и попросился къ нему ночь ночевать. Послѣ ужина сталъ старикъ купца спрашивать: «Было ли у тебя дѣтей?» — Былъ, говоритъ, сынъ, любимое дѣтище, да мать въ сердцахъ выговаривала ему: «лембой те возьми»; лембой его и унесъ — «А что дадите, я вамъ его ворочу?» — Гдѣ тебѣ-ка-ва вернуть? Сколько у насъ денегъ было держано, сколько добрыхъ людей прошено, а не могли воротить сыночка. — «Такъ послушайте-же: есть у васъ въ кладовой зеленый сундукъ, въ сундукѣ съ лѣвой руки лежитъ на самомъ днѣ перстень, съ нимъ и найдете сына». Взяли пер-

стень и поѣхали въ Заопежье. Призналъ купецъ дородня добра молодца за сына и хотѣлъ наградить старика несчетной казной. А сынъ ему говоритъ: «Старика намъ отпустить не-можно: ты меня породилъ, а онъ мнѣ второй отецъ, изъ лютой неволи высвободилъ». И тутъ они стали всѣ вмѣстѣ жить да быть.

Есть такіе люди, которые знаютъ, какъ обращаться съ нечистой силой. Но знакомство знакомству рознь. Добрые люди ведутъ съ лембоями знакомство на помощь крещонымъ, а худые во вредъ ближнему. Злые колдуны и по смерти своей не даютъ покоя крещенымъ и дѣлаются *еретунами* (иначе *хлоптунами*, *клохтунами* или *шоптунами);* они подстерегаютъ минуточку, когда къ сусѣду подойдетъ скорая смеретушка, и только душа разстанется съ тѣломъ, еретунъ входитъ въ покойника. Тогда въ семействѣ пойдутъ нехорошія дѣла — неподобныя. И такіе есть еретуны, которые «обвертываются», т. е. принимаютъ на себя чужой ликъ и стараются подобраться въ свою или чужую семью. Живетъ еретунъ, кажется, какъ надо быть хорошему крестьянину, а смотришь, изъ семейства и изъ деревни станутъ пропадать люди одинъ за другимъ: это ихъ еретунъ поѣдаетъ. Чтобъ извести обворочennаго колдуна, надо взять плетку отъ коня нелегченаго и ударить еретуна на испашку. Тогда онъ съ ногъ долой, и до могилы въ немъ души нѣтъ. А чтобъ онъ опять не ожилъ въ гробу, такъ надо ему вбить осиновый колъ въ спину промежъ самыхъ плечъ.

Въ лѣсахъ живутъ *лѣсные старики* или *отцы*. Особеннаго зла они не дѣлаютъ людямъ, а только заманиваютъ въ лѣсъ ребятишекъ; держатъ Богъ вѣсть зачѣмъ при себѣ и Богъ вѣсть чѣмъ кормятъ. — Ѣхали разъ на судинѣ мужики и мальчикъ. Мальчикъ и слѣзъ въ бору за нуждою. Звали его — звали, нѣтъ нигдѣ, ни вездѣ. Воротились они домой нерадошны, и не даютъ имъ проходу бабы: не вѣрятъ, чтобъ мальчикъ пропалъ самъ собой. А пуще всѣхъ горюетъ мать и попрекаетъ мужиковъ, что сына-де утопили. Отыскали они вѣдунью, и стала она выкликать мальчика, читаючи ему панихиду, какъ покойнику. Еще не кончила она панихиды нѣтъ, глядь, а онъ стоитъ на томъ берегу. Мужики не вытерпѣли, сѣли въ лодку и за нимъ; мальчикъ-то опять сгинулъ и долго, долго пропадалъ. Наконецъ нашли его подъ кустомъ: онъ совсѣмъ одичалъ, ничего не говоритъ, а глаза

горятъ, какъ жаръ, и такъ и бѣгаютъ изъ стороны въ сторону, — и долго не могъ онъ привыкнуть къ людской молви и къ человѣческой ѣдѣ. — Другой разъ идетъ мужикъ по лѣсу и наткнулся по дорогѣ на мальчика: сидитъ мальчикъ, скорчившись, подъ деревомъ. «Ты съ кѣмъ здѣсь?» — Я, говоритъ, съ отцомъ. — «А кто тебя кормитъ?» — Отецъ. — «А кто твой отецъ?» — Старикъ. — И больше ничего нельзя было добиться отъ мальчика.

Лѣсовикъ или *лѣсъ* — хозяинъ лѣса. Въ обыкновенное время его не видно, а слышенъ только хохотъ, да уканье, да плескъ рукъ. Съ виду лѣсъ похожъ на человѣка, только кровь у него темная, и не свѣтлая, какъ у людей [1]), потому его и зовутъ спинеобразнымъ. Безъ причины онъ ни за что не тронетъ человѣка: «Онъ-де праведенъ, не то, что чертъ». Есть у лѣсовиковъ, въ каждой землѣ, какъ и у людей, свои воеводы и свои цари. Надъ русскими лѣсовиками царствуетъ Мусаилъ-лѣсъ. Когда у людей заведется усобица, ведутъ между собою войну и лѣшіе: сходятся цѣлыя войска ихъ и звѣрей изъ воюющихъ царствъ и бьются между собою нещадно до тѣхъ поръ, пока не прекратится человѣческая война. Вотъ отъ чего, по замѣчанію крестьянъ, передъ войной всегда бываетъ переселеніе звѣрей.

Если лѣсъ сдѣлаетъ человѣку лихо, тогда надобно его заклясть. Для этого отправляются въ лѣсъ, отыскиваютъ лядину, чтобъ на ней росла рябина, а отъ рябины была бы отростелина. Изъ той рябины вырубаютъ нѣсколько рябиновыхъ батожковъ: вооружившись ими, крестьянинъ начинаетъ выговаривать заклятья, въ которыхъ жалуется Мусаилѣ на праведнаго лѣса: «сдѣлалъ молъ имреку лихо, не вѣдаю за что. И ты-де, царь Мусайла, имрека отъ лиха честью избавь, а не то будетъ у меня послана грамотка къ царю въ Москву» [2]). Лѣсовикъ и вся его стихійная братія показывается только тогда, когда людямъ предстоитъ что либо чрезвычайное, «когда, по словамъ народа, какая ни на есть бѣда лучится надъ крестьяниномъ».

Идутъ однажды два охотника по лѣсу; подходитъ къ нимъ прохожій добрый молодецъ, и ни съ того, ни съ сего начинаетъ

---

1) Не всѣ крестьяне такого мнѣнія о наружности лѣсовиковъ. Леонтій Богдановъ положительно заявилъ мнѣ, что лѣсъ съ виду ничѣмъ не отличается отъ человѣка, а «сичаки-то де нечистая сила».

2) Самый текстъ заговора см. въ отдѣлѣ заговоровъ.

разсматривать ихъ ружья. Ругнули было его порядкомъ охотники, да какъ посмотрятъ въ лицо, а онъ синеобразенъ, — значитъ, надо уходить. И ушли они изъ лѣса вонъ ко тихому заводью, зеленому затрясью, и разошлись въ разныя стороны, чтобы стрѣлять дичь. И покажись охотнику, что неподалеку, въ листвѣ, притаился тетеревъ; стрѣлилъ онъ въ птицу и слышитъ: кричитъ птица не по птичьему, кричитъ голосомъ человѣческимъ. Подбѣжалъ поближе и видитъ: — стрѣлено у него въ товарища. И вышло, что не передъ добромъ показывался имъ лѣсовикъ.

Лѣсовые могутъ уводить въ свои жилища людей, особенно маленькихъ дѣтей, проклятыхъ родителями. Вотъ довольно любопытный разсказъ одной повивальной бабки о томъ, какъ она у лѣсоваго была принимать дитя.

«Разъ какъ-то нóцью, говорила она, колопулись мни-ка въ окошко. Я и подумала, цё ктó-ни зóветъ бабить. Скорéпько накинула нá себя сарафанишко, а нá голову платишко, да и вышла нá крыльцё. А было дѣло осенью. На улицы тма тмущая, хоть глазъ выколи. Слышу óтъ окна пóшелъ кто-то. Я и не спросила, кто тутъ, а опустилась съ крыльця и пошла въ слѣдъ. Думаю, цё кому-ни изъ деревёнцевъ понàдобилась. Не пóмню ужъ, перекрестилась ли я на походѣ, или нѣтъ. Вóдакъ мóй шéлъ скóро; я на силу лёпсяла пó грязи. Но слышу — онъ вышелъ ужъ за дерéвню. Видно, думаю прó себя, съ другой деревни кто нибудь ведетъ. А друга деревня пóцяй вóзли и была; тóлько не знаю, кóимъ пóбытьемъ я оцюдилась зà полемъ. Куды, думаю, мéня повели. Есть и въ тóй стóроны деревнишко, но тамъ свóя бáбка. Я было остоялась и думала спрòсить вожàтого, куды онъ вéдетъ мéня; но лишь я подумала это, кàкъ онъ нàбѣжалъ, да хвáтилъ мéня и такъ пòтащилъ, цё у меня пòги только заливкали. Нé прошло и минутки, какъ оцюдились мы у лѣсовой избушки. Но мнпка и въ умъ нé придетъ, цё сò мной дѣлается, цё-ни не лàдно, а думаю, видно кака-ни была на работы, да тамъ и прижало съ родамъ. Отворилъ онъ фатéрку и пихнулъ мéня туды. Въ фатéры горѣла луцинина, а въ углу нà зепи лежала баба. Не успѣла я и оглянуться, какъ смолилась мнпка бѣдна бàба: скорѣе, бàбушка, смёрéтушка приходитъ. Я брòсплась нá помоць. Пòтерла поясницки, да погладила брюшка, Богъ и рáспросталъ. Рòдила пàренька. Я спрашиваю у рожапицы, гди ка бы пайти судешко ка-

кòши, вымыть младеня. Нѣту, гòворитъ, бáбушка, у насъ нищего такого. Сейцясь пришесу, прòговорилъ гòлосъ зà дверью. Я въ пéрво услыхàла этóтъ гòлосъ, онъ показáлся мнпка кàкимъ то стрàшнымъ. Нé прошло и двухъ минутъ, какъ дверь òтперлась и тотъ же гòлосъ прòговорилъ: нà-те воду. Я въ это врéмя помогàла рожанпци очпститься. Оглянулась нàзадъ, вижу у порòга стòитъ подòйпикъ. Я скорѣе взяла éго и подпесла къ òгню, пòглядѣть цпста ль вода; но лишь тòлько взгляпула на подòйпикъ, тàкъ у меня сердéцько и ёхпуло: вижу цё подòйпицекъ мой. А всетаки нé придетъ въ умъ — я пе съ крещéными, а думаю, цё онъ мошéнникъ, какъ пи стяпостилъ у меня подòйникъ, какъ приходплъ зà мпой. Но пе знаю съ цéго пришло мнпка въ гòлову сдѣлать углемъ дви циртоцьки на подòйпики и стàла мыть ребёпька. Вымыла, да и клáла возли мàтери, а сàма думаю òбрать пòслѣдъ. И лишь только лàдила прпняться, кàкъ пàбѣжалъ въ пзбу мужицпна стрàшной тàкой, а глàза, какъ у разбòйпика, такъ и ходятъ. Нé тронь, гòворитъ, пецéго. Я сàмъ уберу, а тéби пòра дòмой. Потомъ въ ôдну руку супулъ мпи цё то мягкое, цё я сряду и кпнула нà зепь, а за другу пôвелъ мéня вôнъ. Скôро кàкъ то оцюдилпсь мы у своей дерéвни. Вôжакъ мой такъ и згпнулъ, будто сквôзь зéмлю прôшелъ. У меня такъ дыбомъ вôлосы и стàли. Не помню ужъ, какъ я прошла дерéвню и зашла въ избу. Нé досугъ ни огню дуть, ни сарафанишка скидывать, а скорѣе зàбралась нà пецъ, да сряду и заснула. Проснулась, слышу, ужъ деревéпщи выпускàютъ коровъ. Ой, думаю, набъ скорѣе доить корову. Но вдругъ вспомнила, цё подойника то нѣту; да взгляпула на двéрпу лàвку, àжно подойникъ стоитъ на своемъ мѣсти. Я скорéнько плеснула разъ другой въ глàза воды, перекрестилась немножко и пошла было доить, вышла ужъ въ сини, но какъ то взгляну на подойникъ, онъ и полетѣлъ съ рукъ. Дви цёртоцьки нà боку провéдены углемъ. Ну, думаю, спасъ мéня Богъ, — въ добромъ же мѣсти я ноцесь бабила. Видно я грѣшница вышла нé благословясь, да и подойникотъ то же попàлось, видно, клàсь нé благословясь, а онъ окаянный, какъ стоялъ у окна то, такъ по духу и уцюялъ, цé éсть въ избы подойникъ клàденъ нé благословясь, а какъ понàдобилось судно, такъ онъ и лизнулъ туды. Видно ужъ въ другомъ мѣсти нé было примѣцéно». По словамъ старухи, женщина эта была проклята мужемъ.

Водяникъ — высокій здоровенный мужикъ; съ лица онъ черенъ, голова у него какъ сѣнная копна. Подъ водой у водяниковъ есть цѣлыя царства; въ моряхъ и большихъ озерахъ построены города изъ богатыхъ палатъ; въ малыхъ озерахъ села и «особливыя хоромины». Жители этихъ подводныхъ поселеній совсѣмъ не такого незлобиваго характера, какъ лѣсовики. Во первыхъ, они, пользуясь малѣйшей оплошностью, хватаютъ «крещеныхъ» съ лодокъ или во время купанья, особенно дѣвокъ, и топятъ ихъ; во вторыхъ ходятъ къ заклятымъ женщинамъ. — Прочитавъ на лицѣ моемъ нѣкоторое сомнѣніе въ послѣднемъ обстоятельствѣ, Леонтій Богдановъ предложилъ, при первой поѣздкѣ по Кижамъ, свезти меня къ одной бабѣ, къ которой и о сю пору похаживаютъ водяники. «Чего, чего не дѣлали сродники», говорилъ онъ: «и заговаривали ее, и вѣдуновъ къ ней водили; — ничто не беретъ: сначала какъ будто полегчаетъ, а немпожечко погодя, смотришь, къ ней опять лѣзутъ изъ воды незваные гости». Замѣчу при этомъ, что Заонежане народъ отважный и безпечный, озеро Онежское имъ знакомо вдоль и поперегъ, и, несмотря ни на какую погоду, безстрашно пускаются они на своихъ утлыхъ лодченкахъ въ путь, на разстоянья 40, 60-ти верстъ и болѣе. Что жъ мудренаго, если и лодки, и люди погибаютъ зачастую. Но съ помощію водяниковъ несчастное происшествіе объясняется чрезвычайно просто и, главное, не вызываетъ на будущее время бо̀льшей осмотрительности. Утонулъ крестьянинъ, по своей неосторожности, — сусѣды разсуждаютъ: «вѣдь его молъ водяникъ потопилъ», и дѣло рѣшено. «Вотъ ты, Павелъ Николаичъ (говорили мнѣ на Шуйнаволокѣ), думаешь, что на водѣ люди погибаютъ больше отъ своей вины; а мы тебѣ заподлинно сказываемъ, что дѣло безъ водяника не обойдется. Хоть бы нашу деревню Середку взять: позапрошлымъ лѣтомъ поѣхали въ лодкѣ двѣ дѣвки: одна то на выданьи, а другая то еще не человѣковатая [1]). И стала дѣвочка сказки сказывать, какъ подъ водой живутъ водяники въ хрустальныхъ палатахъ. А старшая и говоритъ: «ишь какъ у нихъ хорошо: хоть бы однимъ глазкомъ посмотрѣть на подводное царство». И не было ни вѣтра, ни волны, вдругъ заколебалась вода, и поднялся черный мужикъ, волоса у

1) т. е. еще не такого возраста, въ которомъ можно выйти за мужъ.

него взъерошенные, ухватилъ дѣвку за руку, и, какъ она ни билась, стащилъ ее подъ воду, только ее и видѣли. И все это дѣвочка видѣла своими глазами».

Впрочемъ иногда и съ водяниками у людей завязывается тѣсная дружба. Около Сандалъ-озера жилъ безсчастный старикъ со старухой и сыномъ. — И не было имъ ни въ чемъ удачи. Пришла пора женить сына: «набъ (надобы) работницу во дворъ взять; анъ никто изъ сусѣдей не хочетъ отдать дѣвку въ домъ безсчастнаго крестьянина: всякому своего дѣтища жаль. Вотъ одинъ разъ и говоритъ старикъ старухѣ: «пойду-ка я искать невѣсту для сына». — А у кого жь ты будешь свататься! — «Дахоть у водяника». — Пошелъ онъ изъ дому; а отъ озера вышелъ къ нему дюжій молодецъ и говоритъ: «Ты у насъ свататься задумалъ: невѣста твоему сыну готова хорошая, приданое есть исправное, только ты не мѣшкаючи пріѣзжай за ней поѣздомъ».— Пошелъ съ нимъ старикъ по берегу, и объявилась отъ берега дорога прямоѣзжая, гдѣ и вѣкъ ея не было. Шли они шли, пришли къ хрусталынымъ хоромамъ и взошли въ пребогатую палату. Вышелъ къ нимъ старшой водяникъ и дѣвку съ собой вывелъ: хорошая такая дѣвушка, въ богатомъ снарядѣ, въ золотыхъ монистахъ, въ жемчужной подшизи и жемчужныхъ серьгахъ. — Ударили сваты по рукамъ, и отправился старикъ домой. Взялъ съ собой сына, дружку, какъ слѣдуетъ, бояръ и брюдгъ, и поѣхали благословляться къ попу. Попъ и спрашиваетъ. «А у кого берете дѣвку? — У водяшка беремъ. — Попу, выходитъ, тутъ дѣлать нечего. На выѣздѣ изъ деревни подошла къ поѣзжанамъ сусѣдка и говоритъ: «Возьмите-тко и меня съ собой: я вамъ свадьбу устрою, какъ надо лучше». — И взяли ее съ собой, пріѣхали къ хрусталынымъ палатамъ и стали справлять свадьбу. Вотъ вывели невѣсту подъ фатой, а сусѣдка шепчетъ старику: «смотри, дѣдушка, обманываютъ: это не настоящая невѣста». — Вывели было другую дѣвку, сусѣдка опять предупреждаетъ старика, что и на этотъ разъ водяники его обманываютъ. Видятъ они, дѣлать имъ нечего, и дали настоящую невѣсту. Стали давать приданаго: злата и серебра, парчи и всякаго имѣнія. А сусѣдка говоритъ старику: «проси-ка ты у свата саней съ персидскимъ ковромъ, проси рыженькихъ лошадокъ, да бери синій кафтанъ съ золотыми пуговицами, еще шапочку соболью и перстень съ самоцвѣтнымъ

яхонтомъ». — Сталъ было водяникъ на просьбу старика отпѣкиваться, да видитъ: сусѣдка все знаетъ, и далъ санки и прочее добро. — Воротился старикъ со своими на фатеру. Сноха у него вышла смирная и работящая. Мѣсяца два спустя послѣ свадьбы говоритъ она свекру: — «Запряги, батюшка, рыжепькихъ лошадушекъ въ сани съ персидскимъ ковромъ, надѣнь соболью шапочку и синій кафтанъ, бери перстень съ самоцвѣтнымъ яхонтомъ и поѣзжай въ Новгородъ. Есть тамъ купецъ, сорокъ у него лавокъ и сорокъ домовъ, проспсь къ нему ночевать». — Старикъ послушался снохи, одѣлся, снарядился и поѣхалъ въ Новгородъ. Розыскалъ онъ уже ночью домъ богатаго купца и сталъ проситься къ нему переночевать. Долго еще не пускали, и выглянула въ окошко купчиха и говоритъ мужу: «Что за чудо, санки-то наши у воротъ стоятъ, и лошади то наши; поди, отопри поскорѣе ворота». — Пустили старика въ домъ, купчиха такъ и закричала мужу: «кафтанъ на чужанинѣ твой, и шапка твоя, и перстень на рукѣ у него твой». — Сталъ тогда купецъ старика разспрашивать: «какъ къ тебѣ мое добро попало? У меня, говоритъ, по грѣхамъ моимъ, назадъ тому пятнадцать лѣтъ, пропала дочка двухлѣтняя и это добро, — искалъ я его и дочку пятнадцать лѣтъ, не могъ сыскать». А старикъ отвѣтилъ: «съ дочкой пропало, съ дочкой и найдешь. — Есть у меня сноха: на правой щекѣ у ней три родимыхъ пятнышка, три вишеньки». — Это и есть, говорятъ купецъ и купчиха, наша дочка. — Съѣхали они тутъ къ старикамъ и стали вмѣстѣ жить да быть. И теперь еще ихъ внуки живутъ въ Кижахъ.

Сказаніе про водяныхъ женщинъ перешло сюда большею частію съ Грумапта. Не стану повторять всѣмъ извѣстнаго разсказа о томъ, какъ водяная царица слюбилась съ промышленникомъ на Грумантѣ, и какъ она, когда онъ ее покинулъ, на прощаньѣ бросила ему въ лодку прижитыхъ съ нимъ дѣтей, — а лучше разскажу мѣстное преданіе. Отправился добрый молодецъ вечеромъ ловить рыбу за Онего въ дальнюю губу, и задержалъ его до утра на островахъ срѣтный вѣтеръ. Какъ стало свѣтать, видитъ молодецъ: прилетѣло три лебедушки, ударились о земь, обернулись красными дѣвушками и стали купаться въ губѣ, а на берегу у нихъ оставлены птичьи шкурки. Молодецъ подкрался потихоньку и захватилъ одну шкурку. — Двѣ-то дѣвушки, какъ

выкупались, вышли на берегъ, одѣли шкурки, ударились о земь и полетѣли себѣ лебедушками. А третья дѣвка ищетъ своей шкурки, не можетъ найти. Тутъ къ ней подошелъ молодецъ и говоритъ: «Что дашь за шкурку»? — Хочешь несчетной золотой казны? — «А не надо мнѣ казны, отдай самое себя» — Изволь, говоритъ, буду твоей женой. — Дали они другъ другу заклятье и стали мужемъ и женою. Къ вечеру вѣтеръ стихъ. Какъ надо имъ садиться въ лодку, молодецъ и подай шкурку женѣ: «на, говоритъ, спрячь, чтобы не замокла». — А жена накинула шкурку на себя, обвернулась лебедушкой и полетѣла по поднебесью. А на прощанье только закричала мужу языкомъ человѣческимъ: «Не умѣлъ ты меня беречь-стеречь, не видать тебѣ меня три «года. А какъ исполнится три года, приходи ко озеру Ильменю, «увидишь на плоту женщину — портомойницу: она тебя прове- «детъ ко мнѣ». Воротился молодецъ домой одинъ-одинешенекъ: плохое ему житье, стосковался по своей по женѣ: крѣпко она ему полюбилась. — Исполнилось срочное времячко, и пошелъ онъ къ Новугороду, къ Ильмень озеру. Какъ пришелъ туда, солнышко было на вечерѣ, и видитъ онъ, стоитъ на плоту портомойница и манитъ его къ себѣ. «Сведи меня, говоритъ, голубушка, къ моей женѣ». — Отчего не свести, пойдемъ. — И пошли они берегомъ, дорожка все спускалась внизъ, стало какъ-то холоднѣе. И пришли они въ большое село, къ богатому дому. Говоритъ ему вожатая. — Ты какъ войдешь въ избу, смотри не молитвись. — И встрѣлъ ихъ въ избѣ большакъ[1]), — сѣдая голова, сѣдая борода. «Долго, говоритъ, зятекъ, ждали мы тебя». И вышла затѣмъ красавица, за руку вывела ребеночка по третьему году: — смотри, молъ, Иванушка, какой у тебя сыночекъ подросъ. — «А пусть его ростетъ, говоритъ дѣдъ, намъ это добро надобно». — Поздоровкался молодецъ съ женой, и стали они жить ладкомъ. «И я у нихъ въ гостяхъ былъ, пиво пилъ, сладкимъ медомъ закусывалъ».

Домовикъ и *дворовикъ* видомъ оба въ хозяина, *баенникъ* ходитъ голый, а *ригачникъ* весь въ лохмотьяхъ. Первый обыкновенно бываетъ въ ладу съ хозяиномъ и показывается людямъ рѣдко «не къ добру»; второй ведетъ себя спокойно, если скотинка

1) Хозяинъ дома.

«ко двору пришла», а если нѣтъ, то дворовикъ ее изведетъ, поломаетъ и складетъ въ ясли. Есть и отшельники — домовики: они поселяются въ пустыхъ фатерахъ, въ которыхъ проѣзжіе и прохожіе останавливаются на роздыхъ. Какъ ѣхать отъ Лижмы на Шунгу, есть такая фатера, живетъ въ ней сердитый хозяинъ, оттого ее обѣгаютъ и рѣдко заходятъ туда по одиночкѣ. И ѣхалъ зимою добрый молодецъ по этому пути; верстахъ въ двухъ отъ фатеры сломайся у него сани. Кое какъ добрался онъ до избы, дальше ѣхать не на чѣмъ, да и немочно: ужъ очень озябъ. — Вошелъ онъ въ избу и слышитъ: на полатяхъ кто-то стопетъ. Вотъ онъ помолился, перекрестился, на всѣ стороны поклонился, досталъ себѣ изъ сумы хлѣбу и рыбника [1]), самъ закусилъ, а чего не съѣлъ, на печь положилъ. Оттуда проговорило тихимъ голосомъ: «Благодарствуешь, кормилецъ, на памяти; обогрѣйся себѣ и ничего не бойся». Только онъ прилегъ на лавку, какъ вдругъ растворилась дверь настежь, пошелъ со двора паръ, и заговорилъ сердитый голосъ: — Русскимъ духомъ пахнетъ, ты почто сюда пожаловалъ? — А съ полатей отвѣчаетъ жалкій голосъ: «Не тронь его, болѣзнаго добраго молодца: онъ меня безъ тебя накормилъ». — Ну, говоритъ, коли такъ, оставайся же здѣкава: я тебѣ сей-часъ сапки налажу. — Прошло эдакъ съ часъ мѣста, опять растворилась дверь и заговорило: — Ты теперь обогрѣлся и поотдохнулъ: пора тебѣ, время въ путь-дорогу. — Простился молодецъ съ хозяйкой, вышелъ на дворъ и видитъ: стоятъ у дверей чудесныя сапки съ полостью. — Сѣлъ онъ въ нихъ бариномъ и поѣхалъ на Шунгу, радъ, что отъ сердитаго хозяина выбрался по добру по здорову. — И случилось ему черезъ годъ быть въ Москвѣ, пріѣхалъ онъ къ трактиру и пошелъ туда пить чай. Немного погодя, подходитъ къ нему купецъ и говоритъ: «Скажи на милость, молодецъ, гдѣ ты купилъ сапки; точь въ точь мои: зимусь меня вѣтромъ изъ такихъ вышвырнуло. Какъ сталъ я на ноги, стоитъ одна лошадь съ упряжью, а саней, словно какъ небывало, нѣтъ». — Тутъ ему молодецъ разсказалъ всю правду, всю истину.

Въ заключеніе сообщаемъ разсказъ, который Леонтій Богдановъ передалъ мнѣ со словъ промышленниковъ съ Грумманта, и

1) Пирогъ съ рыбою.

легенду о Иванѣ купецкомъ сынѣ (записанную въ Заонежьѣ г. В. Знаменскимъ). Остались тамъ на зиму двое промышленниковъ въ одной фатерѣ. Одинъ изъ нихъ заболѣлъ и хворалъ мѣсяца три или четыре. Здоровый это время ходилъ за больнымъ, какъ за роднымъ братомъ. — Въ одну ночь и говоритъ больной товарищу: «Завтра я, Иванушка, помру». — Господь съ тобой, что это ты вздумалъ! Дастъ Богъ, здоровѣе меня будешь. — А тотъ ему отвѣчаетъ: «Ты меня, братъ, не жалѣй, я какъ помру, тебя съѣмъ». — Ну, говоритъ, коли съѣшь, и то ладно. — Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Умеръ больной, товарищъ обмылъ его, одѣлъ, положилъ на столъ и сталъ надъ нимъ читать на память молитвы. Какъ подошло времячко полуночное, взошелъ въ окошко свѣтелъ мѣсяцъ, мертвый зашевелился. Видитъ Иванушка, плохо дѣло: первое дѣло товарищъ исполнилъ, — умеръ, стало и другое исполнить — съѣсть. Вотъ онъ зачурался и пуще прежняго принялся читать молитвы. А мертвый поднялся, потопталася, потопталася на одномъ мѣстѣ, и сталъ разводить руками, искать товарища. Иванушка все отъ него кругомъ стола ходитъ, да молитву читаетъ. Зубы у мертвеца такъ и стучатъ, пробуетъ онъ отворить глаза, — немочно. А тутъ на счастье куры пропѣли — и говоритъ мертвецъ: «Счастливъ твой Богъ, ушелъ ты отъ меня сегодня цѣлъ, такъ якъ те завтра съѣмъ». И опять легъ мертвецъ на столъ. А на Грумантѣ нѣтъ зимою ни дни, ни ночи, все темень. Почиталъ еще молодецъ молитвы и пошелъ ходить по полю. Напала на него такая тоска: не йдетъ на умъ ни ѣда, ни питье. А къ вечеру, дѣлать нечего, надо вернуться на фатеру: на дворѣ не товарищъ, такъ звѣри съѣдятъ. — Сталъ молодецъ въ большой уголъ и творитъ молитву. Въ полуночную пору мертвецъ опять поднялся, весь синій, развелъ руки и сталъ розыскивать Иванушку. — Походили они около стола, покойникъ остановился и вспомнилъ: «Вотъ оно что, говоритъ, надо глаза отворить». Бился онъ съ глазами, ишда распухъ, напослѣдокъ глянулъ и выговорилъ: «Я тебя, Иване, вижу и теперь навѣрное съѣмъ». — Ступилъ онъ къ Ивану шагъ, а подъ поломъ заговорило: — Врешь, братъ, не съѣшь, може, я тебя съѣмъ. — И вылѣзъ изъ подполья другой мертвецъ: саванъ у него въ лоскутьяхъ, на костяхъ одни клочья висятъ. И стали мертвецы между собою подираться, и костякъ первому покойнику руку поотторвалъ. — За-

пѣли куры, костякъ пропалъ, а Ивановъ товарищъ захватилъ съ собой руку и легъ на столъ. — Такая тоска напала на Иванушку, что хоть руки на себя наложить. — «Что будетъ, думаетъ, по вечеру, помилуй мя, Господи, и спаси». А къ ночи всетаки вернулся на фатеру. — Въ урочное времячко, какъ зашевелился Ивановъ товарищъ на столѣ, полѣзъ и другой мертвецъ изъ подполья. И пошла между ними драка великая, а на Иванушку напалъ такой страхъ, такой трусъ, что онъ обомлѣлъ. Какъ очнулся изъ забытья, слышитъ — кто-то чавкаетъ, ажъ это костякъ его товарища грызетъ, работаетъ надъ нимъ, не проклаждаючись. Съѣлъ онъ ему голову и палъ Ивану въ ноги: «Теперь, говоритъ, я пойду въ свое подполье и твоего недруга возьму. А ты, Иванушка, какъ будешь дома, въ Заопегѣ, сходи въ такую-то деревню: живетъ тамъ ветхая старушонка, моя матушка, ей болѣе ста и семидесяти годовъ. Какъ былъ я живъ, не почиталъ ея, все ей насупротивъ дѣлалъ, и завелъ я всякимъ безпутствомъ заниматься, до того дошелъ, что съ родною сестрою любовь свелъ, а когда она отъ меня поносъ понесла, то я стыда ради ушелъ на Грумантъ, безъ материя благословенія. За это матушка прокляла меня такою клятвой, что меня мать сыра земля не принимаетъ, а у ней Господь не беретъ души со бѣлыхъ грудей. И разскажи ты, Иванушка, ей про мое великое горе, авось меня помилуетъ, тогда и ее Господь Богъ отпуститъ со бѣла свѣта. — А коли не захотитъ простить, проси ее о томъ неотступно со священникомъ». — И слѣзъ мертвецъ въ подполье и Иванова товарища обралъ. Какъ наступило лѣто, съѣхалъ Иванушка домой, а мертвеца положилъ въ гробъ и на лодкѣ свезъ на родную сторону. И по пріѣздѣ первымъ дѣломъ пошелъ къ его матушкѣ: сидитъ она старая, престарая, еле душа въ тѣлѣ держится, а на Иванову просьбу только рукой отмахивается. Тогда Иванушка привелъ священника, и сообща они уговорили старуху простить сына. Выговорила она прощенье, едва привстала, благословилась у священника и стала кончаться. Тогда сына ея отпѣли, похоронили его въ благословенной землѣ, и земля его приняла А самъ-то Иванушка сталъ жить, поживать, дѣтокъ наживать и теперь живетъ.

ЛЕГЕНДА О ИВАНѢ — КУПЕЦКОМЪ СЫНѢ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ купецъ Никола со своей купчихой. Спачала жили они хорошо и богато, а главное радовались тому, что Господь надѣлилъ ихъ сынкомъ, — да такимъ хорошимъ, — умнымъ да разумнымъ, что отецъ и мать только о томъ и молились Богу и угоднику его святому Николаю Чудотворцу, чтобы они надѣлили его еще счастьемъ да долголѣтіемъ. Эдакъ подъ старость они, ни съ того — ни съ другого начали бѣднѣть и до того обѣднѣли, что Никола изъ знатнаго купца сдѣлался просто торгованомъ: — у него осталась одна лавочка, да въ ней было: ящикъ табаку, да гвоздья, да желѣза по немногу. Вотъ съ того ли, что они обѣднѣли, али ужъ съ того, что остарѣли, мать и отецъ Ивана — такъ звали Николина сына — занемогли. Однажды отецъ позвалъ Ивана да и говоритъ: «Ну, сынъ ты нашъ любезный! мы, кажется, скоро умремъ, а ты не плачь по насъ, а лучше Богу молись. — Вѣдь мы ужъ пожили на своемъ вѣку: будетъ съ насъ; а ты насъ похорони хорошенечко, а я и денежекъ тебѣ на это припасъ! Вотъ, иное изъ нихъ на похороны здержи, иное на поминовенье, а на остальное купи товарцу, да и поторгавай. — Только вотъ мое благословенье: никого ни обвѣшивай и ни обсчитывай; а буде разбогатѣешь — и Бога не забывай и нищихъ обдѣливай, какъ я то прежде дѣлалъ. Ну, прости сынокъ! Буди на тебѣ Божіе благословенынце и наше грѣшное!» Черезъ недѣлю Иванъ похоронилъ отца, а потомъ и мать, и началъ поторгавать. Въ скоромъ времени онъ задумалъ перебрать все въ дому и гдѣ-то въ углу нашелъ образокъ угодника Божія Николы-Чудотворца. Принесъ онъ образокъ въ избу, — налилъ воды въ блюдо, вымылъ, вычистилъ и на божницу поставилъ; а потомъ пошелъ на рынокъ, купилъ лампадку да и затеплилъ передъ образомъ. Въ первое воскресенье онъ позвалъ попа, помянулъ родителей, прослужилъ молебенъ Николѣ Чудотворцу и снесъ образокъ въ лавочку, чтобы постоянно на него смотрѣть. Послѣ этого, какъ придетъ въ лавочку, сперва помолится на образокъ, а потомъ и начнетъ торговать; — да такъ счастливо торговалъ, что будто

самъ Господь покупателей посылалъ. Потомъ онъ построилъ и другую лавочку. Въ каждой день онъ подавалъ много денежной милостинки; а между прочимъ старичку, который въ каждой день приходилъ къ нему. Иванъ полюбилъ его больно; а когда понадобился Ивану прикащикъ въ новую лавочку, онъ сказалъ этому старичку: «Дѣдушка, не знаю я твоего святого имени, незнаю, какъ и батюшка твоего звали; а только не огорчи ты меня, вотъ я построилъ новую лавочку, а прикащика у меня нѣтъ. Поди ко мнѣ прикащикомъ: — я и самъ буду тебя слушаться, какъ бывало отца своего слушался; — будь такъ добръ, не отказывайся». Старичекъ сначала было отпирался, а потомъ согласились и стали они вмѣстѣ жить да поживать; а Иванъ во всемъ слушался старичка и называлъ его батюшкомъ. Старичекъ торговалъ счастливо и прибыльно, и однажды говоритъ: «Иванушко, товаръ-то твой мнѣ не порато нравится: — торгуешь ты табакомъ, а Богъ табаку не любитъ, — да и тѣхъ не любитъ, которые табакомъ торгуютъ; а накупи-ко ты лучше мелочнаго товару, — такъ и покупателей будетъ больше, да и грѣха-то не будетъ». Иванъ послушался; — накупилъ товаровъ много, всё разныхъ, и началъ опять торговать. Когда товары вышли, Иванъ началъ считать деньги и, откуда ни возьмись, насчиталъ втрое. Обрадовался Иванъ такой прибыли, позвалъ попа, отслужилъ молебенъ Николѣ-Чудотворцу; а старичекъ — такой-то веселой, такъ Богу и молится! Торговали они такъ три года, и Иванъ такъ разбогатѣлъ, что старичекъ началъ ему совѣтовать отправиться за море съ товарами. Послушался Иванъ старичка, купилъ судно, — нагрузилъ товарами, отдалъ домъ нищимъ, а одного поставилъ хозяиномъ, пока самъ не пріѣдетъ; помолились Богу и поѣхали за-море со старичкомъ. Вотъ ѣхали они — ѣхали, близко ли — далеко ли — скоро это сказывается, а не скоро дѣло дѣлается; — вдругъ напали на нихъ разбойники и ограбили у нихъ всѣ товары, а самихъ какъ-то спустили живыми и здоровыми. Горько было Ивану, а старичекъ утѣшаетъ его да говоритъ, что всё это къ лучшему. Два дни плыли они послѣ этого, а на третій пристали къ острову, а тутъ множество было кирпичу. Старичекъ и говоритъ Ивану: «Собирайко ты, Иванушко, эти кирпичи да носи на судно». Иванъ и говоритъ: «куда мнѣ съ этими кирпичами; я лучше умру, чѣмъ буду торговать ими». А старичекъ и го-

воритъ на это: «Ахъ ты, Иванушко — Иванушко! мало ты еще опытенъ, а я скажу тебѣ на это, что одинъ эдакой кирпичъ дороже всего твоего товару, которой разбойники ограбили». — И потомъ бросилъ одинъ кирпичь о землю, а подъ глиной-то драгоцѣнный камень. Обрадовался Иванъ и началъ нагружать судно кирпичемъ, а когда нагрузили до полна, старичекъ и говоритъ: «Ну, Иванушко, теперь надо надѣлать простыхъ кирпичей, чтобы разбойники не отняли у насъ этихъ». Да сверху одинъ рядъ и наклали. Поднялся попутный вѣтеръ и они поѣхали дальше, а (на нихъ) разбойники напали опять и начали приступать за товаромъ. Старичекъ и говоритъ имъ; «Будьте милостивы, добрые люди, оставьте насъ въ живыхъ, а товары у насъ недавно разбойники ограбили, и вотъ теперь мы воземъ кирпичь, который на этомъ островѣ надѣлали». Разбойники повѣрили и поплыли прочь, а Иванъ и старичекъ дальше; а въ скоромъ времени приплыли они въ столицу и остановились въ гавани. Въ томъ царствѣ былъ такой обычай, что всѣ купцы, какіе туда пріѣзжали, носили на поклонъ къ королю всякой свой товаръ. Старичекъ и говоритъ Ивану: «Помолись-ко ты, Иванушко, Богу-Господу, да поди купи золотое блюдо да фатý шелковую, а завтра и пойдешь къ королю на поклонъ». Иванъ сдѣлалъ все, что велѣлъ старичекъ, и на другой день пошелъ на поклонъ къ королю. Сказали королю, что пришелъ какой-то купецъ съ поклономъ, онъ сѣлъ на престолъ и велѣлъ привести Ивана. Пришелъ Иванъ къ королю, а въ рукахъ золотое блюдо, а на блюдѣ закрытъ фатой кирпичь. Король спросилъ Ивана, какого онъ царства и какъ звали отца съ матерью, и потомъ сдернулъ фатý, а какъ увидѣлъ кирпичь, то больно разгнѣвался на него и сказалъ: «развѣ мало у насъ кирпичей, что-ли, и торговалъ бы ими въ своемъ царствѣ». — И потомъ бросилъ въ Ивана, а Иванъ-то посторонился, кирпичь упалъ на полъ и разбился. Тутъ король увидѣлъ, что онъ не хорошо сдѣлалъ, да и началъ просить у Ивана прощенія, а потомъ велѣлъ откупить у Ивана все судно. Иванъ какъ увидѣлъ это, да и говоритъ: «Товаръ-то у меня берите, а судна не отдамъ, — у меня тамъ есть старичекъ прикащикъ, — такъ мы въ городъ жить не пойдемъ». А, сказалъ король: «Такъ васъ двое? прочитайте же три почи который-либо псалтирь по моей дочери, — она теперь въ церкви». А дочь-то у него была волшебница и въ каждую

ночь съѣдала по человѣку. Иванъ воротился на судно, и таково-то ему скучно да не весело: самому идти — умереть не хочется, а старичка послать — разстаться жаль! Старичекъ говоритъ Ивану: «Что ты, Иванушко, не веселъ, что ты буйную головушку повѣсилъ!». Иванъ разсказалъ ему, что было, и что сказалъ король. Старичекъ и говоритъ: «Ладно, Иванушко! Не тужи, помолись Спасу, да ложись спать, а я за тебя подумаю, какъ бѣдѣ не быть». Лишь только стало темнѣть, старичекъ разбудилъ Ивана, — да и говоритъ: «Вотъ тебѣ три свѣчки, Иванушко! Пока первая горитъ, ты Богу молись; а вторая сгоритъ, — ты зажги третью, да самъ и повались по правую сторону Царскихъ вратъ и ничего не говори; а только молитву твори. Ну, съ Богомъ!». Свели Ивана въ церковь и заперли, а онъ и началъ псалтирь читать. Сгорѣла свѣчка, сгорѣла и другая, — засвѣтилъ третью да и легъ по правую сторону Царскихъ вратъ. Вдругъ доска соскочила сверху и волшебница начала искать Ивана: «Гдѣ ты, — я ѣсть хочу». Искала — искала, а найти не могла; запѣли пѣтухи, а она и повалилась въ гробъ. Всталъ Иванъ, закрылъ гробъ и опять началъ читать. Утромъ пришли костья убирать, — смотрятъ, а Иванъ живъ; пошли и сказали Королю, а онъ опять въ слѣдующую ночь велѣлъ читать Ивану. Пришелъ Иванъ къ старичку и разсказалъ, что́ было въ церкви ночью. На другую ночь старичекъ Ивану велѣлъ лечь по лѣвую сторону Царскихъ вратъ, и волшебница опять не могла найти. На третью ночь старичекъ далъ три свѣчки да мячь изъ вару, а варъ-то перекатанъ былъ съ волосомъ, и сказалъ: «Сегодня, Иванушка, послѣдняя ночь. Какъ ты зажгешь 3-ю свѣчку и повались врядъ гроба; а какъ волшебница выйдетъ, ты и повались въ гробъ на ея мѣсто и не пускай ее до того времени, пока она не прочитаетъ «Богородице дѣво радуйся....» и «Отче нашъ....» Пришелъ Иванъ въ церковь и началъ опять читать псалтирь, а какъ засвѣтилъ третью свѣчку, и повалился по правую сторону гроба. Волшебница отбросила верхнюю доску и закрыла Ивана, а сама начала опять искать его по всей церкви; а какъ пришло время лечь ей, — смотритъ, а Иванъ въ гробѣ на ея мѣстѣ. «А, вотъ гдѣ ты, говоритъ волшебница: я третьи сутки голодомъ; — выходи, я есть хочу!» Иванъ бросилъ ей варъ съ волосомъ, и она грызла — грызла и потомъ говоритъ: «Пусти!». «Нѣтъ, говоритъ Иванъ: не пущу!»

«Пусти, говоритъ волшебница». «А прочитай, говоритъ Иванъ: «Богородице дѣво радуйся» за мной — такъ пущу». Волшебница прочитала и говоритъ опять: «Пусти!» Иванъ и говоритъ: «А прочитай еще «Отче нашъ», — тогда ужъ пущу!». Волшебница прочитала, а Иванъ и вышелъ: «Ложись, говоритъ», А волшебница и говоритъ: «Нѣтъ, теперь ужъ и не лягу». Сталъ Иванъ молиться, и она тоже. Пришли утромъ опять два человѣка и лишь только увидѣли Олёну королевну — такъ звали волшебницу — побѣжали къ Королю и разсказали, что̀ видѣли. Король собралъ все духовенство и пошелъ въ церковь — онъ думалъ, что и Иванъ тоже сдѣлался волшебникомъ. А когда же узналъ всё подробно, обнялъ Ивана и назвалъ его сыномъ, а волшебница сказала Ивану: «Ну, Иванъ — Купецкой сынъ! Если ты умѣлъ Бога замолить и меня воскресить, такъ умѣй же овладѣть мною, а отъ тебя я ни на шагъ не отстану!». Пришелъ Иванъ на̀ судно и разсказалъ старичку всё, а старичёкъ и говоритъ: «Иванушко! не бойся ничего, и возьми възамужъ за себя Олёну королевну, да только въ первые три ночи до 3-хъ пѣтуховъ не засыпай, а не то она тебя еще и замучитъ!».

У Короля не долго мѣшкали, — заразъ все приготовили и Иванъ обвѣнчался съ Олёной Королевной, прожилъ благополучно двѣ недѣли, да и говоритъ тестю: «Доброй батюшко! отпусти ты меня на свою родимую сторонку отца — да мать помянуть, да еще разъ посмотрѣть её. Король и говоритъ: «Сынъ мой любезный Иванъ-купецкой сынъ, — воли твоей я у тебя не отнимаю, а только ты воротись сюда. Самъ ты видишь, — я ужъ не молодъ сталъ, а наслѣдника у меня нѣтъ, а какъ ты воротишься, — я и царство тебѣ сдамъ, и живи себѣ счастливо да весело». Собрались въ путь-дороженьку, да и поплыли въ свое царство, на родиму сторону, — Иванъ и Олёну съ собой взялъ. Пріѣхали они на кирпичной островъ, нагрузили всѣ суда, судовъ было много, весь островъ перекопали. Въ одинъ день старичекъ нарубилъ дровъ, сносилъ ихъ на другой берегъ острова, да и говоритъ: «Иванушко — благодѣтель мой! мнѣ бы съ вами надо бы поговорить», и потомъ повелъ ихъ туда, гдѣ были складены дрова. Досталъ огня и, когда дрова ужъ разгорѣлись, онъ взялъ Олёну, повалилъ, наступилъ на одну ногу, а за другую дернулъ да и разорвалъ по поламъ. Иванъ не знаетъ, что и сказать, а старичекъ

положилъ обѣ половинки на огонь, а оттуда и поползли змѣи, лягушки и гады всякіе. — Потомъ вынялъ изъ огня, выполоскалъ въ морѣ, вспрыснулъ какой-то водицей, перекрестилъ, и Олёна стала такой красавицей, что ни словомъ сказать, ни перомъ написать. Потомъ и говоритъ: «Ну, благодѣтель мой, будущій сильный и могучій король Иванъ — Купецкой сынъ! ты теперь и богатъ, и славенъ и счастливъ, — такъ смотри, не забывай Бога и нищихъ, а больше не увижусь съ вами». Иванъ и Олёна стали на колѣни и начали было просить, но старичекъ сказалъ: «Нѣтъ ужъ не просите, а лучше благодарите Бога, что онъ меня послалъ къ вамъ. Я полюбилъ и твоего отца, Иванъ, а еще больше тебя за то, что ты радушно подавалъ милостыню, а теперь ты богатъ и знатенъ, такъ не забывай милостыней нищихъ». А самъ и скрылся. Иванъ и Олёна поблагодарили Бога, пришли къ судамъ и поплыли дальше. Вотъ когда нищіе узнали, что пріѣхалъ Иванъ съ несмѣтными богатствами, пришли на берегъ и начали цѣловать у Ивана руки, ноги и платье, и всѣ до того обрадовались, что у многихъ слезы покатились изъ глазъ. Иванъ поставилъ кресты на могилы родителей, одѣлилъ нищихъ, — отдалъ имъ свой домъ и воротился къ тестю и правилъ государствомъ много лѣтъ, а жилъ столь долго, что видѣлъ, какъ за его старость управляли сынъ, внукъ и правнукъ, — и постоянно молился и благодарилъ Бога и Николу-Чудотворца за ихъ милости къ нему. Въ томъ царствѣ, гдѣ онъ былъ королемъ, и доселѣ еще вспоминаютъ Короля Ивана и жену его Олёну-прекрасную.

V.

ЗАГАДКИ, ПРЕДСКАЗАНІЯ, ЧАРОВАНІЯ, ЗАГОВОРЫ, ПРИГОВОРЫ, ОТГОВОРЫ, ОТПУСКИ, ОБХОДЫ И Т. П.

1. Сказаніе о громѣ и молніи.

Егда бываетъ громъ отъ востока, то будетъ всякаго обилія много. Аще громъ будетъ съ полудня, на то лѣто плода мало, и овцамъ гибель. Аще громъ пріидетъ з запада, — то лѣто сухо, дождь не будетъ. Аще громъ пріидетъ с полунощника, овощей много будетъ, а ржи мало, лѣто сѣверно бываетъ.

---

2. Сказаніе на всю седмицу.

Аще Рождество Христово в недѣлю, зима люта, а весна ведрена, а плода мало, овцамъ моръ, пожары часты, а старымъ моръ.

Аще Рождество Христово въ понедѣльникъ, зима добра, весна дождлива, а жатва суха, а тяжь многимъ людямъ будетъ, а меду много.

Аще Рождество Христово во вторникъ, — зима добра, а жатва ведряна, а весна дождлива, а обилія много, людемъ отъ притчей смерть будетъ.

Аще Рождество Христово в среду, зима и весна дождлива, а обилія много, а жатва добра, овощи мало, а скоту пагуба.

Аще Рождество Христово въ четвергъ, зима люта, весна зла, потравлива, а лѣто добро, обилія и пшеницы много, скоту пагуба.

Аще Рождество Христово в пятокъ, зима легка и ведряна, весна добра, овощей много, меду мало, а жатва ведряна, и слабымъ смерть.

Аще Рождество христово в суботу, — зима тепла, осень велика — ведряна, плоду мало, очемъ болѣзни, овцамъ моръ.

3. Сказаніе о мѣсяцехъ на пользу христіяномъ.

Сія знаменія прояви Богъ Израильтяномъ, соблюдая ихъ отъ всякаго зла; а въ мѣсяцехъ есть по два дни злыхъ — ни крви пущати, ни сѣяти, ни садовъ садити, ни портищь кроити, ни свадебъ творити, ни въ заимъ давати, ни иного чего дѣлати.

		Числа.		Добры.	Часы злы.
1.	Январь	2	25	5	1
2.	Февраль . . .	4	24	21	9
3.	Мартъ.	3	25	25	5
4.	Апрѣль	3	20	20	6
5.	Май	20	23	4	6
6.	Іюнь.	7	18	22	5
7.	Іюль	6	28	24	8
8.	Августъ. . . .	6	18	8	6
9.	Сентябрь . . .	2	21	22	3
10.	Октябрь. . . .	8	28	22	9
11.	Ноябрь	4	21	28	5
12.	Декабрь. . . .	2	21	22	10

Аще въ тѣ дни начнетъ человѣкъ болѣть, не встать ему будетъ; аще возстанетъ, не здравъ будетъ; аще свадьбу творитъ, не возрадуется; аще родится, — не жить ему будетъ; аще не умретъ, не избыть ему горькія части; аще домъ строитъ, и не будетъ добра; и портищо кроитъ, не износить ему; купецъ *в гозбу* (въ гостьбу) поѣдетъ, и будетъ ему либо смерть, и либо потопъ, или разбойники разбіютъ его; аще ли сѣяти, или садити, не взяти ему будетъ; аще ли вновь де(гдѣ?) идетъ, и не жити ему будетъ; но подобаетъ тѣхъ дней боятися. Во всякомъ мѣсяцѣ настоящаго мѣсяца 1-й день до 9-го часа сѣяти и садити, и власовъ урѣзати, изряднѣе бываютъ.

4. Сказаніе о травахъ.

Трава чернолистная, а растетъ та трава на черной землѣ, а растетъ плотно тоненька, а листья нѣту, походила на костеръ и та, чтобы коней не образила, то есть лошади въ гриву завязать, и въ мѣсто то не придетъ разбойникъ; такожь въ храминѣ положи на всѣ четыре угла, то разбойницы не смѣютъ подходить, ни тати для того, что имъ много кажется людей, шуму много.

Есть трава именемъ *ерекъ*. Та трава ростетъ близь среднихъ рѣкъ на среднемъ мѣстѣ, а цвѣтетъ она что будто голубецъ съ киноварью; а ростомъ въ стрѣлу на четыре грань; аще кто ту траву получитъ да положитъ подъ церковный большой уголъ на трои сутки, взять и положить кверху въ шапку и зашить и говорить надъ шапкою и надъ травою: какъ сія трава подъ церковнымъ угломъ лежала и никто не видѣлъ, тако бъ и меня раба божія имрекъ ни хто не видѣлъ и не слышалъ на всякомъ дѣлѣ въ день и въ ночь. По три зори говори надъ травою.

Трава *хвалиха* ростомъ въ локоть, на ней 4 цвѣта: багряной, черной, зеленой, синій, а на сторонахъ по 10 листочковъ. Носить при себѣ на имя раба божія имрекъ — ласкота и доброта со князи и бояры и со всѣмъ православными христіаны о хлѣбѣ и соли и благодѣяніи. *Аминь.*

5. Какъ стать невидимкой.

Аще обрящеши муравейникъ великъ, отъ котораго есть двадесять дорогъ, и ты разожги огонь и навари воды со ушатъ, и чтобы вода кипѣла, и облей весь муравейникъ, и какъ обожжешь, и разгреби весь до земли и второй разъ облей водой, и обрящеши дыру въ земле, и свяжи ..... пугвицу мѣдную или оловяшницу и спусти въ землю; и доколѣ идетъ и какъ станетъ, и ты копай 3 сажени или $2^1/_2$, и зряще царя муравьевъ на камени, а камень багровый или синій, и облей царя муравьевъ кипячею водою, и онъ отвалитце скамия; и ты держи при себѣ платъ тавтяной и

обхвати камень платомъ, и тутъ снова копать; и онъ спроситъ у тебя: нашелъ ли? и ты въ то время молчи и тотъ камень держи вортѣ, и платомъ потирайся, и ходячи никто не видитъ

Ты небо отецъ, ты земля мать, ты корень святъ, благослови себя взять на добрыя дѣла на добро.

(Изъ древней рукописи.)

6. Загадки. А. [1]).

1. Что есть свѣтила небесная, и широта земная, и глубина морская? Отецъ и Сынъ и Святой Духъ.

2. Кто бѣжитъ, и кто гонитъ, кая два борца борются? Животъ бѣжитъ, а смерть гонитъ.

3. Кто есть попъ непоставленъ, а дьяконъ отметникъ, а пѣвецъ блудникъ? Попъ непоставленъ Іоаннъ Предтеча, а дьяконъ отметникъ Петръ апостолъ, а пѣвецъ блудникъ царь Давидъ.

4. Кто есть пріиде богатый къ нищему, а всего имѣя много, токмо единаго не имѣя? Богатый Христосъ пріиде къ Іоанну, прося крещеніе.

5. Что есть святой градъ между небомъ и землею, изъ него же идетъ посолъ и несетъ грамоту неписану? Градъ есть Ноевъ ковчегъ въ потопѣ, а посолъ голубь, а грамота листъ масличный во устѣхъ къ Ною несетъ.

6. Кто есть многія рѣки піе, а не можетъ напитися? Богатъ много собираетъ, а не можетъ насытися.

7. Кому Господь съ небеси звѣзду послалъ? Женѣ блудницы, родившей же ей и нарекши имя ему Ѳеодоръ, и многихъ той спасе.

В. Обонежскія загадки.

1. А што, батé, батé! Зайду я на вой, вой, вой;—да ударю въ чивирь, вирь, вирь; да утѣшу я царя въ Москвѣ, старца въ кельи, младеня въ люлькѣ? *Колоколъ.*

1) Извлечено изъ старинной рукописи.

2. А што, батé, батé! Старище Елизарище куплется и похваляется: «Есть у меня калина, дубина съ двухъ концевъ свинцомъ залита»? *Мельничный валъ.*

3. А што, батé, батé! Шелъ братъ съ сестрою, мужъ съ женою, шуринъ съ братомъ, — сколько всѣхъ стало? *Трое.*

4. А што бы те такое: кукушка съ хохломъ всякому поклонъ? *Рукомойникъ.*

5. А што бы те такое: въ лѣсъ идешь, — домой глядитъ; а домой идешь, — въ лѣсъ глядитъ? *Топоръ.*

6. Кликнулъ климанъ сквозь бѣлóй камень: «Собирай тесь, дѣтки, къ деревянной маткѣ»? *Колоколъ.*

7. Что такое въ небѣ есть, въ землѣ нѣтъ, въ бабѣ два, а въ дѣвкѣ ни одного? *Звукъ б.*

8. Сидитъ сова на корытѣ, не можно ее накормити ни попами, ни дьяками, ни пиромъ, ни міромъ, ни добрыми людьми, ни старостами? *Смерть.*

9. Родился — не крестился, умеръ — не воскресъ, а Бога носилъ? *Оселъ.*

10. Кто красенъ послѣ смерти? *Ракъ.*

(Олон. вѣдом. 1867 г. № 1.)

11. Дѣвица въ темницы, а коса на улицы? *Морковъ.*

12. Стоитъ Трошка на одной ножкѣ, крошитъ крошенинку ни себѣ, ни людямъ? *Свѣтецъ.*

13 Умылся не такъ, нарядился не такъ, поѣхалъ не такъ, заѣхалъ въ ухабъ, и не выѣхать никакъ? *Покойникъ.*

14. Сутулъ, горбатъ, все поле перешолъ, всѣ загоны перечелъ? *Серпъ.*

15. Лежитъ дерево безпрутое, на его летитъ птица безкрылая, приходитъ дѣвица безротая и съѣдаетъ птицу безкрылую? *Земля, снѣгъ и солнце.*

16. Въ лѣсѣ оно, не видать его, а съ лѣсомъ ровно? *Сердцевина въ деревѣ.*

(Волог. вѣд. 1866 г. № 17).

7. Предсказанія [1]).

1. Господь самъ рече человѣколюбецъ: помощникъ я буду всякому человѣку: не бойся, человѣче, злаго своего супостата; азъ тебѣ помогу десною рукою и супостатъ твой погибнетъ. О чемъ еси помыслилъ, добро ти будетъ.

2. Нѣкоторый человѣкъ посѣялъ ниву и много обилья, и возстанетъ буря великая и грозная туча и поломитъ ѡ в и(?) и еще обилія и погибнетъ. И тако и твое дѣло человѣче лихо, возвратися вспять.

3. Святый Илья пророкъ рече къ народу: пойдемъ, человѣче, на село свое, посѣемъ на селѣ своемъ ниву жати со благодареніемъ и пожнемъ со благословеніемъ, и соберетъ же; нивою своею обогатѣетъ, и возрадуешися. Тако и ты, человѣче; о чемъ еси помыслилъ, добро ти будетъ, дерзай скоро.

4. Ѣдятъ нищіи, и насытятся, и восхвалятъ Господа взыскающіе его. Тако и ты, человѣче, исполнишь свою алчбу, насытися, добро ти будетъ.

5. Зритъ человѣкъ очима далече, а святые ангелы подъ облакомъ, а смерть у него за плечми, готовится его похватить. Такъ и твое дѣло, человѣче, лихо есть, берегися злаго дѣла своего; возвратися, да не погибнешь.

6. Нѣкая жена носитъ во утробѣ своей младенца и начатъ тужити. Умру или жива буду, Никола его породитъ, и она возрадуется о своемъ помышленіи. Богъ ти помощникъ, съ пожданіемъ дѣло твое будетъ, и вскорѣ радость будетъ.

7. Якоже пчела летитъ на красные цвѣты и собираетъ воскъ и медъ, святымъ церквамъ на просвѣщеніе и на свѣчи, а медъ на канонъ добрымъ людямъ на утѣшеніе и на почествованіе, а безумнымъ на лакомство. Такожъ и дѣло твое, человѣче; съ терпѣніемъ добро ти будетъ; о чемъ помыслилъ, сбудется скоро.

8. Господь ходитъ по винограду, и придетъ къ нему слѣпецъ и хромецъ, прося отъ него исцѣлѣнія. Господь милосердова о нихъ и исцѣлихъ; и возрадовася слѣпецъ и хромецъ радостію великою. Тако и ты, человѣче, возрадуешися.

---

1) Извлечено изъ рукописи знахаря. Языкъ не измѣненъ ни на волосъ, а только ореографія приведена въ порядокъ, напр.: тѣбе, некоторый.

9. Святый Николае избавитъ изъ темницы трехъ мужей оклеветанныхъ и неповинныхъ отъ напрасныя смерти, и возрадовася три мужи. Тако и ты, человѣче, возрадуешися о своемъ дѣлѣ. Что еси помыслилъ, добро ти будетъ и радостію.

10. Ластовица птица свила еси подъ кедромъ гнѣздо и высидѣла дѣти, и пришла змія и дѣти поѣла, и возлетѣла ластовица, и воскричала, и восплакалась горько о дѣтяхъ своихъ. Такъ и ты, человѣче, не держи на то дѣло надежды, лихо есть, отступи отъ него, нѣть на пользу.

11. Стоитъ градъ каменный, а врата у него желѣзныя, крѣпко затвержены, николи не отверзаются. Тако и ты, человѣче, не ступай на острое, не погуби своего дѣла, о чемъ еси помышляешь, возвратися вспять, лутче ти будетъ; аще невозвратишися, погибнешь.

12. У святаго Ѳеодора Стратилата змѣй ухватилъ на кладези матерь его, и веде ей въ пещеру, и украси ея яко невѣсту; и святый Оедоръ помолися Господу Богу, и взялъ оружіе свое и побѣдилъ лютаго змія, и матерь свою здраву взялъ и введе ея въ домъ свой; возраздовася вси граждане радостію великою о таковомъ чудѣ. Тако и ты, человѣче, возрадуешися, о чемъ еси помыслилъ: добро ти будетъ.

13. Святая пророчица Анна собираетъ во святую церковь дѣвицы и воспоютъ себѣ тихимъ гласомъ ангельскую пѣснь, и возрадуются о тихой пѣсни. Слава отъ Господа непрестанно. Такъ и ты, человѣче, возрадуешися о своемъ дѣлѣ и помышленіи. Богъ ти на помощь.

14. Вдаде звѣриный рогъ въ тянято и воскрыча Господу Богу великимъ гласомъ звѣрь. Слыша Господь гласъ звѣря того, избави его отъ тенята и радъ бысть тотъ звѣрь воли своей. Такъ и ты, человѣче, возрадуешься о своемъ дѣлѣ и помышленіи. Богъ ти на помощь.

15. Святая Троица, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, небесная святая милость и Синайскихъ отецъ посланіе (Господу?) благословенія на русскую землю, вѣрнымъ людямъ. И зрадовася благословенію господню весь міръ. Такъ и ты, человѣче, возрадуешися о своемъ дѣлѣ.

16. Въ пустыни воютъ волцы, лѣсные звѣри съ голоду, хотятъ другъ друга ясти. Такъ и ты, человѣче, возвоешь; о

чемъ еси помыслилъ, лихо есть; возвратися вспять, лутче ти будетъ.

17. Пришелъ Господь ко ученикомъ своимъ, пресваривъ(?) воду и вино, и благослови ихъ; и насытишася, исполни жажду свою, и поклонишася ученицы его, радостію исполнишася отъ него. И такъ и ты, человѣче, возрадуешися о своемъ помышленіи; добро ти будетъ.

18. Святый Іоаннъ Златоустый рече: аще кто послушаетъ святаго евангелія и учнетъ молитися съ вѣрою и со страхомъ, и можетъ Господь исцѣлити его отъ напрасныя смерти и отъ египетскія работы. Такъ и ты, человѣче, молися Богу и святому Іоанну Златоусту, добро ти будетъ.

8. Чаровапія.

1. Баенымъ [1]) каменемъ потомъ же кругъ человѣка обведи трожды, положи его въ воду; будетъ — завопитъ [2]) въ воды, отъ водяной пришло, а избной камень возьми потомъ, кругъ человѣка обведи, положи его въ воду, будетъ завопитъ, и то отъ людей пришло.

2. Аще хощеши отвѣдати у лѣсоваго о болящемъ человѣкѣ, отчего ему пришло, какъ идешь въ лѣсъ и найдешь ледину, и сыщи рябину древо, чтобъ отростелина была бы отъ нея, да отсѣки её, да расколи на двое, да свяжи въ концахъ посконною ниткою, и пройди сквозь рябину трожды; и какъ пройдешь, высѣки три батожка рябиновыхъ же, да клади противъ сердца батожекъ, а два подъ пазухи, а четвертый за хребетъ, да стой такъ, а самъ напиши челобитную: Бью челомъ тебѣ, царь Государь, на сего праведнаго лѣса, что онъ спортилъ, а не вѣдаю за что, а будетъ ты не справишь, царь Мусайла, сего раба (имрекъ), и я иду къ Мос.... (вѣроятно къ Москвѣ), стану бить челомъ на тебя царю Государю, и подойдутъ съ Москвы стрѣлцовъ два приказу, съ Новагорода приказъ, съ Азова Донскихъ казаковъ два приказу, и какъ не избавишь человѣка сего (имрекъ) почтеннаго, и васъ высѣкутъ въ пень. И какъ напишешь сіе письмо, да положи бумагу

1) Баенный — отъ баянка — баня.
2) Закипитъ.

въ рябину же, впередъ крычи. Ай же ты, царь Мусайла лѣсъ, праведно скажи мнѣ про сего раба (имрекъ), отъ чего ему пришло.

3. Да еще, человѣче, повѣдаю ти, хощешь убѣжати отъ сѣти діявольской, отъ потежа свадебнаго, поди въ лѣсъ до Егорьева дни въ веснѣ, найдешь змія, убей его.

---

9. Приворожить молодца.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь! Стану я рабъ божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами. Выйду на широку улицу на востокъ лицемъ, на западъ тыломъ, поклонюсь и помолюсь. Есть въ чистомъ этомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ четыре брата, буйные вѣтра: востокъ и западъ и лѣто и сѣверъ. Какъ вы служили истеному Христу, царю небесному, такъ вы послужите мнѣ доброму рабу божію (имрекъ). Возмите отъ меня раба божія тоску, и сухоту, и черну печаль, возьмите и не оброните противо вѣтра и ни по вѣтрѣ, противо солнышка и по солнышку, противо воды и ни по воды, черезъ ручья текуціе и черезъ рѣки быстры, чеоезъ горы высоки черезъ лѣсы темны, черезъ тыны желѣзны; изъ сѣней ходучи али на лѣствицы седючи или на кровати, на постели лежучи, или за столомъ седючи Со отцемъ или съ матерью и з братомъ или сестрою или съ подругой и со всѣмъ родомъ и племенемъ совѣтъ совѣтуетъ, тутъ берите ево за бѣлыя руки и кладите ему въ бѣлое тѣло и ретивое сердце и въ черщую печень и въ семедесять семь жилъ и въ семъ суставовъ, то бы рабъ божій не могъ бы безъ меня рабы божій жить и не быть, и не пилъ бы и не ѣлъ бы, смертной тоской тосковалъ бы, той тоски не могъ бы хлѣбомъ запсь (ѣсть), не питьемъ запить, не въ бани замыть, такъ онъ рабъ божій за рабой божьей бѣжалъ бы и сзади напегалъ (набѣгалъ) бы, за шею хватилъ бы, и во уста целовалъ бы, и не глядѣлъ бы ни на отца, ни на матерь, не на сестру, не на родъ, не на племя, ни на какого человѣка; такъ бы рабъ божій обо мнѣ думалъ, обо мнѣ рабѣ божьей, въ день при солнцѣ, а въ ночи при мѣсяцы, на утренней зари и на вечерней зари, и на нову и на

ветху, и на перекрой мѣсяцы, и на намежныхъ дняхъ. Чего не доумѣлъ, мастеръ не доучилъ — будь мои слова всѣ сполна всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣкъ — *аминь*.

ОБЕРЕГЪ.

Господи Исусе Христе, сыне Божій, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Постави самъ (И)Сусъ Христосъ, отъ земли и до неба златы лисвицы (лѣствицы). У тѣхъ златыхъ лисвицъ по три ступени, по три ....., по три тугихъ луковъ, по три златоперыхъ стрѣлъ. И стрѣляетъ самъ (И)Сусъ Христосъ кругомъ меня, раба божія, и весь княжь полъ [1]) и стерегъ самъ Сусъ Христосъ кругомъ всѣхъ: и злова лихово человѣка, еретика, грыжника, ікотника и ломотника [2]): не може крови своей пить, мозгу своево (съ)сать, чевь изъ утробы добыть, рукъ пересѣчи, морской глубины провѣдать, земной широты и небесной высоты и всей земной окружности; а такожде мя раба божія а не урнуть, не уловить не (ни) злымъ копемъ, не діяволскимъ моженіемъ, не бѣсовскимъ помысломъ. И не о своей думѣ, не о своей крови и не о своей проди (плоти?). Чуръ мои (моей) думѣ, и крови, и проди своей. И будьте мои слова крѣпки, и аки тѣмъ словамъ ключь и замки за моремъ окіяномъ в роте.

10. Приворожить дѣвицу.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д! Ма(ть) утренняя зоря, ма(ть) вечерняя зоря, ма(ть?) полу безъ солнца не закатится и безъ мѣсяца не взойдетъ, такъ тѣло отъ мяса не отстаетъ, и мясо отъ кости не отстаетъ; также бы и раба божья рабица, красная дѣвица, не отставала. Какъ крестъ и поясъ отъ себя не отходитъ, также бы отъ меня раба Божія имрека не отходила. Какъ безъ отца и безъ матери, безъ роду и племени, также бы и безъ меня не могла не жить, не быть, не ѣсть и не пить, и не думу думать, не совѣтъ совѣтовать. И также бы я ей казался краше красново солнца, свѣтлѣе свѣтлово мѣсяца. Будьте мои слова крѣпки и т. д.

1) Вм. *княжъ* — не въ смыслѣ ли: *мужескій* полъ? — А можетъ быть — *клятъ* полъ (проклятый родъ). Рукопись крайне плоха. — О. М.

2) Вѣроятно пропущено: какъ злой человѣкъ ...

11. Наговоръ на недруга.

Благослови Господи, помоги Господи, пособи Господи! Ложится сей рабъ Божій имрекъ благословясь, стану глаза перекрестясь, пойду супротиву недруга ненавистника (ненавистника?) своего. Создай мнѣ, Господи, главу желѣзную, очи мѣдныя, языкъ серебряный, сердце булату крѣпкаго, ноги волка рыскучаго; а недругу ненавистнику моему создай, Господи, щеки местовыя (?) языкъ овечей, умъ телечей, сердце заячье. А которой недругъ ненавистникъ мой травами отирается, кореньемъ обкуривается, и которая трава отъ земли взята, и рвана руками, перстами моими на землю брошена, ногами моими затерана и потоптана.

(ПРИГОВОРЪ НА СУДЕЙ.)

Есть подъ восточной страной, стоитъ столъ-престолъ Господень, Его Господа Бога престолъ силъ небеснѣхъ, и не могутъ худо зрѣти и смотрѣти очесми своими цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, попы и дьякопы, судіи и подьячіе, стрѣлцы, солдаты, всѣ миряна, крестьяна православныые. И такожде судіи на меня раба Божія имрека не могли бы худо зрѣти и смотрѣти, очей и бровей своихъ повыздынуть и лихима словама говорити и молвити, и рукъ своихъ подняти и съ крутости сердца разгорѣтися и влагости (?) дѣла не произвести. Небомъ и землею, именемъ Господнимъ во вѣки, аминь!

Ложится сей рабъ божій благословясь, стану глаза перекрестясь, пойду изъ избы дверми, изъ сѣней воротами, изпротиву недруга ненавистника своего; въ далечѣ въ чистомъ полѣ умыюся раноутреннюю росою, подотрусь раноутренной зорею, обнадежусь симъ бѣлымъ свѣтомъ, подпояшу красную зорю, подтычуся частыми звѣздами, надѣну на главу свою красное солнце. Пойду сей рабъ Божій имрекъ раноутренною зорею супротивъ недруга ненавистника своего. Какъ у Господа Бога изъ-за горы изъ-за высокія, изъ-за лѣсу изъ-за темнаго на небо на ясное восходитъ солнышко красное, да возрадуются вси цари и царицы, князи и

княгины, бояра и боярыни, попы и дияконы, судіи подьячіе, стрѣлцы и солдаты, всѣ миряна и крестьяна православные, купцы заморскіе, тако на своего раба Божія имрека. Небомъ и Землею, именемъ Господнимъ во вѣки вѣковъ, аминь!

(Наговаривать на воду трижды и въ той водѣ мыть платье, и сушить противу печи, да при случаѣ утиратце.)

12. Заговоръ отъ тоски.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д! Вода-водица, рѣка-царица, зоря-зорица! Соймите тоску-кручину и унесите тоску-кручину за синее море въ морску пучину, гдѣ люди не ходятъ и на коняхъ не ѣздятъ. Какъ въ морской пучины сѣръ камень не (вс)таваетъ, такъ бы у раба Божія имрека тоска-кручина къ ретивому сердцу не приступала и не приваливалась, отшатилась бы и отвалилась. Кое слово забылъ али обругалъ, вмѣни Господи и т. д.

13. Какъ свадба отпускать.

Станутъ отпущать, зайди въ укромную полатку, затопи предъ образомъ свѣщу, положи три поклона отъ жалашия и наговаривай въ висучей замокъ. Какъ рѣчь проговоришь въ замокъ трижды, плюнуть и на игли трижды плюнуть. Тотъ замокъ замни (замкни) и отомкни.

Станешь говорить:

снова говори трижды противъ этого. Второй уставъ или въ плеть наговаривать также предъ образомъ Господнимъ. То тою плетью лошади не погоняй. Буде кто тоя свадьба станетъ портить, и ты возми плеть, ударь вдоль по дорогѣ, — будетъ по вашему.

14. Заговаривать отъ притчи.

Спасъ свѣтъ и пречистая Богородица! помоги, Господи, щипоту снять и ломоту снять, избавити и собляти, отговорити отъ

чирья, отъ вереду. Ложится сей рабъ Божій имрекъ благословясь, стану глаза перекрестясь, пойду въ далече въ чистое поле и буду въ чистомъ полѣ у бѣлаго камеия; и идетъ на стрѣту старъ матеръ мужъ, и съ нимъ идетъ Никола всѣмъ скорбящимъ въ скорби помогаетъ; за нимъ идетъ святой честной Козма и Дамьянъ, хитромудрыя мастеры, на рукахъ несутъ мису золотую; а на мисѣ золотое перо. Я приду рабъ Божій имрекъ, Николѣ помолюся и покорюся, поклонюся своей буйной главы всѣмъ скорбящимъ скорьи (скорому) помощнику отъ Николы. Всѣхъ всѣмъ скорбящимъ скорби помощитель! помози, Господи, пособи, Господи, со всѣми силами небеснымп, Никола всѣмъ скорбящимъ, избави, сговори чахоту, сухоту, притчи, болѣзни, отъ чирья, отъ вереду, которыя пристали днемъ и ночью, и вечеру поздо, по утру рано, отъ воды, отъ земли, отъ байны, отъ вѣтра, отъ вехоря, отъ мужескаго и отъ женскаго полу, и отъ худыя помысли человѣскія. И Никола всѣхъ всѣмъ скорбящимъ скорби помогатель, избавитель и отговоритель изъ ретиваго сердца, изъ бѣлаго тѣла, изъ костей, изъ мощей, изъ жилъ и суставовъ, и отъ ушей, изъ ясныхъ очей и отъ всея буйной головы. Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь!

(Наговаривать въ воду, въ масло.)

---

15. Заговоръ отъ грыжи.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Во Отца и Сына и Светово Духа ста рабъ Божій *Абпгидив въ* на улицу на вѣ(сти) сторону, на вѣстой сторонѣ есть пристолъ (престолъ), на томъ на пристолѣ самъ Іисусъ Христосъ, царь небесной съ громовой и молоньей и громовыми стрѣлами, и громомъ отбиваетъ, и молоньей ожигаетъ, и стрѣлами отстрѣливаетъ уроки злые, прокосы всяки, винокосы (валокосы?) кпе киликеи всяки перевсяки злы, лихіе недуги, грыжи. Подите старому атаману на пяту, гдѣ состигите и постигите починника и урочьника, завидника, еретика, клеветника, грыжника, икотника, ропотника. Какъ злой человѣкъ не можетъ крови своей пить и мозгу своего (съ)сать, чевь изъ

утробы добыть, морской глубины провѣдать, земной широты, небесной высоты, всей земной окружности, также не мочь ни меня раба Божія имрека не злымъ конемъ, не діяволскимъ моженіемъ, не бѣсовскимъ помысломъ.

---

16. Заговоръ отъ бѣлой грыжи и зубовъ.

Стану я рабъ Божій, благословясь,
Пойду перекрестясь,
Изъ избы дверьми,
Изъ двора воротами
Во чисто поле —
Путемъ дорогою
По край синя моря.
Въ синемъ морѣ есть
Святой Божій островъ;
На святомъ Божьемъ островѣ
Святая Божья церковь;
Въ той святой Божьей церкви
Есть престолъ Господень;
На томъ престолѣ Господнѣ
Есть священномученикъ Христовъ Антипа,
Изцѣлитель зубной,
И безсребренники Христовы
Козьма и Даміанъ.
Помолюсь и поклонюсь рабъ Божій имрекъ:
«Священномученикъ Христовъ Антипа
«И безсребренники Христовы
«Козьма и Даміанъ!
«Изцѣлите скорбь и болѣзнь зубную
«И грыжу бѣлую.
И речетъ священномученикъ Христовъ Антипа:
«Есть въ той Божьей церкви Адамово тѣло,
«Не слышитъ ли Адамово тѣло
«Звону колокольнева

«Плія церковнаго —
«Въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи.
И отвѣщаетъ мертвое тѣло Адамово:
«Я не слышу звону колокольнева —
«Плья церковнаго —
«Въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи,
«Тильной, жильной, пуповой,
«Суставной, становой, подкожной,
«Ушной, глазной, зубной...

Такъ же рабъ Божій имрекъ не слышалъ бы въ себѣ — въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи — отъ нынѣ и до вѣка — вѣкъ по вѣку — вѣковъ. Аминь.

(Олонец. Вѣдом. 1867.)

17. Заговоръ отъ зубной боли [1]).

Во имя Отца и Сына и Св. Духа!

Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь, отцемъ прощенъ, матерью благословленъ, выйду я, рабъ Божій имрекъ, изъ избы въ избу дверми, изъ двора воротми въ чистое поле. Въ томъ чистомъ полѣ идутъ путемъ дорогою три святителя Христовы: Авраамъ, Исаакъ и Антипъ, зубной изцѣлитель. При пути и при дорогѣ лежатъ мертвецы непогребенны. Спросятъ у нихъ святители Христовы: «Что вы, мертвецы непогребенны, лежите при пути, при дорогѣ? Не болятъ ли у васъ болѣлые зубы, не щепятъ ли кости, не точатъ ли черви; нѣтъ ли въ нихъ щипоты, ломоты и опухоли? «И говорятъ мертвецы непогребенны: «Ой вы, святители Христовы! Мы есть мертвецы непогребенны, лежимъ при пути при дорогѣ. Не болятъ у насъ болѣлые зубы, не щепятъ кости, не точатъ кости (черви?); и нѣтъ въ нихъ щепоты, ломоты и опухоли».

1) Молитва на зубную боль. Читать надъ чеснокомъ ее трижды. Положить одну половинку чесночинки на больной зубъ, а другую привязать къ жилы той руки, на которой щекѣ болитъ зубъ.

(Примѣч. рукописи.)

И такъ я, рабъ Божій имрекъ, помолюсь и поклонюсь тремъ святителямъ Христовымъ: Аврааму, Исааку и Антипу зубному изцѣлителю. Помогите и пособите мнѣ рабу Божію имр., чтобы не болѣли мои бѣлые (болѣлые?) зубы, не щепели бы кости и не точили бы черви, и не было бы въ нихъ щепоты и ломоты и опухоли въ ста-то трехъ и двухъ составахъ, въ ста семидесяти двухъ и трехъ жилахъ, въ новомѣсяцѣ, въ полномъ и въ перекроѣ, въ новцовомъ и верховомъ, въ нарожденномъ и схожой (?) пятницы. Будте мои слова и рѣчи сильныя, и тѣмъ словамъ въ подтверждение ключъ и замокъ. Слава Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

(Изъ рукописи).

---

18. Отъ суровца.

«Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь
«Изъ избы дверьми
«Изъ двора воротами,
«Во чисто поле за — воромъ —
«Въ восточную сторону.
«Въ восточной сторонѣ есть сине море;
«Въ синемъ морѣ — синёй камень,
«На томъ ли на синѣ камнѣ
«Сидитъ Пречистая Богородица.
«Возмолюсь, поклонюсь я рабъ Божій имрекъ той ли Пре«чистой Богородицѣ.

«Пречистая Богородице!

«Вынь и выложи изъ раба Божія имрекъ суровецъ, непросыпъ, головной, глазной, пупной, изъ сахарныхъ устъ, изъ горячей печени, сердечной и подсердечной, закожной и подкожной, путровой, пузырной и истовой, костовой и мозговой, жильной и составной, изъ 70 жилъ, изъ 70 составовъ, изъ 70 жилъ подпятныхъ, съ головы да въ тулова, изъ тулова въ ноги, изъ ногъ въ подошвы, изъ подошевъ въ сыру землю, за темные лѣса, за

дики острова, гдѣ птица не залѣтаетъ, гдѣ звѣри не забѣгаютъ, добрые люди не загуляютъ, и воронъ кости не заноситъ — нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь».

(Олон. Вѣдом. 1867).

---

19. Уразъ снять.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д!

Жидове самаго Христа понимали, на кипарисномъ древѣ, на крестѣ роспинали, жезломъ ребро прободали; а не видѣлъ самъ Исусъ Христосъ и царь небесный на себѣ, не видѣлъ не крови, не раны, не шепоты, не болѣзни и не опухоли. А такожь на мнѣ на рабѣ Божьемъ имрекѣ не быдь (не будь) не крови, не раны, не шепоты, не болѣзни и не опухоли. Итд.

---

20. Кровь заговаривать.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д!

Есть великій Окіянъ море; въ томъ великомъ окіянъ морѣ есть калена изба; въ той каленой избы сидитъ три сестры, самому Хри(сту) дочери. Болша сестра сидитъ у порогу на золотомъ стулѣ, беретъ иглу булатну, вдѣваетъ нить шолкову, зашиваетъ рану кровавую у раба Божія имрека. Не было бы не раны, не крови, не ломоты, не болѣзни, не опухоли. Будь слово мое крѣпко. Итд.

---

21. Отъ погтя.

Г. И. Х. Во имя О. С. и С. Д!

Поди злой, лихой нокоть, вилокосный и прикосный, дремучей и темучей, закожной, забороной, жилной, роздумной, и поди злой

лихой покоть, и поди испарѣ (изъ норы?) Бо(жьей) скоти(и)ки, и поиди (въ) правое копыто, изъ правово копыта поди въ сыру землю, въ три сажени печатныхъ. Тамъ тебѣ злому лихому покою мѣсто! Будь мое слово крѣпко. И яки тѣмъ словамъ ключь и замки за моремъ Окіяномъ вложе(?).

---

22. Отговоръ сумашедшаго.

1. Очерчивая троекратно ножикомъ сумасшедшаго, знахарь читаетъ надъ водой слѣдующія слова:

«Отъ Духа Святаго,
«Отъ печати Христовой,
«Отъ Спасовой руки,
«Отъ Честнаго креста,
Отъ Богородицына запечатнаго замка!

«Ангелъ Хранитель!
«Сохрани его душу!
«Укрѣпи его сердце!

«Врагъ-Сатана — отступи отъ него
«Отъ раба Божія (имрекъ).
«А самъ Іисусъ Христосъ приступи
«Къ рабу Божію (имреку).

«Запрестольная Мати Божья!
«Пресвятая Богородица!
«Съ раба Божія (имрека)
«Сохрани и очисти

«всяку болѣзнь, всяку скорбь, всяку немощь, всяку нечисть бранныхъ словъ и своей лихой думы, притчи, уроки, переполохи, оговоры, одумы и призоры съ раба Божія имрека, съ буйной головы, съ ясныхъ очей, съ сахарныхъ устъ, съ рукъ и съ ногъ и могучихъ плечь и съ бѣлыхъ грудей, съ ретиваго сердца, съ бурой печени, съ легкихъ и съ селязня, съ 70 жилъ, съ 70 составовъ, съ 70 жилъ подятныхъ, съ головы да съ тулова, съ тулова въ ноги, съ ногъ въ подошвы, а съ подошевъ въ сыру землю,

на темные лѣса, за синіе моря къ богатому крестьянину по безъ отрыжки пива пить — во вѣки. Аминь».

Ножикъ, которымъ троекратно очерчивается больной, кладется въ изголовье. Водой, надъ которой бываетъ это шепганье, поятъ его и моютъ. Если онъ заснетъ, то совѣтуется при этомъ не будить его, пока онъ самъ не проснется.

(Изъ Олонецк. Вѣдом. 1867.)

---

23. Призоръ отговаривать.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Есть славное синее море, есть въ славномъ синемъ морѣ синей островъ, есть на синемъ островѣ синей камень, на томъ синемъ камени сидитъ синей человѣкъ, у синяго человѣка синей лукъ безтетивной, синяя стрѣла безъ перья, и отстрѣливаетъ синей человѣкъ синимъ лукомъ безтетивнымъ, синей стрѣлой безъ перья, притчи и призоры, и уроки, переломы и грыжища всякія, падежи и удары, и пострѣлы, всякую нечисть.

Есть славное серебрянное море, на серебренномъ морѣ серебренный островъ, на серебренномъ островѣ серебренной камень, на серебренномъ камени сидитъ серебренный человѣкъ, держитъ серебренный лукъ безтетивной, натягиваетъ серебренный лукъ, накладываетъ серебрянную стрѣлу безъ перья, отстрѣливаетъ серебреннымъ лукомъ безтетивнымъ и серебрянной стрѣлой безъ перья притчи и призоры, вѣтренные переломы, падежи и пристрѣлы и грыжища.

Есть славное Мугай-море, на Мугай-морѣ есть Мугай островъ, въ Мугай-островѣ сидитъ Мугай-птица, прилетаетъ къ рабу Божію имреку, отдерываетъ поктями, отклоиваетъ носомъ, перьями отмахиваетъ притчи и призоры, и уроки, вѣтренные переломы, падежи и пристрѣлы и грыжища у раба Божія имрека, притчи, призоры и уроки и вѣтряшные переломы и всякую нечисть, и полетаетъ та Мугай-птица черезъ огненную рѣку и сгорятъ у раба Божія имрека тьи притчи, призоры и уроки, вѣтряные переломы, падежи и пристрѣлъ, и всякая нечисть. Во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь!

отъ зубной болѣзни, и щипоты, и отъ грыжи.

Говори на соль трижды: «Господи Боже, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Аминь!

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь»!

Вечерняя заря Марья, утренняя Маримьяна. (Уговори и утоли) у меня у раба Божія имрека сего грыжи и щипоту и зубную щипоту и костяную ломоту и червія неусыпающія, и всякой болѣзни, и уразы тѣлесныя и жилныя, и костяныя, и сердечныя, отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествія. Аминь.

Младъ молодъ мѣсяцъ у меня уговори и утоли у раба Божія имрека грыжи, и щипоты, и болѣзни, и уразы тѣлесныя и жильныя, и зубную щипоту, и костяную ломоту, и грыжу, и червей неусыпающихъ отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествія. Аминь!

Рече Каинъ брату своему Авелю: Востанетъ ли братъ нашъ Авель отъ мертвыхъ? И никакоже не востати брату нашему изъ мертвыхъ»! Такоже бы и не чета сему рабу Божію имреку ни грыжи и ни щипоты, ни болѣзни, ни уразу ни телѣснаго и ни сердечнаго, ни зубныя щипоты, ни костяныя ломоты и грыжи, и червія неусыпающаго отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествія! И како же убитой мертвецъ Авель лежитъ отъ начала свѣта и не чуетъ въ себѣ ни грыжи, ни щипоты, ни болѣзни и уразу тѣлеснаго, ни жильнаго и не костянаго, и не зубныя щипоты, ни костяныя ломоты, ни грыжи, ни червія неусыпающаго, такоже бы у сего раба Божія имрека ни грыжи, ни щипоты, ни болѣзни, ни червія неусыпающаго отнынѣ и до вѣка и до втораго Христова пришествія и суда. Аминь.

24. Оборона скоту.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Стану я рабъ Божій благословяся, лягу перекрестяся, одѣюся свѣтомъ, опояшуся свѣтомъ зорею, покрываюся облаками, обтыкаюся частыми звѣздами; стану на доброе мѣсто, ступлю въ

архангельскія слѣды и пойду я рабъ въ чистое поле, на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. Отрекаюся отъ сатаны и отъ діявола и предаюся вышнему Творцу самому Гду Исусу Христу, Савооу Богу, который сотворилъ небо и землю, луну и звѣзды, птицы и звѣріе и всякихъ малыхъ животовъ и крестьянскихъ скотовъ и съ красными, и черными, и бѣлыми, и скомолыми, и съ рогатыми и разношерстными и съ розными копытами на сбереженіе, и на сохраненіе, и въ мѣсто на слученіе, и ко двору на прихожденіе, а милому животу, крестьянскому скоту, на легкость, на здравіе и Божію милость и на животъ. Истинный Христосъ, Богородица, мати Божія, святые честные безсребренники Козмы и Демьяне, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, грозные воеводы небесныхъ силъ, Николай чудотворецъ, Власей епископъ Севастійскій, чудотворецъ Флоръ и Лаверъ, Меркурій Смоленскій, Аверкій Іераполскій, Кіевскіе и Печерскіе чудотворцы Антоній и Ѳеодосій, и вы, святые честные евангелисты: Маркъ, Лука, Іоаннъ и Матвей, Херувимы и Серафимы и вся небесная сила! Научите меня, раба Божья Козьму, и помогите, и благословите словъ говорити, огорода ставить, оборона чинить отъ черново звѣря, отъ бураго звѣря, отъ рыси и отъ росомахи и отъ рыскучево волка и отъ ползучево гада, и отъ нашлово и отъ наславшово звѣря, и отъ туроку, и отъ призора, и отъ падежу, и отъ падчия силы, и отъ нечистово духа, и отъ колдуна, и отъ колдуны, и отъ вѣдуна, и отъ вѣдуны, отъ черпеца, и отъ черницы, отъ бѣльца, и отъ бѣлицы, отъ скимняка, отъ скимницы, отъ попа поповича, отъ дьяка дьяковича, отъ мужика и отъ женки, отъ парсня и отъ дѣвки, отъ однозуба и(д)воезуба, отъ (т)роезуба, со стороны видящаго и мимо идущаго заговору и запрету. Милой животъ, крестьянской скотъ, стой крѣпко въ огородѣ и сей заговоръ, аки синей камень въ Синемъ морѣ, аки черной камень въ Черномъ морѣ, аки арапъ-камень въ Арапскомъ морѣ, аки окіянъ камень въ Окіянскомъ морѣ, стой крѣпко сего огорода, и сей заговоръ кругомъ меня раба Божія (имярекъ) и кругомъ моего милово живота и крестьянскаго скота. И кто же на меня раба Божія и на милой мой животъ и на крестьянской скотъ думою подумаетъ и мыслію помыслитъ, и тому человѣку съ окіянъ моря вода выпить и камень поглодать; и кто же на меня раба Божія и на милой мой животъ и на крестьянской скотъ думою подумаетъ

и мыслію помыслитъ, и тому человѣку дѣтей своихъ принесть (пріѣсть) и кровь ему припить; и кто же на меня раба Божія и на милой мой животъ и на крест. скотъ думою подумаетъ и мыслію помыслитъ, тому человѣку зубы со рта, очи со лба; и кто же на меня раба Божія (имя рекъ) и т. д. помыслитъ, и тому человѣку кругомъ окіянъ-моря лѣсы пощипать, *вои* [1]) позобать; и што шисть (иш есть?) на земли цари, и всѣмъ царемъ царь огонь-царь и зжетъ и палитъ, отъ меня раба Божія (имя) и отъ милаго живота и крестьянскаго скота и зжетъ и палитъ бѣлое тѣло, и черную кровь, и ретивое сердце, и кости, и жилы, и мозги жжетъ и палитъ; и какъ бы стекаются рѣки къ окіянъ морю *съ текучихъ* горъ и дремучихъ лѣсовъ, и со мховъ и болотъ, и такъ бы стекался мой милой животъ и крестьянской скотъ на гласъ трубнъ, сами съ лѣсу дальняго, Божіею милостію, словами моими; и какъ сходится міръ крещеный, народъ Божій, къ звону колокольному, къ пѣнію церковному и ко отцу духовному, и такъ же бы стекался и сбѣгался мой милой животъ и крестьянской скотъ на гласъ трубнъ, и съ лѣсу домой, Божіею милостію и словами моими; и сколь крѣпко стоитъ на мѣстѣ и одержится въ мѣстѣ Синай-гора, и сколь крѣпко стоитъ на мѣстѣ и одержится въ мѣстѣ Вертепъ-гора, и столь (сколь) крѣпко стоитъ на мѣстѣ и одержится въ мѣстѣ Аоонъ-гора, и сколь крѣпко стоитъ на мѣстѣ и одержится въ мѣстѣ Фаоеръ-гора, и столь крѣпкой огородъ четыре горы и четыре страны: Палестинскія и Єрусалимскія, горы не разсыпаются и не роздвигаются, съ мѣста не подвигаются, и столь бы же крѣпко сей огородъ, и сей заговоръ кругомъ меня раба Божія, и кругомъ милого моего живота и крестьянскаго скота на сохраненіе и на береженіе, на мѣсто, на слученіе, и милому животу и крестьянскому скоту на легость и на здравіе, на Божію милость, на плодъ и на животъ. Истинный Христосъ, Богородица мати Божія, святые честные Козмы и Даміянъ, Михаилъ архангелъ и Гавріилъ архангелъ, грозный воевода небесныхъ силъ, Николай чудотворецъ, Власій епископъ Севастійскій чудотворецъ, Меркурій Смоленскій, Аверкій Іерапольскій, Кіевскіе и Печерскіе чудотворцы Антоній и Ѳеодосій, и вы святые честные евангелисты: Маркъ и Лука, Іоаннъ и Матоей, Херувимы и Серафи-

1) Иглы хвойнаго дерева.

мы, и вся небесная сила! научите меня раба Божія Козьму слово говорить, огорода ставить, оборона чинить отъ черново звѣря, отъ бураго звѣря, отъ рыси, отъ росомахи, отъ рыскучево волка и отъ ползучево гада и отъ пашлово и отъ наслашново, отъ уроку и отъ призору, отъ притчей, и отъ надежа, и отъ нечистово духу, и отъ вѣдуна и отъ вѣдуньи, отъ колдуна и отъ колдуньи, и отъ попа и отъ дьяка дьяковича, отъ мужика и отъ женки, отъ парня и отъ дѣвки, и отъ однозуба, отъ (д)воезуба, отъ (т)роезуба, и отъ старца и отъ старицы, отъ скимника и отъ скимницы, и отъ постригощего и мимо идущего, и отъ всякия (всякихъ) звѣрей земныхъ и лѣсныхъ, и отъ всякаго зла человѣка и лиха супостата. Ставте же вы, двападесять апостоловъ, и кругомъ меня раба Божія (имрекъ) и кругомъ моего милаго живота и крестьянскаго скота, тынъ желѣзный, ворота мѣдныя, верси сталные въ землю тридевять лакоть, отъ земли до небеси, отъ небеси до земли; и еще ставте тынъ каменный, ворота желѣзныя, верси мѣдныя въ землю тридевять лакоть, отъ земли до небеси и отъ небеси до земли, отъ востока до запада, отъ запада до лѣта, отъ лѣта до сѣвера, и еще ставте тынъ сребренный, ворота мѣдныя въ землю тридевяти лакоть отъ земли до небеси, отъ небеси до земли до сѣвера на три поприща на три версты, и замыкайте тридевяти ключами и тридевяти замками съ огнемъ и пламенемъ и дымомъ, и отдайте тѣ ключи Богородицѣ въ седьмое небо, на престолъ Господень, и она же Владычица, Пресвятая Богородица, Царица небесная, мати Христова, заради ризою нетлѣнною, которою порождала и заграждала сына своего возлюбленаго, Господа нашего Іисуса Христа, во святомъ градѣ, во Іерусалимѣ и во святой горѣ во Вертепѣ, и снесетъ Богородица свою ризу нетлѣнную, Іоанъ Предтеча и заградитъ крестомъ животворящимъ, и которымъ крестилъ Гда нашего Іисуса Христа, и снесетъ свою ризу съ крестомъ животворящимъ Іоанъ Предотеча въ седьмое небо.

---

25. Божественный обходъ рогатаго скота.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь!

Стану я, рабъ Божій пастырь, благословясь, пойду перекре-

стясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ в ворота, далѣче въ чистое полѣ. Стану я на востокъ лицемъ, на западъ хрептомъ. Помолюсь я рабъ Божій Господу Богу Саваофу, Христу Сыну Божію, Пречистой его Богоматери Богородицы и присно дѣвы Маріи, Іоанну Пророку Предтечи и Крестителю Христову, Михаилѣ Архангелу грозному воеводѣ небесныхъ силъ, Святымъ Апостоламъ Петру и Павлу и Святому Николаю Чудотворцу и Святому священномученику Власію Епископу Савастійскому Чудотворцу и Святому Преподобному Георгію, всей небесной Силѣ, со умиленіемъ припадаю и молюся Вамъ. Пособитѣ помогитѣ благословитѣ, на путь проводитѣ меня, раба Божія пастыря, съ моимъ милымъ скотомъ, съ крестьянскимъ животомъ, съ коровымъ стадомъ, пасти отъ сего дня, во все теплое лѣто, до бѣлаго снѣгу. Закройтѣ, заградитѣ, закреститѣ святыми своими Божественными нетлѣнными ризами ходячій (?) сей паскотинѣ и меня раба Божія пастыря *Іоанна*, мой милой скотъ, а крестьянской животъ, коровъ, быковъ, нетелей и малыхъ подтелковъ, колматыхъ, рогатыхъ, кладеныхъ и некладеныхъ, доморощеныхъ и вновь приведенныхъ, черныхъ, бѣлыхъ, пестрыхъ, сивыхъ, и красныхъ. и всяку разношерстну скотину, отъ чернаго звѣря, отъ сѣраго звѣря, широколапаго медвѣдя и прикидня, пасилочнаго пакостника, перехожаго волка, волчихи, красныя лисицы, черныя соболихи, отъ рыся и росомахи, отъ великой зміи, скорпіи, отъ всякаго злаго человѣка порченника и пыточника и отъ всякія отъ напшія (надшія) силы, отъ падежу, отъ пострѣлу, отъ повѣтрія, отъ стрѣтущаго и постигающаго, со стороны видящаго, всякаго разнаго чина людей. Закрѣплю я рабъ Божій пастырь *Іоаннъ*, заговорю свое вышеписанное коровьѣ стадо вашими всесильными мольбами. Сколь твердо основаніе земное двигнуться не можетъ съ мѣста, и сколь крѣпокъ Гробъ Господень на воздусѣ во святомъ градѣ Іерусалимѣ, и сколь крѣпокъ синій камень во окіанѣ мори, не крушится, не колется и не разгнется, столь крѣпокъ и жестокъ мой буди вышеписанной заговоръ кругомъ моего любимаго стада, вышеписанной заговоръ вѣкъ по вѣку, Аминь, Аминемъ заключается.

О Пресвятая Госпоже Владычицѣ Богородицѣ, какъ ты закрыла заградила сына своего Господа нашего Іисуса Христа, во святомъ градѣ Вифліемѣ Іудейстемъ, отъ Ирода царя безбожнаго,

такъ ты закрой загради закрѣни Святой своей ризою нетленной ходячи(?) въ моей паскотинѣ, къ осѣку, по тропамъ, по угодьямъ и меня раба Божія пастыря *Іоанна* и мой милой скотъ крестьянской животъ вѣкъ по вѣку Аминь, Аминемъ заключается!

О Пресвятой Царю Господи! (поставь) около моего вышеписаннаго коровья стада тынъ желѣзной, другой булатной, третій мѣдной, въ четвертыхъ стѣну каменную глубиною три сажени въ землю, вышиною тридевять сажень, проведи, Господи, рѣку огненную глубиною до самыя бездны, повели, Господи, тѣ вышеписанные тыны, и ту стѣну каменную замкнуть и заложить святому Апостолу Петру златыми его ключами и снесть за престолъ подъ святую его одежду нетлѣнную; какъ сего замка ключей не видѣть, такъ же бы звѣри не видѣли моего любимаго стада, кажися сіе при лѣсѣ лѣсомъ, при горѣ горой, при камнѣ камнемъ, при водѣ водой, Аминь, Аминемъ заключается.

О пресвятый Царю Господи! пошли Господи св. пророка Ілію на огненной колеснцѣ, съ громомъ и молніею, со стрѣлою с кременной, чтобъ изстрѣлить изъ моей паскотины всякаго зверя. Пошли Господи злыхъ медицынскихъ (меделянскихъ) лютыхъ кобелей съ вострыми зубами, съ желѣзными кохтями, чтобъ прогнали изъ моей паскотины черныхъ дикихъ разныхъ разнопомянутыхъ зверей; медвѣдей, медвѣдицъ. Подте вы за синее окіянъ-море, на дикомъ лѣсѣ; тамо вы ѣшть зеленую траву, пейтѣ болотную воду, ломайте и ворочайте пенье, и колодье и выпскивайте дикое каменье, а у меня раба Божія пастыря въ моей паскотинѣ вамъ ни питья, ни ядепья, вѣкъ по вѣку, Аминь, Аминемъ заключается.

Какъ собираются народъ православной ко звону колокольному, къ пѣнію церковному или къ отцу духовному, и какъ собираются муравьсвы дѣти къ отцу своему царю мурашу со всѣхъ сторонъ, служатъ ему и слушаютъ его всегда, и какъ стекаются быстрыя рѣки и малыя источники во славно окіанъ море, такожде мой милой скотъ, крестьянской животъ, любимое коровье стадо, шли бы плелися - вилися въ одно мѣсто, стекалися на трубу мою, на покатъ солнца въ повцѣ и вѣтхѣ, на перекроѣ - мѣсяцѣ, въ межепныя дни, во всякое время, изъ паскотины, изъ рѣкъ, изъ ручьевъ, изъ сѣнныхъ покосовъ, со великаго мѣста къ домамъ своимъ, къ

хозяевамъ и хозяйкамъ, безъ обрядочно дружка отъ дружки не оставаючись, вѣкъ по вѣку, Аминь, Аминемъ заключается.

Возми у всякой скотины межъ рогами шерсти, и клади въ воскъ, прочти эту книгу, три разъ по солнцу и с образомъ и и обойди три разъ, волочи за собою топоръ, и такъ спусти, а воскъ зарой въ землю, чтобъ люди не видали и не знали.

Аще кто на меня раба Божія пастыря и мой милой скотъ зло подумаетъ, какой порчею враждебною статьею, у того бы порченика и пыточника въ тимѣ языкъ воротило бы, подколѣнныя жилы рвало бы, скочили бы очи, со лба выпрянули бы, чтобъ ему порченику и пыточнику въ день покою и въ ночь усыпу не было, и до смертнаго его часу буди Господи во вѣки вѣковъ Аминь.

(Изъ старин. рукоп.)

---

26. Отпускъ скота.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа!

Стану я рабъ Божій Иванъ благословясь, пойду перекрестясь во святыя темныя лѣса (двухъ строчекъ разобрать нельзя) со свѣтомъ Богородицей Маріей. Спаси и освободи, помилуй милое мое стадо, крестьянской животъ: одношерстные и двошерстные кони и кобылы и малыя поскотя(ны) черныя и бѣлыя, сѣрыя и красныя теля, такожъ и коровы черныя, и красныя, и пестрыя съ малыми подтелками отъ всякаго чернаго звѣря, медвѣдя и медвѣдицы, широколапого, и волка рыскучаго и волчицы; и поставь, Господи, около моего стада, милаго и любимаго крестьянскаго живота (горы) камешныя, тынъ желѣзный, столпъ огненный отъ земли и до неба. Спасите и помилуйте, Фролъ и Лаврей, святый Егорей Храбрый, милыя копныя и коровьи стада, кони и кобылы и коровы и посоковъ и подтелковъ, а одношерстныя..., бѣлыя, и сѣрыя, и красныя и нѣгихъ отъ дребей и болотъ, чтобъ не потерялась ни едина шерстина и копыто отъ крестьянскаго

милаго живота, любимаго скота; чтобъ не могли ни колдуны околдовать, и ни еритики осретичествовать, да никакой портешникъ испортилъ, ни еритицы; и кто подумаетъ худое, пройди скрозь того стрѣла каленая, отъ моего любимаго стада, крестьянскаго скота.

Царю Давидъ, царю Ко(н)сѣ(антѣ)нъ, царю Соломонъ! Спасите и сохраните конское и коровье мое стадо, милый, любимый, крестьянскій животъ. Какъ царь Ко(н)сѣ(антѣ)нъ ходилъ около своего воинства со крестомъ и сохранялъ свое воинство, также и около моего конскаго и коровьяго стада, милаго крестьянскаго живота, ходилъ бы и сохранилъ бы со крестомъ отъ чернаго звѣря, широколапаго медвѣдя и медвѣдицы, отъ сѣраго рыскучаго волка, волчицы, и отъ колдуновъ и отъ колдуней, отъ еретиковъ и отъ еритицъ, и отъ портешниковъ. И поставте вы около моего стада, милаго крестьянскаго живота, горы каменныя, столпъ огненный и тынъ желѣзный. Зверь(?) моего голоса и моего слѣду, и какъ услыша(тъ) церковный звонъ, такъ бы и сбирались малое (милое?) мое стадо на означенное мѣсто, гдѣ я самъ живу, отъ темнаго лѣсу, и отъ дребей, и отъ болотъ, на всяку ночь, всѣ до единаго, лошади и коровы, малыя и большія, всегда, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ, Аминь!

Т О Ж Ъ.

Ходить вкругъ трижды и читать отпускъ, сбирать со всякого и копя, и кобылъ, и коровъ, посоковъ шерсти съ головы и съ копытъ овецъ рѣсать (рѣзать?) нектя на крести(?), положить муки помолой, все .... вмѣсто: шерсть, муку и нокти въ одно мѣсто, отъ колоколовъ соскрести мѣди, ту же положить и испечь въ мякушку. Въ томъ же мѣстѣ отъ церковныхъ колоколовъ соскрести мѣди, въ мякушку спечь, смолоть, въ тую мякушку закатать и воскъ; а рябиновое дерево то вырвать съ корнемъ, около стада посить со отпускомъ ..... первое какъ посадить, и еще топоръ и ножикъ впереди себя, образъ Егорія и крестъ деревянный изгонъ(?) деревянный носить въ пазухѣ, около стада, рослелъ (росной) ладанъ, аргусъ(?) и полушка мѣдная держать при себѣ; послѣ хожденія рябина расколоть до конца..... около и сквозь стадо пропустить воротами, а надъ воротами поставить (въ) верхъ образъ и крестъ изгонъ(?) по обѣ стороны, и замокъ дугу положить

на двѣ стороны. Какъ скотъ пройдетъ рябинку, замокъ замкнуть и снести въ лѣсъ, положить въ муравейникъ къ отпуску, при себѣ держать. А которые кони будутъ .... бѣгать и тѣхъ .... свести въ .... гдѣ самъ живетъ, став (Дальше разобрать трудно).

(Изъ старин. рукописи.)

---

27. Заговоръ - оберегъ при свадьбахъ.

..... меня раба Божія имрека во своя святыя руку (?) и всѣхъ тыхъ тридесяти замковъ все мои ключе золотые, спесъ (?) тае мои ключи на вышнѣе во седмое (небо?) и отдалъ тебѣ, Господи, всемогущему и великому Богу, а ты, Господи, Боже святый, у свои (?) арангела Михаила пришявъ вседержительную (вседержительною) крѣпкою десной всѣ тыя мои ключи золоты, и положи ты, Господи, на свой чесный на вышній иже херувимскія неподвижный престолъ подъ свою перину дорогую и ..... ти, Господи, самъ на тую свою перину дорогую в семъ часу ..... и на тыи мои ключи золотые на все, и не выпять тыхъ моихъ ..... Господи, никому, ... ни ко(л)дунамъ, ни ко(л)дуницамъ, ни вѣдонамъ, ни вѣдоницамъ, ни старцамъ, ни старицамъ, ни черницамъ, ни черпецамъ, ни попамъ, ни подадьямъ, ни бѣлцамъ, ни бѣлицамъ, ни вдовцамъ, ни вдовицамъ, ни каликамъ, ни нищимъ, ни старымъ, ни малымъ, ни черпокровымъ, ни бѣлокровымъ, ни краснокровымъ, никому, ни какому человѣку — новобрачному сему, или второбрачному, княгины имрекъ, и его тысецкому имрекъ, и боярамъ его, и друшкамъ, свахамъ, и брюдгамъ, и конюхамъ, и *лошадямъ*, всему поѣзду и добрымъ гостемъ и гостьямъ званымъ - браным, и всѣмъ домашнимъ стрянчимъ, и поварамъ сидячимъ дома, и в людяхъ, и за столомъ, со всемъ поѣздомъ его, по земли пешь идучись, или на коня едутчись верхомъ, или по водамъ едутчись мимо многіе грады жи .... и пустые, болшіе и малые погосты и волости и многіе деревни, болшіе и малые, на море и на озерахъ, и на рѣкахъ едутчись в судехъ, мимо многіе островы болшіе и малые, или луды болшіи и малые, и по земли идутчись на мхахъ, на гладкихъ болотахъ, и лѣсахъ едутчись, мимо многія древа

болшіе и малые, и мимо великіе щели и каменія болшіе и малые, мимо едутчись храмины пустые, ловецкія пашенныя станы, на всякомъ мѣсте и вездѣ быть всѣмъ отъ всякихъ ненавистниковъ и сопостатовъ здавымъ (здравымъ) и сохраннымъ, а на тыхъ на всѣхъ моихъ на вострыхъ тынахъ, которы ставлены нынѣ у меня раба божія имрека около сего новобрачнаго князя имрекъ, около всего поѣзду его, и конемъ его и всякому дому его, и всякаго милого живота его, всехъ добрыхъ гостей его на всякои на вострои тынины желѣзно(й) по го(ло)вы по колдуновой и видуновой, и по колдунихиной, по видунихиной, а еще на одной моей на болшей на вотой (вострой?) на желѣзной тынины быть головы ко(л)дуновой и виновой (вѣдуновой), ко(л)дунихиной и видунихиной и кудесниковой и кусницыной (кудесницыной), и хто будетъ каковъ злодей мой и супостатъ, портежникъ и ненависникъ, колдунъ или ведунъ или кодесникъ или портежнікъ или .....[1]) ведуниха или кудесница на сего по ..... имрекъ, на тысецкого его имрекъ и н.....жковъ, и на сваху, на брудгу, и на к..... его, и на стряпчихъ и на грепцовъ и..... его и на всякой милой животъ его..... на хадучей, на всякыхъ добрыхъ гост..... поѣзду его, начнетъ помышлять ка.. ..... человѣкъ портить, старецъ, или черницъ, ил..... или белецъ, или колдунъ, или ведунъ, или кудесн..... богатъ, или нищъ, чернокровъ, или краснокровъ, или бѣлокровъ, или старица, или черница, или попадья, или белица, или чернокрова, или краснокрова, или бѣлокрова, или богата, или нища, вочи или по заочи, или за столомъ седутчись, или въ стрету едутчись, или за хоромины, или за угла или стороны, по близку и по далеку, за древа, зат (?) каменя смотрятчись, или мѣшь (межь) людми стоячись, начнеть бранить, или бѣщестить, или портить, и того злого человѣка злодея и сопостата моего на тои вострои и на желѣзной на болшой тынины быть головы, колдуновъ, и видуновъ, и кудесниковой, колдуніхіной и видунихиной и кудесніціной впреть во вѣки вечныи..... злодѣевъ моихъ всякихъ зломы..... ..... упостатовъ моихъ всякихъ потре..... ....лдуновъ и ведоновъ и кудесниковъ и..... дуницъ и

1) Всѣ пропуски съ этихъ поръ происходятъ отъ того, что у рукописи оторванъ цѣлый кусокъ.

кудесницъ и всякихъ лих .... въ и портежниковъ моихъ злодѣевъ ..... грозныя всея небѣсныя силы воевода ..... Христовъ Михаилъ, ты всѣхъ моихъ су... ...атовъ своимъ востымъ (вострымъ) и огненымъ мечемъ присекаетъ, а конь его пріѣдаетъ(?) всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, Аминь.

(Говорятъ нагаглами (надъ иглами?) и над..... а на тые бѣзушій (?) плюнуть трижды, и въ замокъ плюнуть трижды, и замнуть.)

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ОЛОНЕЦКАГО НОДРѢЧІЯ.

Авторъ этой замѣтки принужденъ относиться къ Олонецкому подрѣчію, какъ къ самостоятельному цѣлому, потому что онъ не имѣлъ случая изслѣдовать другія видоизмѣненія сѣверноруссkаго нарѣчія въ губерніяхъ Новгородской, Архангельской, Вологодской, Пермской и Сибирскомъ краѣ; потому онъ поставленъ въ необходимость приводить многія особенности произношенія, словообразованія и флексій, которыя свойственны, быть можетъ, всему сѣверорусскому нарѣчію и отличаютъ его отъ прочихъ великорусскихъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что совокупность приводимыхъ особенностей принадлежитъ цѣлому здѣшнему краю: въ частности, языкъ, которымъ говоритъ народъ въ Олонецкой губерніи, изрѣзанной множествомъ озеръ, непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ, раздѣленной на четыре неравномѣрныя полосы водами Онежскаго озера и раскинувшейся на огромномъ протяженіи, распадается на множество разнорѣчій не только по уѣздамъ, но даже и по волостямъ. Впрочемъ, если оставить въ сторонѣ случайныя измѣненія, производимыя сосѣдствомъ Кореляковъ и порчею языка у обрусѣлыхъ Корелъ, то изъ этого множества деревенскихъ обособленій выдѣлятся два главныхъ разнорѣчія: а) Заонежское и близкое къ нему Пудожское и б) Каргопольско-Вытегорское [1]).

Надлежитъ также оговорить, что авторъ, при собираніи данныхъ, обращалъ вниманіе преимущественно на языкъ женщинъ,

1) Въ Олонецкомъ уѣздѣ, большей части Повѣнецкаго и части Лодейнопольскаго живутъ Кореды.

которыя, оставаясь большею частію дома, спокон вѣка передаютъ отъ одного поколѣнія другому рѣзкія отличія мѣстнаго говора, между тѣмъ какъ мужчины, переходя въ отхожихъ промыслахъ изъ одной мѣстности въ другую, проживая въ столицѣ и другихъ губерніяхъ, говорятъ весьма часто языкомъ, въ которомъ всѣ типическія особенности если не совсѣмъ стерты, то далеко не такъ замѣтны, какъ у женской части населенія. Много данныхъ заимствовано также изъ языка бытовыхъ и былевыхъ пѣсень, который сохранилъ еще вполнѣ мѣстный колоритъ.

Произношеніе.

I.

А. А, у Петрозаводскихъ, Пудожскихъ и въ особенности у Повѣнецкихъ Заонежанъ, произносится часто какъ *я*, напр.: безъ спрося, разгоряться, лебсять (шлепать по грязи), больня, въ лисяхъ, во сняхъ, вмистяхъ (вмѣстѣ), ярмякъ няйлучшій. Въ нарѣчіяхъ, оканчивающихся на *да*, *а* произносится какъ *ы*, напр.: туды, суды, когды, тогды. Также произносится и въ имен. множ. у существительныхъ съ окончаніемъ *ина*, напр.: хозяевы, крестьяны, поѣзжаны, напогощаны.

Е. Послѣ *ж.*, *е* произносится какъ *а*, напр.: жашихъ, жаланный. Послѣ *д*, *е* у Заонежанъ, въ особенности у Повѣнецкихъ, произносится какъ *э*, напр.: молодэнькій, посаждэньице (отэцькій). *Е* переходитъ въ ё въ косвенныхъ падежахъ притяжательныхъ мѣстоименій: мой, твой, свой, напр.: своёй, твоёй, (также сёго, почёстный). Но зато *е* не переходитъ въ ё во 2, 3 лщ. ед., 1 и 2 множ. наст. и буд. времени, напр.: ведетъ, ведемъ, веде, ведете. *Е* иногда переходитъ въ *и*, напр.: биздиля (ничего недѣлающій), захпривать, цирточька (черточка). Иногда *е* звучитъ какъ *я*, напр. въ словахъ: мяць (мечь), тястице, ня пойду (у Заонежанъ), имянство. У Заонежанъ, въ особенности Повѣнецкихъ, *е* часто переходитъ въ *о*, напр.: робята, тоби, соби, тобя, собя, солоный, разторзать, още (иногда, аще), одва, одиный, борозно (бережно).

И. Послѣ *ж*, въ словахъ производныхъ отъ корня *жадать*, *а* сохраняетъ свой звукъ, не переходя неправильно въ *и*, напр.:

жадаморъ, жадовикъ. Иногда *и* переходитъ въ звукъ, близкій къ *е* напр.: оберать (убирать), гредня, нецего (ничего), нехнуть. *И* переходитъ часто въ *ы*, напр.: эты, этыхъ, одныхъ, раныя, самыхъ, рычать или крычать. Въ сложныхъ словахъ изъ предлога *изъ* и корня, *и* передъ *з* не произносится, если корень начинается съ согласной, а слово черезъ такое произношеніе не будетъ смѣшано съ рѣченіемъ, сложеннымъ изъ того же корня и предлога *съ*, напр.: збавлять, злучить, знедобиться (обезсилѣть), за сыра дуба, сподъ, зранепъ, за маленька (изъ, или съ изъ маленька), сошку съ земельки повыдернулъ.

О. *О* безъ ударенія не переходитъ въ *а*. *О* произносится иногда какъ *е*, напр.: неготь, негтиный, гремъ, шепеткомъ, фенарь, ревня (ровня). *Онъ* произносится какъ *ёнъ*. *О* произносится какъ *у*, напр.: *куль* (колп) и въ производныхъ отъ него, напр.: докуль, покуль, откулешный, и какъ *ю* въ нарѣчіяхъ: отсюль, досюль, и производныхъ: отсюлешный, досюльный и проч.

У. *У* произносится какъ *о* въ словѣ: убирать и производныхъ отъ него: оберать, сошка обрапа. *У* произносится какъ *ы* въ словахъ: быдь (будь), быдто, забыдущій, и какъ *я* въ словѣ: вышять (вынуть).

Ъ. Буква *ъ* почти всегда, а на концѣ словъ и во флексіяхъ всегда, произносится какъ *и*, напр.: сиверинь, свитёлъ мисяць, риценька, минка, мійсцо (мѣстечко), обиденка, золото не мидіетъ, серебро не зелизіетъ, гди (впрочемъ напр. *зди* (здѣсь) звукъ ятя приближается къ *е*). *Ѣ* произносится какъ *е* въ словѣ: бесѣда. Въ окончаніи сравнительной степени *ѣ* звучитъ какъ *я*, напр.: вѣрняе, скуряй.

Ы. Въ прилагательныхъ, оканчивающихся на *ный*, *ы* часто произносится какъ *і* (въ косвенныхъ падежахъ этихъ прилагательныхъ тоже слышится мягкая гласная, напр. дороднему, болотняя, больня); напр.: въ словахъ: соборній, дородній, болотній, подъугольній. *Ы* произносится какъ *у* въ словахъ: бувать (бываетъ), безстужій.

Я. *Я* произносится какъ *и* въ словѣ: забоплася.

Ъ. *Ъ* произносится какъ *ь* послѣ *и* (молодець) и въ окончаніи 3 лица множ. временъ настоящаго и буд. 1 спряженія, напр.: читають, поють, дають.

Ой, въ соединеніяхъ изъ предлога и глагола: имать. произносится какъ *ы*, напр.: пымать, сымать.

В. В въ предлогѣ *вз*[1]) не произносится, напр.: стрѣта, стокъ, (востокъ), зрадоваться, звеличать, спомню, незгода, здохъ. Когда необходимо нужно удержать звукъ *в*, тогда или между *в* и *з* вставляется *о*, или же употребляется предлогъ *вы*, напр.: высталъ въ сырой дубъ, соколъ вылетѣлъ въ дубъ, выздышулъ (взвелъ) хоромину. Иногда *в* произносится какъ *у*, особенно передъ *д*, напр.: у дѣвушкахъ, удовка (вдовица). Въ деревняхъ, гдѣ населеніе нынѣ и русское, но образовалось изъ обрусѣлыхъ Корелъ и Чудиновъ, такое произношеніе особенно распространено, напр.: лаука, дауно. *В* произносится какъ *м* въ словахъ: макомка, похматка, примицять (привѣчать, напр.: встрѣцяла-примицяла (привѣчала) молода жена, чтобы красныя дѣвушки примицяли (привѣчали).

Г. Звуки *г*, *к*, *х* передъ *н* въ срединѣ словъ часто не произносятся, напр.: выстецуть, стено (стегно), застецуть, стоспулося, смапулъ (махнулъ), столнулись, отомпуть. *Г* произносится у Пудожанъ какъ *м* въ словѣ: муница (гуня).

Д. Д произносится какъ *г* въ предлогѣ: *гля* (для).

Ж. Ж произносится какъ *з* передъ *н*, напр.: дорозный, рогозенный, порозный, мезень (бѣлка, битая позднею весною; но въ значеніи лѣтняго времени межень сохраняетъ звукъ *ж*), борозно (бережно), а также: зелизить (желѣзѣть); но въ словахъ: сяжно, корчажный, турыжный, ярыжный, натяжной, *ж* сохраняетъ свой звукъ. *Ж* употребляется вмѣсто церковно-славянскаго *жд*, напр.: межу, пробужается, посажены, одежа, допрежъ (прежде): иногда, очень рѣдко, *жд* является вмѣсто обыкновеннаго *ж*, напр.: саждають.

Зж смягчается въ *ждь*, напр.: пріѣзждялъ, поѣждяпе.

К. К произносится передъ *н* и *т* иногда какъ *х*, напр.: ехпуть, хто, и на оборотъ, напр.: клеспуть (хлеснуть). *Г* произносится какъ *к*, напр.: мяккой.

Л. Л произносится какъ *н*, напр.: ожереньице, гайнопще (хайлище), и на оборотъ: околница (оконница).

М. М произносится какъ *б* въ словѣ бладой (младой); *м* какъ *н* въ словахъ: на зень, о зень.

---

1) „Вз“ употребляется гораздо чаще чѣмъ „воз.“

Ш. Ш у Заонежанъ не произносится въ словѣ ташка (штанка), а у Пудожанъ произносится какъ *м* въ словѣ мтица (птица).

Р. Р произносится какъ *л* въ словѣ пелепелка.

Т. Т произносится какъ *д* въ словѣ оцюдиться (очутиться) и переходитъ въ *ч* въ словѣ скачёнъ (скатенъ, скатной).

Ц и *Ч. Ц* и *ч* постоянно употребляются одно вмѣсто другаго или, лучше сказать, обѣ буквы произносятся, какъ *ць*, напр.: чѣлый, чѣдить (цѣлый, цѣдить), молодець, умничя (или умняця), ларчя (или ларця), личо (лице), цейця (чайка), цюжой, вецёръ, поворьчюсь, (цирточька, соцькій); *ться*, произносится какъ *тьце*, напр.: колотитьце, давастьце; *тч* какъ *цць*, напр.: ришёццятый (рѣшетчатый).

II.

Вообще Олонецкое населеніе, особенно въ Заонежьѣ, любитъ мягкіе звуки и смягчаетъ не только гласные, но и согласные звуки.

Объ употребленіи смягчающихъ звуковъ и придыханій, замѣнѣ *э* и *ъ*, перестановкѣ словъ и сокращеніи словъ замѣтимъ слѣдующее:

1. Древнѣйшій твердый звукъ удержался въ глаголѣ *уродовать*, юродствовать; формы *единый* и *одиный* употребляются безразлично. Вмѣсто первоначальнаго мягкаго звука *е* употребляется *о* въ словахъ: одва, още, тобя, собя, какъ упомянуто выше.

2. Придыханіе *й* употребляется въ мѣстоименіи ёнъ, ёна, ёно, ёны. Въ косвенныхъ падежахъ мѣстоименія, когда предшествуетъ предлогъ, наставляется или *й*, или *н*, напр.: на ёмъ, на ёй, къ ёй, за нея за рѣчи [1]), за него перстни; *й* является въ срединѣ слова байна.

3. Придыханіе *в* наставляется въ словахъ: въюношь (юноша), Вольга, и удерживается въ словахъ: охвота, охвочъ, обворотистый, обвернуться.

4. Придыханіе *г* употребляется при стеченіи гласныхъ въ словахъ: пригузъ, погалзывать, (герликъ), и вмѣсто *ъ* въ словахъ: дружги (друзья) и тваргожина.

5. Вставка *о* и *е* при плавныхъ *л* и *н* употребляется чаще, чѣмъ въ прочихъ великорусскихъ подрѣчіяхъ, напр.: волога, че-

1) Пайной городъ (на иной), воспринемный.

рево, оболока, полонъ, добёръ, опережь, пело, соромъ, столобъ, хоробрый.

Въ пѣсняхъ употребляются впрочемъ и древнія формы: младъ, злато.

6. Вмѣсто *ь* вставляется *е*, напр.: смерстушка, полестися (отъ *льстить*), левымъ, верехъ, казень. Посредствомъ того же *ь* постоянно смягчаются звуки: *ж*, *ц*, *ч*, *с*, *ш*, особенно въ Заонежьѣ, напр.: молодчамъ, поцёсьтный, русьскій, Христосьскій, Шюньга (иногда даже Сюньга), оставежь, вьюношь, ськура (шкура).

7. Если слово начинается двумя согласными, часто наставляется *о*, напр.: обрыкъ, оплеть, Опсково, ортина, оскатный, охлобыснуть (во ходить, вм. входить).

8. Перестановка слоговъ чаще, чѣмъ гдѣ либо: долонь, гнила, бережа, заворыдать, суворый, незамочь, схарпывать, ребро (вм. бедро), тверезый (вмѣсто испорченнаго *подчивать* употребляется древняя форма *почтивать*).

9. Любовь къ сокращеніямъ крайняя: выкидываются не только отдѣльныя буквы, но и цѣлые слоги, какъ напр.: стокъ (встокъ, востокъ), здохъ, столнулись, застенулъ, поворьцюсь, жавроленокъ, мійсцо, видла, сидла, пугвиця, скаце, пляше, иде, радосенъ; не ходь, возь, гляй (гляди), не идь (не ѣзди), племякъ, племница (племяшшкъ), у мня, урки (уроки), набъ (надобъ); продолженныя древнія формы сохранились въ словахъ: комонь (конь), дочи, лечи, истопка.

III.

Вліяніе Кореловъ и Чуди, побѣжденныхъ предками русскихъ Олончанъ, Новгородцами, и загнанныхъ ими въ болота, горы и дебри, но во многихъ мѣстахъ живущихъ въ сосѣдствѣ съ потомками побѣдителей и съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе сливающихся съ русскимъ населеніемъ, обнаружилось не въ произношеніи звуковъ или наплывѣ финскихъ словъ, а въ удареніи. Сами Корелы заимствовали у Русскихъ всѣ слова, означающія культурные предметы и понятія, а изъ своего языка дали только *нѣсколько* словъ общеупотребительныхъ въ цѣломъ краѣ, а не у однихъ обрусѣлыхъ Корелъ. Я, по крайней мѣрѣ, знаю лишь слѣдующія: *пажа*, гной (пайзе), *лембой*, чортъ, *ламба*, озеро (ламбы), *кюрзіи* (Лодейп), блины (кюрзи), *парманъ*, оводъ (пуарму); изъ

корельскаго же языка я произвожу рѣченія: *гарюки*, литки (гарью, грива) и *занестужъ* (Лодейн.), толстая дѣвка (дьяра нейчуэть, по чудски, въ томъ же значеніи). Особенно интересно заимствованіе словъ: *малтать* (умѣть) и *рибуши* (тряпки). Корелы, нуждаясь въ словѣ *умыть*, взяли его изъ русскаго языка и передѣлали въ *мал-тида*; Русскіе, вѣроятно изъ подражанія Кореламъ или желая имѣть слово понятное и для себя, и для сосѣдей, обратили *малтада* въ *малтать* и употребляютъ его наравнѣ съ глаголомъ умѣть (напр. даже въ пѣсняхъ встрѣчается: онъ не малталъ Богу молиться). *Рибуши* происходятъ отъ корельскаго *рипакку*, которое есть ничто иное, какъ испорченное русское слово *тряпка*.

Въ корельскомъ языкѣ удареніе почти всегда падаетъ на первый слогъ; и у русскихъ Олончанъ, особенно у женщинъ, удареніе бываетъ очень часто или на первомъ слогѣ или на ближайшемъ къ нему, напр.: спа́сенье, во̀дяшкъ, жѝвуцись, на́пала, прѝшелъ, во́шелъ, моло̀дый. Предлогъ притягиваетъ удареніе на себя, а также и частица *не*, напр.: на̀емъ, про̀ тобя, ня̀ пойду, ня̀ хоцю. Въ пѣсняхъ слова произносятся правильнѣе.

Словообразованіе.

1. Глаголъ.

1. Прежде всего считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на употребленіе въ Олонецкомъ нарѣчіи, въ первоначальномъ видѣ, такихъ глагольныхъ корней, которые уже изчезли изъ прочихъ великорусскихъ нарѣчій. Таковы глаголы: отъ корня *ры*—рыть (бросать), напр.: рылъ эти письма скорописчаты; отъ корня *пя*—пясть (пинать), напр.: пялъ его правой ногой; отъ корня *ка*—кать; отъ корня *ска*—скать (раскатывать тѣсто), напр.: ски тѣсто; отъ корня *тя*—тясть, напр.: она тяла его за ноги; отъ корня *сэс*—ссать (сосать); отъ корня *ша*—шать (горѣть съ дымомъ, напр., ев. отъ Мато. XII, реймск. рукоп.: и льна вынь

шася не угасить), напр.: не шайте жараточки муравленые; отъ корня *лы* (откуда польза, льгота)—льзя, напр.: чтобы льзя было пройти; отъ корня *тыр*—тереть (толкать въ попыхахъ), напр.: бѣгутъ да трутъ между собой; отъ корня *ня*—нять (досадить); отъ корня *чу*—чуть, напр.: опъ это чулъ.

2. *Залоги.* Отъ первообразныхъ глаголныхъ и другихъ корней употребляются многія замѣчательныя производныя заложныя формы:

а. Дѣйствительныя, образованныя усиленіемъ звуковъ и примѣтою *а*: отъ корня *дь*—дѣять, отъ корня *пъх*—пахать (мести), отъ корня *ем*—имать (ловить), отъ корня *баж*—(санскр. бъадж) — бажать (любить), отъ корня *дм*—здымать (поднимать), отъ корня *тър*, черезъ существ. *торокъ*,—торыкать (ударять), отъ корня *кря* (крен)—крятать и сложныя: укрятать и скрятать (укротить, скрутить), отъ корня *тру* (трун—тру-нье, тряпки)—трыкать (рвать въ клочья), отъ сущ. *пай*—пасвать, отъ корня *крох* —крохать (починивать), отъ корня *чаг*—чагать (доставать), отъ корня *вър*—вирать (плести, напр.: вирать лапти), отъ корня *зъб* — зобать (ѣсть что либо мелкое, розсыпчатое, напр.: конь зоблетъ пшену бѣлояровую), отъ корня *шиб*—шибать (бросать).

б. Среднія: отъ корня *гра*—граять (каркать), отъ корня *гърк* —гуркать (ворковать), отъ корня *гык*—гыкать (о лебединомъ крикѣ), отъ корня *щект*—щектать (напр., по соловьиному), отъ корня *глуд*—глуздить (скользить), отъ корня *бас*—басить (выказывать себя красивымъ), отъ корня *зык*—зыкать (кричать, скоро бѣгать безъ цѣли), отъ корня *рык*—рычать (кричать), отъ корня *кур*—курить (скоро ѣхать на лошади), отъ корня *щеп*—щепить (щеголять), отъ корня *леб* (откуда лебезить ъ) — лебсять (шлепать по мокрому), отъ корня *гам*—гомотить (шумѣть), отъ корня *вик*— викать (пищать), отъ корня *мызъ*—мызгать (лаять), отъ корня *удни*—удновать (спать въ удни), отъ корня *ретъ*—ретовать (сердиться); отъ существ. *обида*—обидовать (обижаться), отъ сущест. *ступа*—проступать (пробивать ногами настъ и вязнуть въ снѣгѣ), отъ сущест. *грязъ*—прогрязывать (пробивать ногами тонкій слой засохшей грязи и вязнуть въ грязи), отъ сущест. *уродъ* (юродивый) — уродовать, отъ существительныхъ: *чашникъ*, *посолъ*, *стольникъ*, *постельникъ*, *подворникъ*, *крестьянинъ*, *толмачъ*, *судья*, *баба* (въ знач. повивальная бабка)—чашничать, посольни-

чать, постельничать, подворничать, крестьяновать, толмачить, судьячить, бабить.

в. Дѣйствительныя съ примѣтою *и*: отъ корня *тыр*—торить, (напр. коня, т. е. торопить ударами), отъ корня *кор*—корить, отъ корня *пыр*—пружить (опрокинуть, напр.: опружить сани), отъ корня *хут*—хутить (прятать), отъ корня *лад*—ладить[1]), отъ корня *рядъ*—рядить, отъ корня *ша*—(шаль, шальной)—шавить (говорить пустяки, напр.: что ты шавишь), отъ корня *гал*—галить (проказничать), отъ корня *роб*—робить (работать), отъ корня *крут*—крутить (одѣвать), отъ корня *гонош*—гоношить (копить), отъ существ.: *дрока*, *тынь*, *вдова*, *слеза*, *скорбь*, *перо*—вопросительные глаголы: дрочить, тынить, вдовить, слезить, скорбить, перить, напр.: дрочить сына по головѣ, тынить тынъ, вдовить женъ, слезить матерей, скорбить лице, стрѣлы перены перьпма орловыма: отъ мѣстоименія: *двои*, *трои*, *четверы*—двоить на двои, троить на трои, четверить на четверы.

г. Среднія съ примѣтою *ѣ*: *модѣть* (напр.: дрова модіютъ, т. е. тлѣютъ; онъ модіетъ, т. е. слабѣетъ), *мѣдѣть* (напр.: золото не мидіетъ), *желѣзѣть* (напр.: серебро не зелизіетъ); сложныя формы: *за-колодѣть*, *за-муравѣть*, *повы-щербѣть*, *призагормовѣть* (заплесневѣть), *про-свѣтлѣть* (зоря просвѣтлила), *порозсвѣтѣть* (мѣсяцъ порозсвѣтѣлъ), *съдатѣть* (начинать сѣдѣть).

д. Среднія съ примѣтою *ну*: *елнуть* (дрожать отъ страха), *вереснуть* (лопнуть съ трескомъ), *перехолоднуть*, перезябнуть, перемокнуть, *надолызнуть* (соскучиться), *затухнуть* (околѣть, употр. о боровѣ)[2]).

е. Среднія, принимающія съ наставкою предлога значеніе дѣйствительнаго глагола: отъ *спѣть*—доспѣть (приготовить), *ступить*—доступить (достать, добраться) *лучить-ся*—излучить (добыть, напр. птицу), *гуркать*—прогуркивать, *забавить* (мѣшкать)—призабавить (промѣшкать, напр.: мѣстечки всѣ призабав-

1) Ладить и рядить употребляются въ самыхъ многоразличныхъ значеніяхъ: лажу сани, обѣдъ, шубу (поправляю), чай; ладилъ ему поединщика; ладился жениться, въ путь; рядить ряды, рядила къ нему чару, наряжай (лошадей), нарядить (привести въ порядокъ); было намѣренье наряжено.

2) Изъ этихъ глаголовъ только оба послѣдніе отбрасываютъ примѣту въ прошедшемъ причастіи (надолызъ, затухъ), прочіе же удерживаютъ (елнулъ, вереснулъ, перехолоднулъ, перемокнулъ, перезябнулъ).

лены), *стать* — обстать (стать около), *грать* обграть (черну ворону силы не обграяти), *кучить* (отсюда с-кука, с-кучать) — напрокучить.

ж. Возвратныя: сряжаться, отодраться (въ смыслѣ отдѣлиться), ворохнуться, хутиться, окичаться, прощаться, (просить себѣ прощенія), прищивиться (пристать плотно), волочитися, выславиться (разсказывать о своихъ подвигахъ), задаться (поступить въ обученіе или службу), бахвалиться, испровѣщиться, крутиться (одѣваться), крянуться (тронуться съ мѣста), ладиться (собираться, напр.: ладился въ путь), объявиться (оказаться), тощиться, держаться (носиться), обрядиться (прятаться), повернуться (оборотиться), поостопаться, изниматься (выдѣлывать тѣломъ штуки), пріогрюшиться, подлыгаться, пристрашиться, доложиться (выпроситься, напр.: доложусь въ гостебище), спознаться (дать себя признать), сподобляться (готовиться).

з. Общія: подумиться, тулиться (прятаться), отслышаться (непослушаться), изнедобиться (обезсилѣть), изгодиться (ослабнуть), попакпуться (согласиться), издаваться (удаваться), поводиться (случиться), застояться (остановиться), извѣриться (выйти изъ вѣры), пересѣсться, молитвиться, помшиться (обломаться), раскрежаться, ископытиться, нажадѣться (почувствовать жажду), обзариться, похвалиться, лучиться (случиться), собиться (быть не по себѣ), распастаться (распоясаться), суровиться (рѣзвиться), разбракаться (разболтаться), супротивиться, прохватиться.

и. Возвратныя, вмѣсто общеупотребительныхъ дѣйствительныхъ и среднихъ: посягнуться (на грѣхъ, на свои руки), завернуться (на дворъ), начаяться (незгоды, — и въ тоже время — начаять перемѣну), ставиться (силы мало ставится), играться (головами играемся), качаться (сама себѣ головушкой качается); на оборотъ, среднія формы употребляются вмѣсто общеупотребительныхъ возвратныхъ: кручинить, печалить, напустить (Добрыня кручинитъ — печалитъ; ежелибъ было столько силы поганой, напустилъ бы).

3. *Виды.* Въ образованіи видовъ замѣтимъ:

а. Усѣченныя формы для обозначенія мгновенности дѣйствія: заржай бурка по звѣриному; не смѣй Добрыня къ поленицѣ подъѣхати.

б. Формы, образованныя усиленіемъ звуковъ: гонить (гнать).

накваснть, втерать (вставлять), молитвиться, подлыгаться, потыкаться, столыпаться.

в. Формы, образованныя продолженіемъ окончанія глагола помощію звука *а* или *я* и *ва*: отложать, (отмыкать), кладать, владать, кухнать, потыкаться, пошатать, дивовать (удивляться), обидовать, ретовать, гибаться, взимать, уродовать (удается, издается, дается, остается).

г. Формы многократнаго вида, образованныя продолженіемъ окончанія глагола помощію звуковъ *ыва* или *ива*: лѣсывать, укладывать, попинывать, отщалкивать, оттрагивать, продрыгивать, притычивать, погалзывать, пофурскивать, прогрязывать, споравливать, выздыновать, пріонихивать, подрачивать, пересмѣтывать, пожаливаться, поднахивать: особенно замѣчательны формы: пивалъ (вм. пивывалъ), воивалъ (воевывалъ), поддаивать (поддавывать).

д. Формы, образованныя окончаніемъ *ну*: сколнуть (сколотить), сустигнуть, оброснуть, здынуть, загонуть (загадать), отгонуть, склеснуть, глянуться, крянуть (двинуть), пріужахнуться.

е. Многочисленныя и разнообразныя формы, образованныя приставкою предлоговъ. Въ Олонецкомъ подрѣчіи сохранились, съ предложною надставкою, многіе древніе глагольные корни, какъ напр.: залѣсть (найти), завѣчать, привѣчать (ласково встрѣчать). Предлоги легко наставляются по два и даже по три, напр.: воспрокудиться (отъ корня кудес), поизувалить, испровѣщиться, повыздынуть, понаводить, попадѣться, поостопаться, призагормовѣть, пріокинуться, споноравливать, исповыкупить, исповыручить.

ж. Формы совершеннаго вида: сгрѣлить и скочить.

Особенно замѣчательно образованіе глагольныхъ формъ съ помощію наставки предлога *по* для обозначенія приготовленія къ дѣйствію: отъ глаголовъ итти, ѣхать, вести, везти и нести—*походить* (собираться идти, напр.: онъ походитъ въ церковь), *поизжать* (напр.: поѣзжаетъ Иванушко жениться), *поносить* (напр.: не пьянъ, а поноситъ т. е. начинаетъ тошнить), *поводить* (напр.: Добрыня поводитъ Настасью въ палаты), *повозить* (напр.: мы еще не сбираемся, а сусѣды повозятъ товаръ на ярмарку).

Замѣтимъ здѣсь же употребленіе формъ, образованныхъ чрезъ рѣдко встрѣчающееся въ русскомъ языкѣ удвоеніе корня: даденъ

(мнѣ былъ въ тѣ поры даденъ рубликъ), облелѣять (облить, напр.: точно вешнія воды облелѣяли).

4. *Дѣепричастіе и причастіе.* Дѣепричастіе настоящаго времени образуется исключительно посредствомъ окончанія *учи, ючи, учись, ючись*: ходючись, бродючись, сядучись, поѣдучись, глядючись.

Причастіе настоящаго времени дѣйствительнаго залога не употребляется, а употребительны производныя отъ него отглагольныя прилагательныя на *щій* и *чій*. Первыя обозначаютъ значительную силу и какъ бы превосходную степень дѣйствія, выражаемаго глагольнымъ корнемъ: говорящій (эпитетъ орла), спящій (спящее зелье, повергающее въ непробудный сонъ), забудущій (повергающій въ забвеніе, отнимающій память, напр.: питье забудущее), плящій (огни плящіе — ярко горящіе; морозы плящіе — жгучіе, по стужѣ, какъ огонь), злющій, порящій (необыкновенно сильный). Вторыя обозначаютъ, что дѣйствіе, выражаемое глагольнымъ корнемъ, составляетъ постоянную принадлежность предмета. Олонецкое подрѣчіе особенно богато такими прилагательными: ѣ*ду*чая корова, топ*у*чее болото, толкучія горы, двигучій камень, рыскучіе и рыкучіе звѣри, клевучія птицы, капучая смола, зыбучая ольга, свистучій соловей, сверкучая молвія (молнія), пѣвучія птицы, поскакучій горносталь, вертучій человѣкъ, сходучая луда, шумячій порогъ.

Дѣепричастіе прошедшаго времени дѣйствительнаго залога на *въ* употребляется, но рѣже, чѣмъ на *учи, ючи*. Причастіе на *шій* переходитъ въ отглагольныя прилагательныя, напр.: платье умершее (траурное). Сюда же надобно отнести прилагат.: овершій, опрокидывающійся, напр.: кровать овершая. Отъ древняго причастія на *лъ* происходятъ слѣдующія формы: а, прилагательныя на *лый*: бывалый, стоялый, упалый (отъ корня *пад*), тухлый (отъ корня *тух*, напр.: тухлое око — померкшее, тухлый громъ — глухой), зябльій (хлѣбъ — позябшій), огорѣлый (напр.: корка), даже отъ глагола дѣйствительнаго *видѣть* — видалый (много мудрости видалый); б, существительныя на *ль* съ вставкою *е* послѣ корня: за-пек-е-ль.

Причастія настоящаго времени страдательнаго залога не употребляются; но съ помощію ихъ суффикса образуются слѣдующія формы: а, прилагательныя: грозимый, сладимый, незнаемый,

невѣмый (невѣмъ собою), не жалимый; б. существительныя съ помощію окончанія *мен*: сухмень, знамя (родимое пятно), ѣмины, сѣмины. Сюда же я причисляю существительныя: рамень, раменье (дремучій лѣсъ), производя ихъ отъ корня *ра*, отъ котораго происходятъ: ра—ть, ра—жій.

Причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога употребительно, какъ причастіе, только въ усѣченной формѣ: по колѣнъ у бурушка было въ грязи угрязнуто, вожено, брато, ловлено, уѣхано, хожено; боротось, побратанось, помѣненось; во сыромъ бору байна ропена, на добрыхъ-то конлхъ вожена, по рѣкѣ байна приплавлена, по край бережку поставлена, мшона байна лисицамы, крыта байна куницамы.

Помощію суффиксовъ *н* и *т* образуются: а, прилагательныя: задвешный (забвешный, напр.: забвешный уголокъ), бажоный, порученый или обрученый (княжна порученая), браный (узорчатый), носный, кормленый, точеный, сажоный (стрѣла перьицомъ сажоная), орленый (стрѣла орленая), плаченый (одежда плаченая), переный (крыльце, стрѣла), виженый (видный), ожуреный (кусокъ), нехоженый, сряженый (явства сряженыя), нелегченый (конь), покореный (родня покореная), куреный (изба куреная), сѣченый (грядка сѣченая), полоненый; б, существительныя: побытье, рукобитье, посаженье или посажденье, образованье (благословенье образомъ), щеплепье, наказаніе (наказъ), изученіе (знаніе обычаевъ), кончепіе (смерть), столованье, щектанье; курень (лѣсная изба, отъ *куреный*), сочень (тонкій блинъ, отъ корня *скать*); упрашивальникъ, умоленникъ.

Отъ причастнаго суффикса *тр* образовались существительныя съ окончаніемъ *тай*: ратай, содержатай, сбережатай, ходатай; съ окончаніемъ *тель*: зазыватель, настоятель (правитель).

Неокончательное наклопепіе послужило къ образованію многосложныхъ формъ, изъ которыхъ замѣтимъ: 1, прилаг. вѣсто, (извѣстно); 2, сущ.: рать, драпь (все что̀ можетъ изодрать звѣрь), рвапь, спень (сонъ); 3, существ. на *ло:* вертило (вертунъ), лощило (щеголь), вякало (постоянно вякающій), обирало (скупщикъ дичи); хайло, полохало (пугало), сѣдало (насѣсть), ходило (лопатка), трепало, кружало.

II. Мѣстоименіе.

Изъ указательныхъ мѣстоименій замѣчательны:

1. *Сей, сія*, еще употребительныя.

Примѣчаніе. Прибавку *съ* въ выраженіи: «Кіевъ градъ очень красивъ *добрись*», я считаю не производною отъ *сей*, а происшедшею етъ слитія *добръ* и *есть*.

2. *Эвтотъ* для обозначенія предмета, ближайшаго къ 1-му лицу, *эстотъ* для обозначенія предмета, ближайшаго ко 2-му лицу, и *энтотъ* для обозначенія предмета, ближайшаго къ 3-му лицу или самаго отдаленнаго (сравни *вотъ*, *вося* и *вонъ*, напр.: вотъ тутъ — ближе ко мнѣ; вося, что̀ *ты* выдумалъ; вонъ тамъ — ближе къ нему). Эвти деньги отдамъ тебѣ завтра. Тебѣ съ эстою удачею молодецкою наквасить рѣка будетъ Волхова. Пѣвецъ, описывая человѣка съ сумочками (см. Сборника нашего часть III, 1. 14) и обращая сначала на него все вниманіе, а за тѣмъ, вводя снова въ дѣйствіе Святогора, говоритъ: они съ *эстымъ* человѣкомъ въ полѣ съѣхались. Въ эвту избу не пойдемъ а пойдемъ въ энту. Эпта изба (вонъ та).

3. Указаніе на отдаленный предметъ, безъ опредѣленія степеней близости къ говорящему, обозначается мѣстоименіемъ *той, тая, тое*.

4. Отъ личныхъ мѣстоименій происходятъ производныя: *ейный, а, о* (ея) и *ихный* (ихъ), *нашій* и *вашій* (вѣру вѣруетъ не нашую).

5. Отъ возвратнаго мѣстоименія *собя* происходятъ глаголы: собить (нѣжить) и собиться (Ильѣ Муромцу не спится, мало собится).

6. Вопросительное мѣстоименіе въ первообразной формѣ своей вполнѣ сохранилось: кака у тя кумоха? кая болѣсть! ты коей земли?

7. Отъ отрицательнаго мѣстоименія *ничто* происходитъ существительное: ницевушка (ничего не знающій).

8. Неопредѣленныя мѣстоименія образуются присоединеніемъ частицы *ни:* кто ни, це ни (что ни). Сравни: куды ни.

Чрезъ мѣстоименные суффиксы образовались:

1. Прилагательныя: одинъ — акій, другоякій, всякоякій, равнакій.

2. Существительныя съ суффиксомъ *ин* для обозначенія единичности: поѣзжанинъ, заморянинъ, чужанинъ, чужбининъ, челядинка, папогощапы, купчина, богатина; березина (вѣтвь березовая), райдина (райда — сухая ива), черемшина, тесина, мостина и мостовина; крупина, теплина, лучинина, заколина, скалина, глушина, лядина, ободверина, пропадина (противоположно собирательной формѣ *упадь*), уразина (одинъ ударъ и послѣдствіе отъ него), собина, хмѣлина.

III. Существительное.

Особенно замѣчательно свободное образованіе существительныхъ приставкою родоваго признака къ глагольному корню: щипъ, волокъ, смородъ, ломъ, (завалъ въ лѣсу, деревья поломанныя бурею), слыхъ, щепъ (щепомъ, щепить), торокъ, гадъ, гнусъ, шипъ, здымъ, крякъ, разъ (отъ того отъ разу отъ велпкаго), махъ, юкъ (звукъ), палъ; омехъ, про-визгъ, помахъ, призоръ, приборъ, покоръ, па-ростъ (время стечки), нажимъ, суемъ (сходка), ометъ, наметъ, ободъ, суслонъ, суметъ, наконъ, перегрузъ, перебѣгъ, перекладъ, переходъ (ходы въ сѣняхъ), заколъ, заносъ, напускъ, паужинъ, набѣдъ, насадъ; вой (война; здѣсь *й* принадлежитъ корню глагола); нуда, байна (баня), страда, остуда; извара, пора, дрока, вырука, поволока, прека (за преку ему стало), сляча (слякоть), шюра (подводная мель, — отъ корня *ныр*), прета, тяга, скуда, середа (полъ), стрѣта, кожемяка, залога, туга, волоча (волочайка), ноча, пята (конецъ стрѣлы, противуположный острію), *олма* (болото), чета (причетники), блеста, назола, покраса, розорва, прорва, оборва, шоболда, заступа, укрѣпа, ступа, нужа (пужда), оброна, удроба, погона, лада (о мужчинѣ и женщинѣ), гуля (по гулямъ); галь, глудь, дробь, дребь, увалъ; падь, сыть, (*мснь*), выть, рель, ступь, ссыпь (все ссыпное), шаль; уповодь, подкопь, порядь; удни, жолви, верши. Къ этимъ же первообразнымъ существительнымъ принадлежатъ: хортъ, куръ, портъ (иный хвастаетъ портомъ), голь, стѣнь, пьянь, долонь, чадь, свѣсь, пело, плесо, красно. Присоединеніемъ родоваго признака къ корню образованы также: подниз-ь, ископыть, заводь, завѣтеръ, заберега.

Затѣмъ замѣтимъ существительныя образованныя посредствомъ суффиксовъ:

а, *б*: корба (чаща, отъ *кор-ень*), куделба (отъ кур-ить; съ переходомъ *р* въ *д*), гульба, гостеба, жадоба, худоба; колобъ (отъ корня *коло*).

б, *в*: усова, жирова (отъ *жира* жизнь), яидова, лыва (лужа), арава, огиева, сдержава, халява, сугрѣва; перпево, марево, тулово (*тул*, тулый), бѣливо (бѣлила), курево, черево, буево.

в, *д*: ромада, райда, луда (мель).

г, *р*: жира (отъ *жи-ть*), падара (буря).

д, *ч*: *ачъ*: косачъ (тетеревъ), ригачъ, рогачъ, *режачъ*, (10 сноповъ ржаныхъ, сложенныхъ въ кучу), тукачъ (охапка соломы), робачъ (*сухос* и суковатое дерево, отъ того же корня райда — *сухая* ива); *цъ*: деревепецъ, выжлецъ.

е, *арь* (для означенія лица дѣйствующаго): жихарь (жилецъ), дегтярь (птица). Кромѣ того: мизгирь (паукъ) и кос-орь (тупой ножъ; отсюда косоровать).

ж, *ах*, *их*, *ох*, *ух*, *юх*: птаха (птица), парядиха, замашиха, засадиха, сдерпха (головной уборъ, поддерживающій сороку и сдерживающій вмѣстѣ волоса), кумоха (бѣда, отъ *кума* — лихорадка), галуха (забавникъ, потѣха), веснуха (лихорадка), жаглуха (ящерица, отъ *жечь*, *жечь*), скакуха (лягушка), колюха (сорная трава). Этимъ же суффиксомъ образованы: клюха (клюка), пороха (пороша), жалуха (жалость), доюха (дойная корова и дровни), отжинаха (пирушка послѣ жатвы).

з, *ина* (для обозначенія вещества): собачина, простина (холстъ), рядпина (тоже), браиина (узорчатая ткань), варенина (вареное мясо), палтусина (мясо палтуса); (для обозначенія происхожденія): дѣдина, пзотчина; (для обозначенія качества): большина, (власть начальства), бѣлина (бѣлизна), ставины (красно), проводины, хлѣбины.

и, *ище* (для означенія орудія и средства): чинжалище (ножны кинжала), шалыжище (ручка шалыга); (для означенія мѣстности): домовище (гробъ), гостебище, паволокище, верховище; печище (отдаленное селеніе); (для означенія мѣста, гдѣ было дѣйствіе или мѣстонахожденіе обозначаемаго корнемъ): стлище (гдѣ разстилаютъ ленъ), рѣпище, льнище (гдѣ сѣяли рѣпу и ленъ), огнище (гдѣ былъ разведенъ огонь), нивище (гдѣ были нивы), сельбище (гдѣ было селеніе).

і, *сть*: супость (злоба, отсюда *супостатый*), лихость, ближ-

ность, живность, (засталъ его въ живности), дурость, шевелимость.

к, *щ*: сроща (выростившая ребенка).

л, *ство*: богачество, сирочество, художество (отъ худоба — имѣнье), угожество, имество (имѣніе).

м, *унъ* и *юнъ* (для обозначенія лица дѣйствующаго): хотенъ (хотеня), ѣдунъ, ѣздунъ, ходунъ, хлоптунъ, еретунъ, шептунъ (всѣ эти три слова обозначаютъ колдуна и упыря), воркотунъ, шпгайдунъ (непоротливый), лявзунъ (болтунъ), чанжунъ (говорунъ), мяляндунъ (крикунъ), горюнъ, падунъ (водопадъ).

п, *анъ*, *янъ*: челпанъ (непочатый коровай), кожанъ (верхнее платье изъ кожи), саянъ (одежда), колсанъ (колчанъ), баранъ (мѣра), губанъ (птица), братанъ (двоюродный братъ).

о, *ш*: мурашъ, миляшъ; катышъ, гладышъ.

п, *с* и *з*: мелузъ (мелкіе высѣвки), ряса (мокрота), туюсъ, ропасъ (бугоръ льда). Послѣднія два слова, кажется, не русскія.

р, Мѣстоименные суффиксы *ак*, *ок*, *як*, *юкъ*: большакъ, казакъ (наемный работникъ), сипакъ, ходакъ (сапогъ), водакъ (проводникъ), видокъ, зимнякъ (вѣтеръ), кремлякъ (твердаго характера человѣкъ), хухлякъ (замаскированный), ветлюкъ и канюкъ (птицы).

с, *га*: ляга (лужа), чичега (иней), сорога (рыба), шольга (трава), тяпуга (мелкая рыба), пяртега (мѣра), солодяга, почерпуга, пурьга (буря), сельга (селеніе), брюдга (провожатая женщина), румега (шелуха, можетъ быть отъ корельскаго *руомень—плевелы*), шалыга.

т, *та*: ласкота, бѣлота, вальгота, могута, подлипута.

у, *ша*: горюша (бѣдная), щелкуша (болтливая баба), клюша (клюка), шолнуша (темная комната за печью).

ф, *са*: воюкса (плакса), плакса (въ собир. значеніи: всѣ плачущіе).

х, *ма*: горма (трава), пельма (рыба).

ч, *ка* и *ца*: смолька (стрекоза), похожайка, загожка (кукушка), сойка (птица); чайца (чайка), липка (бабочка), ворошица, галица, колпица, турица, билица; ухватка, укладка, упадка, наслышка.

ц, *нъ*: липень, свистень (непосѣда), кречень, лубень, ступень,

верзш, обочень, отростень, бучень; (для обозначенія времени): межень, ясень, темень.

ч, *ня*: гупя, сходня, мыльня, ложня, братыня, крошня, пожня, ровня; *нь*: пустынь, закопань.

ш, *ля*: куделя, чечуля; *ль*: комель, могуль (могуль—птица могутная).

щ, *ій* и *ія*: сестрія (двоюродная сестра), надія (надежда), молвія (молнія); надій (надежный человѣкъ), опехтюй.

ъ, *мя*: голомя, шеломя, струмя (стремя).

ь, *зо* и *сто*: монисто, огнищато, пенензо.

я, суффиксы для обозначенія коллективности *ад*, *ед*, *яд*: щенять, мокредь, теплядь, темедь; *ак*, *як*: листнякъ, косякъ (табунъ); *ье*: витье, павитье, дубье, колодье, сметье, пепье, гвоздье, ямье, щилье, жеребье (рубленый свинецъ); (вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстности): подкопье, поднебесье, затресье, загуменье, лукоморье, затонье, палучье; (вмѣстѣ съ коллективностію и времени): безполье, бездорожье, безвременье, обочье, пабидье, сѣнограблепье, сполье, безволье. Безвѣчье, очелье.

Изъ употребляющихся только во множественномъ Олонецкому подрѣчію свойственны, кромѣ вышеприведенныхъ: охарагки, счастки, умои, потеменки, шалги, шарки, имачки.

Многія существительныя имѣютъ въ Олонецкомъ подрѣчіи иной родовой признакъ, чѣмъ въ прочихъ великорусскихъ: холма, оболока, пшена, проступка, поприща, крылосо, яблакъ, острей; вьюношъ, путь (по той-ли пути).

Вмѣсто *иня* употребляется *ини*, *ина*: княгиня, государыня или княгини, государыни; вмѣсто дочь—дочи, мать—мати.

Увеличительныя, уменьшительныя, ласкательныя и унизительныя въ большемъ употребленіи, чѣмъ гдѣ либо:

а, Уменьшительныя образуются съ помощію общеупотребительныхъ суффиксовъ *к* и *ц*: Садке, воронке, челочекъ (коронка), борчикъ, вьюнчикъ, стойка, стонка, тычка, истопка, знадебка, лумка (ямка), исподка, здымка; голячокъ; счастки, умоечки; бездорожища, поселища, божища, дѣльница, подпольница, ровница, маломошница; коковка, тянушка; крылецъ, яснецъ, дубецъ, типецъ, ставецъ, щилецъ, корецъ, свѣтецъ, малецъ.

б, Ласкательныя съ помощію суффикса *ен* и надставнаго *уш*, *ыш*, *ел* къ суффиксу *к*, а также черезъ суффиксъ *це*: спозарань-

ище, раставанье, покладье (кладбище), провожанье, посажденье, гостибье, гостьба; жируха, ровнюшка, остудуха, кудерышки, смеретуха, волокитуха, пешутуха (жена брата), капелюшка, лѣсышко, утрышко, судешко, озерышко, свѣтышко, слезуха; дороженька, обѣденька; брателко, чаделко.

в, Уничительныя съ помощію суффиксовъ *ыг, яг, ня, ря*: базыга, булыга, холостяга, звяга, верещага, монига, малыга, мелюзга; моня, шшимоня; сонуря.

г, Увеличительныя, черезъ суффиксы *ище* и *ина* (съ браннымъ оттѣнкомъ): мужичина, ортина, халуина, холопина, тваргожина; гайпопще (хайлище), уродище, сынище, огужище, мужище.

Смягчительныя формы распространяются и на другія части рѣчи: охти мнѣшеньки, скорехонько.

IV. Прилагательное.

Прилагательныя образуются чрезъ суффиксы:

а, *р*: просторый (просторный), матерый.

б, *к*: глудкій, поверткій, емкій.

в, *л*: тулый, подхилый, полый, рохлый (незрѣлый).

г, *н*: набѣдный, дородный, сверстной, зорной, ярыжный, турыжный, зычный, темный (слѣпой), озлобный, надійный, могутный, порной, огулыный, меженный, вальявочный, гусельный, земельный, дубяный, вѣчальный, злодѣйный, попосный, волжаный, медвяный, огульный, мѣстный, смородный, волокитный, безпосулыный, рядобный, жадобный, доходный (доходящій), уходный, запольный, завозный, зарукавный, издачный, спарядный, сесвѣтный, свычный, розливный, пролстный, ометный, подневольный, подорожный, натяжной, маломочный, полномочный; ружейная (комната), лучейная; сяжно.

д, *ав*: хупавый; *ов*: яловый, щитовый, багрецовый, ясновый, варовой.

е, *ив* и *ливъ*: наступчивый, обжорчивый; завидливый, застойсливый, задумсливый, щепетливый, упачливый, омансливый (обманчивый), захвастливый, ретливый, тощливый, поклонливый, покорливый.

ж, *ат*: сѣдатый, зубатый, супостатый; яровчатый, берчатый, бручатый, жаровчатый, собольчатый, шеломчатый.

з, *аст*: зубастый, кубовастый.

и, *ист*: обворотистый, крякновистый, ступистый, надвѣсистый, удопстый, разтрубистый, поджимистый.

Изъ относительныхъ прилагательныхъ, кромѣ приведенныхъ при суффиксѣ *н*, укажемъ: княжая (брюдга, боярыня), дѣвочій. Суффиксы *инъ* и *овъ* употребляются безразлично: батюшковъ и батюшкинъ, соловьевый и соловьиный.

Изъ образованныхъ посредствомъ суффикса *ск* приведемъ: безхозяйскій, польскій (польскій воронъ), княженецкій, отецкій, яровицкій, волшенскій, Иваньскій, Христосьскій.

Отъ прилагательныхъ на *скій* образованы существительныя при помощи суффиксовъ:

а, *ина*: халебщина (даровщина).

б, *икъ* и *ища*: рядовикъ (пирогъ съ житными блинами), рыбникъ, гороховикъ (пирогъ), косовикъ (пирогъ), житникъ (пирогъ изъ ячменя), молочникъ (трава), гогарникъ (трава); колосникъ (снопы), грязникъ (мѣсто на дорогѣ, на которомъ всегда вода), денникъ (огороженное мѣсто для корма скота), падлавочникъ; грубникъ, пятникъ, потникъ, рукотерникъ, ручникъ; медовикъ и медуница; замолотникъ, подворникъ, метельникъ, присѣшникъ, пособникъ, супротивникъ, нетельникъ, товарникъ, кроватникъ, лопатникъ, падлетникъ, рожникъ, челядникъ; дворовикъ, баенникъ, водяникъ, лѣсовикъ, домовикъ, ригачникъ; басощикъ, опытовщикъ, собольщикъ, постельщикъ, пищикъ, думщикъ, позовщикъ, общѣнщикъ; порутчикъ (порука), челомбитчикъ; наложница (постельница), воплешница, плакальщица, горетница, пашница, перемѣнщица, стравница, пособница, бральщица (ягодамъ), ломальщица (рыжикамъ), трудница.

Изъ смягчительныхъ суффисковъ *сшенькій* употребляется очень свободно: любешенькій, станешенькій, низешенькій, долгошенькій, широкошенькій.

Качество ослабляется суффиксомъ *оватый*: шатоватый, нечаловатый, кручиноватый, валоватый, зубоватый (противоположно *зубастый*), стуловатый, человѣковатый (дѣвушка, которой скоро пора замужъ, называется человѣковатою).

Въ степеняхъ сравненія замѣчательно образованіе превосходной черезъ надставку *наи*: напстаршій, наплучшій.

V. Числительное.

Дробныя числа съ прибавкою *пол* образуются весьма свободно: полтретья, полпята (полпята ведра).

VI. Нарѣчіе.

Изъ первообразныхъ формъ укажемъ: здѣ, ту, нани; затѣмъ: сутычь, поцяй (почти).

Изъ суффиксовъ нарѣчій замѣчательны:

а, *съ* для обозначенія прошедшаго времени. зимусь (прошедшей зимою), веспусь, осенесь, лѣтось, ночесь, утрось, лонись, опогдась.

б, *ль*: докуль, досель, посель.

в, *жды*: двожды, трожды, другожды, шножды (вм. шногда).

г, *чу*: теперечу, шпечу (шпечку), давечу.

Съ помощію падежныхъ окончаній образованы: шѣхотою, пѣшомъ, нападкою, силомъ, передомъ, окаракою, вечеру, утрѣ, сегоду, дивья. —

Отъ прилагательныхъ нарѣчія образуются также свободно, какъ и въ прочихъ великорусскихъ говорахъ: кроваво (сильно), раже, дюжо, просто (легко), столько (въ значеніи *только*); паче, пуще.

Изъ сложныхъ нарѣчій замѣчательны: наопако, напавороть, впотай, наоколъ, натодиль, позаочь, отдали, споволи; поверсту, на испашку, въ топкую, понапрасные, заобщая, въ упалу, за маленька, вдругорядь, по другому.

Отъ нарѣчій происходятъ прилагательныя: досюльный, досюлешный, откулешный; въ особенности же замѣчательны: *тамый* (я изъ тамаго изъ города Муромля) и *вонный* (на вопную сторону).

VII. Предлоги.

Предлогъ *черезъ* употребляется и въ видѣ нарѣчія: дни на черезъ, черезъ перестрѣлилъ.

Кромѣ общеупотребительныхъ предлоговъ изрѣдка употребляется *пра*: пра бережку.

Предлогъ *въ* иногда удвоется: вовъ чистомъ полѣ.

Въ видѣ предлога употребляется *край*: край пути дороги, край сиия моря.

Изъ слитныхъ предлоговъ замѣтимъ:

а, *па*: для обозначенія въ сложныхъ словахъ черезъ наставку *па* неразвитія или преждесуществованія того, что̀ выражается корнемъ: падчерица, пасынокъ, паужинъ (ѣда до ужина послѣ обѣда), пабѣдъ (ѣда до обѣда), павитье (молодые вѣтви), паморокъ (неполный мракъ), пабѣда (бѣда не вполнѣ), пакисель, памха, паполза, паскуда, пасока, пачесы.

б, *су*: сувой, сугрѣво, сугрѣва, сумленье, сутычь, супостатый, супротивный, сусѣдъ, сугона, сустигнуть, сурядиный, суметъ, суслонъ, суемъ.

в, *вы* вмѣсто *воз*: выстать, вылетѣть (см. выше).

г, *за* для обозначенія мѣстности закрытой тѣмъ или отъ того, что̀ выражается корнемъ слова: завѣтерь, затресье, заводь, заберега, затопье, заколье, закопань, загуменье, застолье.

VIII. Союзъ.

Изъ союзовъ первообразныхъ замѣчательны: бывъ (будто), ипъ (а между тѣмъ); изъ сложныхъ: ажно, альни, сяко (сяко надоть? — надоли? сяко дать? — датьли?), почто (зачѣмъ), естьбы (ежелибъ).

Для усиленія прибавляютъ частицы *ка* и *ва*: здѣ-ка, мнѣ-ка, мнѣ-ка-ва, здѣ-ка-ва.

Слова сложныя.

Изъ сложныхъ существительныхъ замѣтимъ: большоуголъ, верхоуголъ, пестьюуголъ[1]), сѣноставъ, сѣнограблепье, керегодь; изъ прилагательныхъ: богадѣльный, бѣломшаный, бѣлояровый, великодепный, водоплавный, вѣковѣчный, двусмѣсячный, двуродимый, долгомѣрный, маломочный, одномѣдный, одноличный (од-

1) Въ Пудожскомъ уѣздѣ ч произносится въ нѣкоторыхъ словахъ какъ *сть*, напр.: Пестьяны (Песчанскій приходъ), пестьюуголъ (печноуголъ).

ного лица), одноносный, кологривый, патодильный, рудожелтый, самосмѣшный, сесвѣтный, сухояловый, часторыбій, частоплетный, частоступчатый, частоберчатый.

Словопзмѣненіе.

I. Спряженіе.

Въ настоящемъ времени 2 лице един. числа отъ глагола *есть* и *дать* иногда послѣ отрицанія сохраняетъ древнее окончаніе на *си*: не ѣси, не даси.

Третье лице единств. числа на *ть*, если предшествуетъ окончанію гласная, отбрасываетъ ее, продолжая гласную примѣты: даватъ, валятъ, обиратъ; если же корень прямо присоединяется къ окончанію, то отбрасываетъ *ть*: скаче, пляше, везе.

Третье лице множеств. числа того же времени глаголовъ II спряженія оканчивается на *я*, напр.: сидя, ходя; у глаголовъ же I спряженія оканчивается на *ть*: дають, играють.

Употребляется настоящее время отъ формы вида продолженнаго: даваю, продаваетъ, издается, остается.

Хотѣть спрягается по 2 спряженію: хочу, хошь, хотитъ, хотимъ, хотите, хотятъ и хочутъ.

Купаться спрягается по 2 спряженію: куплишься, куплится.

II. Склоненіе.

Мѣстоименія.

Я: род. ед. *мня*.

Ты: род. и дат. ед. *тобя*, *тоби*, и вин. *тя*, твор. иногда *тобою*.

Себя: род. и дат. ед. *собя*, *соби*.

		Един.			Множ.
Онъ:	Имен.	— *енъ*, *ена*,	*ено*		*ены*, *ени*, *епи*.
	Род.	— *его*, *ей*	— *ея*, *его*		ихъ.

Дат.	— *ему*,	*ей*,	*ему*	имъ.
Вин.	— *его*,	ю — *ею*,	*ено*	ихъ.
Тв.	— *имъ*,	*ей*,	*имъ*	има.
Пред.	— *емъ*,	*ей*,	*емъ*	ихъ.
		Един.		Множ.
Тотъ: Им.	— той,	*тые*,	*тое*	тыи, тыя, тыи.
Род.	— того,	тыя,	того	тыхъ.
Дат.	— тому,	той — *тоей*,	тому	тымъ.
Вин.	— того,	тую — *тое*,	*тое*	тыхъ, тыя.
Тв.	— тымъ,	тою — *тоей*,	тымъ	тыма.
Пред.	— *тоемъ*,	*тоей*,	*тоемъ*	тыхъ.

Сей: сёго, сёму.

Кто и *что* (хто и цё): кого, цёго кому, кимъ, цимъ.

Кой, *коя*, *кое*: коего, кого, коёй, коему, коёй, коимъ, коей, и т. д.

Вмѣсто *какая*, *такая*, *какіе*, *такіе*, *другая*, *другіе* и прочихъ мѣстоименныхъ формъ на *ая*, *ое*, *іе*, употребляются иногда усѣченныя: кака, друга, други и т. д.

Существительныя.

У именъ существительныхъ 2 склоненія на *а* дат. ед. числа кончится на *ы* вмѣсто *ѣ*: рыбы, воды; у именъ на *ка* оканчивается, какъ у прилагательныхъ, на *ой*: королевичной, Романовной, Микуличной.

Имена ласкательныя муж. рода на *ко* (вм. *ка*) имѣютъ въ род. ед. числа *ка*, въ дат. *ку*, въ вин. *ка*, въ твор. *комъ* и т. д.: *батюшко*, *ровнюшко*, батюшка, ровнюшка, батюшку, ровнюшку, батюшка, ровнюшка, батюшкомъ, ровнюшкомъ. *Любовь* въ род. и дат. имѣетъ: *люби*, напр.: до люби.

Лице въ вин. ед. иногда принимаетъ окончаніе женскаго рода: лицю.

Сила въ твор. един. имѣетъ: сломъ.

Имен. множеств. отъ *другъ*, *зять*, *кумъ*, *шуринъ*, *сватъ*, *лугъ*, *даръ*, *мужъ* оканчивается на *ья*, *овля*, *евья*: дружья (дружги), луговья, даровья, мужевья, зятевья, кумовья, сватовья, шуревья.

Сущ. на *инъ* въ пм. множ. оканчиваются на *ы*: хозяевы, поѣзжаны, напогощаны.

Кречетъ, *соколъ*, *татаринъ* въ род. множ. имѣютъ: кречетей, соколей, татаревей.

Твор. множ. оканчивается на *мы* и рѣже на *мъ*: булавамъ, кушакамъ, рукамы, ногамы, рядамы, стадмы — стадомъ, рядьмы — рядомъ. Предложный падежъ множ. числа оканчивается иногда на *ахъ* вм. *ахъ*: во сняхъ, въ мистяхъ.

Прилагательныя.

Творит. множ. оканчивается на *ма* вм. *ми*: всѣма, цѣлыма, стоялыма.

П. Рыбниковъ.

ЗАМѢТКА.

ЗАМѢТКА.

Составъ этой IV-й и послѣдней части сборника г. Рыбникова отличается, какъ замѣтитъ читатель, большимъ разнообразіемъ, при меньшемъ объемѣ, чѣмъ предыдущія части. Зато существеннѣйшій отдѣлъ предыдущихъ частей, былины, представляетъ въ этой послѣдней почти исключительно пересказы того, что̀ уже было извѣстно. Однако же есть тутъ и замѣчательныя особенности.

Помѣщенная въ самомъ началѣ побывальщина о Святогорѣ и объ Ильѣ Муромцѣ, отличаясь вообще сокращенностью сравнительно съ извѣстными уже по предшествующимъ частямъ сказаніями о томъ же, придаетъ только двѣ новыя черты: гробница, на которую наѣзжаютъ богатыри, *выложена* тутъ *краснымъ золотомъ*, о *доскахъ* же (которыми, а не *крышею*, покрывается она тутъ) говорится, что онѣ *Божьимъ изволомъ приросли*.

Кстати объ этой *гробницѣ*. Недавно, просматривая изданіе извѣстнаго Гана (Hahn), консула въ восточной Греціи, — Griechische und Albanesische Märchen (Leipzig 1864, двѣ части), я былъ пораженъ сходствомъ одной изъ сказокъ, или, собственно, заключительной ея части, съ нашимъ сказаніемъ о Святогорѣ и объ Ильѣ. Она помѣщена у Гана въ 1-й ч. подъ № 3: о Прекрасномъ и о Дракѣ (Drakos) Прекрасный является тутъ младшимъ, гонимымъ братомъ. Благодаря своей умѣлости, онъ спасается отъ бѣды и молва о немъ доходитъ до короля. Желая его испытать, король, по сказочному обыкновенію, дастъ ему трудныя порученія: онъ долженъ украсть у великана Драка коня его, одѣяло со

звонками, и т. д. Благодаря глупости великана и жены его (съ послѣднею Прекрасный разыгрываетъ роль находчиваго Ивася въ извѣстной малороссійской сказкѣ), глупости, напоминающей Полифема и столькихъ другихъ представителей великанскаго рода, Прекрасный удачно выполняетъ порученія королевскія. Тогда отъ него требуется, чтобы онъ доставилъ къ королю и самого великана. Прекрасный проситъ только двухлѣтняго срока, чтобы отросла у него борода и великанъ не узналъ его. По истеченіи двухъ лѣтъ, онъ отправляется въ путь и, въ усугубленіе предосторожности, мѣняется платьемъ со встрѣчнымъ каликою, — совершенно подобно Ильѣ Муромцу, отправляющемуся на Идолища. Дракъ дѣйствительно не узнаетъ Прекраснаго, который его застаетъ работающимъ надъ *ящикомъ*. «Что это ты тутъ дѣлаешь, спрашиваетъ калика». — Да вотъ, натворилъ у меня всякихъ бѣдъ Прекрасный, такъ я и готовлю для него этотъ ящикъ: какъ удастся поймать, такъ и запру его. — «Знаю я этого негодяя, возражаетъ калика, вѣдь онъ-то и меня привелъ въ нищету; только этотъ ящикъ малъ для него». — Помилуй, отвѣчаетъ Дракъ, онъ и для меня довольно великъ. — «Да вѣдь Прекрасный почти съ тебя ростомъ; поди ка, попробуй; коли ты туда влѣзешь, такъ влѣзетъ и онъ». — Вотъ тутъ Дракъ и улегся въ ящикъ, Прекрасный же закрылъ крышку и закричалъ: «поприжми же, чтобъ видѣть, не треснетъ ли ящикъ». — Дракъ нажалъ, что есть мочи, и закричалъ въ свою очередь: «крѣпко! — только открой поскорѣе». Прекрасный же вмѣсто того еще крѣпче прибилъ крышку гвоздями, взвалилъ себѣ ящикъ на спину и понесъ къ королю. Этому послѣднему также точно захотѣлось взглянуть па Дракa, какъ Владиміру на Соловья разбойника. Вотъ король и прорѣзалъ себѣ дыру въ ящикѣ, да пришлась-то она какъ разъ противъ рта великанова, и чуть король заглянулъ туда, — Дракъ проглотилъ его.

Въ примѣчаніяхъ къ своимъ сказкамъ, помѣщенныхъ въ концѣ II-й части, Ганъ приводитъ четыре различныхъ пересказа того же сказанія. Въ двухъ изъ нихъ Дракъ оказывается господиномъ поля, на которомъ онъ и жнетъ хлѣбъ, по одному изъ пересказовъ, а Прекрасный нанимается къ нему въ работники. Въ другомъ пересказѣ Прекрасный, подъ именемъ Костанти, переодѣтый калікою, начинаетъ рубить платановое дерево, красующееся предъ великановой башней, чтобы сдѣлать изъ него уже не

ящикъ, а прямо *гробъ* для врага великанова и яко-бы своего. Великанъ же до того радъ тому, что самъ выдѣлываетъ гробъ и самъ ложится въ него, чтобъ примѣрить. Наложивъ крышку, Костанти относитъ гробъ къ королю и предлагаетъ ему приподнять его; отворить же гробъ прикажи, говоритъ онъ, моему старшему брату (ненавистнику Костанти). Народъ сходится отовсюду, чтобы присутствовать при открытіи. Когда же братъ Костанти отворяетъ гробъ, великанъ поглощаетъ его, какъ короля въ вышеизложенномъ пересказѣ, самъ же убѣгаетъ домой, гдѣ находитъ жену свою посаженною въ печь хитростію того же Костанти (вспомнимъ вышеприведенное сравненіе съ Ивасемъ).

Приведенными пересказами наше сказаніе связывается, какъ не трудно замѣтить, со многими другими, общераспространенными. Ганъ въ своихъ примѣчаніяхъ довольно подробно указываетъ на эти связующія нити, а равно и на миѳическое значеніе многихъ подробностей. Что̀ касается въ этомъ послѣднемъ отношеніи *ящика*, *гроба*, важность котораго только отмѣчается Ганомъ, безъ поясненій, на стр. 184, то мнѣ достаточно указать на толкованія Худякова, въ его статьѣ о Святогорѣ (Матеріалы для изученія народной словесности) и Аѳанасьева — во многихъ мѣстахъ его Миѳологіи (Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу). Для насъ же особенно важно обратить вниманіе на то своеобразное значеніе, какое получила основа, распространенная въ столькихъ сказаніяхъ, какое получила она отъ былеваго творчества Русскаго Это значеніе придается ей тѣмъ *изволомъ Божіимъ*, о которомъ говоритъ наша побывальщина. Въ переводѣ на языкъ до-Христіанской поры это будетъ изволъ *рока*, *судьбы*, столь ясно выказывающейся во многихъ пересказахъ, извѣстныхъ по предыдущимъ частямъ нашего сборника. Изволъ этотъ — чтобы богатыри, подобные Святогору, сошли съ лица земли, между тѣмъ какъ представителю богатырства иного рода, Ильѣ Муромцу, *смерть на бою не написана*. Вотъ этою-то основною мыслію, достойною движущагося впередъ, историческаго народа, нашъ видъ сказанія выдвигаетъ его изъ разряда сказокъ-складокъ, и вноситъ его въ разрядъ былевой. Пѣсенный строй большею частію уже разложился, но и съ разложеньемъ его передъ нами осталась не *сказка*, а *побывальщина*.

Въ издаваемой теперь части есть пересказъ (подъ № 3), пови-

димому противорѣчащій только что приведенному «изволу судьбы» относительно Ильи Муромца. Богатырь говоритъ тутъ совершенно наоборотъ: «знаю я, добрый молодецъ, что на бою смерть написана». Но примѣчаніе г. Рыбникова къ этому мѣсту (стр. 25) достаточно разъясняетъ, что тутъ или иронія (нерѣдко свойственная Ильѣ), или ошибка. Надо замѣтить, что и весь этотъ пересказъ, при всей своей стройности, стоитъ довольно одиноко уже и въ томъ отношеніи, что особеннымъ образомъ связываетъ *три поѣздки* Ильи съ *походомъ на Соловья-разбойника*. Изъ «трехъ поѣздокъ» тутъ выключена самая существенная черта этого похожденія — *подновленіе подписей*, и дѣло является просто *очищеніемъ трехъ заставъ*. Въ другомъ пересказѣ, или, скорѣе, кускѣ пересказа, помѣщенномъ подъ № 4, подпись хотя *перенавливается*, но въ томъ-же, не свойственномъ этому похожденію, смыслѣ: «та дорога есть очищена». Взамѣнъ выраженной *поднавливаньемъ*, въ лучшихъ былинахъ этого разряда, величавой похвальбы надъ *пересиленною судьбой* [1]), тутъ является похвальба предъ Владиміромъ, стоящая, въ этомъ смыслѣ, уже совсѣмъ одиноко. Очистивъ три заставы, Илья пріѣзжаетъ въ Кіевъ, *бьетъ челомъ о сыру землю*, *бьетъ челомъ низко кланяется* (одному Владиміру, забывая о *всѣхъ четырехъ сторонахъ* [2]), на которыя богатыри никогда не забываютъ раскланиваться въ лучшихъ, непрпкосновеннѣе сохранившихся пересказахъ), называетъ Владиміра не только столько-Кіевскимъ, но и *славно-Владимірскимъ*, (послѣднее — опять наростъ, существующій и въ нѣкоторыхъ другихъ пересказахъ [3]), но опять таки только въ такихъ, которые и вообще отличаются наростами и подновленіями); наконецъ Илья похваляется тутъ: «я очищу дорожку прямоѣзжую отъ Кіева до Чернигова». — Такого, заранѣе даннаго передъ самимъ княземъ обѣта побѣдить Соловья, я рѣшительно нигдѣ не припомню. Извѣстно, что обѣтъ этотъ постоянно дается Ильею только самому себѣ. — Столько же своеобразно въ настоящемъ пересказѣ и то, что Владиміръ, чуть завидя Илью, уже возвращающагося съ Сольвьемъ, сразу убѣждается въ дѣйствительности подвига, а не заподазриваетъ Илью въ хва-

1) Въ тую дорожку ѣздилъ, убитъ «(или-женатъ, или-богатъ) не былъ»,— т. е. не исполнилось то, что̀ положено было судьбою (Сходно съ IV, 4 — и III, 13).

2) Такъ и въ концѣ былины, на стр. 24.

3) Паприм. у Кирѣевск. I, 82.

ствѣ. не сомнѣвается въ правдивости словъ его. Если это *сомнѣніе* странно принимать, какъ дѣлаетъ О. П. Буслаевъ, за высокомѣрное отношеніе *князя* къ богатырю *крестьянину* (это послѣднее проглядываетъ только въ немногихъ, очевидно подновленныхъ былинахъ, а онѣ-то и ввели почтеннаго профессора въ заблужденіе), то самое сомнѣніе это несомнѣнно проведено черезъ всѣ рѣшительно пересказы—кромѣ теперь печатаемаго № 3. Но въ этомъ послѣднемъ Владиміръ, кромѣ того, что не сомнѣвается.— не смотря даже на приданное ему значеніе князя уже и Владимірскаго, не только не важничаетъ передъ крестьяниномъ, но *бьетъ челомъ и низко кланяется за очищеніе дорожки прямоѣзжія*. Впрочемъ, что̀ касается этой послѣдней черты, то она, съ другой стороны, уже вовсе не стоитъ одиноко: извѣстно, что и въ другихъ былинахъ Владиміръ иногда смиряется предъ богатырями; проглядѣть это можно только при извѣстнаго рода мутныхъ очкахъ предъ глазами (I, 115; III. 70, 206 — 207, 216. Кир. IV, 42).

Перенеся похвальбу Ильи *впередъ*, нашъ пересказъ замѣчаетъ, что Илья, по одержаніи самой побѣды, уже безмолвно сидитъ на пиру, *ничего не хвастаетъ, за столомъ сидитъ, самъ кручинится*. Г. Рыбниковъ говоритъ въ своемъ примѣчаніи, что *кручина* Ильи ничѣмъ тутъ не мотивирована и, вѣроятно, перенесена на него машинально изъ какой нибудь другой былины; но *молчаливость* богатыря, мнѣ кажется, имѣетъ въ нашемъ пересказѣ свое значеніе: по этому пересказу побѣда заранѣе предобѣщана Муромцемъ; въ этомъ, такъ сказать, была уже и предпохвальба съ его стороны; затѣмъ дѣло сдѣлано, заслуга признана, почетъ оказанъ; послѣ этого Ильѣ, особливо при его правѣ, и остается только молчать — отъ удовлетворенности. Но, какъ знать, такая полнѣйшая удовлетворенность, не можетъ ли она, при богатырской жаждѣ постоянной, безостановочной дѣятельности, постояннаго подъятія новыхъ трудовъ, задаванія себѣ новыхъ цѣлей, не можетъ ли она стать для богатыря и причиною скуки, — если уже не кручины? Илью вызываетъ изъ *затишья* его богатырскаго князь Владиміръ: самъ онъ совѣтуетъ ему похвастать своею удачею богатырскою. Въ видѣ такого совѣта такимъ образомъ является въ нашемъ пересказѣ проходящее всюду желаніе князя познакомиться съ шуточками Соловьиными. Шуточки же эти сосредоточиваются въ нашемъ пересказѣ со слѣдующимъ злымъ умысломъ

Соловья: «хотѣлъ крикомъ да свистомъ убить всѣхъ на пиру сидящихъ». (Въ части же III-й № 5 онъ только хотѣлъ «оглушить народъ — самъ на уходъ уйти, — и закричалъ онъ во весь громкій голосъ». А у Кир. IV, 6 Соловей думалъ полнымъ посвистомъ уходить самого Илью) Между тѣмъ Илья дѣйствительно выведенъ изъ затишья: видя общій переполохъ, онъ *издевается самъ усмѣхается*.—Затѣмъ, совершенно соотвѣтственно своему праву, онъ въ нашемъ пересказѣ не хочетъ пользоваться богатыми наградами княжескими (въ томъ числѣ — и *деревнями со крестьянами*— черта, очевидно, не старая) а удовлетворяется тѣмъ, если дадутъ ему столько земли въ родномъ селѣ, «что живетъ старый казакъ Илья Муромецъ въ томъ селѣ Карачаевѣ». — Былина наша завершается знаменательною чертою (уже имѣющеюся и у Кирѣевск. I, 35, только съ меньшею отчетливостью и полнотою). Поѣхалъ Илья, — *и куда падаютъ копыта лошадиныя, тутъ становятся колодцы ключевой воды*. — Это, какъ извѣстно, одна изъ тѣхъ чертъ, въ которыхъ сохранилось еще миѳическое значеніе Ильи— значеніе его, какъ Ильи-громовника, ѣздящаго на конѣ-тучѣ, источающей дождь. Соотвѣтственные образы изъ преданій различныхъ Арійскихъ народовъ можно найти въ книгѣ В. Маннгардта — «Germanische Mythen», 37, 123 — 124.

Такимъ образомъ въ нашемъ пересказѣ сохранились и черты древнія, подлинныя, и такія, которыя, если и стоятъ одиноко, то всетаки соотвѣтствуютъ праву Муромскаго богатыря. Тѣмъ не менѣе во многомъ онъ отличается подновленностію и спутанностію, т. е. порчею. Въ доверченіе же всего нельзя не замѣтить и извѣстной доли вліянія грамотниковъ. Подпись на камнѣ оказывается тутъ подписанною *рѣчью Латынскою*. (Это имя, впрочемъ, встрѣчалось у г. Рыбникова и въ прежнихъ частяхъ: III, 49, 123; а въ ч. I-й № 11 оно даже послѣдовательно проведено черезъ всю былину). Проѣхавъ Корелу проклятую, Илья Муромецъ чуть не доѣхалъ и до *Индіи богатыя*, страны, о которой такъ часто упоминалось въ заходившихъ къ намъ изстари рукописныхъ повѣстяхъ [1]). Въ погребѣ у палеицы удалой Илья Муромецъ нахо-

1) Эта *Индія* нерѣдко встрѣчается и въ предшествующихъ частяхъ, наприм. въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ, гдѣ изъ книжнаго «сказанія объ Индіи богатой» заимствована также гипербола при описываніи богатства (моей книги о Р. С. стр. 355).

дитъ *триста рыцарей*, а эти послѣдніе, какъ извѣстно, далеко не обычны въ былинахъ, но зато обычны въ лубочныхъ изданіяхъ [1]). (Ср. въ замѣткѣ къ III ч. стр. XX и XXI).

Правда, что эти *рыцари* сейчасъ-же и переводятся въ нашей былинѣ на обычный языкъ, — являются сильными богатырями; въ числѣ ихъ даже оказываются, въ погребу у Палеицы-царевны, Алеша Поповичъ и Никита Добрынинъ (о послѣднемъ см. примѣчаніе г. Рыбникова), которымъ, надо замѣтить, ни въ какомъ другомъ пересказѣ не достается подобная роль. — Что̀ касается самой царевны, то, на вопросъ о ней, пѣвецъ отвѣчалъ г. Рыбникову (какъ видно изъ другаго его примѣчанія), что ее звали *Зенирой прекрасной*, что красотой своею она прельщала царевичей и королевичей, и что живописцы не могли описать этой красоты; — и тутъ опять, даже въ самомъ имени, такъ и слышится какой-то отзвукъ лубочныхъ изданій.

Послѣ всего этого подозрительными становятся и два другихъ имени: камня у розстаней — *Сервалюцъ*-камнемъ, а коня Ильи — *Тучападушкою*. Оба они, не являясь въ другихъ былинахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ поражаютъ какою-то сдѣланностью, а второе — какъ-бы придуманностью. — Не говорю уже о *львиномъ* крикѣ Соловья разбойника, который, также стоя особнякомъ, (Соловью приписывается *звѣриный* крикъ, иногда же — *турiный*) также точно отзывается и чѣмъ-то чужимъ, выслушаннымъ изъ книжекъ [2]).

Укажу наконецъ на черту новизны въ языкѣ былины: *ньту у меня молодой жены и любимой семьи, малыхъ дѣтушекъ*. (Стр. 17, ст. 36 и 37). Тутъ семья, отличаясь отъ жены, очевидно принимается въ позднѣйшемъ, теперешнемъ смыслѣ; тогда какъ извѣстно, что въ древнемъ языкѣ *семья* означала вообще —того ли, другаго ли изъ *супруговъ*, и въ такомъ смыслѣ слово это попадалось у г. Рыбникова въ предшествующихъ частяхъ [3]).

---

1) Впрочемъ *рыцарь* упоминается неоднократно и въ 3 ч. у г. Рыбникова, въ былинѣ о Дунаѣ Ивановичѣ; въ I, 345 — даже «науки рыцарскія».

2) Въ 1 ч. (стр. 2) Вольга̀ оборачивается *левымъ* (львомъ) звѣремъ: черта— также грамотническая. На стихію этого рода въ нашихъ былинахъ еще мало обращали вниманія; попадаются въ нихъ, хотя и очень рѣдко, и граматическія формы книжныя: на примѣръ — *бысть* въ 1 ч. на стр. 116; — или слово *аще* (III, 2).

3) I, 244. (Называла его любимою семеюшкой (Василиса Ставра), 151, 401.

Въ былинѣ объ Ильѣ, помѣщенной въ настоящей части подъ № 2, также есть замѣчательныя особенности — отчасти, впрочемъ, и тутъ происходящія уже отъ порчи. Былина эта повѣствуетъ о первой поѣздкѣ въ Кіевъ, т. е. о походѣ на Соловья, которому предшествуетъ тутъ, какъ и во многихъ былинахъ, только освобожденіе отъ силы Татарской жителей города *Турова*. (какъ онъ тутъ называется: имя замѣчательное, прямо напоминающее древній историческій *Туровъ*). Что эта поѣздка Ильи, по смыслу былины, дѣйствительно относится къ началу его богатырской дѣятельности, на то указываетъ и придаваемое тутъ Ильѣ въ началѣ прилагательное *молодой*: слово это драгоцѣнно, такъ какъ почти вездѣ онъ уже безразлично величается *старымъ*, о какомъ бы времени жизни его ни повѣствовалось. — Зато уже прямою порчею отзывается нѣсколько далѣе *приказъ* осѣдлать коня, даваемый Ильею своимъ *слугамъ отрокамъ* (стр. 8) Извѣстно, что именно онъ-то и дѣлаетъ все непремѣнно самъ [2]), именно за нимъ-то и не водится *слугъ*, которые и вообще играютъ при богатыряхъ нашихъ роль довольно рѣдкую (въ качествѣ же слуги скорѣе является при нихъ—и то только при нѣкоторыхъ—ихъ *названный братъ*, поставленный такимъ образомъ въ положеніе *младшаго*). — (Въ родѣ того какъ Патроклъ при Ахиллѣ) Далѣе въ нашемъ пересказѣ подновленностію отзывается и то, что Ильѣ «лучилось бывать на тѣхъ лугахъ на *царскихъ*» — какъ бы ни принималось тутъ это слово: въ древнѣйшемъ ли смыслѣ царя Золотой Орды, или въ позднѣйшемъ — царя Московскаго, Всероссійскаго: извѣстно, что *основа* былинъ относится еще къ Руси княжеской, стольно-Кіевской. — Зато совершенно соотвѣтствуетъ общему складу былинъ объ Ильѣ — только своеобразно выражаемый въ нашемъ пересказѣ его отказъ отъ власти: «*не умѣю* быть воеводою». (стр 9).

Замѣчательна въ нашемъ пересказѣ просьба Соловья, по спросѣ у Ильи объ имени и отчествѣ, — «не предай-ко смерти скорыя». — Сколько мнѣ помнится, только у Кир. IV, 4, онъ сходнымъ образомъ проситъ Илью: «отпусти ты меня на волю вольную». Но тамъ Илья, *не воймуя*, даетъ особаго рода отвѣтъ. Въ на-

2) Въ этомъ отношеніи, какъ и въ столькихъ другихъ, съ народнымъ богатыремъ сходится Мономахъ въ превосходномъ своемъ поученіи (О другихъ чертахъ этого сходства см. въ моемъ Опытѣ Истор. Обозр. Русск. Слов., стр. 271)

шемъ же пересказѣ онъ, ничего не отвѣчая, привязываетъ Соловья ко стремени. Трудно впрочемъ предположить въ этомъ случаѣ побудительною причиною состраданіе къ Соловью: относительно темной вражьей силы въ былинахъ именно этого разряда у Ильи сострадания нѣтъ. Да и въ нашемъ пересказѣ онъ и Татаръ прибиваетъ всѣхъ до единаго. Дѣлается это, какъ и часто, при помощи дуба, вырваннаго изъ земли вмѣстѣ съ кореньями. А такъ какъ въ началѣ былины Илья палагаетъ на себя завѣтъ — «не марать-то сабли вострыя въ кровь поганую Татарскую» (стр. 7), то въ пояснение къ *дубу, употребленному вместо сабли*, нельзя ли привести и тутъ примѣчаніе къ соотвѣтственному мѣсту въ III ч., напечатанное тамъ на стр. 17: «такимъ образомъ на первой порѣ оружье Ильи, взятое изъ дому, остается не окровавленнымъ» —? Признаюсь, когда я и въ первый разъ прочиталъ это примѣчаніе, оно показалось мнѣ — несвойственнымъ простотѣ народнаго воззрѣнія приписываньемъ народному богатырю уловки: формальнымъ образомъ, какъ бы казуистически, обойти, обольстить свою совѣсть. — Думаю, что печатаемый теперь пересказъ № 2 вполнѣ опровергаетъ упомянутое примѣчаніе: предъ самымъ вырываніемъ изъ земли дуба, Илья разсуждаетъ себѣ преспокойно: «всякъ человѣкъ завѣтъ завѣчаетъ, а не всякій завѣтъ справляетъ» — Стало быть онъ уже тутъ признаетъ, что завѣтъ долженъ быть нарушенъ. Далъ его, не подумавъ; завѣтъ оказался не только не правымъ, но и прямо мѣшающимъ правдѣ, — ну, и долой его съ шеи: не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка; — и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ, со святою логикою евангелія совершенно сходна простодушная народная логика. — Впрочемъ уже и въ пересказѣ III ч. если не самъ Илья, то былина, *не смотря на употребленіе въ дѣло дуба взамѣнъ палицы булатной*, видитъ тутъ *разрушеніе завѣтовъ великихъ*. (Стихъ 57 стр. 17-й). Но какое же значеніе можетъ имѣть въ такомъ случаѣ *дубъ за саблю* или *за палицу*? А такое, что онъ даже сподручнѣе богатырю: именно имъ-то, со всѣми его корнями, и отваляешь сразу, и уложишь всѣхъ до единаго. Уже повѣе *дуба*, оружія чисто природнаго, все еще напоминающая его *палица*; но еще повѣе, искусственнѣе, ближе ко временамъ образованности — *сабля*. Такъ уже поздиѣйшей порой отзывается въ пересказѣ подъ № 3 и приписываемый Ильѣ Муромцу *шеломъ* сорока пудовъ

(стр. 18). Онъ и попадается довольно рѣдко въ былинахъ. Несравненно подлиннѣе, древнѣе его тотъ простой *колпакъ*, которымъ Илья — также точно умѣетъ истреблять *до единаго*. Не говорю уже о томъ, что вообще описанія вооруженій не занимаютъ видная мѣста въ нашихъ былинахъ (подробно описываются въ нихъ развѣ стрѣлы). Часто и обстоятельно говорится — скорѣе объ осѣдланваніи коня; иногда перечисляются составныя части одежды, при чемъ вовсе въ ней не замѣтно какого либо преобладанія воинственнаго строя. По всему видно, что воинственность въ нашихъ былинахъ не *цѣль*; что не мѣсто въ нихъ какъ — *слову*, такъ и самому *понятію: рыцарство*. Воинственность тутъ только неизбѣжное, хотя и не безъ свычки-слюбленности пришедшееся къ рукамъ *средство*; потому то и удовлетворяется она употребленіемъ самыхъ первичныхъ, природныхъ способовъ, не вдаваясь въ дальнѣйшія измышленья, въ усовершенствованія по этой части [1]). (Въ ч. I. № 6, Сухманъ ѣдетъ *вооруженный*, а *вырываетъ дубъ*).

Чтобы покончить съ особенностями, касающимися собственно Ильи Муромца, укажу въ былинѣ № 4 на отсутствіе обычной, ироической похвальбы нашего богатыря предъ разбойниками («я, де-скать, совсѣмъ не богатъ, у меня всего — на столько-то, и на столько-то тысячей»). Вмѣсто этого тутъ какая-то — впрочемъ идущая къ Ильѣ откровенность: «что есть у меня съ собой у стараго, *вамъ складывать* и не *затаивать*; на конѣ узда въ столько-то, и т. д. *Получайте вы, если хочете да и можете*». (стр. 26).

О Дунаѣ Ивановичѣ сообщаются въ настоящей части только дополнительные стихи къ пересказу 1-ой части № 30. Ново тутъ собственно то, что Дунай, собираясь, въ сердцахъ, стрѣлять уже прямо въ жену, *намазывалъ стрѣлу саломъ змѣинымъ*; — это, надобно думать, чарованіе своего рода, имѣющее въ виду — придать стрѣлѣ мѣткость.

Подъ № 6 помѣщенъ прекрасный пересказъ былины о Ставрѣ Годиновичѣ. Въ немъ особенно замѣчательно дополненіе къ загадкѣ Василисиной о *свайкѣ* и *кольцѣ*, дополненіе, отличающееся эпическимъ простодушіемъ, можно сказать, — даже цѣло-

1) Признаки воинственной *внѣшности* встрѣчаются въ 1-ой ч. нашего сборника на стр, 6, 69, 121, 154, 182, 350, 441; II, 122, III, 301, 304.

мудренною передачею того, что, поставленное вић условій устно-народной поэзіи, представлялось бы просто циническимъ.

Въ двухъ новыхъ пересказахъ о Хотенћ Блудовичћ (№ 7 и 8) также есть замћчательныя особенности. Заставляя паробка выжидать въ полћ Часовичей, Хотенъ къ извћстнымъ уже и по пересказу III-й ч. признакамъ розни между ними, присоединяетъ слћдующіе признаки единодушія: «если поћдутъ по два, по три въ одномъ мћстћ, то у нихъ есть думушка ровная, ровная думушка, не розная». (стр. 40). — Часовая съ особенною силою налегаетъ на свою именитость: «есть мы роду богатаго, именитаго роду, княженецкаго; вы есть роду нищетнаго, кошельчата» (стр. 43). Соотвћтственно этому, Часовая оказывается въ нашемъ пересказћ на самомъ дћлћ, — *родною сестрою Владиміра*, котораго въ другихъ пересказахъ она только проситъ назваться дядею ея дочери. Все это дћйствительно придаетъ вћроятіе предположенію г. Безсонова о *вельможеской* стихіи въ былинахъ о Хотенћ (см. Замћтку его въ III вып. Кир., стр. V.) Съ той же стихіею связано въ нашемъ пересказћ и слово *холопъ* (стр. 44), довольно рћдкое въ нашей былевой поэзіи [1]). За своего *холопа послћдняго* грозится и самъ *нищетный* Хотенъ выдать спћсивую княжну Часовинну. — Наконецъ замћчательна въ нашемъ пересказћ площада, оказываемая Хотеномъ *наемной силћ* Часовой вдовы. Совершенно противоположно пересказу II-ой ч., гдћ онъ «наемныхъ всћхъ прирубилъ — пригубилъ» (стр. 123), здћсь онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «вольна сила есть наемная, тронуть ея нечего».

О Дюкћ Степановичћ — также два пересказа. Въ одномъ (№ 9) дважды упоминаются при Дюкћ *холопы боярскіе*, что опять совершенно соотвћтствуетъ давно уже выяснившемуся вельможному значенію этого *запьжаго* богатыря. Сообразно съ такимъ значеніемъ, онъ и ведетъ себя въ нашемъ пересказћ при пріћздћ къ Владиміру такимъ образомъ: «билъ князю о руку правую, а княгинћ Апраксіи о лћвую, всћмъ князьямъ боярамъ по всћмъ сторонамъ низко кланялся». — Такимъ образомъ и обычныя въ нашихъ былинахъ *четыре стороны* представляются тутъ исклю-

1) Въ былинћ о Михаилћ Потыкћ, на 72 стр. IV ч. попадается также не особенно обычное въ нашихъ былинахъ слово *челядь*: Настасья тащитъ татарина во *сѣни челядинны*.

чительно княжескими, боярскими. — Въ другомъ пересказѣ (№ 30) замѣчательно, что за Дюка ручается, передъ состязаньемъ его съ Чурилою, самъ Владиміръ, тогда какъ въ другихъ пересказахъ это дѣлаетъ или *владыка Черниговскій*, или *Илья Муромецъ*, или *голи кабацкія* (послѣднее, разумѣется, порча — именно у голей-то и не можетъ быть никакихъ связей съ вельможными Дюками). Когда же побѣдителю Дюку предстоитъ (какъ извѣстно по другимъ пересказамъ) отрубить, согласно условію, у Чурилы голову, тогда, по нашему пересказу, *просили его городами Кіевомъ и Черниговомъ простить*. (Иногда же ходатаемъ является тутъ, какъ извѣстно, вѣрный представитель народа, *народной воли* — Илья).

Новый пересказъ о Соловьѣ Будиміровичѣ представляетъ мало особеннаго. Въ началѣ его говорится о *Невѣ*-рѣкѣ, впадающей въ море Варяжское, — (очевидно испорчено изъ *Варяжскаго*): мѣстомъ дѣйствія такимъ образомъ тутъ прямо оказывается сѣверъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ Скандинавскимъ чертамъ въ былинахъ о Соловьѣ [1]). Далѣе замѣчательно выраженіе Соловья, что онъ пріѣхалъ ко Владиміру не пословать, не торговать, а *на жиру жить*.

Казалось бы, что послѣ тѣхъ многихъ и полныхъ пересказовъ о Михаилѣ Потыкѣ, которые помѣщены были въ I-ой и во II-ой ч., трудно и ожидать еще какого нибудь новаго, замѣчательнаго пересказа. А между тѣмъ въ томъ, который помѣщенъ въ настоящей части подъ № 12, есть кое-что, заслуживающее вниманія. Въ самомъ началѣ — пированьице у Владиміра идетъ тутъ *по третій день* [2]). — Далѣе Потыкъ, при сборѣ дани въ Подольской землѣ, выказываетъ новую черту въ своемъ нравѣ: «поразсердилъ плечо богатырское, *сталъ бить-казнить, инныхъ вышати*.» Черта эта и вообще — черта исключительная, необычная въ нашемъ эпосѣ; въ ней должно быть чуждое его бытовымъ основамъ наслоенье позднѣйшее — но какое: татарской ли тяжкой годины, временъ ли Грознаго, или, быть можетъ, и еще позднѣйшей безчеловѣчной поры — Нѣмецкой татарщины Бирона? —

Въ концѣ, совершивъ свою извѣстную казнь надъ невѣрной

(1 См. въ моемъ Опытѣ Ист. Обозр. Р. Слов. стр. 273, гдѣ имѣется и указаніе на статью о томъ А. А. Котляревскаго.

2) Сходно съ этимъ въ 1-й ч. нашего Сборника послѣ свадьбы Владиміровой и Дунаевой «пиръ у нихъ пошелъ ровно *по три дни*». (стр. 183).

женой, Михайло въ нашемъ пересказѣ готовъ еще и съ новой стороны выказаться жестокимъ: «хотѣлъ королевство за щитомъ пройти, да огнемъ сожгать». — Но его укрощаетъ спасительница его Настасья.

Разбойнически-своенравная природа Потыка сказывается въ нашемъ пересказѣ и тѣмъ, что онъ не хочетъ въ точности соблюсти обязательство жить во гробу съ женою: «писано у нихъ было на два мѣсяца, — не захотѣлъ онъ идти на два мѣсяца, захотѣлъ пойти на полъ-мѣсяца». . . . Но ему удалось и того не выполнить: «сказали всѣ во градѣ Кіевѣ: отпущенъ былъ на полъ-мѣсяца, а прожилъ онъ во сырой землѣ двои сутки» — Наконецъ замѣчательно, что, играя въ шашки-шахманки со царемъ Бухаремъ, Потыкъ, чтобы замашить его, ставитъ не только буйную свою голову, но и Марью Лебедь Бѣлую *да свою матерь родимую*. Это, при постоянно проводимомъ въ нашихъ былинахъ, безграничномъ уваженіи къ матери, есть своего рода исключительное проявленіе *разбойнической* природы Михайлы Потыка. Конечно, это только хитрость, *заманки* царю Бухарю: Потыкъ увѣренъ въ себѣ — что не проиграетъ. Потому-то онъ въ этомъ случаѣ только отчасти напоминаетъ уже совершенно исключительный и необъяснимый покуда фактъ въ одной Сербской пѣснѣ, гдѣ сынъ *рѣшается продавать* мать свою (Вука Шѣсни I, 548) [1]).

Въ нашей IV ч., подъ № 13, повѣствуется о весьма также исключительной, необычайной продажѣ *матерью сына*. Сынъ этотъ — до сихъ поръ совершенно въ другихъ отношеніяхъ извѣстный Иванъ Гостиный, замѣчательная былина о которомъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ находокъ настоящей части. Ивашушко тутъ — чадо безумное: со тѣма со жонками, со тѣма ли со голями со кабацкима, прошилъ — прогулялъ все отцовское имѣніе — на перекоръ своей вдовѣ-матери, которая заранѣе предостерегала его ото всего отъ этого. Тогда она, пользуясь тѣмъ патріархальнымъ полновластіемъ, которое, за смертію мужа, досталось ей, идетъ со своимъ чадомъ во царевъ кабакъ, ведетъ его оттуда ко синю морю и продаетъ купцамъ заморянамъ и Вавилонянамъ. (Въ имени этихъ послѣднихъ слышится, очевидно,

1) Я долженъ извиниться передъ читателемъ въ томъ, что не вездѣ могу точно *цитировать*; замѣтка эта пишется мною на дачѣ, гдѣ я не имѣю подъ руками очень многихъ книгъ.

вліяніе грамотническое, библейское). — Между тѣмъ у самой — *прокатилася слеза изъ ясныхъ очей*. Сынъ величаетъ ее *змѣею лютою, подколодною*, но она обращается къ *народу* съ оправданьемъ такого рода: «не кормитель онъ былъ родной матери, а разоритель былъ золотой казны, — а за проступокъ я его и продала». — И былина на этомъ кончается, не приводя ничего въ отпоръ такой логикѣ *государыни-матушки*.

Не богатъ въ настоящей части т. н. Московскій отдѣлъ былинъ: всего одинъ пересказъ о Грозномъ, да два о Кострюкѣ Семрюковичѣ. — Что̀ касается перваго, то онъ во многомъ не полонъ и попорченъ. И Иванъ Ивановичъ, и Ѳедоръ Ивановичъ — оба оказываются *младшими* сыновьями. Обвиненіе Ѳедора передается въ выраженьяхъ довольно неясныхъ, и только изъ сравненья съ другими пересказами можно вызнать, что вина его тутъ — въ пощадѣ: онъ только надписывалъ, что улицы казнены, оставались же онѣ — не казненными. Но что̀ же значитъ выраженье про улицы, которыми ѣхалъ Иванъ Васильевичъ. «Тѣми улицами кура не шла»? — Прекрасно отрицательное сравненье царицы, ищущей спасенья у Никиты Романовича, — съ *бѣлою лапою, пробѣгающею вдоль по городу*. А также выраженье Никиты: *живетъ* ли виноватому процѣнщице: и отвѣтъ на это Грознаго: «радъ бы простить, да негдѣ взять» [1]).

Извѣстно, что во многихъ пересказахъ (преимущественно у Кирѣевскаго) Никита Романовичъ подмѣняетъ обреченнаго на смерть Ѳедора другимъ лицомъ. Онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ совершенно также, какъ спасительница Михаила Потыка. Надобно думать, что подобнаго рода не совсѣмъ-то человѣколюбивая замѣна одного другимъ, распространенная также во множествѣ повѣстей и сказаній обще-Европейскихъ, занесена изъ рукописныхъ сборниковъ — преимущественно восточныхъ. Къ намъ она могла зайти уже изъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ, находившейся, какъ извѣстно, въ одной рукописи со словомъ о Полку Игоревѣ [2]). Въ пересказѣ былины о Грозномъ, помѣщенномъ у г. Рыбникова во II-ой ч., Ѳедоръ замѣняется *постельникомъ* Никиты Романовича, и притомъ *немилымъ* ему. Въ пересказѣ

1) Сходно, но все-таки иначе, въ ч. I, стр. 395.

2) См. въ моемъ Опытѣ И. О. Р. Слов., стр. 353, 355.

же настоящей части Никита, совершенно напротивъ, жертвуетъ *конюхомъ своимъ любимымъ*. — при чемъ, очевидно, имѣется въ виду представить поступокъ его именно *жертвою, самопожертвованіемъ*. Это уже замѣчательное извращенье народной мысли, къ счастію составляющее рѣдкость въ народной нашей поэзіи и только отчасти подходящее къ тѣмъ примѣрамъ дикихъ жертвъ и противоестественныхъ самопожертвованій, которыя вовсе не рѣдкость въ западномъ средневѣковомъ—многостихійномъ, религіозно-фанатизированномъ и на половину грамотническомъ эпосѣ.

Уже въ примѣчаніи къ одному изъ пересказовъ о Кострюкѣ II-ой ч. нашего сборника было сказано: «изъ другихъ разнорѣчій этой былины видно, что Кострюкъ - Демьюкъ — женщина». — Теперь въ IV-ой ч., подъ № 16, помѣщено г. Рыбниковымъ разнорѣчіе (пересказъ) такого рода. Побивъ Иванушку вдовина сына, и Михайлушку также вдовина, Кострюкъ выходитъ на бой съ Потанюшкой вдовинымъ: тутъ какъ бы *три брата*, изъ которыхъ *младшій*, по сказочному, *счастливѣйшій*. Этотъ младшій «спуститъ *его* (Кострюка) о кирпичень мостъ,—лопнула щиль по брюшины.... Скидывалъ *ю* (ее) онъ до гола, стыдилъ *ея* личко бѣлое, повелъ *ю* по каменной Москвы». Между тѣмъ отъ нея ясно отличается тутъ Авдотья Кострюковна, уговаривающая Потанюшку не стыдить *ея*. (Ср. также Кир. VI, стр. 119).

Въ разрядѣ былинъ т. н. *княженецкихъ, молодецкихъ и безыменныхъ*, встрѣчаемъ мы всего двѣ полныя, и отдѣльные дополнительные стихи къ былинѣ о Саламанѣ, напечатанной въ II-й ч. Въ этихъ дополнительныхъ стихахъ поражаетъ слѣдующая картина дѣйствія, произведеннаго на природу турьимъ рогомъ царя Саламана:

Высокія горы запатали́ся,
Темныя лѣса развалялися,
Во рѣкахъ вода пріусохнула,

и т. д.

Совершеннымъ своеобразіемъ отличаются нѣсколько далѣе слѣд. стихи: «Это что́ около моря шумъ великъ? Всѣ птицы, всѣ звѣри взрадовалися, — летятъ глядѣть на царскую (Саламанову) смеретушку».

Пересказъ подъ № 17 (Наѣздъ Литовцевъ на Москву) отличается отъ другихъ пересказовъ той же былины (въ I-ой и

III-ей ч. подъ названіемъ: «Два Ливика»), тѣмъ, что тутъ роль князя Романа Дмитріевича играетъ, вѣроятно вслѣдствіе смѣшенья именъ, Никита Романовичъ. Къ рисуемому имъ извѣстному противоположенію *старости* своей прежней *молодости*, присоединяется въ настоящемъ пересказѣ сравненіе отлетѣвшей молодости съ ясным *соколомъ*. Нѣсколько же далѣе Никита Романовичъ жалуется на то, что «старый песъ, король Политовскій, порушилъ свою великую заповѣдь: мнѣ Никиты Романову порушать своя заповѣдь великая». Это заставляетъ предполагать существованіе между ними уговора — не воевать другъ съ другомъ, чѣмъ и объясняется въ свою очередь несогласіе короля отпустить своихъ сыновей на Русь.

Былина подъ № 19 (Девять братьевъ и сестра), представляетъ очень хорошо сохранившійся пересказъ сказанія, распространеннаго и на Дону, и въ Галиціи, и мало ли гдѣ еще (имѣются и Сербскія пѣсни о томъ же). Особенно замѣчательно въ нашемъ пересказѣ выраженіе — *вдовка горя-пашина*, (въ другомъ мѣстѣ — просто вдова *пашина* [1]). Происходя, очевидно, отъ — *пасти горе*, это близко подходитъ къ обороту «Слова о Полку Игоревѣ» *бѣды его пасетъ птицъ* [2]). Въ томъ же духѣ и другое выраженіе «Слова», — что посѣвъ *всходитъ тугою* (горемъ). Множество сходныхъ выраженій имѣется въ разномѣстныхъ народныхъ пѣсняхъ. Вотъ примѣры: Чужа сторона тугою орана, слёзми засѣяна». — «Ой распущу я тугу по зеленому лугу». (Бѣлорусск.). «Я посѣю горе въ чистомъ полѣ: ты взойди, мое горе, чорной чернобылью» (Сарат. губ.) «Доле жъ моя, доле, нещастная доле! Засѣяла дѣвчинонька мысленьками поле, черными очима та й заволочила, дробненькими слезонькамн все поле зросила». (Угорск.) «Узори, Маре, равнине, посиј своје јадове» (бѣды, горести). (Сербск.) [3]).

Совершенно сходно и слѣдующее мѣсто въ свадебной пѣснѣ,

---

1) Въ III ч. № 62 — вдова — *пашница*.

2) Въ моей Христоматіи, согласно съ г. Буслаевымъ, говорится: «или: уже бѣда (бѣды—ошибка) его пасетъ, т. е. кормитъ птицъ, или: уже птиць (муж. р. вм. *птица*, а, м. б., вм. *птичь* (притяжательное, т. е. *птичій родъ*) стережетъ его бѣды, ждетъ поживы отъ его бѣды (стр. 315, прим. 10).

3) Чечота Piosnki z nad Niemna i Dzwiny, 58. Памятн. Нар. творчества въ сѣв. зап. краѣ, I, 34. Пѣсни А. П. Мордовцевой и П. И. Костомарова въ «Лѣтописяхъ» г. Тихонравова, IV, 110—Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя И. Ѳ. Головацкимъ, II, 536. Сербскія пѣсни Вука, I, 467.

помѣщенной въ настоящей части на стр. 127 «Есть горя много, кручинушки, *три поля горя настяно*, три горы есть попакачено». Въ томъ же духѣ и многія другія выраженія въ свадебныхъ пѣсняхъ настоящей части; на прим. на стр. 108—109: «неповажена люта ознобна сторонушка лютой неволей великою, наполива на чужая ознобна сторонушка горькими слезами горючими, пересыпана она кручинушкой великою»! — Или еще слѣдующее: «я не паромъ упарилась, а великой кручинушкой» (стр. 141) Или же: «накормили меня до сыта, напоили меня до пьяна: покормилъ меня батюшко кручиной великою, напоилъ слезамы горючима» (стр. 143). Близко подходитъ сюда и надѣленіе жизнью *неволи*— въ другой свадебной пѣснѣ (стр. 110—111): «не суметы наташило снѣжку бѣлаго, а тутъ стоитъ люта неволя великая, бережетъ меня красну дѣвушку», и т. д. Или на стр. 115: «какъ за мной-то за душей красной дѣвушкой ходитъ лютое безволье великое».

Кто не знаетъ, какъ поэтически олицетворяется въ нашей свадебной *драмѣ* (этимъ именемъ смѣло можно назвать пѣсни — обряды свадебные), какъ прекрасно олицетворяется въ ней *воля*— *красота дѣвичья*? Богатый отдѣлъ свадебныхъ пѣсень, напечатанный въ настоящей части, представляетъ уже въ одномъ этомъ отношеніи нѣсколько новыхъ оборотовъ. Дѣвушка сняла красоту съ головы — но не *статится* ей, не ладится. «Воротися-ка, красна красота, взадъ на бѣлыя-то рученьки, поприжму я красну красоту я ко сердцу-то ретивому», и т. д. (стр. 129) Она захотѣла было положить волю-красоту во теплую пазушку къ матери, да вспомнила, что мать держитъ слабешенько поясъ и могла бы выронить красоту (стр. 130) Собравшись положить ее въ церковь къ пконамъ (что̀ попадалось и въ прежде-извѣстныхъ пѣсняхъ), она вспоминаетъ, что дѣти у попа своевольные и могутъ изорвать ея милую волюшку. И вотъ она поручаетъ подружкамъ только носить ее къ обѣднѣ по праздникамъ. — Наконецъ дѣвица рѣшается положить свою красоту-волю во зеленый садъ, съ тѣмъ, чтобы со временемъ, собравшись изъ чужа побывать у родителей, привернуть въ этотъ садъ, взять красоту на руки—на совѣтъ на думу крѣпкую, наговориться и принабаяться съ красной красотой. (стр. 131 и 132)

Въ особомъ совершенно родѣ, по тою же поэтическою силою от-

личается въ одной изъ нашихъ свадебныхъ пѣсенъ слѣдующій оборотъ: «встрѣчаетъ кормилецъ батюшко со ковригой краснокорою. Ты, ковритга краснокорая, повернись горой высокою: не подшелъ бы чужой чужанинъ ни съ которой сторонки». (стр. 140.)

Тутъ ясно выражается мысль, рѣшительно *господствующая* въ свадебныхъ пѣсняхъ Олонецкаго края, — мысль о бракѣ, какъ взятіи во неволю, насиліи, отмщѣ (позволю себѣ употребить тутъ это Сербское выраженіе). «*Побѣдная слезливая свадебка*» — таково поразительное выраженіе, не разъ попадающееся въ пѣсняхъ настоящей части (на прим. на стр. 108) А вотъ замѣчательное приглашенье невѣстою на такую свадебку *всей* «родни — породы сердечной»: вы гостите ко мнѣ *поуговаривать* свѣтовъ сердечныхъ родителей, чтобы не отдали меня душу красную дѣвицу на чужу дальну озлобщу сторонушку. (На той же стр.) Въ другой пѣснѣ вотъ какимъ образомъ отзывается дѣвица о той же родѣ-породѣ: «на иконѣ бѣлокрущатой всѣ-ли списаны святители? за столомъ бѣлодубовенькомъ (замѣчательна и эта старинная форма прилагат. въ твор. над.) *всѣ ли собраны родители?*..... Какъ со батюшкину сторону нѣтъ половины роду-племени; какъ со матушкину сторону нѣтъ всего да роду-племени. Ахти мнѣ да мнѣ тошнехонько.... Я теперь пойду, кручинная, во роду да искать сродничковъ, во племени да доброхотничковъ». — (Стр. 116 и 117) Ясно, что отсутствіе значительной части родни — не добро для дѣвицы; хоть въ комъ нибудь изъ этихъ *многихъ родителей* она надѣется встрѣтить оборону отъ самовластія двухъ главныхъ — государя батюшки и государыни матушки. Родъ великъ, — такъ найдется же въ немъ хоть нѣсколько *доброхотничковъ*! — Этимъ, кажется, достаточно подтверждается вѣрность замѣчанія, высказаннаго мною на стр. 131 моей книги: «не трудно понять, что въ подобномъ *общемъ* участіи (т. е. участіи всей родни въ брачномъ вопросѣ) есть уже нѣчто *уравнивающее*, т. е. противодѣйствующее тому исключительному деспотизму родоначальника, какимъ ознаменовывалась первая ступень въ развитіи родоваго быта. (См. мой «Оп. Ист. Об. Р. Слов».)

Выше сказано, что мрачный взглядъ невѣсты на бракъ рѣшительно господствуетъ въ пѣсняхъ настоящей части. Но что тутъ много участвовала косность обрядовая, что такая *мрачность* обязательно унаслѣдована отъ отдаленнѣйшей старины, — это

видно уже по начальнымъ словамъ первой пѣсни: «что̀ я спжу душа красная дѣвушка безъ тонкаго зычнаго голоса?.... Меня дурой назовутъ, самовольницей: — «эка дура младая буйная головушка, она рада безволья великаго, рада чужой дальной озноб-ной сторонушки!» — (стр. 105.) Ясно, что дѣвица *обязана* жаловаться, называть женіха чужашнимъ, и т. п. И вотъ, въ концѣ той же пѣсни, искусственно настроившись на жалобный ладъ, она готова написать *прошеніе* на родителей и подать его *губернатору*? Замѣчательное сочетаніе *новизны* этого послѣдняго титула съ допотопною стариною мысли, основы.

Мысль о возможности не одной бѣды и неволи, но и счастья въ замужествѣ, ясно проглядываетъ въ слѣдующемъ обращеніи къ невѣстѣ, идущей въ баню: «ты не мойся, красна дѣвушка, матушкой Угрюмъ рѣкой — богоданные будутъ угрюмые, милый-ладый невеселъ съ тобой; ты не мойся матушкой Свирѣпъ-рѣкой, и т. д.; ты умойся, красна дѣвушка, матушкой *Весель-рѣкой*, — богоданные будутъ веселые, милый ладый сговорчивый.» (Стр. 113 и 114.) Довольно свободныя, не принудительныя отношенія между женихомъ и невѣстою выказываются въ двухъ пѣсняхъ Петрозаводскаго уѣзда — на стр. 150 и 151. Наконецъ замѣчательно, что самая обрядность свадебная, соблюдаемая въ этой мѣстности, требуетъ отъ родителей спроса у самой невѣсты: *согласна ли она итти за имрека?* (стр. 147).

Укажу на замѣчательное обращенье невѣсты къ покрову различныхъ богородичныхъ праздниковъ, какъ живыхъ существъ — на стр. 138.

Въ концѣ собственно пѣсеннаго отдѣла помѣщена дѣтская пѣсня, отчасти подходящая къ разряду т. н. у Нѣмцевъ *Lügenmärchen*, и другая о мизгирѣ, прямо даже и названная *небывальщиною*. Послѣдняя является какимъ-то обломкомъ *эпоса о насѣкомыхъ* (которыя играютъ такую частую роль и въ нашихъ *сказкахъ изъ животнаго круга*). Читатель замѣтитъ, что небывальщина о мизгирѣ не лишена и нѣкотораго сатиризма.

Отдѣлъ повѣстей, сказаній и сказокъ представляетъ также не мало замѣчательнаго. Помѣщенное подъ № 1 сказаніе о началѣ града Москвы можетъ составлять дополненіе къ тѣмъ, которыя извѣстны уже изъ статей г. Буслаева, и о которыхъ не такъ давно еще напомнилъ г. Забѣлинъ (въ 1 кн. Вѣстника Европы

настоящаго года [1]). Преданіе о началѣ Москвы взято г. Рыбниковымъ изъ варіанта Новгородской лѣтописи; въ языкѣ тутъ замѣтны мѣстами черты уже значительной новизны. Вообще это языкъ по преимуществу книжный (кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій), но черезъ книжность языка и даже самаго изложенія ясно сквозитъ народная основа. Въ сущности это только пріуроченная къ потомству Невскаго перелицовка общераспространеннаго сказанія о *женѣ-измѣнницѣ*. Совершенно въ духѣ того же сказанія — и казнь надъ ней — *всякими муками*. Съ другой стороны звучатъ тутъ и отголоски другихъ, не менѣе извѣстныхъ сказаній: кольцо, отдаваемое перевощику, вѣрность собаки, окровавленное платье, какъ удостовѣренье въ убійствѣ и т. п. Замѣчательно жестокое самодурство князя Даніила, грозящагося выжечь у боярина Кучка села, если онъ не дастъ сыновей своихъ во дворъ къ князю; въ концѣ же — несправедливость и безчеловѣчіе князя Андрея, когда онъ, за вину сыновей, (насильно отнятыхъ у отца Даніиломъ) мститъ неповинному тутъ ни въ чемъ отцу ихъ. И о третьемъ князѣ, Іоаннѣ Даніиловичѣ, въ то время еще ребенкѣ, замѣчаетъ повѣствователь, что онъ *яръ и лютъ бѣ*. — При подобномъ нравѣ князей совершенно уже умѣстно книжное слово *рабъ*, придаваемое вѣрному слугѣ Іоаннову, хранителю его съ дѣтства. Какъ это слово, такъ и подобный нравъ представителей власти, легко могли быть *пришлыми* книжнымъ путемъ: образцами могли тутъ служить тѣ восточные властелины, о которыхъ такъ часто говорилось въ различныхъ рукописныхъ повѣстяхъ и сказкахъ. Впрочемъ, уже и на самомъ дѣлѣ на престолѣ Московскомъ образовывался тогда *иной* складъ, не тотъ, которымъ запечатлѣнъ въ древнѣйшихъ, лучшихъ былинахъ, Владиміръ Солнышко, а въ лѣтописи Владиміръ Мономахъ.

Изъ двухъ *исторій* объ Азовскомъ сидѣніи первая (№ 2) не упоминаетъ вовсе о самомъ взятіи, да и начинается такими словами, что тутъ никакъ нельзя предположить *начала*. Его тутъ,

1) Одно изъ этихъ преданій, для сличенія, перепечатывается мною въ приложеніяхъ къ настоящей части изъ «Временника Моск. Общ. Ист. и Древн.» Считаю долгомъ принести мою искреннюю благодарность завѣдывающему этимъ изданіемъ И. Д. Бѣляеву. Преданіе это, какъ читатель затѣтитъ, очень близко къ Рыбниковскому, или, проще сказать, составляетъ только особый его пересказъ.

очевидно, не достаетъ; зато оно есть въ слѣдующей (№ 3) «гисторіи», которой вторая часть представляетъ довольно искусственное распространеніе «исторіи» № 2. Тутъ замѣчательна также чисто искусственная преувеличенность — на прим. въ описаніи множества войска Татарскаго, множества убитыхъ казаками и т. п. — Тутъ и примѣсь оборотовъ церковно-славянскихъ, коверкаемыхъ самымъ безграмотнымъ образомъ, гораздо значительнѣе, чѣмъ въ № 2. При этой книжно-безграмотной примѣси, въ исторіи (т. е. обоихъ ея номерахъ) тѣмъ болѣе удивляютъ многіе весьма поэтическіе и чисто-народные обороты. Сюда относятся въ № 2: «и какъ цвѣты въ полѣ зацвѣли» (стр. 163) про казаковъ (а въ № 3 уже испорчено: «Азовскую степь все палатками, а не цвѣтами украсили — стр. 174); также поэтическое кормленіе татарскими трупами звѣрей и птицъ (стр. 164); выраженье про первую удачу, что «мы только оружье свое прочистили» (стр. 166); или далѣе: «разорили гнѣздо змѣиное». (стр. 167) Послѣднее нѣсколько напоминаетъ былевое *гньздо* Соловья. Языкомъ былинъ отзываются еще выраженія: «днемъ приступаетъ 10000, а въ ночи приступаетъ *другое* 10000 (та-же стр.) («ты у князя сто бери, у княгини *другое* сто [1]);—пришло войско *чернижское* великое» (стр. 162) («увидѣлъ на полѣ чернизину») [2]. — Полно поэзіи слѣдующее прощаніе казаковъ въ минуту неудачи: «простите насъ, царь и т. д., простите насъ, патріархи,... всѣ православные христіане, простите насъ, моря синія и поля чистыя», и т. д. (стр. 167) И при этомъ жалоба на *свѣтовъ-государей* Предтечу и Николу, что сами велѣли брать Азовъ, а потомъ оставили безъ помощи. — О двухъ *младыхъ юношахъ*, сѣкущихъ Турокъ, о которыхъ казаки отвѣтили имъ: «то-де наши воеводы», — въ «гисторіи» не пояснено, кто это. *Выставала же* до появленія ихъ *грозная туча* (совершенно какъ въ началѣ стиха о Голубиной Книгѣ), и вотъ изъ нея-то и выѣзжали чудесные юноши. Надобно думать, что это Борисъ и Глѣбъ. *По валу же* ходятъ два вышеназванныхъ угодника въ *бѣлыхъ ризахъ* и *пречистая богородица* (совершенно такимъ

1) Въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ — у Кирши Данилова. (Перепечат. у Кир. III, 22). Ср. въ нашемъ сборн. I, 141: *другое* шесть годовъ.

2) Кирѣевск. I, 48, 50. «Силы черныхъ черно» — нашего Сб. I, 54, 111, 160, 358.

же образомъ появляющаяся на валу и въ нѣкоторыхъ былинахъ о Татарскомъ нашествіи. (На прим. Рыбн. I, 107).

Въ исторіи № 3 угодники оказываютъ казакамъ помощь даже въ такихъ случаяхъ, когда, при христіанскомъ воззрѣніи, трудно бы ея ожидать. Они помогаютъ забрать въ плѣнъ, вмѣстѣ съ дочерію паши, много дѣвицъ и живота. «*Полонъ взять и живота нажить*» — вотъ что̀ оказывается тутъ руководящею мыслію казаковъ, которые при этомъ даже безъ особой нужды и въ огромномъ количествѣ рубятъ головы. Такъ и ощущается тутъ не та уже совершенно основа, что̀ въ былевомъ нашемъ эпосѣ, гдѣ стремленье къ добычѣ, — ради добычи, и проливанье *напрасной* крови — просто такъ, изъ любви къ искусству, вовсе не занимаетъ виднаго мѣста, благодаря *мужицкому*, а не *рыцарскому* нраву большей части нашихъ богатырей. Казаки же не даромъ и величались *лыцарями*: на нихъ дѣйствительно ощущается нѣкоторый отпечатокъ окровавленной чести рыцарской и изувѣрной рыцарской службы въ своемъ родѣ кровавому Богу! — А тѣмъ не менѣе казаки, въ нашей исторіи, собираются, какъ въ былинахъ богатыри, во *единый кругъ*, *живутъ* во полѣ какъ *люди незнаемые* (опять выраженіе былевое), сражаются съ *силою смѣтною* (какъ Илья и другіе богатыри [1]) Сходство съ *языкомъ* (но ни какъ не *духомъ*) былинъ замѣтно наконецъ и въ томъ, что «отъ рысканья конскаго земля подъ Азовомъ подогнулась, а изъ Дону рѣки вода на берегахъ оказалась» (стр. 174). Слѣдующее же выраженіе, не менѣе поэтическое: «подобно быть тогда грозы небесной, молніи и страшный громъ съ небеси, и отъ стрѣльбы ихъ непрестанно стоялъ огонь и дымъ», — скорѣе напоминаетъ слѣдующее мѣсто въ словѣ о Полку Игоревѣ»: «Чрьныя тучя съ моря идуть ..... а въ нихъ трепещуть синія млъніи; быти грому великому, итти дождю стрѣлами.... ту ся копіемъ приламати», и т. д. Можно припомнить при этомъ и Краледворскую рукопись: «стржелы джчеху... з мракув, ощепув лом яко рохот грома, блеск мечев, яко огень буржe» («Ярославъ»). Разумѣется для этого нѣтъ ни малѣйшей надобности предполагать заимствованіе: это просто — на единствѣ природы основанное сходство оборотовъ народной поэзіи.

---

1) См., на прим., нашего сборника ч. I, стр. 114.

Но есть, кажется, между нашею «исторіею» и «Словомъ» — еще черты сходства. Жена есаула Зыбина причитаетъ надъ мужемъ (стр. 181); далѣе жены казацкія вообще плачутъ о гибели мужей своихъ (183). Между тѣмъ есть ли какая нибудь возможность предположить *жене* — въ осадное время, особенно же при условіяхъ *казацкаго*, почти безсемейнаго быта? Не ясно ли, что «исторія» прошла чрезъ руки людей не знакомыхъ съ казацкимъ бытомъ, но зато знакомыхъ съ народно-эпическими пріемами? И вотъ, вокругъ Гекторовъ явились неизбѣжныя Андромахи: какъ въ «Словѣ» съ подобнымъ значеніемъ является *Ярославна*, такъ въ «исторіи» жена Зыбина; какъ тамъ *жены Русскія въсплакашась* по своихъ *милыхъ ладахъ*, такъ тутъ — *восплакаша жены казацкія*.

Что же касается самихъ казаковъ, то, видя женъ своихъ плачущими, они начинаютъ прощаться съ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, съ архіереями и игуменами, со всѣми православными христіаны. Но замѣчательно вотъ что: сходнымъ образомъ *прощается* въ одной изъ свадебныхъ пѣсень IV-й части невѣста: «за тѣмъ *добровъ* да *доброваньице* (это и значитъ по Олонецкому — *прощанье*), по большой пути дороженькѣ въ грозну службу Государеву, Государю царю батюшку, что къ самой-то государынѣ, государскимъ малымъ дѣтушкамъ. За тѣмъ добровъ да доброваньице вамъ, поля-луга зеленые, и на широку гладку улушку. За тѣмъ добровъ и доброваньице по всему да свѣту бѣлому» (стр. 122). — Съ одной стороны тутъ можно усмотрѣть подтвержденіе *горестнаго* положенья невѣсты: прощается, словно предъ смертью. Но не замѣчательно ли совершенно въ другомъ отношеніи это разширеніе кругозора: дѣвушка въ рѣшительное мгновеніе своей жизни, вмѣсто того, чтобы исключительно погрузиться мыслію въ ближайшія узко-семейныя отношенія, выходитъ, напротивъ, думою на просторъ широкій, по большому пути-дорогѣ доходитъ до государя, вмѣщаетъ наконецъ въ своихъ чувствахъ и цѣлый свѣтъ! Такимъ образомъ едва ли бы могъ выражаться народъ, не пошедшій въ своемъ развитіи далѣе *одного семейнаго быта*.

До извѣстной степени въ томъ же смыслѣ могутъ быть поняты и нѣкоторыя мѣста въ «повѣсти о царѣ, оклеветанной царицѣ и сыновьяхъ ея». — Семейное дѣло, дѣло объ измѣнѣ жены, вы-

носится тутъ царемъ на судъ земскій: на нѣкоемъ пространномъ полѣ устраиваются мѣста не только властямъ и вельможамъ, не только купцамъ, но и *всѣмъ жителямъ города*: «судите мя съ супругою моею», говоритъ имъ царь. — Правда, что собранные отказываются судить *господей* своихъ, и предоставляютъ все на волю царя и Божію. Тѣмъ не менѣе они рѣшаются и имъ удается склонить царя — по крайней мѣрѣ пощадить жизнь оклеветанной: «Молимъ тя, не ослези насъ, *всего царства твоего жителей*, горькимъ симъ осужденіемъ»..... Царь же въ размышленіи бывъ, и плачася, и *видѣвъ горькій плачь въ народѣ*..... умилися, и т. д. (стр. 190). — Значеніе земской силы тутъ только *совѣщательное* (какъ оно было и на нашихъ историческихъ земскихъ собраніяхъ); въ пріемахъ обращенія съ царемъ уже замѣтно совсѣмъ не то, что̀ въ богатырскихъ отношеніяхъ къ князю: «падше преклонишася ницъ предъ ногама его: — мы, владыко, не смѣемъ много глаголати, токмо послушай насъ, благій царю!» — Но съ другой стороны царь дѣйствительно *слушаетъ* ихъ, онъ считаетъ нужнымъ къ нимъ обращаться, хотя бы за тѣмъ только, чтобы *узнать* ихъ мысль. Они, т. е. *вси жители*, *весь народъ*, всетаки составляютъ *силу*.

Что касается собственно *повѣсти*, то, при всей книжности изложенія, она принадлежитъ къ разряду народныхъ (и даже общенародныхъ) сказаній о *злой свекрови*. Кромѣ того тутъ примѣшано и не менѣе распространенное сказаніе о *чудесномъ спасеніи: львица*, выкармливающая одного изъ сыновей гонимой царицы, напоминаетъ столькихъ другихъ попечительныхъ животныхъ — хотя бы *волчицу* Ромула съ Ремомъ.

Подъ № 6 и 7 помѣщены двѣ сказки, взятыя уже опять не изъ рукописей, а изъ устъ народа. Первая (о мужикѣ-вошѣ) примыкаетъ въ первой своей половинѣ къ сказаніямъ о братьяхъ разбойникахъ. Собственно это разсказъ младшаго, бывшаго, по обычаю патріархальныхъ временъ, на *посылкахъ* у старшихъ (стр. 203). Онъ встрѣчается съ чудеснымъ своею сплою *старикомъ*, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминающимъ Илью Муромца. (Напротивъ того *подъемомъ воротъ* старикъ этотъ скорѣе указываетъ на Самсона). Попавъ въ работники къ чудесному старику, бывшій разбойникъ видитъ у него *старенькаго* и горбатаго, пашущаго землю. Этотъ послѣдній какъ бы напоминаетъ

немного *Микулушку;* нѣсколько далѣе быстрый бѣгъ *хозяйскаго сыночка*, за которымъ никакъ не могъ поспѣть новый работникъ, смахиваетъ на кобылку Микулушкину. — «Господскій молодецъ» явно принадлежитъ къ разряду сказочныхъ *обыдалъ*, о древнемъ миѳическомъ значеніи которыхъ достаточно сказано г. Аѳанасьевымъ въ примѣчаніяхъ къ его сказкамъ. Быть можетъ и *тяжелый котелъ* «молодаго хозяина» представляетъ, въ весьма ослабленномъ, побѣдномъ видѣ, нѣчто общее съ тѣмъ миѳическимъ котломъ великана Эгира, который долженъ быть поднятъ Торомъ [1]). — Вообще наша сказка представляетъ странное смѣшеніе какихъ-то разнородныхъ отзвуковъ. Чудесный *сгибенекъ* старика, побивающій сколькихъ разомъ, въ концѣ сказки дѣйствуетъ не гибельно, а живительно — на «молодаго хозяина», который далѣе оказывается дѣвицей-паленицей: такъ что тутъ будто бы нѣчто общее съ Кострюкомъ-женщиной (въ пересказѣ настоящей части). Подъ этою дѣвицей — половиченки подгибаются, и не диво если выше — «*онъ* такъ захрапѣлъ, что меня въ шатрѣ, какъ на морѣ на валахъ, стало качать» (разсказъ работника).

Начало нашей сказки напоминаетъ «Оому Берешникова» [2]). Цѣликомъ на эту послѣднюю тему сложилась сказка объ «Олёшѣ Голопузомъ», — новый образчикъ народной пародіи на богатырей. Въ числѣ послѣднихъ тутъ рѣшительно глупымъ является даже Илья (королевичъ).

Въ отдѣлѣ повѣрій и суевѣрій помѣщенъ не сырой матерьялъ, а цѣлый трактатъ, къ которому мнѣ остается только кое-что прибавить. Помѣщенное тутъ въ самомъ началѣ преданіе о свѣтлыхъ и темныхъ духахъ по основѣ своей принадлежитъ къ разряду, уже не разъ затронутому г. Буслаевымъ въ его «Очеркахъ». Сходныя преданія у другихъ Славянъ можно найти въ любопытной статьѣ К. Я. Эрбена: Baje Slovanska o stvořeni světa», помѣщенной въ Часописѣ Чешскаго Музея за 1666 г. (если не ошибаюсь, во второй книжкѣ). Пересказъ, печатаемый теперь въ нашемъ Сборникѣ, отличается собственно заключительною своею частію: произведеніемъ отъ *сатанинскаго воинства*, низринутаго Михаиломъ Архангеломъ, водяниковъ, домовиковъ, и такъ далѣе.

1) См. Mannhardt, Germanische Mythen, 103, 192.
2) Въ сборникѣ А. Н. Аѳанасьева.

Что̀ касается всѣхъ этихъ разнородныхъ духовъ, то преданія о нихъ, сообщаемыя теперь г. Рыбниковымъ, очень близко подходятъ къ цѣлому множеству Нѣмецкихъ *Sagen*, извѣстныхъ по сборникамъ — какъ братьевъ Гриммовъ (равно и по миѳологіи Я. Гримма), такъ и многочисленныхъ ихъ послѣдователей. Съ Олонецкими преданіями о *крестунахъ* и т. п. *живыхъ мертвецахъ-людодавахъ*, много общаго можно найти въ книгѣ Маурера — Isländische Volkssagen der Gegenwart, въ отдѣлахъ «Spuk» и «Zauber-Sagen». Все это преданія, общія всему Индо-Европейскому племени (какъ и самое *забиваніе осиноваго кола въ спину* подобно у влющему мертвецу, для лишенія его силы оживать въ гробу. — Ср. у Маурера, 58).

На стр. 222 — 223 и 228 — 229 передаются два сказанія, въ сущности тождественныя: о похищеніи водяною силою у людей дитяти — въ первомъ сказаніи мальчика, во второмъ — дѣвочки. Съ другой же стороны сказаніе о послѣдней напоминаетъ былины о Садкѣ — т. е. собственно бракъ его съ подводною дѣвою. Равнымъ образомъ приходящій къ Садку старикъ сѣдатый (онъ оказывается, какъ извѣстно, Миколой Можайскимъ), очень близокъ къ старику нищему, чудеснымъ образомъ выводящему въ люди Ивана купецкаго сына (въ легендѣ о немъ, помѣщенной на стр. 234 — 239).

Нѣкоторыя преданія о явленіи лѣсовиковъ (стр. 225 вверху) и о водяникахъ (стр. 227 внизу), отличаются, какъ замѣтитъ читатель, оттѣнкомъ нѣсколько фаталистическимъ. Это совсѣмъ не то, что̀ выражаемая былинами о трехъ поѣздочкахъ (хорошими пересказами) мысль о торжествѣ человѣческой воли надъ самой судьбою («Въ тую дорожку ѣздилъ, — убитъ не былъ» т. е. не сбылось предназначенное). При существованіи такой мысли въ нашей *былевой* поэзіи, представляющей высшій подъемъ народнаго міросозерцанія, низшая точка зрѣнія уцѣлѣла, какъ пластъ болѣе отдаленной формаціи, въ отдѣлѣ *сказаній* (а также и *сказокъ*; между послѣдними многія отличаются тѣмъ-же фатализмомъ воззрѣнія).

Всего болѣе своеобразія, какъ мнѣ кажется, представляютъ наши преданія объ общественномъ положеніи *лѣсовиковъ* (стр. 224). Если же они болѣе *праведны*, чѣмъ *водяники*, то это, быть можетъ, указываетъ на опасную, предательскую природу нашихъ

сѣверныхъ водъ съ одной стороны, и на слюбленность народа съ лѣсами съ другой. — Замѣчателенъ также по преимуществу доброжелательный правъ домовыхъ (стр. 230) и своеобразныя преданія объ *отшельникахъ* - домовикахъ (стр. 231).

Въ отдѣлѣ *заговоровъ* встрѣчается любопытное обращеніе къ лѣсовому царю *Мусайлѣ* (стр. 250), который однакоже, со своими подначальными, оказывается тутъ силою, не совсѣмъ-то праведною. Любопытенъ и другой царь — *Муравьиный*, а не менѣе замѣчательно и то, зачѣмъ къ нему прибѣгаютъ: *средство стать невидимкой* (стр. 245), отзывающееся самою отдаленною стариною [1]). Тоже самое и въ *сказаніи о травахъ* (на той же стр. повыше), т. е. собственно въ томъ, которое относится къ травѣ *ерекъ*. Тутъ все основывается на извѣстномъ началѣ *уподобленія:* «какъ сія трава подъ церковнымъ угломъ (христіанизація) лежала и *никто не видѣлъ*, тако бъ и *меня никто не видѣлъ*, и т. д. [2]). (Сравни сходныя черты въ моей книгѣ о Русск. Слов., стр. 75 и 77). Въ концѣ заговора «*Чтобъ стать невидимкой*» самой сѣдой старинѣ принадлежитъ воззваніе: «ты *небо* — *отецъ*, ты *земля* — *мать*» (стр. 256). Эта божественная чета, какъ извѣстно, лежитъ въ самой первичной основѣ миѳическаго міросозерцанія всевозможныхъ народовъ, начиная отъ Ведъ и до сказаній Югровъ [3]).

Замѣчу, что въ *оберегѣ* на стр. 282 и *заговорѣ* № 15 (стр. 255) различно передается одинъ и тотъ же образъ — божественнаго стрѣльца, отстрѣливающаго всякую злую силу — на стр. 252 *тремя луками*, *тремя стрѣлами*, а на стр. 255 — прямо *молоньей*, *громомъ* и *громовыми стрѣлами*. И тутъ и тамъ небесный стрѣлокъ является уже подъ именемъ (не первичнымъ, разу-

---

1) *Царь Мурашъ* упоминается также на стр. 267 (въ заговорѣ № 25), гдѣ къ нему стекаются со свѣхъ сторонъ *муравьевы дѣти*.

2) На томъ же вѣрованіи въ силу *уподобленія* основывается и въ статьѣ *чарованія* (стр. 250) № 1. Также наговоръ (№ 11) на стр. 253, заговоры 15 и 17 (отъ зубной боли — стр. 256 — 257), 19, 23 (стр. 262), 25. Въ № 26-мъ уже испорчено: «*какъ услышатъ церковный звонъ*, такъ бы и сбиралось милое мое стадо» (вм. «какъ собирается народъ православный ко звону колокольному, такожде мой милой скотъ», и т. д. въ заг. 25-мъ-стр. 267). Зато въ заговорѣ 26-мъ къ этому еще придается соотвѣтственное дѣйствіе: *отъ колоколовъ соскрести мѣди*, и т. д. (стр. 269).

3) Muir, Beiträge zur Kenntniss der Vedischen Theogonie und Mythologie — у Бенфея въ Orient. und Occident, III, III, 452. Также: M. Carrière, Die Kunst im Zusammenhange der Culturentwickelung, I, 49 — 51, 115, 146 — 7; 386. (Другія указанія въ моей книгѣ на стр. 334).

мѣстея, а позднѣйшимъ) *Іисуса Христа*. (Впрочемъ и въ заговорѣ № 23 — сходный образъ стрѣлка, но величаемаго просто *синимъ*, потомъ *серебрянымъ*).

Христіанизація и вообще довольно замѣтна во всемъ отдѣлѣ V-мъ, особливо же въ *предсказаніяхъ* (стр. 248 — 250, № 7)[1]), также въ загадкахъ *A* (весьма даже *книжныхъ*) а отчасти и въ *Онежскихъ* (B), уже отличающихся устно-народною обработкою, но не древнихъ и б. ч. не миѳическихъ.

Изъ преданій уже чисто-христіанскихъ, церковныхъ, заимствованъ въ заговорѣ 26-мъ оборотъ: «какъ царь Константинъ ходилъ около своего воинства со крестомъ», и т. д. Въ заговорѣ же 25-мъ весьма любопытно: «сколь крѣпокъ Гробъ Господень *на воздусѣ* во градѣ Ерусалимѣ». — Извѣстно, что *висящимъ на воздухѣ*, по преданіямъ, является — въ Меккѣ — Магометовъ гробъ. Тутъ смѣшеніе преданій чрезвычайно странное.

Въ *сказаніи на всю седьмицу* (Отд. V, № 2) и *сказаніи о мѣсяцахъ* (№ 3) — христіанизація также весьма сильна (что̀ явствуетъ въ послѣднемъ заглавіи изъ самой надбавки: *на пользу христіаномъ*), но языческое *злое начало* ясно сквозитъ въ этихъ *злыхъ дняхъ*, и во *вредныхъ явленіяхъ*, сопряженныхъ, въ смѣси съ благими, съ каждымъ изъ дней, въ какіе приходится *рождество*: если даже и предположить тутъ силу *дьявола*, то вѣдь извѣстно, какъ много чисто-языческихъ отзвуковъ соединялось въ народѣ съ этимъ библейскимъ лицомъ[2]). — Христіанизація, въ той мѣрѣ какъ проникаетъ она въ повѣрья народныя, не мѣшаетъ, какъ давно извѣстно, живучести въ нихъ старины языческой. Такимъ образомъ при именахъ Христа, Богоматери и различныхъ святыхъ, попадаются въ настоящей части, преимущественно въ заговорахъ — обороты, напоминающіе старину веданческую: хотя бы древнѣй-

1) Замѣчательно тутъ въ параграфѣ 12 мъ: «у св. Ѳеодора *Стратилата* змѣй ухватилъ на кладези матерь его»; совершенно согласно съ преданіями Чети-Минейными, тогда какъ въ апокрифахъ и духовныхъ стихахъ тутъ Ѳеодоръ *Тиронъ*. (См. въ моей книгѣ стр. 322).

2) Замѣчательно, что въ числѣ *темныхъ* лицъ, способныхъ *портить*, упоминаются въ нашихъ заговорахъ *чернецъ* и *черница*, *попъ* и *попадья*, *скимникъ* и *скимница* (стр. 263, 270). Это, очевидно, находится въ связи съ суевѣрнымъ страхомъ народа — встрѣтить священника, и т. п остатками не-христіанскихъ воззрѣній въ народѣ.

шее таинственное число *семьдесятъ семь* (стр. 251), о которомъ говорится въ журналѣ Куна XIII, 128[2]).

Миѳическою древностію отличается, при всей христіанизированной книжности изложенія, и *сказаніе о солнцѣ* (стр. 184 — 185) — гдѣ оно носитъ *царскій вѣнецъ*, а дорогу ему прочищаютъ *двѣ птицы* огненныя, напоминающія Индійскихъ *Асвиновъ*. О первоначальномъ значеніи этихъ послѣднихъ — въ соотвѣтствіи съ Греческими *Діоскурами* — какъ свѣтоносныхъ солнечныхъ птицъ, см. въ Zeitschrift für Vergl. Sprachforsch. Куна, XIII, 114. Объ Асвинахъ, какъ миѳахъ зари (или звѣзды) — *утренней* и *вечерней* — также у Петерсена въ его Mythologie der Grfechen (Энцикл. Эрша и Грубера, Серія I, т. 83, стр. 79). Въ нашемъ сказаніи о солнцѣ объ птицы соединяются съ шествіемъ солнца собственно *къ западу;* — это уже, надо думать, нарушеніе первичной ихъ разности, затемнѣніе, порча. Что̀ касается того, что птицы въ нашемъ сказаніи «омакаютъ крылія свои въ *водѣ окіянстѣй* и кропятъ ими солнце, да не попалитъ лучами своими», — то въ этомъ, по видимому, сохранилось прекрасное миѳическое указаніе на сопряженное съ зарею явленіе *росы*, — которое различнымъ образомъ выражается также во многихъ загадкахъ и колядныхъ пѣсняхъ. Данными напечатаннаго теперь *сказанія о солнцѣ* дополняются данныя нѣкоторыхъ колядокъ. По поводу одной изъ нихъ было сказано въ моей книгѣ (стр. 31): «между древними миѳическими представленіями существовало одно, по которому двѣ птицы, *живущія на океанѣ морѣ*, принимали на распущенныя свои крылья и разносили солнечные лучи» и т. д. Но въ колядкѣ, къ которой относятся эти слова, свѣтоносныя птицы замѣняются уже — *ангелами*. — Такая замѣна не покажется страшною никому, хотя сколько нибудь знакомому съ разнообразными измѣненіями миѳовъ. Извѣстенъ переходъ свѣтоносныхъ птицъ — въ коней свѣтозарныхъ — въ классической миѳологіи (Petersen, 77) а равно и въ сѣверной (Bergmann, Poèmes Islandais, 265); далѣе — классическое распространеніе коней въ образъ *всадниковъ* — Діоскуровъ (подробное филологическое толкованіе въ этомъ смыслѣ

2) См. въ моей книгѣ стр. 81. Въ нашемъ сборникѣ, въ настоящей (IV) ч. на стр. 258, при числѣ 70, и самый оборотъ изгнанія суровца совершенно напоминаетъ заговоры Индійскіе. Сходно въ заговорахъ 21-мъ и 22-мъ (на стр. 260 — 261).

самыхъ именъ ихъ, т. е. Кастора и Поллукса, см. у Петерсена, 79). (Ср. M. Karriere, die Kunst, etc., I. 388 — о сходномъ значеніи и самыхъ Асвиновъ). Въ Литовскомъ же миѳѣ совсѣмъ исчезаетъ великій животный образъ и оказываются только очеловѣченныя *звѣзды - служительницы* солнца — *утренняя* и *вечерняя*: одною зажигается для солнца огонь, другою приготовляется ему ложе [1]) Въ нашемъ *сказаніи о солнцѣ* у него также оказываются *служители* (въ страшно размноженномъ количествѣ): *одни* (по вечерамъ) совлекаютъ съ него одежду и вѣнецъ, другіе (очевидно по утрамъ) напротивъ того *облекаютъ* солнце; а *по три* изъ нихъ, какъ сказано въ нашемъ сказаніи, *остаются у солнца* (должно быть на ночь) и *снабдѣваютъ солнце* — не то ли же въ этихъ послѣднихъ словахъ, что въ Литовскомъ *зажиганіи для него огня?* — Между тѣмъ эти служители солнца оказываются въ нашемъ сказаніи *Ангелами* (Господними). Про нихъ сказано сверхъ того, что они *по вся дни ходятъ* съ солнцемъ; также точно въ томъ же сказаніи постоянно *летаютъ* передъ нимъ (на югъ и къ западу) упомянутыя выше *птицы*. Не ясно ли, что эти послѣднія играютъ одну и ту же роль съ ангелами. Явившись въ позднѣйшее, христіанское время, въ замѣну миѳическихъ птицъ, эти *ангелы* не окончательно вытѣснили и ихъ, а только съузили ихъ значеніе, отнесли ихъ собственно къ вечеру. Подобнаго рода явленія въ миѳологіи вовсе не рѣдкость. Далѣе въ нашемъ сказаніи — то, что «отъ огня солнечнаго тѣмъ птицамъ періе обгораетъ, и бываютъ голи, яко оскорилени, и паки купаются въ окіанѣ и обновляются» — отчасти сходится съ классическимъ сказаніемъ о постоянно возрождающемся изъ огня *фениксѣ* - птицѣ. — Наконецъ въ связи съ явленіями утра и вечера является въ нашемъ сказаніи и *пѣтухъ*, который *проповѣдуетъ мірови воскресеніе*: разумѣется же тутъ, какъ слѣдуетъ изъ миѳическаго контекста, и воскресеніе дня, солнца, и воскресеніе въ христіанскомъ смыслѣ, (всѣмъ извѣстна связь пѣтуха съ Петромъ апостоломъ и старинное употребленіе пѣтуховъ на кровляхъ церквей).

---

1) Nesselmann: Lithauische Lieder, 1, 2. О филологически - миѳическомъ сродствѣ звѣзды съ зарею см. у Гануша въ Wissenschaft des Slavischen Mythos, 179: первоначально заря означала вообще свѣтъ; далѣе *zorice* - утренняя звѣзда; малоросс. *зорьки* — звѣзды; *утренка* у различныхъ Славянъ — то заря, то звѣзда (утренняя).

При всѣхъ очевидныхъ слѣдахъ миѳической самостоятельности солнца въ нашемъ сказаніи, оно уже поставлено тутъ въ зависимость отъ Бога въ христіанскомъ смыслѣ. Такъ и на стр. 253 внизу (заговоръ № 11): «у Господа Бога изъ за горы изъ за высокія, изъ за лѣсу изъ за темнаго на небо на ясное восходитъ солнышко красное», и т. д.

Заключу свое обозрѣніе послѣдняго отдѣла нашего сборника указаніемъ нѣкоторыхъ очевидно миѳическихъ, по основѣ, своеобразностей въ заговорахъ. — Такъ въ № 14 хитромудрые мастера Козьма-Демьянъ несутъ *мису золотую*, а на мисѣ *золотое перо* (каково собственно его назначеніе, не пояснено). Въ № 20 являются *три сестры*, самому Христу дочери. старшая беретъ иглу, вдѣваетъ нить, и зашиваетъ рану; — первоначально же, вѣроятно, каждой сестрѣ доставалось на долю по одному изъ этихъ глаголовъ: одна брала, другая вдѣвала, третья зашивала. (Надо бы принять тутъ въ соображеніе весь отдѣлъ о Норнахъ въ Маннгардтовыхъ Germ. Mythen.) Въ № 23, на *Мунай островѣ сидитъ Мунай-птица* (вѣроятно испорчено изъ *Могуль*, имени, извѣстнаго по другимъ сказаніямъ), отдираетъ когтями, отклевываетъ клювомъ, отмахиваетъ перьями притчи и приговоры, и т. п., потомъ летитъ черезъ огненную рѣку, гдѣ и сгараетъ вся злая сила. Въ № 24 упоминается *всѣмъ царемъ царь — огонь-царь* (соотвѣтственно водѣ-водицѣ — рѣкѣ-царицѣ, въ заговорѣ № 12)[1]. Тутъ же, а равно и въ № 27, говорится о *седьмомъ небѣ*, на которомъ, въ этомъ послѣднемъ №, оказывается у Господа Бога *перина дорогая*. Замѣчательны въ томъ же заключительномъ заговорѣ и создаваемыя воображеніемъ заговаривающаго вострыя тынины, а на всякой изъ нихъ по головѣ — колдуновой, и т. д. Это напоминаетъ сказочный дворъ Яги, и т. п.

Въ заговорахъ, какъ замѣтитъ читатель, много пропусковъ, происходящихъ частію отъ вырванныхъ или стертыхъ мѣстъ въ рукописяхъ; частію отъ ихъ неразборности (Кое что̀, весьма немногое, не прочтенное г. Рыбниковымъ, прочтено мною, кое-чѣмъ обязанъ я въ этомъ отношеніи В. И. Ламанскому[2]). При словѣ

1) Замѣчательны также и *святые* темные лѣса въ заговорѣ 26-мъ (въ началѣ).

2) Всѣ рукописи заговоровъ доставлены были мнѣ въ подлинникѣ и находятся теперь у меня.

артусъ въ заговорѣ 26 (словѣ, прочитанномъ мною) я поставилъ вопросительный знакъ не потому, чтобы оно не могло имѣть мѣста въ народныхъ суевѣріяхъ, а потому, что прочитано болѣе по догадкѣ: предпослѣдняя буква тутъ — просто каракуля (какъ и нерѣдко въ народныхъ рукописяхъ, гдѣ при томъ и описокъ и пропусковъ бездна). Въ примѣчаніи къ заговору 28 (въ концѣ) я предполагаю — «надъ *иглами*» (вѣроятно и въ заговорѣ свадебномъ № 13 — вм. *на игли* надо читать на *иглы*) — на томъ основаніи, что *обтыкаться иголками* считается, какъ извѣстно, оберегомъ во время свадьбы. Рукописи заговоровъ частію относятся къ XVIII ст., частію къ XIX. Къ признакамъ старины принадлежатъ такія выраженія, какъ угроза царемъ-государемъ *въ Москвѣ* (стр. 250; это собственно въ чарованіяхъ; сходно съ этимъ и въ загадкахъ: «да утѣшу я царя *въ Москвѣ*» — про колоколъ, на стр. 246 внизу); также угроза приказами *стрѣльцовъ* съ Москвы, съ Новгорода, да казаковъ *съ Азова*.

Я не подвергаю заговоровъ г. Рыбникова такому внимательному разбору, какого бы они заслуживали, собственно потому, что мнѣ еще придется принять ихъ въ разсчетъ при томъ разсужденіи, какое долженъ буду я написать, въ видѣ предисловія, къ изданію обширнаго сборника заговоровъ, предпринятому по порученію Этнографич. Отд. Географич. Общества. Л. Н. Майковымъ и мною. Теперь же замѣчу только, что какъ заговоры, такъ и многое другое въ нашемъ сборникѣ, значительнымъ образомъ пополняетъ данныя нашей миѳологіи, далеко не столь скудныя, какъ полагали, а отчасти еще и теперь полагаютъ иные. Было же и въ Германіи, до Я. Гримма, мнѣніе, что германская миѳологія почти не существуетъ; на самомъ же дѣлѣ не существовало — только великаго Гримма. На бѣду и у насъ еще не раждаются Гриммы. Именно въ этомъ отношеніи совершенно вѣрно и мѣтко было замѣчаніе одной статьи «Вѣстника Европы», что скудна не сама наша отечественная старина, а до сихъ поръ скудно было наше знанье о ней [1]).

---

1) Если не ошибаюсь, это сказано во II-й кн. 1866 г. въ концѣ Педагогическаго Обозрѣнія (цитирую *по памяти*, не имѣя подъ рукой самой книги), при указаніи на мой «Опытъ Историч. Обозр. Р. Слов.» Странно, что самъ «Вѣстникъ Европы» отчасти отступилъ отъ своего взгляда въ IV кн. того же года, гдѣ, въ отдѣлѣ библіографіи, при болѣе подробномъ обзорѣ моей книги,

Замѣтка моя была почти окончена, когда я получилъ отъ П. Н. Рыбникова отвѣтъ на письмо, въ которомъ убѣдительнѣйше его просилъ — прислать для IV-й ч. и свою собственную замѣтку. Къ сожалѣнію, занятія по должности не даютъ г. Рыбникову никакой возможности сдѣлать это. «Будьте же вполнѣ отцемъ вашему крестнику» — т. е. IV-ой части, пишетъ онъ мнѣ, и за тѣмъ прибавляетъ: «я бы объ одномъ только попросилъ васъ. Всякій, кто хочетъ познакомиться вполнѣ съ Русскою былевою поэзіею, долженъ прочесть былины каждаго пѣвца вмѣстѣ. Тутъ ему представится все, что̀ есть общаго и характернаго у каждаго сказителя, не только народнаго, но и особнаго, ради чего пѣвецъ изъ океана пѣсень выбралъ извѣстную волну былинъ.... При такомъ чтеніи для всякаго чуткаго глаза и уха должно изчезнуть послѣднее сомнѣніе въ подлинности былинъ. «Впрочемъ, и вами когда-то заявленное желаніе исполняется [1]): я уже уѣхалъ изъ Олонецкой губерніи, а въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ продолжаютъ печатать варіянты былинъ: послѣ меня нашелся продолжатель собиранію памятниковъ народнаго творчества: почтенный Е. В. Барсовъ».

«Да, если читать, какъ я предлагаю, откроются любопытныя вещи: въ былинахъ К. П. Романова, слѣпца отъ рожденія и ученика слѣпцовъ, замѣтится особенное добродушіе, свойственное слѣпымъ; даже жестокій поступокъ получаетъ у него какой-то смягчающій характеръ посредствомъ мягкихъ выраженій или смягчающихъ подробностей. — Война, поединки, торжество силы, молодецкая беззавѣтная удаль на первомъ планѣ у рыболововъ и у безстрашнаго ловца Рябинина. — Трагическій отпечатокъ, такъ рѣдкій въ эпосѣ, вызывающій то страхъ, то состраданіе, бросается въ глаза въ былинахъ Поромскаго старика; а порою въ

онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я въ свою очередь упрекаю г. Кавелина въ преждевременно-смѣломъ заключеніи о *скудости* нашей миѳологіи. Неужели это вышло — по дружбѣ къ сотруднику, и неужели почтенное имя г. Кавелина (ученаго по другой совершенно части) много потерпитъ, если будетъ доказано, что онъ нѣсколько слегка отозвался о предметѣ, подававшемъ поводъ къ не менѣе легкомысленнымъ заключеніямъ и людямъ, гораздо ближе изучавшимъ этотъ предметъ. Дѣло въ томъ, что если иной разъ *тутъ просто незнаніе*, то часто тутъ все зависитъ — отъ *извѣстнаго рода очковъ* у изслѣдователя.

1) Т. е. чтобы собираніемъ пѣсенъ въ Олонецкомъ краѣ занялись и другія лица.

ихъ слышатся отзвуки чего-то необычайно-древняго, той чарующей силы, нѣги, истомы, которою проникнуты иные мнои (припомните отрывки: когда жена Владимірова обрѣзала руку глядючи на Чурилу [1]); или наказъ царя, какъ устроить въ кораблѣ каюту, гдѣ бы засидѣлась жена Саламанова [2]). — Обиліе подробностей, нѣкоторая расплывчивость, богатство эпизодовъ, соединеніе многихъ былинъ въ одну — у Сумозерскаго пѣвца — ясно указываетъ промыселъ сказителя — содержателя постоялаго двора: чѣмъ дольше длится былина, тѣмъ ему выгоднѣе: обязательные слушатели рады лежа слушать до поздняго вечера». — (Ср. въ замѣткѣ къ III ч. стр. XVIII — XXV, XXXI — XXXIII.)

Эти дорогія строки много-уважаемаго собирателя сильно меня заохотили — перечитать былины всѣхъ четырехъ частей, слѣдуя его способу — *по отдѣльнымъ сказителямъ*. Попрошу читателя припомнить также и стр. XL — XLI въ замѣткѣ г. Рыбникова къ III ч., особливо же выноску на стр. XLI (опечаткою названной XLIII-ьею): тутъ говорится о *любимыхъ* выраженьяхъ у нѣкоторыхъ сказителей. Любопытно и полезно было бы вывести полный итогъ своеобразныхъ оборотовъ и словъ у всѣхъ сказителей, т. е. составить для каждаго особый словарь его поэтической терминологіи. Но у меня въ настоящее время не хватаетъ на это времени.

Замѣчу на счетъ К. Романова, что его смягчительные пріемы заключаются, можетъ быть, въ особенно частомъ употребленіи уменьшительныхъ оборотовъ; но эти послѣдніе и вообще свойственны нашему народному языку, а потому не рѣдки и у другихъ сказителей. Мягкостью отзывается у Романова то, что у него не рѣдко *плачутъ*: и Добрыня (въ двухъ пересказахъ I, 120, 139), и мать Добрынина (I, 142), и Владиміръ-князь — при нашествіи Татарскомъ на Кіевъ (I, 115). Извѣстная Добрынина жалоба на богатырскую жизнь съ ея вѣчными боевыми схватками отличается у Романова особенною полнотою, чѣмъ, разумѣется, и выказывается съ особенною силою мягкость права Добрынина. — Когда же въ немъ, не смотря на то, расходился гнѣвъ на измѣнщика Алешу (постоянно величаемаго у Романова

1) Ч. III, стр. 126.

2) III, 298. Г. Рыбниковъ нѣсколько ошибся: это не наказъ царя, а совѣтъ царю, даваемый Таракашкомъ.

смѣлымъ, безъ примѣси какихъ либо прилагательныхъ неблаговиднаго свойства), тогда Алешу спасаетъ особенная черта мягкости, достающаяся у К. Романова на долю Ильѣ Муромцу, но вполнѣ соотвѣтствующая многимъ однороднымъ чертамъ, съ какими является этотъ богатырь и у другихъ сказителей: «не убей ты смертью напрасною меньшаго братца Алешу Поповича», говоритъ Илья, захватывая Добрыню «за плечики за могутныя за молодецкія» (I, 145, 146).

Но при всей господствующей мягкости К. Романова, и у него попадаются мѣстами черты самыя суровыя и даже ничѣмъ не смягченныя; таковы, напр., слова жены Дунаевой: «омочи плетку въ горячу смолу, и бей меня по нагу тѣлу» (I, 185) и далѣе — все въ томъ же родѣ, съ величайшею обстоятельностью. Ясно, что это только *уцѣлѣло въ памяти* добродушнаго слѣпца, уцѣлѣло, такъ сказать, *помимо его*, какъ унаслѣдованный остатокъ старины самой грубой, самой отдаленной.

Въ той же мѣрѣ замѣчательно, совершенно съ другой стороны, при томъ нравственномъ обликѣ другаго пѣвца, Рябинина, какой также сообщенъ выше г. Рыбниковымъ, возможность и у этого пѣвца, среди его по-преимуществу суровыхъ картинъ, нерѣдкихъ проявленій мягкости богатырской. Такъ и у Рябинина, когда Илья Муромецъ занесъ правую руку на паленицу,

Права рученька его въ плечѣ застоялася,
Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается (I, 70),

и это до трехъ разъ. Далѣе замѣчательны *слезы* (72) «паленичища удалаго», какъ величается она Рябининымъ (68, 74), и *поцѣлуи* Ильи «во уста ея во сахарнія», когда онъ, узнавъ,

«Называлъ ю дочерью себѣ *любимою*» (73).

Также точно особенною мягкостью отличаются у Рябинина и отношенія Ильи къ молодому Ермаку:

Наложилъ онъ свои храпы крѣпкіе
На него на плечики могучія,
Прижималъ его къ своему ретивому сердечушку (I, 113).

Особенную цѣну получаетъ въ устахъ Рябинина, такого любителя повѣствовать о вѣчномъ *потыканьи* (подвижности) постоянно воюющихъ богатырей, не обойденная и имъ жалоба на богатырство Добрыни, къ которой еще присоединяется у Рябп-

нина и желанье его — лучше бы стоять деревиночкой *безъ шевелимости*, или гоголишкою — также *безъ шевелимости вонъ по воньку* (I, 150). — И это, должно быть, обязательныя для сказителей, унаслѣдованныя черты, но унаслѣдованныя уже отъ болѣе мягкой, поздпѣйшей поры развитія.

При всей своей преимущественной наклонности къ повѣствованію о бояхъ, именно Рябининъ-то и сохранилъ въ памяти превосходную былину о Вольгѣ и Микулѣ, въ которой, какъ извѣстно, преимущество на сторонѣ *Селяниновича* (I, № 39). — И Рябининъ, какъ прочіе, и въ описаніи Вольги и его дружины, и въ другихъ случаяхъ не обнаруживаетъ особеннаго вникапья въ подробности воинской скруты. (Исключеніе составляетъ подробное описаніе стрѣльбы изъ большущаго лука у Бутеяна I, 156 — 157). — И Рябининъ, хотя, можетъ быть, и меньше К. Романова, а все же любитъ смягчающія уменьшительныя (напр. I, №№ 10, 12, 20).

Замѣчательны у Рябинина неоднократные примѣры отсутствія всякихъ «рядовъ и чиновъ», какъ-то: *глупый Волга Святославовичъ* (обращенье къ нему Микулушки Селяниновича I, 21), *глупый король Бутенъ* (I, 162), *глупый Владиміръ* (I, 190). Въ другомъ совершенно родѣ очень часто попадающіеся у Рябинина *князья подколѣнные* (I, 58, 107, 155, 189, 284). Къ любимымъ выраженьямъ его относятся также:

Въ одной бѣленькой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ

(I, 152, 191, 281, 398). Иногда это выраженіе употребляется имъ даже рѣшительно ни къ селу ни къ городу, т. е. просто машинально, по привычкѣ, на прим. I, 287, 291. — При очевидномъ преобладаніи сѣдой старины, у Рябинина попадаются и черты поздпѣйшія,—на прим.: застава *Московская* (I, 66, 108); *крѣпостная служанка*, *танцованіе* (III, 4); также книжныя: *Мамелфа* (о книжномъ происхожденіи этого имени — въ статьѣ И. А. Іавровскаго о ветхозавѣтныхъ апокрифахъ, въ Духовномъ Вѣстникѣ 1865 г.), *Самсонъ* (какъ самое имя, такъ и многія подробности въ былинѣ о немъ) слово — «*аще*» (въ той же самой былинѣ, гдѣ хотя подъ Самсономъ и скрывается прежній Святогоръ, но замѣтно и много книжнаго — библейскаго; при Самсонѣ — *Ангелъ отъ Господа* (ч. III, № 1).

Перейдемъ къ *Поромскому старику*. Совершенно соглашаясь съ выводомъ объ его былинахъ г. Рыбникова, я замѣчу еще, что онъ поражаетъ *своеобразіемъ* многихъ подробностей и оборотовъ. Былины его, какъ извѣстно, всѣ помѣщены въ III ч. Первая изъ нихъ, № 10, съ особенною силою передаетъ удалой разгулъ Ильи Муромца: какъ онъ, взявъ одну бочку сороковку подъ пазуху, другую сороковую подъ другую, третью ногой катилъ, поилъ голей со всѣхъ кабаковъ; какъ онъ, разбуженный, прибилъ воронкою всѣхъ цѣловальниковъ и, начудесивъ такимъ образомъ, пошелъ мимо палаты царя Константина и закричалъ зычнымъ голосомъ: «ищи казну за мной славнымъ Ильей Муромцемъ». Когда же Илья шелъ въ кабакъ, то подъ нимъ *мать земля колыбалася*. (Кстати отмѣчу, что у Поромскаго сказителя встрѣчается и *стьна — мать городовая*, и *матка трава* [1]). Въ № 13 (Три поѣздки Ильи) выдается свѣтящееся каменье между ушей у коня Муромца [2]), двѣнадцать дѣвъ, идущихъ изъ крѣпости богатырской, жестокая казнь королевишны чародѣйки Въ № 14 (бой съ сыномъ) особенно поражаютъ заключительныя слова Ильи: «*два* чада на вѣку было спорожено, да и тѣмъ отъ своихъ рукъ смерть предана». Слова эти даютъ поводъ думать, что *паленица* женщина, съ которою бьется Илья въ нѣкоторыхъ былинахъ, не есть только видоизмѣненіе *Сокольника*, но что она и онъ — это два различныхъ лица, *дочь* и *сынъ* Ильи Муромца. — Въ № 16 (Добрыня въ отъѣздѣ) послѣ того, какъ неузнаваемый Добрыня, совершенно похожій въ этомъ случаѣ на Одиссея, напоминаетъ о томъ, что «на *правомъ лицѣ* у него три знамени было», поразительно дѣйствуетъ поэтически-сжатая сила въ отвѣтѣ Добрынинной матушки:

---

1) Стр. 152.

2) Замѣчательно, что подобнаго рода *каменье* нерѣдко упоминается въ Сербскихъ пѣсняхъ — на прим. оно вставлено въ колесницу у Вука III, стр. 154. (Ср. тамъ-же — 78, 87, 397, 430, 468, 535, 544).

При њима се види путовати,
У по ноћи, како у по дана...

А у Поромскаго старика:

Дорого самоцвѣтное каменье
... для ради ночки темныя, осеннія,
Чтобы видно, гдѣ ходитъ мой добрый конь (III, стр. 50).

Распекло-де у насъ солнце красное [1])
Закатился-де у насъ свѣтелъ мѣсяцъ:
Твоя-то хозяйка замужъ пошла... [2]).

Въ № 24 (Чурила) кромѣ черты, указанной г. Рыбниковымъ, замѣчательно требованіе у Владиміра *праведнаго суда*, и отказъ его въ томъ, потому что Чурила успѣлъ задарить князя. Въ № 27 и трагическимъ строемъ, и особенностью поэтическихъ сравненій отличается описаніе убійства Чурилы и самоубійства жены Бермятиной, съ легкимъ оттѣнкомъ эпическаго лиризма въ словахъ:

Погибнуло двѣ головушки,
Что хорошія головы, наилучшія (стр. 141).

Въ № 29 (Дюкъ) выдается особенность выраженій: «покланяется *желтыми кудрями* до сырой земли»; «изученье вижу твое полное» (знаніе приличій); «поклонъ поставити»; «забрать во высоки теремы»; «Чурило сухоногое». Въ № 56 (Саламанъ) уже выше отмѣчена самимъ г. Рыбниковымъ поразительная черта. Остается еще № 38 — (Авдотья Рязаночка), — но тутъ уже все, самая основа совершенно своеобразна, и никакихъ другихъ пересказовъ этой превосходной былины до сихъ поръ не извѣстно. Поражая своею сжатою силою (всего три страницы) и всѣмъ своимъ строемъ, возможнымъ только въ народной поэзіи, она — простодушіемъ побужденья, по которому *братъ* предпочитается *мужу* и *свекру*, кидаетъ свѣтъ на сходное, по положенію, мѣсто въ Софокловой Антигонѣ, и заставляетъ признать въ ней подлиннымъ то, что̀ многими комментаторами, незнакомыми съ особенностями народно-поэтическаго воззрѣнія, считалось за интерполяцію.

---

1) Сравненіе возвращающагося сына съ солнцемъ встрѣчается также въ Сербской пѣснѣ о Стоянѣ Янковичѣ, совершенно напоминающемъ въ этомъ случаѣ Добрыню:

Ти не кукай, моја стара мајко!
Тебе стару огрејало сунце:
Ево теби твог Стојана сина! — (Вука III, стр. 172).

2) Съ этимъ можно сопоставить слова Ильи Муромца Владиміру на счетъ Данилы Денисьевича и Василисы Микулишны (Кир. III, 34).

Изведешь ты яснаго сокола,
Не поймать тебѣ бѣлой лебеди.

Послѣ всего этого придется, кажется, признать, что у Паромскаго старика сохранилась во многомъ своя особенная — по выраженію г. Рыбникова — «волна» въ былинахъ, перешедшая къ нему отъ особыхъ сказителей, отъ особой, такъ сказать, «школы» ихъ, другіе ученики которой или перемерли, или намъ еще не извѣстны. (Укажу на стр. XXXII въ замѣткѣ г. Рыбникова къ III-й ч., изъ которой видно также, что за Паромскимъ старикомъ, какъ говорили г. Рыбникову, водится до 20 старинъ; въ нашемъ же сборникѣ именемъ его обозначены всего девять №; — какъ бы тѣмъ почтеннымъ продолжателямъ дѣла г. Рыбникова, о которыхъ говоритъ онъ въ письмѣ своемъ, добыть эти остальныя одиннадцать, — а, можетъ быть, и болѣе — старинъ-былинъ Паромскаго старика?).

Надо однако же замѣтить также, что при всей *цѣльности* строя былинъ упомянутаго сказителя, и въ нихъ попадаются иногда слова книжныя и новѣйшія: наприм. прилагат. *Латынскій* (49, 123), гора Фаоръ (Оаворъ) (54), даже какое-то особенное расположеніе къ слову *паратный* (парадный) (стр. 39, 153, 155, 161).

Относительно Сумозерскаго пѣвца (Андрея Сорокина — II, 7, 19, 30, 31, 34, 53, 62, 63), мнѣ пріятно было замѣтить, что я уже заранѣе былъ тутъ согласенъ съ г. Рыбниковымъ. Пересматривая, по полученіи его письма, свои давнишнія помѣтки карандашемъ на поляхъ нашего сборника, я у заглавія многихъ былинъ Сорокина встрѣтилъ помѣтку: *распространено*. И дѣйствительно, этого нельзя отнести только къ № 62, гдѣ три поѣздочки Ильи Муромца передаются довольно сжато и съ замѣчательною цѣлостностью, неиспорченностью строя (надбавкою служитъ собственно только «мочь не держится» и т. д.). При господствующемъ же свойствѣ былинъ Сорокина, къ надбавкамъ въ нихъ противъ другихъ былинъ надобно, разумѣется, относиться съ большой осторожностью: признано можетъ быть подлиннымъ, унаслѣдованнымъ только то, что̀ не противорѣчитъ основному былевому облику того или другаго лица. И у Сорокина есть особенности прямо прилично̀ствующія лицу, а иногда и по самому складу своему и языку — очевидно древнія; — но такія черты должны быть постоянно выдѣляемы у него изъ той пестрой помѣси и спутанности эпизодовъ, которая такъ прекрасно объяснена г. Рыб-

никовымъ. — Послѣ его объясненія тѣмъ труднѣе будетъ согласиться съ О. П. Буслаевымъ въ его заключеніяхъ о высокомъ-ромъ пріемѣ Ильи Владиміромъ уже при первомъ пріѣздѣ Муромца, — заключеніяхъ, основанныхъ главнымъ образомъ на сводной и сбитой, большущей былинѣ Сорокина (№ 63; съ нею впрочемъ сходна и у Кирѣевскаго I, 77 — 86 (Пешкурекъ), все-таки, не сравненно менѣе распространенная, но уже давно отмѣченная К. С. Аксаковымъ, какъ позднѣйшая по своему построенію). —

Мнѣ бы слѣдовало не только подробнѣе вникнуть въ особенности склада и строя упомянутыхъ г. Рыбниковымъ сказителей, но и выяснить облики всѣхъ остальныхъ, или по крайней мѣрѣ такихъ, болѣе или менѣе богатыхъ былинами, какъ Леонтій Богдановъ (I и III ч.), Никифоръ Прохоровъ (I ч.), Терентій Іевлевъ (I и IV ч.), Бутылка (III ч.), Трофимъ Романовъ (III и IV ч.), Корелякъ В. Лазаревъ (III и IV ч.) и др. Но у меня еще впереди — цѣлый обширный трудъ о былинахъ, во вступленіи къ которому (или же въ дополненіяхъ къ нему) найдетъ мѣсто и подробная обрисовка былинъ — *по сказителямъ*. Въ настоящее время я позволю себѣ удовольствоваться только представленными мною образцами, думая, что полезно будетъ и то, если затѣмъ уже сами читатели станутъ пользоваться этою четвертою частью — подобнымъ же образомъ: часто заглядывая въ предшествующія. Имъ придется Рябининскую былину въ IV ч. (№ 18) сопоставить со всѣмъ множествомъ былинъ Рябинина въ I части (цѣлыхъ двадцать) и двумя въ III-й. Три былины Терентія Іевлева (№ 5, 7, 15), они сопоставятъ съ тремя другими его былинами во II-й ч. Побывальщина Трофима Романова (№ 1) должна быть сличена съ его шестью былинами въ ч. III; равно и съ двумя былинами въ ней Кореляка В. Лазарева придется сличить помѣщенныя въ IV ч. его пять былинъ (№ 4, 8, 9, 14, 16). Наконецъ читатель найдетъ въ издаваемой теперь части и трехъ сказителей, вовсе не имѣющихся въ предшествующихъ частяхъ: Анфима Савинова (четыре былины), Оедора Никитина (три) и Василія Лукина (двѣ).

Не трудно замѣтить, что при нѣкоторыхъ былинахъ (преимущественно двухъ первыхъ частей) не значится имени (вѣроятно г. Рыбниковъ не сразу нашелъ нужнымъ освѣдомляться объ этомъ), а только значится родъ занятій сказителя, иногда же и того нѣтъ, а только обозначена мѣстность (это преимущественно

въ былинахъ, доставленныхъ г. Рыбникову другими). Въ такомъ случаѣ полезно будетъ читать подрядъ былины, записанныя отъ *лоточниковъ*, отъ *слѣпцовъ*, отъ *каликъ*, и т. д. (Записанныхъ отъ женщинъ — собственно не былинъ, а побывальщинъ, въ сборникѣ весьма мало). — Можно также читать *по мѣстностямъ* (хотя бы при былинахъ были и имена сказителей): сперва одного за другимъ сказителей одной мѣстности, потомъ другой, и т. д. Наконецъ необходимо, послѣ чтенія по мѣстностямъ и по сказителямъ, возвращаться опять и къ чтенію *по богатырямъ*; — былины же о каждомъ богатырѣ должны опять быть распредѣляемы по отдѣльнымъ его похожденіямъ: на прим. надо перебрать «три поѣздки Ильи» по всѣмъ мѣстностямъ и всѣмъ сказителямъ, потомъ такимъ же образомъ перебрать «бой Ильи съ сыномъ», «Соловья разбойника» и т. д. Сообразно со всѣми этими способами чтенія, въ концѣ настоящей части прилагаются указатели ко всѣмъ четыремъ частямъ вмѣстѣ [1]).

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ. Было бы въ высшей степени страннымъ не признавать, что точное обозначеніе самыхъ именъ сказителей, *впервые строго введенное у насъ г. Рыбниковымъ*, служитъ одною изъ лучшихъ порукъ за его добросовѣстность. Не говоря уже о «Киршѣ Даниловѣ», — и Академія въ изданныхъ ею когда-то былинахъ удовлетворилась почти однимъ обозначеніемъ мѣстности и *отъ кого доставлено* [2]). Въ сборникѣ П. В. Кирѣевскаго также почти не встрѣчаемъ именъ сказителей; лишь изрѣдка помѣчено у него: *отъ старухи*, *Ѳекла*, и т. п. Но не только у насъ, и въ ино-Славянскихъ и Западно-Европейскихъ сборникахъ по народной словесности нѣтъ такого точнаго обозначенья — самыхъ именъ сказителей. У Вука Караджича, правду сказать, даже не всегда обозначена мѣстность; даже помѣщая рядомъ два пересказа, онъ просто надписываетъ подъ вторымъ: «опет то, мало друкчије», или «опет Свети Сава», и т. п. У Гриммовъ въ примѣчаніяхъ къ сказкамъ есть обозначеніе мѣстностей, но и только [3]). Съ другой стороны по-

1) Нуженъ бы былъ и общій указатель лицъ, предметовъ, оборотовъ и т. п. (какъ въ IV вып. пѣсенъ Кирѣевскаго), но мнѣ самому для составленія его не хватаетъ времени; издатель же настоящей части не желалъ бы долѣе задерживать выпуска ея въ свѣтъ, а можетъ со временемъ издать, въ видѣ приложенія ко всѣмъ четыремъ частямъ, указатель такого рода.

2) Изрѣдка, впрочемъ, помѣчено *и отъ кого записано*.

3) Или почти только: иной разъ помѣчено—von einer alten frau, и т. п.

мѣщенія *цѣлаго ряда* пересказовъ одного и того же, какъ у г. Рыбникова, не видимъ мы — ни у Гриммовъ, ни у Караджича. А кому не извѣстно, что Гриммы позволяли себѣ даже сводить въ одно по два пересказа? — И они, и Вукъ, полагаясь на свое *чутье*, выбирали изъ пересказовъ тѣ, что̀ представлялись имъ подлиннѣйшими, лучшими. Они поступали въ этомъ случаѣ какъ врачи-знаменитости, сразу позволяющіе себѣ опредѣлять состояніе приходящаго къ нимъ субъекта. Но кто поручится въ томъ, что и они, подобно этимъ врачамъ, при всей несомнѣнной своей даровитости, полагаясь иной разъ и слишкомъ рѣшительно на свое чутье, не дѣлали также и промаховъ? — Нашъ отечественный собиратель, не задаваясь *пріемами генія*, представляетъ во всякомъ случаѣ примѣръ того, что̀, при добросовѣстномъ взглядѣ, можетъ быть названо только — величайшею добросовѣстностью въ отношеніи къ наукѣ. — Г. Рыбниковымъ сообщены, въ большей части случаевъ, даже самыя имена пѣвцовъ; въ замѣткѣ же къ III ч. поясненно, гдѣ и какъ онъ съ ними сошелся. Кто хочетъ повѣрить *своими ушами*, — поѣзжай, отыщи, и послушай . . . . . .

. . . . . .

Не лишнимъ, думаю я, будетъ привести слова одного изъ уважаемыхъ Французскихъ изслѣдователей по части «старины и народности», Адольфа Пиктѐ: «Нѣтъ ничего, чему бы такъ трудно было подражать, какъ языку народной поэзіи, касающейся всѣхъ самыхъ нѣжныхъ, чувствительныхъ струнъ народнаго духа». — Мнѣніе это высказано въ статьѣ объ «Оссіановыхъ поэмахъ», помѣщенной въ Bibliothèque universelle de Genève за 1854 г., въ октябрской книжкѣ (стр. 158 — 159). Интересно видѣть изъ этой статьи, что даже долголѣтнее заподазриванье Макферсона разрѣшается далеко не въ пользу подозрѣвавшихъ — учеными доводами Пиктѐ. Оказывается, что даже Макферсонъ далеко не выдумщикъ, а только очень плохой переводчикъ и отчасти *выправщикъ* (въ духѣ XVIII ст.) такъ называемыхъ Оссіановыхъ, т. е. Гаэльскихъ народныхъ пѣсень. «Допустить, что бы онъ могъ цѣликомъ создать всю оссіаническую поэзію, это значитъ въ одно и тоже время нанести величайшее оскорбленіе, и воздать ему самую отмѣнную честь; это значитъ заклеймить его какъ самаго наглаго изъ обманщиковъ, и въ то же время превознести его, какъ величайшаго генія всѣхъ временъ». (Стр. 168 въ той же статьѣ

Пиктѣ [1]). — Я же въ свою очередь думаю, что ежели бы отдѣльное лицо оказалось способнымъ создать Микулушку, основу Святогора-Самсона, и Авдотью — жену Рязаночку (былины нашего сборника, до сихъ поръ не отысканныя нигдѣ, кромѣ Олонецкаго края), то такое лицо должно бы быть признано — громадною поэтическою геніальностью, Русскую же литературу можно бы было поздравить тогда съ новымъ первостепеннымъ именемъ [1]).

Я бы могъ кончить. Но въ письмѣ г. Рыбникова есть и еще кое-что, чѣмъ я обязанъ подѣлиться съ читателемъ. «Я слышалъ не разъ, пишетъ онъ, жалобу на неточное или не вполнѣ строгое соблюденіе мѣстнаго выговора; да записано такъ, какъ и пѣто. У мужчинъ, особенно бывалыхъ и видалыхъ, особенности мѣстнаго выговора стерты и нетверды. Другое дѣло женщины и немногіе домосѣды, какъ на прим. слѣпецъ Романовъ: оттого бытовыя пѣсни отражаютъ всѣ тонкости произношенія. Впрочемъ я объ Олонецкомъ нарѣчіи присоединилъ къ IV т. особую замѣтку и жалѣю лишь о томъ, что не успѣлъ многаго измѣнить въ ней сообразно съ многимъ, съ чѣмъ согласился въ книгѣ г. Некра-

---

1) За доставленіе мнѣ этой статьи, оставшейся мнѣ неизвѣстною, я обязанъ благодарностію нашему почтенному знатоку по тому же предмету, А. А. Котляревскому.

1) Только что попался мнѣ отзывъ о сборникѣ г. Рыбникова Авг. Шлейхера, изъ котораго выписываю слѣдующее: «эти Русскія пѣсни, по преимуществу же относящіяся, частію, къ сѣдой старинѣ (uralten) эпическія (т. е. былевыя), составляютъ вмѣстѣ съ Сербскими, самое важное, замѣчательное достояніе (das bedeutendste) Славянской народной поэзіи. Эти дивныя пѣсни отличаются и своими особыми чертами древности въ языкѣ, представляющими многія весьма важныя формы». Kuhn und Schleicher, Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der Arischen, Celtischen und Slavischen Sprachen, V, 1, S. 120. (Jahrg. 1866). Кстати будетъ вспомнить также, что въ бытность мою въ 1862 г. въ Берлинѣ, я видѣлъ у покойнаго Я. Гримма экземпляръ двухъ первыхъ частей нашего сборника, на поляхъ котораго было множество отмѣтокъ карандашемъ, сдѣланныхъ рукою великаго филолога. Такъ какъ экземпляръ этотъ былъ привезенъ ему мною, то я и думаю рѣшиться писать его племяннику, Герману Гримму, — съ просьбою выслать его мнѣ на время — для напечатанія у насъ въ Россіи этихъ драгоцѣнныхъ замѣтокъ Я. Гримма. Но будетъ ли моя просьба выполнена?

сова»[1]). — За тѣмъ г. Рыбниковъ говоритъ, что «считалъ бы долгомъ заявить искреннюю благодарность гг. Калугину и Шиша, отъ которыхъ получилъ многіе варіянты IV т., и г. Барсову, отъ котораго получилъ нѣсколько любопытныхъ сказаній». — Въ отвѣтъ же на благодарность, выраженную г. Рыбниковымъ и мнѣ, я въ свою очередь благодарю за приглашенье меня въ «крестные батюшки» этой IV части.

Орестъ Миллеръ.

Павловскъ. Въ іюлѣ 1867 г.

P. S. Въ отвѣтъ на просьбу мою сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о *рукописномъ* матеріалѣ настоящей части, я только что получилъ отъ г. Рыбникова въ письмѣ отъ 15 іюля слѣдующія подробности:

«О рукописяхъ, сколько ихъ помню, (ибо при передѣлкѣ квартиры перечень статей, входящихъ въ IV часть, куда-то засунулся) могу сообщить слѣдующее:

1. *О началѣ града Москвы* — изъ варіянта Новгородской лѣтописи, принадлежащаго Олонецкой Семинаріи.

2. *Объ Азовскомъ сидѣньи* — одинъ варіянтъ отъ Е. В. Барсова, другой изъ Сборника, въ началѣ котораго помѣщены лѣтописные отрывки. Сборникъ достался во время разъѣздовъ по Заонежью, кажется, отъ Кижскаго священника.

3. *Повѣсть о царѣ, царицѣ, оклеветанной мачихой и двухъ сыновьяхъ ея* досталъ я въ Каргополѣ. Рукопись написана 1844 года, апрѣля 10. — Подписано:

Нилась Лемтѣй Езиромъ Зипеянедъ.

То есть въ переводѣ съ тараборской грамоты: Писалъ Сергѣй Ефимовъ Финлянецъ (Финляндецъ).

---

1) О значеніи формъ Русскаго глагола, СПб. 1864 г. Объ этой превосходной книгѣ г. Рыбниковъ подробнѣе говоритъ въ другомъ письмѣ ко мнѣ, извлеченіе изъ котораго помѣщено ниже. Основанная главнымъ образомъ на языкѣ былинъ, книга г. Некрасова сродни нашему сборнику. Она составляетъ эпоху въ нашей грамматикѣ, и заслуживала бы и преміи, и ученой степени.

4. Обереги, обходы, заговоры и мелкія вещи доставались въ разное время изъ разныхъ рукъ — *Заклятіе Лѣшаго* (Мусаилъ-лѣса) изъ за Онеги, *заговоръ Поморскаго охотника*, *одинъ оберегъ скота* получилъ я на Шунгѣ черезъ г. Тидена, *выписку о сотвореніи солнца* — изъ хронографа — отъ Кижскаго волостнаго писаря. Больше не помню».

Примѣч. Считаю нужнымъ оговориться на счетъ того, что у Козьмы Романова *часто плачутъ*. Это едва ли можетъ быть признано проявленіемъ мягкости, свойственной собственно распѣваемой имъ «волѣ» былинъ: часто, и даже очень часто плачутъ витязи и въ одной изъ самыхъ суровыхъ, залитыхъ кровью, chansons de geste — Renaus de Montauban (см. изд. Michelant, въ т. LXVII Bibliothek des litter. Vereins in Stuttgart, стр. 176, 187, 190, 198, 227, 236, 239, 270, 274, 300, 330). Читая теперь это средневѣковое произведеніе и встрѣтивъ въ немъ столько *слезъ*, я не могу не признать ихъ — хотя и смягчительною, но общею *эпическою* чертою.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ ПИСЬМА

П. Н. РЫБНИКОВА КЪ О. Ѳ. МИЛЛЕРУ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ письма П. Н. Рыбникова къ О. Ѳ. Миллеру

отъ 21 октября 1866 года.

Не знаю, какъ благодарить Васъ за присылку Вашихъ статей и книги г. Некрасова. Въ послѣдней я въ первый разъ прочелъ смѣлый и самостоятельный взглядъ на формы русскаго глагола. Слава тебѣ Господи, и въ грамматикѣ мы начинаемъ отрѣшаться отъ путъ, сработанныхъ иноземной и доморощенной схоластикой. Съ критической частью сочиненія нельзя не согласиться безусловно, и возраженіе можно сдѣлать развѣ только противъ нѣкоторыхъ частностей. Напр. авторъ принимаетъ форму *сговорить* за *ся* + *говорить*, между тѣмъ какъ это ничто иное, какъ *зговорить*, т. е. *взговорить*, *волговорить: в* и *з*, по свойству Новгородскаго нарѣчія, передъ с + muta отбрасываются, какъ и въ *зголовье*, *спровлщиться*, *зводень* (взводень), *зморье*, *споминать*, *стрмтный*, *стрмта* и т. д.

О Вашей исторіи словесности желалъ бы когда нибудь побесѣдовать или написать подробно, а теперь пока сообщу самое существенное. . . . . Было бы желательно, чтобы выводы опирались на еще болѣе подробную разработку фактической основы, чтобы *аппаратъ* былъ, такъ сказать, осязательнѣе. Для этого Вамъ интересно было бы лично познакомиться съ представителями народной поэзіи въ ея настоящемъ положеніи. Такъ сказка и былина, простите, по моему посильному убѣжденію, у Васъ не разграничены еще устойчиво. Послушайте, какъ *тьицы* поютъ былины,

какъ *крестьяне* сказываютъ *сказку*, — сейчасъ же родится само собою представленіе о наглядномъ различіи между тою и другою.

Вотъ *сказитель* сказываетъ былину. Вы записываете и чувствуете, что тутъ опущено слово, тутъ стихъ, тамъ подробности и цѣлый эпизодъ. Вы замѣтите ему объ этомъ, онъ поправляется, но вы не удовлетворены: въ поправкѣ слышится случайное. Просите спѣть его тоже самое: мгновенно стихъ получаетъ устойчивость, новыя слова замѣняются древними, которыхъ смысла и онъ, быть можетъ, не понимаетъ (напр. куный, рутить = польск. rzucić), сами собою льются опущенные стихи, неожиданныя подробности. Если и тутъ у пѣвца (а у второстепеннаго въ особенности) видѣ не ладно, значитъ извѣстная часть былины для него погибла; онъ не рѣшится на самовольную поправку, или же заплата будетъ сама собой бросаться въ глаза. Рябининъ, Романовъ и другіе упорно отказывались отъ продолженія былинъ, конецъ которыхъ они очень хорошо знали въ *содержаніи*, напр. въ I-мъ томѣ хоть Микулушки, 1-го варіанта Потыка (Рябинина) или Ильи и Ермака, Добрыни и Змѣя (у Романова). Послѣдовательнымъ записываньемъ, я стихъ за стихомъ выбиралъ у нихъ отрывки, какъ это легко видѣть изъ поправокъ во 2 и 3 томѣ (позвольте, кстати, обратить Ваше вниманіе на эти поправки: въ нихъ много интереснаго), но разъ забытаго вполнѣ возстановить уже было нельзя. *Въ пѣсни слова не выкинешь.* Разрушающаяся былина переходитъ въ побывальщину, разрушенная въ *сказку* [1]).

Послушаемъ *сказчика*. У хорошаго слова такъ и нижутся, какъ бисеръ, слышенъ даже ритмъ, цѣлые стихи. Но это въ тѣхъ сказкахъ, которыя онъ *натвердилъ*, часто разсказывалъ. Ритмъ случайный, стихи, явно, изъ обычныхъ былинѣ оборотовъ. Заставьте его же повторить, онъ многое передастъ другими словами. Спросите, не знаетъ ли той сказки кто нибудь другой, —

1) Эти замѣчательныя слова нашего собирателя слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію многоуважаемому Берлинскому профессору Штейнталю, который въ только что напечатанной статьѣ своей *объ эпосѣ* слишкомъ односторонним образомъ налегаетъ на постоянную, волнованію моря подобную измѣнчивость народной поэзіи, вслѣдствіе которой, будто бы, нѣтъ никакой возможности въ точности записать ни одной пѣсни, такъ какъ въ устахъ каждаго пѣвца она становится новою пѣснею, и число варіянтовъ всегда безгранично. Статья, въ которой выражено это мнѣніе, во многихъ отношеніяхъ, впрочемъ, весьма замѣчательна. Она помѣщена въ 1-й кн. IV-го тома журнала für Völkerpsychologie Лазаруса и Штейнталя.

онъ укажетъ вамъ на *одно-деревенца* имрекъ. Имрекъ вмѣстѣ съ нимъ слышалъ отъ такого-то старика или перехожаго. Вы просите имрека разсказать ту-же сказку. Она передается не только другимъ языкомъ, другимъ складомъ рѣчи, но иногда другимъ ладомъ. Одинъ вводитъ или сохраняетъ жалостныя подробности, другой вноситъ или удерживаетъ пасмѣшливый взглядъ на иные эпизоды, третій выбираетъ или прилаживаетъ изъ другой сказки (или изъ общаго всему люду сказчиковъ *склада*, о чемъ послѣ) иную развязку, появляются новыя лица, новыя похожденія. Вы ведете съ нимъ далѣе разспросы, какъ научился онъ сказкѣ: на Ладожскомъ или Онежскомъ озерѣ ловилъ онъ рыбу, на пристанищѣ, въ *фатерѣ*, или у костра, у него было слышано много сказокъ: одинѣ разсказывались у Повѣнчанъ, другія у Заонежанъ, третьи у Кореловъ, четвертыя у Шведовъ (Финновъ). Сколько могъ онъ вмѣстить и запомнить по своей природѣ, онъ вмѣстилъ и запомнилъ, а явились у него едва *двѣ, три* сказки. Извѣстныя причастныя всему народу представленія одѣлись въ извѣстное платье, получили извѣстный складъ рѣчи. *Сказка складка.*

Основа у былинъ и сказокъ дѣйствительно одна и таже въ прошедшемъ и отчасти въ настоящемъ. Народное міросозерцаніе, взглядъ народа на прошедшую свою исторію, на житье-бытье — то передается сказкой, то сказывается былиной. Но когда просится на волю представленіе (первопонятіе), оно не стѣсняется образами и выражается сообразно съ характеромъ разскащика; когда нуженъ образъ, когда нужна пластичность, идеалъ, опредѣленный особью[1]), мѣстомъ и временемъ, — тогда требуется остойчивая форма, стихъ, былевое воплощеніе, тогда произволу мѣста нѣтъ, личный элементъ въ передачѣ уступаетъ мѣсто общему, цѣлому, въ теперешнемъ положеніи эпоса — традиціи. Въ былинахъ личный элементъ сказывается отдѣльнымъ словомъ, выборомъ варіанта; въ сказкѣ — всѣмъ ея складомъ, интригой, развязкой. Былевая поэзія — земская поэзія народа; но какъ земскіе интересы, хотя они и дороги каждому, всѣмъ рядить нельзя, то они и требуютъ особыхъ представителей; чтобы стать ими, нужна любовь къ дѣлу, память, голосъ. Сказочная поэзія —

1) Первая степень разрушенія былины — утрата имени и разум. личности у богатыря, утрата опредѣленія мѣста.

обыденная, бытовая жизнь, переведенная въ представленіе. Каждый то-же, что̀ дѣлаютъ другіе, дѣлаетъ по своему, сообразно съ своею особенностію, *настроеніемъ*, хотя, разумѣется, опредѣляется въ своемъ личномъ творчествѣ народностью, временемъ, мѣстомъ. *Былина* область общаго, земскаго народнаго эпическаго творчества, *сказки* — личнаго.

Такъ въ торопяхъ, къ почтѣ, не досказывая, пишу къ Вамъ, что̀ кажется такъ ясно для мысли. Не бросайте этихъ листочковъ, когда нибудь я попрошу ихъ у Васъ для болѣе серьёзнаго изложенія.

Далѣе я не вижу у Васъ *пока* движенія, развитія отдѣльныхъ былевыхъ образовъ, именно замѣны и перехода старшихъ богатырей въ младшихъ 1-го поколѣнія. Классификація уже положена Вами. Я не согласенъ на противуположность Кіевскихъ и Новгородскихъ богатырей, какъ она проведена Вами. Богатырь — это вообще яркая, крупная личность, возведенная въ идеалъ. Какъ она, по понятію народному, выходитъ вонъ изъ будничной, сказочной жизни? «Долголь мнѣ жить, *дома* тѣшиться, въ глупомъ, въ маломъ ребячествѣ и т. д. Пора мнѣ-ка съѣздить въ раздольице въ чисто поле, поразгонять бурушка косматаго, поразмять плечо богатырское, отвѣдать силы-удачи молодецкія». (Ср. выѣздъ Добрыни). Надо знать все однообразіе, все semper-idem сельской жизни, обстановки, природы, семейнаго и мірскаго быта, чтобы понять, съ какою энергіею крупная сила просится изъ нея на волю.

Удалые, богатыри выдѣлились изъ безразличной массы. Не ужъ-то они въ самомъ дѣлѣ стольно-Кіевскіе? Почему же Кіевъ не сохранилъ о нихъ памяти, почему сохранилась о нихъ память на украйнахъ Новогородскаго сѣвера, гдѣ до сихъ поръ человѣкъ упорно борется съ природой, гдѣ до сихъ поръ изъ каждаго почти семейства выходятъ вонъ изъ дому *бурлаки* отвѣдать если не силы, то удачи молодецкія? Нѣтъ, это богатыри *свято-Русскіе*, общіе всей Руси. Кіевъ такой же центръ, какъ Москва, Петербургъ, — *внѣшній*. Они родились въ цѣломъ народѣ, для цѣлаго народа, у котораго условія жизни и мысли были общія. Мстиславъ Удалой, — столько же Кіевскій, сколько и Новогородскій. Если есть Кіевскіе богатыри, вызванные потребностью опредѣлить образъ богатыря Кіевскими условіями, то это Кіевскіе го-

родскіе богатыри: Хотенъ, Чурила, *Дюкъ. Соловей Будимировичъ* (великая столица привлекаетъ пришлыхъ людей [1]).

Новогородская удаль нашла себѣ конецъ въ себѣ самой. Но и младшее поколѣніе свято-Русскихъ богатырей, едва ли не по самому народному воззрѣнію, оказалось несостоятельнымъ передъ движеніемъ исторіи. Это рыцарское (?) безкорыстное великодушіе Мстислава Удалаго и Ильи къ побѣжденнымъ на настоящую минуту; эта ихъ индифферентность къ государственному строю ради внутренняго наслажденія подвигомъ, велики съ земской точки зрѣнія, не таковы съ государственной. Исторія покончила съ ними Татарщиной, пославъ предостереженіе въ Печенегахъ и Половцахъ, Шведахъ и Полякахъ; на Татарщину потребовалась уже *Москва*. Вотъ почему и свято-Русскіе богатыри перваго поколѣнія находятъ себѣ конецъ въ самой мысли народной. Это доказательно ясно не только въ исторіи Ильи Муромца, но и въ отдѣльной былинѣ, описывающей, какъ свято-Русскую силу клала Русская удаль въ могилу. Если скорбное выраженіе Ильи въ иныхъ былинахъ: на бою мнѣ смерть *на*писана (3-я б. IV ч.: Знаю я, добрый молодецъ, что на бою мнѣ смерть написана), можно покамѣсть признавать обмолвкою или ошибкою пѣвца, то поразительно мѣтко предчувствіе Ильи именно передъ боемъ со Збутомъ королевичемъ (см. поправки въ замѣтѣ III т. къ I-му тому относит. Рябинина): Хоть на бою мнѣ смерть *не* писана (внутреннимъ сознаніемъ благородства и духовной силы), *переступитъ сила черезъ великъ законъ!* Сила олицетворилась на первый разъ въ Татарщинѣ. По 22 был. 1 ч. (бросьте явно поддѣльную или по крайней мѣрѣ дурно переданную и поправленную Меевскую редакцію о гибели богатырей), Илья, Ермакъ и ихъ побратимы перерубили Татаръ. Надо бъ подумать о томъ, откуда берутся кочевники, откуда ихъ сила? Или у себя устроить порядокъ, или in eorum fines bellum inferre: Цезарь, побивъ Галловъ и Германцевъ, сейчасъ заглянулъ въ Британію, походилъ и за Рейномъ. Вы, молъ, сидите-ка у себя смирно; не то я васъ, Гал-

1) Отвѣчать на все это г. Рыбникову я предоставляю себѣ въ своемъ сочиненіи о былинахъ и во II-й части моей книги о Русской Словесности. — Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что т. наз. *Кіевскіе богатыри* имѣютъ значеніе обще-Русское, но думаю, что въ нихъ главнымъ образомъ поэтически выразилась и окрѣпла (застыла до извѣстной степени) *Кіевская пора* въ исторической жизни Русскаго народа.

ловъ и Нѣмцевъ, и въ вашихъ трущобахъ сыщу. Наши богатыри довольны мгновенной побѣдой и въ самодовольствѣ проговариваются: кабы здѣсь была сила небесная, прирубили бы и силу небесную. Народный смыслъ (о святотатствѣ внѣшнемъ тутъ нечего и думать) придалъ ихъ наказанію за распущенность силы удивительно наглядный смыслъ. Въ борьбѣ, опредѣленной извѣстнымъ мигомъ времени, Ильѣ не писана смерть на бою; но сдѣлайте борьбу непрерывной, не устоитъ никакая личная сила. Изъ одного татарина дѣлается два, изъ двухъ четыре; кочевники съ каждымъ пораженіемъ выдвигаютъ на Русь все сильнѣе массы, и сила переступила въ XIII столѣтіи черезъ великъ законъ. Илья и побратимы *переселились*. Въ Татарскій періодъ тѣже богатыри — другіе, передъ Москвой они рѣшительно сходятъ со сцены. Но во всякомъ случаѣ первое поколѣніе младшихъ богатырей также погибло отъ своего рыцарства(?) какъ погибли Малорусскіе казаки отъ своей удали, какъ Новогородскіе богатыри отъ *буести* силы.

Я не встрѣтилъ у Васъ характеристики многихъ богатырей; очерченъ ясно одинъ Илья и Потыкъ (это произношеніе Олонецкое, съ удареніемъ на о, а не Безсоновское). Дунай, Добрыня, Алеша Поповичъ, Чурила, Дюкъ, Хотенъ — все вѣдь это яркіе образы, не говоря объ Иванахъ, Васильѣ Казиміровичѣ и прочихъ. А противуположность между придворными, городскими — Мариной, Марьею Бѣлою Лебедью, женою Ивана Годиновича, княгинею Апраксою, и сельскими, земскими — Настасьею и Василисою Микуличною, Грозною Настасьею Дмитріевичной?

Ну да будетъ покамѣсть . . . . . Жду съ нетерпѣніемъ продолженія о Татарщинѣ. . . . , ...

ПРИЛОЖЕНІЯ

ОТЪ

РЕДАКТОРА

IV-ой части.

I. СКАЗАНІЕ О НАЧАЛѢ МОСКВЫ.

(Временникъ М. О. И. и Д. 1851 г., к. XL [1]).

Почему было бы на Москвѣ царствомъ быти, (и кто зналъ, что Москвѣ государствомъ слыти); были на *семъ* мѣстѣ по Москвѣ рѣ*к*ѣ села *красныя* (хорошаго) болярина Кучка Сте*п*ана Ивапов*ича*, болярина же того *были* два сына вельми красны. И *свѣда* про нихъ князь Данила Александровичь Невскаго, (и) нача просити у Кучка болярина дв*у* сы*новъ* его къ себѣ *во* дворъ съ великимъ *преніемъ*, и глагола ему: аще не даси сыновъ своихъ мнѣ во дворъ и азъ на тя *войною пріиду* и тебе мечемъ побью, а села твои красн*ыя* огнемъ *по*жгу. И бо*я*ринъ Кучко Сте*п*анъ Ивановичь убояся страха князя Даніила Су*ж*дальскаго; и отда*дѣ* сыновъ своихъ обоихъ князю Даніилу Су*ж*дальскому. *И князю Даніилу полюбишася оба Кучкова сына;* (и нача ихъ князь Даніилъ любити и жаловати), и пожаловалъ единаго въ стольники, а другаго въ чашники; *и полюбишася тѣ два юноша Даниловѣ княгини Улиты* (Юрьевны), и уязви ю врагъ на тѣхъ юношъ *блудною яростію*, (возлюби бо красоту лица ихъ), и діаво*лимъ разженіемъ* смѣсися (любезно), и *умыслиша* (*они*) со княгинею, како бы (имъ) предати князя Даніила смерти, и *начаша звати* князя Даніила въ пол*ѣ* ѣздити, утѣшенія ради (смотрѣти) *звѣрска уловлѣнія заецевъ*.

---

1) Перепечатывается съ дозволенія И. Д. Бѣляева, которому приношу еще разъ мою искреннюю благодарность. Все, набранное курсивомъ, разнится отъ Рыбниковскаго пересказа, въ скобкахъ же помѣщено то, чего въ этомъ послѣднемъ не имѣется.

И бысть ему на поли, и егда *поѣхаша* въ дебри, и начаша они Кучковы предавати *его злой* смерти; князь же Данiилъ *ускочивъ* отъ нихъ на конѣ своемъ въ чащу лѣса; и бѣжа отъ нихъ подлѣ Оки рѣки, оставя коня своего. *Они же* зліи *человѣцы* и убiицы, аки *волцы* лютiи напрасно хотяху восхитити его, и (сами) быша во ужасѣ мнозѣ искавше его и не обрѣтоша, но токмо *нашедше* коня его. Князь же добѣжавъ съ нуждою до перевозу, и неимѣя что дати (перевознику) за перевозъ, но токмо бѣ у него на рукѣ перстень златый, и той перстень (дая) перевознику; перевозникъ же *глаголаше:* лихи (дѣ) вы люди *оманчивы, какъ дь васъ перевезу* рѣку, и вы не давъ ничего (такъ и) *уходите*, а непознавъ его, *что онъ* князь Данiилъ (Александровичъ); онъ же обѣщался ему той златый перстень *дати*. Перевозникъ же приѣхавъ (близъ брега) з другiя страны (Оки рѣки), и бывъ *противъ* князя и протяжѣ весло князю и рече: *подай* перстень (на весло) и азъ тя перевезу; князь же Данiилъ мнѣвъ его *яко правдива человѣка*, (и мня яко не солжетъ), и возложи ему на весло перстень свой (златый). *Перевозникъ* же той взявъ (на веслѣ отъ князя) перстень (къ себѣ) и отторжеся отъ брега. Князь (же) Данiилъ побѣже подлѣ (Оки) рѣки, бояся за собою гонившихъ (людей), и прейде день той къ вечеру, (и) не имѣя гдѣ *прикрытися*, пусто бо мѣсто (бѣ) въ дебри, и по *прилучаю* найдѣ той *дебри* струбецъ малъ стоящъ, (подъ нимъ же) погребенъ бысть ту *нѣкоторый* мертвый человѣкъ, князь же *влѣзъ* въ струбецъ той, *закрыся* въ немъ, забывъ страхъ (отъ) мертвыхъ, и *почи* тое нощь (темпую до утрiя).

Сынове же (болярина Степана Ивановича) *Кучка* быша (въ сѣтованiи и) въ печали (и въ скорби) велицѣй, *что* упустиша князя Данiила жива отъ рукъ своихъ ранена; и прiидоша въ раскаяніе и рѣша въ себѣ: лучше бы намъ было и не мыслити надъ княземъ (таковаго) дѣла смертнаго; *понеже* убѣжа отъ васъ раненъ во градъ Владимiръ къ брату своему Андрѣю Александровичу, и будетъ намъ отъ нихъ (принять) злая казнь (и смерть) различная и лютая, такожде княгини Улиты повѣшеной быти.

И (злая) княгиня Улита, (наполни ю дiаволъ сердце) злыя мысли на мужа своего князя Данiила Александровича (аки лютую змiю), и распалися сотанинымъ навожденiемъ *блудныя* похоти. (Возлюбивъ бо) окаянная (мало добрыхъ наложниковъ Кучко-

выхъ дѣтей любовниковъ своихъ), и повѣда имъ вся тайны мужа своего, *глаголя:* есть (де) у мужа моего песъ (выжлецъ), и какъ (де) онъ князь Даніилъ ѣздитъ противъ враговъ своихъ *на побоища* на Татаръ или на Крымскихъ людей, и приказываетъ мнѣ поѣзжая: егда де я от Татаръ (или Крымскихъ людей) убіенъ буду, или инымъ *каким*ъ случаемъ прійдетъ (смерть) мнѣ безвѣстная, или на бою въ трупѣхъ (человѣческихъ) сыскати и *познати мя немощно;* (и ты) пошли на взысканіе дворянъ своихъ с тѣмъ псомъ моимъ, и вели имъ пустити *того пса* передъ собою проста, а *самим*ъ ѣхати за *псом*ъ; и той песъ взыщетъ мя неложно, и тѣло мое будетъ лизать радостно. И на утріи княгиня Улита давъ того пса *любовникам*ъ *своим*ъ и *приказываетъ*: гдѣ князя Даніила обрящете, тамо его смерти предайте. *Они* же зліи убійцы злаго тоя *злоядницы* княгини Улиты *наполнившася*, и вземше пса *поньхаша* на то мѣсто, *гдѣ* хотеша князя смерти предати; и съ того мѣста пса пустиша *напредь себя*, (той же) песъ *бѣжа* предъ ними, они же за нимъ скоро ѣхаша. И бѣжавъ песъ *по брегу* Оки рѣки, и набѣжавъ оный струбецъ, *гдѣ хоронился* князь Даніилъ; увѣдавъ песъ князя Даніила, и нача шією вертети и махати радуяся (ему); (тѣмъ же) *ископіи* (его) *увидьвше* пса радующася (и хвостомъ машуща); и *скоро* скочивше скрываютъ струбецъ, и обрѣтъ ту князя Даніила Александровича, и (скоро) князя Даніила смерти предаютъ, мечи и копіи прободоша (ребра) ему и главу отсѣкоша его, и паки въ той струбецъ покрыша тѣло его.

Благовѣрный князь Даніилъ бысть четвертый мученикъ пріятъ мученическую смерть отъ прелюбодѣевъ (и) жены своея.

(Въ первыхъ мученики) Борисъ и Глѣбъ и Святославъ убіены быша от брата своего окаяннаго Святополка (рекомаго Поганополка); *тако и сіи Кучковы дѣти* пріѣхаша во градъ Суждаль и привезоша ризу кроваву князя Даніила и даша ю княгинѣ Улитѣ, и живяху съ нею (в томъ же) прелюбодѣяніи беззаконно(мъ) по прежнему. Не скоро же убо *ходитъ* вѣсть во Владиміръ градъ ко князю Андрѣю Александровичу, что сотворися таковое убійство надъ братомъ княземъ Даніиломъ Александровичемъ.

Сыну же (князю) *Ивану* Даніиловичу, внуку Александрову, оставшуся младу сущу, *тожмо* яръ и лютъ *бысть*, и *пріяхъ* от рожденія его именемъ Давыдъ (Тудермивъ). По смерти же Даніиловѣ

пришедше уже два младенца (не мѣсяца ли?) и зжалися той вѣрной слуга Давыдъ о сынѣ князя Іоанѣ Даніловичѣ, и взятъ (его) отай нощію, и *паде* на кони и гнавъ снимъ скоро ко граду Владиміру ко князю Андрѣю Александровичу къ дядѣ его, и сказа вся (слуга той) по ряду, *что сотворися* во градѣ такое (злое) убійство над братомъ (княземъ) Даніиломъ.

Князь же Андрѣй зжалися по братѣ своемъ. Яко (же) князь Ярославъ Владиміровичь по братіи своей Борисѣ и Глѣбѣ, и собра на окаяннаго (злаго) убіицу (свои) *войска*, и Бога (себѣ) въ помощь призва, (ратію) отмстивъ кровь братню (праведныхъ) своихъ Бориса и Глѣба и Святослава и побѣди (окаяннаго) Святополка. Тако же и сей новый Ярославъ князь Андрѣй Александровичъ прослезився горцѣ по братѣ своемъ князѣ Даніилѣ (Суждальскомъ), и воздѣвъ руцѣ свои на небо, и речѣ со слезами: Господи владыко, творче всѣхъ и содѣтелю, отмсти кровь праведнаго Бориса и Глѣба князю Ярославу на окаяннаго Святополка, тако Господи Владыко отмсти кровь (сію) неповинную мнѣ грѣшному брата моего князя Даніила сихъ (злыхъ) блудниковъ и наложниковъ тоя блудницы, (несытыхъ плотскихъ блудныхъ скверь кальныхъ похотей бѣсовскихъ). Святополкъ бо окаянный братоубійство сотвори, очи его зліи прельстишася (несытіи) сребра и злата (и имѣнія многаго), власти (и) царствія его (восхотѣ) на единъ часъ насладитися, а небеснаго царствія во вѣки отпаде и во днѣ адовѣ (во вѣки) мученіе воспріятъ; тако и сія скверпая и несытая блудница княгиня Улита блудного скверненія (похоти несытства) на единъ часъ насладися (скверны), и нетокмо небеснаго царствія лишися, но сего свѣта власть (злато и сребро и ризы драгія многоцѣнныя) отринувъ, и возлюби скверну злую блудную похоть, (и) уготовися діаволу невѣста и (окаянному Святополку) во днѣ адовѣ (отъ сатаны законъ воспріятъ) и вѣчное мученіе наслѣдова.

Собра князь Андрѣй во градѣ Владимірѣ войска своего пять тысящь, и пойде во градъ Суждаль, и слышаху (во градѣ Суждальцы и) боярина Степана (Ивановичя) Кучка дѣти, что идетъ на нихъ изъ Владиміра града князь Андрѣй съ войскомъ, и объятъ ихъ страхъ и трепетъ, (что напрасно проліяша кровь неповинную; и не возмогоша они стати противъ князя Андрѣя ратоватися), и бѣжаша ко отцу своему (боярину) Степану (Ивановичу) Кучьку.

Князь же Андрѣй с воинствомъ пришедъ *въ Суждаль* (градъ), Суждальцы же не противишася ему, глаголюще: мы (бо) не совѣтницы на смерть Государя своего и *не приложихомся* убити брата твоего (князя Даніила); но (мы) вѣмы, яко жена его злую смерть умыслила съ любовниками своими Кучковичи, *и* мы *можемъ* тебѣ (Государю) *пособствовати* на тѣхъ злыхъ измѣнниковъ. Князь же Андрѣй повелѣ княгиню Улиту поимать и казнить всякими муками, и *преда* ю *лютой* смерти; (понеже она злая таковая безстудная дѣла содѣла, и неустрашишася Бога содѣтеля, и вельможъ и великихъ людей не усрамися, и от добрыхъ женъ укоризны и посмѣху не постыдѣся, своево мужа злой смерти предаде, и сама окаянная злую тую смерть пріяла). *И* собравши Суждальцы три тысячи войска князю Андрѣю Александровичу въ помощь, и пойде князь со всемъ воинствомъ на боярина Степана (Ивановича) Кучка, и (не бысть у боярина Степана Кучки кругъ красныхъ его селъ ограды каменныя и острога древянаго); *и* не возможе Кучко (бояринъ) *противъ князя Андрѣя боемъ битися*, и (вскорѣ князь Андрѣй всею силою на приступъ) ѣмлетъ села (и слободы) красныя и самаго Кучка (боярина) *и съ* его *дѣтьми* (в плѣнъ), и повелѣ ихъ оковати *желѣзы* крѣпкими, *и* потомъ казни (боярина Кучка и) з дѣтьми его всякими казньми различными, въ лѣто 6797 Марта въ 17 день.

И князь Андрѣй (Александровичь) отмсти кровь *брата* своего, побѣди боярина Кучка и злыхъ убійцовъ, (иже убили князя Данила), и все имѣніе ихъ и богатство разграби*въ*, *а* селъ (и слободъ) красныхъ непо*жегъ* я пре*почи* ту. *Наутріи* же воставъ и посмо*трѣвъ* по всѣмъ краснымъ селамъ и (слободамъ), и вложи Богъ въ сердце *князю Андрѣю* на томъ мѣстѣ градъ поставити; (видѣ бо мѣсто прилично еже граду быти), и воздохну*въ* изъ глубины сердца своего, и воздѣвъ руцѣ на небо, и рече (молитву со слезами): Боже вседержителю, творче всѣмъ и *создателю!* прослави (Господи) мѣсто сіе, и подаждь (Господи) помощь (*хотенія*) желанію мое*му* (устроити градъ, и) воздати святыя церкви.

И (оттолѣ) князь Андрѣй *сядетъ* въ красныхъ (тѣхъ) селахъ и (слободахъ нача) жительствовати; а во град*ѣ* Суждал*и* и во Владимір*ѣ* *посаждая державствовати* сына своего Георгія, а племянника своего братия сына Іоанна Даниловича къ себѣ взя*въ*, и воспита*въ* его (до возраста) въ добромъ наказаніи.

Той же (благовѣрный) князь Андрѣй Александровичь воздвиже церковь *древяну* Пресвятыя Богородицы (честнаго ея) благовѣщенія, (невелику сущу, и Бога въ помощь себѣ призывая и Пречистую его Богоматерь), такожде повелѣ (и) градъ основати около тѣхъ красныхъ селъ по Москвѣ рѣкѣ, и именованіе граду тому положи Москва, пособствованіа Суждальцы (и) Владимірцы и Ростовцы и (вси окрестніи).

И *тако* (сотвориша) и *состроиша* градъ въ лѣто 6799 Іюля (мѣсяца) въ *17* день, на память Святаго мученика Пантелеймона, и оттолѣ нача именоватися градъ Москва. Поживе же той благовѣрной князь Андрѣй во градѣ Москвѣ, и устрои Божія церкви (многи, и) преставися въ лѣто 6813, оставляетъ градъ Москву (и приказываетъ державствовати) племяннику своему князю *Ивану* Даниловичу. *Сыну же Андрееву Георгію нарицаемому Юрью* (*Суздальскому и*) *Владимірскому*, *преставльшуся* прежде смерти отца своего (Андрея Московскаго) единымъ лѣтомъ. (Но токмо у него) наслѣдникъ по немъ сынъ его Дмитрій, *еще бо ему младу сущу*, *яко* четы*ре лѣта* и *двою* мѣсяцъ [1]).

(Сообщено А. Д. Чертковымъ.)

---

1) Сказаніе сіе помѣщено въ одной Новгородской лѣтописи, сохранившейся въ спискѣ конца XVII или начала XVIII вѣка. Редакція Временника рѣшилась издать сей памятникъ во 1-хъ потому, чтобы указать источникъ, откуда Каменевичь Рвовскій почерпнулъ сіе сказаніе, помѣщенное имъ въ извѣстной книгѣ о древностяхъ Россійскаго Государства, хранящейся въ Синодальной библіотекѣ подъ № 529; теперь мы видимъ, что Каменевичь Рвовскій не былъ сочинителемъ сего сказанія, что оно въ преданіяхъ народныхъ ходило уже давно и даже заносилось въ лѣтописи; и во 2-хъ при всей нелѣпости главнаго содержанія, сказаніе сіе представляетъ много подробностей очень замѣчательныхъ, которыя довольно живо представляютъ бытъ древней сѣверовосточной Руси, и во многомъ объясняютъ разные намеки объ этомъ предметѣ, встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ и въ другихъ древнихъ памятникахъ. Этимъ подробностямъ въ отношеніи къ древнему быту мы можемъ довѣрять; ибо преданіе, искажая иногда главное содержаніе, всегда сохраняетъ форму подробностей, старую обстановку событій, оно ими-то преимущественно и дорожитъ; и въ 3-хъ помѣщеніе сказанія именно въ Новгородской лѣтописи указываетъ нѣкоторымъ образомъ на древнія отношенія Москвы къ Новгороду, откуда можно догадываться, что Москва первоначально была построена въ Новгородской землѣ, что подтверждается и свидѣтельствомъ переписной Новгородской книги 1500 года, по которой видно, что въ Новгородѣ еще въ XV вѣкѣ существовалъ родъ изстарины̀хъ Новгородскихъ вотчинниковъ Кучковичей, у которыхъ были деревни въ Келтушскомъ погостѣ, и одна изъ нихъ называлась Кучково. (Переписн. Новг. Кн. стр. 246.)

(Примѣчаніе Временника.)

II. ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ РУКОПИСИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ

(Древлехран. Погодина, № 1631)

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

«Исторія объ Азовскомъ взятіе и осадномъ сиденіе отъ Турскаго царя Брагима ..... 1635 г. [1]).

При дословномъ сходствѣ заглавія, повѣсть эта и по содержанію близко подходитъ къ болѣе пространной изъ двухъ, печатаемыхъ въ издаваемой теперь части нашего сборника; но она еще пространѣе, и даже гораздо пространѣе Рыбниковскаго пространнаго извода. Помѣтка въ концѣ рукописи указываетъ и на мѣстность, по крайней мѣрѣ не весьма далекую отъ той, гдѣ составлялся сборникъ г. Рыбникова. Мѣстность эта — также *сѣверная:* «переписывалъ сію тетрадь Кольскій мещанинъ Василей Лоушкинъ 1825 года мѣсяца Марта числа 12»; а нѣсколько ниже: «Сентября 24 числа» (вѣроятно окончена).

Совершенно въ другомъ родѣ повѣсть объ Азовскихъ происшествіяхъ, находящаяся въ той же Публичной Библіотекѣ въ концѣ большаго сборника XVII столѣтія, значащагося въ описаніи рукописей Толстова подъ № 198 отдѣла I-го. Въ ней не замѣтно, или почти не замѣтно народной стихіи, и въ этомъ отношеніи она близко подходитъ къ статьѣ «о градѣ Азовѣ, како взятъ», напечатанной въ лѣтописи о многихъ мятежахъ, (изд. II, М. 1788, на стр. 346 — 353). Этою послѣднею, по видимому, пользовался Н. А. Полевой въ статьѣ своей: «взятіе Азова 1637 г.», помѣщенной въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г. (ч XIII и XIV). Полевой, печатая только *отрывокъ*, источниковъ не указалъ — (см. примѣчаніе въ началѣ статьи); но по содержанію его разсказа видно, что въ числѣ этихъ источниковъ должны были быть и народно-поэтическіе. — Въ повѣствованіи — собственно *о взятіи* Азова — слѣдовалъ статьѣ Полеваго и *Броневскій* въ своей «Исторіи Донскаго войска» (СПб. 1834 г., ч. I, стр. 117 и слѣд.)

---

1) Цифра поправлена черными чернилами поверхъ блѣдныхъ, какими писана рукопись; было же 1735. У цифры 5 тѣми же чернилами въ скобкахъ поставленъ вопросительный знакъ; и дѣйствительно, взятіе, какъ извѣстно, относится къ 1637 г., осажденіе же его Турками происходило въ 1644 г. (См. Истор. Соловьева, IX, 293, 296.)

«Кромѣ книжки подъ заглавіемъ: «Древнія сказанія объ Азовѣ», говоритъ Броневскій, гдѣ весьма кратко упомянуто о завоеваніи Азова, не отыскавъ на Дону иныхъ документовъ, относящихся къ столь знаменитому происшествію, описаніе г. Полеваго предпочелъ», и т. д. Что же касается *осадныя сидѣнія отъ Турокъ*, то тутъ Броневскій прямо указываетъ вотъ на какой источникъ: «взято изъ рукописи за № 358, хранящимся въ библіотекѣ графа О. А. Толстаго: «Сказаніе объ Азовскомъ Сидѣніи». — (См. примѣч. на стр. 129). Нѣсколько же ниже (въ другомъ примѣчаніи) у Броневскаго говорится: «по многимъ, несогласнымъ между собою извѣстіямъ, Турки осаждали Азовъ съ 200, съ 240, и даже съ 300 тысячь воиновъ, и болѣе.... казаковъ же иные полагаютъ 1400 человѣкъ и 800 женъ». (Какія это такія *многія* извѣстія, авторъ въ точности не указываетъ). «Держась во всемъ, кромѣ похожаго на ложь, рукописнаго сказанія о сидѣніи въ Азовѣ, я перемѣнилъ число», и т. д. Изъ послѣднихъ словъ замѣтно, что Броневскій чувствовалъ громадную преувеличенность въ цифрахъ и иную разную ложь, что̀ заставляетъ предполагать и въ упоминаемой имъ Толстовской рукописи болѣе «боярновыхъ замысловъ», чѣмъ «былинъ сего времени». — Къ крайнему сожалѣнію моему, я никакъ не могъ добраться до упомянутой Толстовской рукописи. Оказалось, что еще въ 1835 г. она была передана изъ Имп. Публич. Библіотеки въ Археографич. Коммиссію; но, при всѣхъ поискахъ въ этой послѣдней, ея тамъ не оказалось. На сколько можно судить по передачѣ «сидѣнія» у Броневскаго, можно догадываться, что упомянутая рукопись подходитъ во многомъ къ краткому Рыбниковскому изводу.

Кромѣ приведенныхъ уже повѣстей объ Азовѣ, въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ Музеумѣ, должна быть одна, значащаяся въ Описаніи Востокова подъ № 378, л. 313. Не имѣлъ ли ея въ виду проф. С. М. Соловьевъ въ своемъ описаніи Азовскихъ событій въ IX т. Русской Исторіи?—при чемъ онъ, къ сожалѣнію, не указываетъ источниковъ. Такое указаніе было бы тѣмъ болѣе важно, что между сказаніями объ Азовѣ, какъ видно изъ предыдущаго, оказываются и не вполнѣ *историческія*. Г. Соловьевъ, повидимому, признаетъ громадную цифру Турокъ: «Ибрагимъ I, говоритъ онъ, двинулъ подъ Азовъ 240000 войска... казаковъ въ городѣ было 5,367 мужчинъ и 800 женщинъ, которыхъ надобно считать, обо

и онѣ усердно помогали мужьямъ своимъ при защитѣ города; по другимъ извѣстіямъ осажденныхъ было 14000 мужчинъ и 800 женщинъ» (стр. 296). Позволю себѣ обратить вниманіе на это неизмѣнное число 800 при измѣняющемся (смотря по источнику) числѣ мужчинъ, главнымъ же образомъ на несоразмѣрность въ этомъ числѣ 800 женъ при — хотя бы и только 5,367 мужьяхъ. Трудно послѣ этого предположить, чтобы это были дѣйствительно *жены казацкія*, выписанныя въ Азовъ съ Дону: если уже переселять ихъ оттуда, то почему же въ такомъ несоразмѣрно-ограниченномъ количествѣ? Невольно навязывается вопросъ, не попали ли эти 800 женъ въ историческіе труды и Броневскаго и Соловьева (у Полеваго число не приводится, но присутствіе женъ и помощь съ ихъ стороны мужьямъ у него на лицо),—не попали ли онѣ сюда изъ источниковъ, не столько историческихъ, сколько *эпическихъ* [1])?

Погодинская рукопись, согласно съ пространнымъ Рыбниковскимъ пересказомъ (стр. 173), объясняетъ этихъ казацкихъ женъ такимъ образомъ: «многіе казаки (по взятіи Азова) на Турчанкахъ и пожепились, вкрещенную вѣру приведоша». Точно также и въ концѣ статьи: «Взятіе Азова Донцами въ царствованде Михаила Оеодоровича», напечатанной въ III-й кн. Чтеній Моск. Общ. Ист. и Др. за 1864 г., и во многомъ сходной съ начальною частью пространной Рыбниковской «Гисторіи». (Къ сожалѣнію, въ «Чтеніяхъ» не сказано, изъ какой рукописи взята эта статья; языкъ ея — весьма новый).

Обращеніе въ христіанство плѣнницъ и женитьба на нихъ — это эпическая черта, свойственная и западно-Европейскимъ средневѣковымъ поэмамъ. Подъ этимъ же *замысломъ* поэтическимъ можетъ скрываться въ нашей *исторіи* та *быль*, что казаки оставили извѣстное число плѣнницъ въ живыхъ — съ извѣстнаго рода цѣлію... — При отношеніяхъ къ нимъ — далеко не *семейныхъ* — объяснилась бы и несоразмѣрность въ числѣ, едва ли объяснимая въ томъ случаѣ, ежели принимать переселеніе съ Дону казацкихъ *женъ*. При отношеньяхъ же къ женщинамъ, мною предполаемыхъ, помощь съ ихъ стороны казакамъ можетъ быть только вынужденною, плачъ же ихъ по *мужьямъ*-казакамъ — уже чисто эпическій *замыселъ*.

1) Нѣтъ ли также эпическаго преувеличенія и въ томъ, что казаки, при взятіи Азова, истребили *всѣхъ* жителей, кромѣ Грековъ? (см. въ Ист. Соловьева стр. 294, внизу.)

ли, чтобъ не стрелляли по нихъ, казаки же положиша въ налучники луки.... все шатры и палатки разставили, бѣлыми и красивыми цвѣтами всю азовскую степь украсили.... и распустили знамена свои аки цвѣтъ травной и поле зацвело, и начаша вполитавры бити и втрубы трубити во всѣхъ полкахъ, и отъ того ихъ играния земля стопяше, и учали изо всего снаряду по Азову граду бити и отъ того ихъ стрѣляния на Азовѣ городѣ 3 башенъ верхи попадали... и мы, видя то, вооружилися, и послѣ той стрелбы пошли Турки к Азову на приступъ.... и мы въ то время приужаснулися и стали крепкую думу думать... и мы посмотрѣли — отъ Дону реки до моря тихаго синяго ихъ войско, что солдацкой строй, какъ маковъ цвѣтъ зацвелъ».—

Вотъ своеобразные обороты въ Турецкихъ угрозахъ:

«...буде не здадите, все сейчасъ живы не будите, хотя васъ 100000 сидитъ въ Азове, а нашей силы пришло и смету нѣтъ; — сколко на вашихъ головахъ волосъ, столко у насъ силы... а какъ Азовъ возмемъ, то ваши головы саблями срубимъ и по чистому полю размечемъ, за то, что вы гордо наступили на десницу великую Брагима царя Турецкаго...»

А вотъ и особенности отвѣта казацкаго:

...«вы насъ призываете отъ пресветлыя державы православныя вѣры во тму кромешную къ царю Брагиму, и хвалите, что царь вашъ насъ пожалуетъ златомъ и сребромъ; то *не честь и не хвала молодецкая*, что вамъ покоритца, злато и сребро, и златое платье намъ не надобно... за насъ церковь святая молить будетъ, и буде васъ намъ казакамъ Богъ поручитъ и мы головы вашы срубимъ и на копья стычемъ и по чистому полю размечемъ и темъ вашимъ поганымъ трупіямъ накормимъ волковъ серыхъ, вранов черныхъ, орловъ сизыхъ, понеже еще они зголоду помираютъ...[1]) Царь же, слышавъ отъ казаковъ, не могъ отъ ярости на месте усидеть, вскрыча громкимъ голосомъ: ой еси вы воры Донскіе казаки»...

Этихъ образцовъ будетъ достаточно. Приношу мою искреннюю благодарность А. Ѳ. Бычкову за предоставленіе мнѣ права пользоваться Погодинскою рукописью, а равно и за другія его обязательныя указанія. Также благодарю за указанія различнаго рода К. Н. Бестужева-Рюмина, Л. Н. Майкова и А. А. Котляревскаго.

1) Съ этимъ мѣстомъ можно сравнить соотвѣтственное въ краткомъ Рыбниковскомъ изводѣ, на стр. 164-й настоящей части (книзу).

ПЕРЕЧЕНЬ ПѢСЕНЪ И ПРОЧ. IV ЧАСТИ.

по мѣсту и лицамъ, гдѣ, у кого и кѣмъ записано

1. Записанныя г. Любимскимъ въ Исаевской волости — II (Заплачки Свадебныя) 2, Вытегорскія Заплачки.
2. Сообщенная г. Барсовымъ — III (Повѣсти, Сказанія и Сказки) 7, (сказка объ Олёшѣ Голопузомъ).
3. Записанная г. Знаменскимъ въ Заонежьѣ — IV (Повѣрія и Суевѣрія), стр. 234 — 239 (Легенда объ Иванѣ Купецкомъ сынѣ).
4. Записанная въ г. Каргополѣ, стр. 152 — 153 (Дѣтская пѣсня).
5. Изъ Олонецкихъ Вѣдомостей 1867, — Обонежскія Загадки — 1 — 10 (стр. 246 — 247); Заговоры 16 (стр. 256 — 257), 18 (стр. 258 — 259), 22 (стр. 260 — 261).
6. Изъ Вологодскихъ Вѣдомостей 1866 г. стр. 153 — 154 (Небывальщина о Мизгирѣ) Загадки 11 — 16 (стр. 247).
7. Записанная отъ крестьянина дер. Колодозера Пудожскаго уѣзда Трофима Романова I — (былины и т. д.), 1.
8. Записанныя отъ крестьянина деревни Рашиной горы, Филимоповской волости, Пудожскаго уѣзда, Анфима Савинова — **I**, 2, 6, 10, 11.
9. Отъ крестьянина деревни Выгозера, Повѣнецкаго уѣзда Оедора Никитина — **I**, 3, 13, 19.
10. Отъ корелака Василья Лазарева изъ деревни Кяменицъ Повѣнецкаго уѣзда — **I**, 4, 8, 9, 14, 16.
11. Отъ Пудожгорскаго крестьянина Василья Лукина Повѣнецкаго уѣзда — **I**, 12, 17.
12. Отъ крестьянина Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда, Терентія Іевлева — **I**, 5, 7, 15.
13. Отъ крестьянина тѣхъ же волости и уѣзда Т. Рябинина — **I**, 18.

14. Отъ крестьянина деревни Раниной горы, Филимоновской волости, Пудожскаго уѣзда Анфима Савельева — III (Сказанія и т. д.), 6.
15. Отъ крестьянина деревни Середки, Кижскаго погоста, Петрозаводскаго уѣзда Леонтія Богданова — IV (Повѣрья), стр. 221, 227, 231 — 233.
16. Отъ повивальной бабки — IV (Заонежскія повѣрья), стр. 225 — 226.
17. Повѣрья съ Груманта — стр. 229 и слѣд.
18. Повѣрья на Шуй-наволокѣ — стр. 220 — 221, 227 и слѣд.
19. Пудожскія (Свадебныя заплачки) — стр. 106 — 116.
20. Петрозаводскія (Заплачки) Ялгубскаго погоста — стр. 135 — 136; изъ Заонежья — 136 — 138, 144; Ладвинскаго — стр. 138, 141 — 142, 143; Остречинскаго — 141, 143, 146 — 152 (обряды свадебные въ Остречинскомъ и смежныхъ приходахъ).

Примѣч. О рукописномъ матеріалѣ настоящей части см. выше въ P. S. «Замѣтки.»

УКАЗАТЕЛЬ БЫЛИНЪ

по мѣстностямъ и сказителямъ

(для всѣхъ IV-хъ частей).

Олонецкой губерніи (безъ точнѣйшаго обозначенія): I, 24, 25, 38, 49, 65, 77; II, 39.

Города Петрозаводска — отъ родственника крестьянина Леонтія Богданова: III, 61.

Петрозаводскаго уѣзда (безъ точнѣйшаго обозначенія): I, 83; II, 40.

Кижской волости (безъ точнѣйшаго обозначенія); I, 46, 69, 79; II, 16, 20, 55. — Отъ *Рябинина:* I, 3, 10, 12, 15, 20, 27, 31, 34, 35, 36, 39, 41, 43, 48, 58, 59, 61, 67, 72, 85; III, 1, 2; IV, 18. — Отъ *Григорья Васильева:* II, 37. — Отъ *Леонтія Богданова:* I, 8, 40 (и отъ Латышова), 44, 63, 66, 71, 80; III, 48, 49, 63. Отъ *Терентія Іевлева:* II, 1, 12, 32; IV, 5, 7, 15. Отъ *Андрея Сарафанова:* III, 4, 21, 25, 28. Отъ *Григорья Ѳедотова:* III, 6, 7, 30, 39, 40, 42, 45. Отъ *Андрея Иванова:* III, 34. Деревни *Боярщины* — отъ *Щеголенкова:* I, 22; II, 21, 49, 59; отъ племянницы его: II, 14, 52. Деревни *Курганицы* — отъ *П. Корнилова:* II, 60, 61, 64, 65. Деревни *Середки:* II, 50.

Сьнногубской волости, деревни *Логмасы* — отъ *Козьмы Романова:* I, 1, 21, 23, 26, 30, 60 (и отъ Л. Богданова), 75, 78, 86; II, 18, 22, 42, 53; III, 55.

Святозерской волости, деревни *Прятки* — отъ крестьянки *Дмитріевой:* I, 7, 16, 50, 81.

Пудожгорскаго погоста, деревни *Горки* — отъ *Бутылки:* III, 3, 8, 15, 20, 46, 52, 57, 58, 62.

Деревянскаго погоста: II, 47; отъ *Никиты Байнина:* III, 60.

Ладвинскаго погоста — отъ *Никиты Рѣзина:* III, 59. *Великогубскаго* погоста: I, 68.

Пудожскаго уѣзда: Колодозерской волости — отъ 90 лѣтняго старика: I, 11, 37, 42, 43 (при этомъ разпорѣчіе отъ старухи Бережной Дубравы), 55. Деревни *Ширзаковской* — отъ Трофима Романова: III, 5, 9, 12, 19, 23, 31, 36; IV, 1.

Кенозеро: II, 27; отъ *Паромскаго старика:* III, 10, 13, 14, 16, 24, 27, 29, 38, 56; отъ Кенозерскаго цѣловальника: II, 35.

Сумозерской волости: I, 47, 64, 74; отъ Андрея *Сорокина:* II, 7, 19, 30, 31, 34, 53, 62. 63.

Бережнодубровской волости, деревни Кузнецовой — отъ каликиы *Латышова:* I, 13, 40; II, 5, 23, 28, 51.

Купецкой волости, деревни *Бураковой* — отъ *Никифора Прохорова:* I, 4, 9, 14, 17, 18, 19, 32, 33, 54, 57, 62, 76; деревни *Мелентьевской* — отъ *слѣпаго Ивана:* II, 10.

Песчанской волости: II, 36; деревни *Большой Дворъ:* I, 29 (при этомъ разпорѣчіе изъ Бережной Дубровы).

Шальской волости, отъ лодочника: I, 2, 5, 6, 53, 56, 60, 73; II, 43.

Деревни *Гагарской* — отъ *Потапа Потахина:* III, 17, 27, 32, 37, 51.

Филимоновской волости, деревни *Раниной Горы* — отъ *Анфима Савинова:* IV, 2, 6, 10, 11.

Уношскаго погоста, деревни *Уной-Губы* — отъ *Гавріила Амосова:* III, 11, 18, 43, 44, 47, 53.

Красновскаго погоста — I, 28 (разпорѣчіе къ этому №).

Каріопольскаго уѣзда: I, 52; III, 33; деревни *Красныя Ляги* — отъ старика каликы: II, 2, 3, 4, 6, 11, 13, 15, 29, 33. *Тихвиноборскаго* погоста: I, 82, 84; II, 24. *Кенозерскаго* погоста — отъ *Михайлы Богданова:* I, 28 (разпорѣчіе изъ Красновскаго погоста, Пудожскаго уѣзда), 87.

Малоархангельскаго погоста: I, 88.

Вытегорскаго уѣзда, *Вытегорскаго* погоста, *Спасоманозерскаго* прихода: II, 48. *Саминскаго* прихода: II, 8, 9.

Лодейнопольскаго уѣзда: II, 25, 26.

Повѣнецкаго уѣзда, деревни *Каменицы* — отъ *Василья Лазарева:* III, 24, 41; IV, 4, 8, 9, 14, 16; деревни *Выгозеро* — отъ *Ѳедора Никитина:* IV, 3, 13, 19; отъ Пудожгорскаго крестьянина *Василья Лукина:* IV, 12, 17; отъ Корелки: III, 64.

УКАЗАТЕЛЬ БЫЛИНЪ

по сказителямъ

(для всѣхъ IV-хъ частей).

Рябинина: I, 3, (Вольга и Микула); 10, 12, 15, 20 (Илья Муромецъ); 27 (Добрыня и Василій Каз.); 31 (Дунай); 34 (Иванъ Годиновичъ); 35, 36 (Потыкъ); 39 (Сорокъ каликъ); 41 (Ставръ); 43 (Хотенъ); 48 (Дюкъ); 58, 59 (Василій Буслаевъ); 61 (Садко); 67 (Грозный); 72 (Королевичи изъ Крякова); 85 (Горюшко). III, 1 (Самсонъ); 2 (Святогоръ). IV, 18 (Саломонъ). Всего 23 былины.

Козьмы Романова: I, 1 (Вольга); 21 (Илья и Ермакъ); 23, 26 (Добрыня); 30 (Дунай); 60 (Василій Буслаевъ) (вмѣстѣ съ Л. Богдановымъ); 75 (Два Ливпка); 78 (Добрый молодецъ и жена неудачливая); 86 (Горюшко). II, 18 (Сорокъ каликъ), 22 (Хотенъ); 42 (Царь Петръ) 54; III, 55 (Саломанъ). Всего 14 былинъ.

Прохорова: I, 4 (Вольга и Микула); 9, 14, 17, 18, 19 (Илья Муромецъ); 32 (Днѣпра и Донъ); 33 (Иванъ Годиновичъ); 54 (Соловей Будиміровичъ); 57 (Василій Буслаевъ); 62 (Садко); 76 (Ванька Удовкинъ). Всего 12 былинъ.

Леонтія Богданова: I, 8 (Святогоръ и Илья); 40 (Сорокъ каликъ) (вмѣстѣ съ Латышовымъ); 44 (Хотенъ); 63 (Садко); 66 (Грозный); 71 (Ванюшка Клюшничекъ); 80 (На чужой сторонѣ). III, 48 (Князь Голицынъ); 49 (Сынъ Стеньки Разина); 63 (Поѣздка на море). Всего 10 былинъ.

Паромскаго старика: III, 10, 13, 14 (Илья Муромецъ); 16 (Добрыня); 24, 27 (Чурило); 29 (Дюкъ); 38 (Авдотья Рязаночка); 56 (Саломонъ). Всего 9 былинъ.

Бутылки: III, 3 (Женитьба Владиміра); 8 (Илья и Идолище); 15 (Добрыня); 20 (Алеша); 46 (Земскій соборъ); 52 (Настасья корол. Политовская); 57 (Перасказанный сонъ); 58 (О царствѣ подсолнечномъ); 52 (Девять братьевъ). Всего 9 былинъ.

Сорокина: II, 7 (Добрыня); 19 (Ставръ); 30 (Дюкъ); 31 (Соловей Будимировичъ); 34 (Грозный); 53 (Саломонъ); 62, 63 (Илья Муромецъ). Всего 8 былинъ.

Трофима Романова: III, 5, 9, 12 (Илья Муромецъ); 19 (Добрыня); 23 (Иванъ Годиновичъ); 31 (Дюкъ); 36 (Илья Муромецъ и Татары); IV, 1 (Святогоръ).

Өедотова: III, 6, 7 (Илья Муромецъ); 30 (Дюкъ); 39, 40 (Василій Буслаевъ); 42 (Садко); 45 (Отрепьевъ). Всего 7 былинъ.

Кореляка Лазарева: III, 24 (Чурило); 41 (Садко); IV, 4 (Илья Муромецъ); 8 (Хотенъ); 9 (Дюкъ); 14 (Грозный); 16 (Кастрюкъ). Всего 7 былинъ.

Латышова: I, 13 (Илья и Сокольникъ); 49 (Сорокъ каликъ); II, 5 (Добрыня); 23 (Чурило); 28 (Дюкъ); 51 (Дворянинъ безчастный). Всего 6 былинъ.

Ievлева: II, 1 (Микула); 12 (Дунай); 32 (Василій Буслаевъ); IV, 5 (Дунай); 7 (Хотенъ); 15 (Кастрюкъ). Всего 6 былинъ.

Амосова: III, 11 (Илья Муромецъ); 18 (Добрыня); 43 (Терентій Данильевичъ); 44 (Кострюкъ); 47 (Земскій соборъ); 53 (Добрый молодецъ и жена неудачливая). Всего 6 былинъ.

Потахина: III, 17 (Добрыня); 26 (Чурило); 32 (Соловей Будимировичъ); 37 (Василій Игнатьевичъ и Батыга); 51 (Два Ливика). Всего 5 былинъ.

Щеголенкова: I, 22 (Илья и Ермакъ); II, 21 (Ставръ); 49 (Добрый молодецъ и жена неудачливая); 59 (Каково птицамъ на Руси). Всего 4 былины.

Дмитріевой: I, 7 (Святогоръ); 16 (Илья и Идолище); 50 (Дюкъ); 81 (Оника). Всего 4 былины.

Корнилова: II, 60 (Микула); 61 (Настасья Микулишна); 63 (Илья и Сокольникъ); 65 (Василій пьяница). Всего 4 былины.

Сарафанова: III, 4 (Илья и Соловей); 21 (Дунай); 25 (Чурило); 28 (Хотенъ). Всего 4 былины.

Савинова: IV, 2 (Илья и Соловей); 6 (Ставръ); 10 (Дюкъ); 11 (Соловей Будимировичъ). Всего 4 былины.

Никитина: IV, 3 (Илья и Соловей); 13 (Иванъ Гостиный); 19 (Девять братьевъ). Всего 3 былины.

Михайла Богданова: I, 28 (Добрыня и Марина); 87 (Каково птицамъ на морѣ). Двѣ былины.

Племянницы *Щеголенкова:* II, 14 (Иванъ Годиновичъ); 52 (Саламанъ). Двѣ былины.
Лукина: IV, 12 (Потыкъ); 17 (Наѣздъ Литовцевъ).
Слѣпаго *Ивана:* II, 10 (Василій Игнатьевичъ).
Васильева: II, 37 (Кастрюкъ).
Иванова: III, 34 (Иванъ Гостиный).
Рѣзина: III, 59 (Каково птицамъ на Руси).
Байнина: III, 60 (тоже).
Родственника *Л. Богданова:* III, 61 (тоже).

Стараго калики: II, 2, 3 (Илья Муромецъ); 4, 6 (Добрыня); 11 (Василій Игнатьевичъ); 13 (Иванъ Годановичъ); 15 (Потыкъ); 29 (Дюкъ); 33 (Василій Буслаевъ). Всего 9 былинъ.
(*Калики* Латышова (см. выше): I, 13, 40; II, 5, 23, 28, 51. Всего вообще отъ каликъ 15 былинъ).
(*Слѣпаго* Козьмы Романова (см. выше): I, 1, 21, 23, 26, 30, 60, 73, 78, 86; II, 18, 22. 42, 54; III, 55. *Слѣпаго* Ивана (см. выше): II, 10. — Всего отъ слѣпыхъ 15 былинъ).
Старика 90 лѣтняго: I, 11 (Илья Муромецъ); 37 (Потыкъ); 42 (Ставръ); 45 (Чурило) (разнорѣчіе отъ старухи Бережной Дубровы); 55 (Василій Буслаевъ).
Лодочника (Шальскаго вол.): 1, 2, 5 (Вольга); 6 (Сухманъ); 53 (Соловей Будиміровичъ); 56, 60 (Василій Буслаевъ); 73 (Два Ливика); II, 43 (Царь Петръ). Всего 8 былинъ.
(*Пловца* Рябинина (см. выше): I, 3, 10, 12. 15, 20, 27, 31, 34, 35, 36, 39, 41, 43, 48, 58, 59, 61, 67, 72, 85; III, 1, 2; IV, 18. — Всего отъ пловцовъ 31 былина).
Цѣловальника (Кенозерскаго); II, 35. (Кострюкъ).
(*Содержателя постоялаго двора* (Сорокина — см. выше) II: 7, 19, 30, 31, 34. 53, 62, 63).
Корелки (Повѣнецкой) и Кемской крестьянки — вмѣстѣ: III, 64 (Смерть Княгини Михайловны).
Старухи бережной Дубравы: I, 45 (Чурило; разнорѣчіе къ былинѣ 90 лѣтняго старика).
(Крестьянки Дмитріевой — см. выше): I, 16, 50, 81.
Племянницы Щеголенкова (см. выше): II, 14, 52.
(Всего отъ женщинъ 8 былинъ).

УКАЗАТЕЛЬ БЫЛИНЪ

по содержанію

(для всѣхъ IV-хъ частей).

Святогоръ: I, 7. (Самсонъ: III, 1); Святогоръ и Илья Муромецъ: I, 8; III, 2; IV, 1.

(Самсонъ: III, 35, 36).

Микула: II, 1, 60. Микула и Вольгà: I, 3, 4, 5.

Вольгà: I, 1, 2 (Волхъ — 1, 2) (3, 4, 5).

Суханъ: I, 6.

Илья Муромецъ: a) Изцѣленіе: I, (8), II, 2, III, (2), 4, ст. 1 — 11; 5, ст. 1 — 30. b) Первая поѣздка въ Кіевъ; Соловей: I, 9, 10; II, 2, 63, ст. 1 — 375, 625 — 806. III, 4, ст. 12 — 81; 5, ст. 31 — 286; 6. IV, 2, 3, 4. c) Три поѣздочки: I, 11; II, 62, III, 11, 12, 13; (IV, 3, 4). d) Бой съ сыномъ (дочерью): I, 12, 13, 14: II, 64; III, 14. e) Илья и Идолище: I, 15, 16, 17; III, 7, 8, 9. (Илья у царя Константина III, 10). f) Ссора Ильи съ Владиміромъ: I, 18; II, 63, ст. 374 — 624. g) Илья и Самсонъ: III, 35 36. h) Илья и Ермакъ: I, 19, 20, 21, 22.

(Илья Муромецъ упоминается въ былинахъ про другихъ богатырей: I, стр. 130, 145 — 46, 150, 195, 210, 213, 216, 218, 223 — 24, 228, 232 — 33, 263, 275 — 80, 305. II, стр. 13, 14, 21, 41, 59, 60, 67, 68, 69, 71, 72, 74, 76, 77, 80, 81, 82, 83, 84, 136, 138, 140 — 41, 145, 150, 162 — 67, 169, 182 — 84. III, 151 — 52, 158, 168 — 69, 170, 174, 179).

Добрыня: a) Купанье и змѣй: I, 23, 24, ст. 1 — 198 (25, ст. 1 — 26) II (5), 6, ст. 5 — 126; (7, ст. 1 — 26); (28), III, 15, ст. 1 — 242. b) Бой съ Паленицею и женитьба; I, 24, ст. 199 — 255; III, 15, ст. 243 — 311. c) Добрыня и Марфинка; I, 28; II, 4; III, 19. d) Добрыня въ отъѣздѣ: I, 25, 26, (27); II, 6,

ст. 127 — 230; 7, ст. 27 — 435; III, 16, 17, 18. с) Добрыня и смерть: II, 9 (Ошибка).
Алеша Поповичъ — (см. Добрыню въ отъѣздѣ и сорокъ каликъ:) Алеша и Тугаринъ: III, 20.
Василій Игнатьевичъ (Казиміровичъ): I, 27, 29. II, 10, 11, 65. III, 57.
Дунай: I, 30, 31, 32. (Днѣпра и Донъ), II, 12; III, 21; IV, 5. (Женитьба князя Владиміра): III, 3.
Иванъ Годиновичъ: I, 33, 34; II, 13, 14; III, 23.
Иванъ Гостиный сынъ: III, 34; IV, 13.
Михайло Потыкъ: I, 35, 36, 37, 38; II, 15, 16, 17; III, 12.
Сорокъ каликъ со каликою: I, 39, 40; II, 18.
Данила Игнатьевичъ и Михайла Даниловичъ: III, 22.
Ставръ Годиновичъ: I, 41, 42; II, 19, 20, 21; IV, 6.
Хотенъ Блудовичъ: I, 43, 44, (52); II; 22; III, 28, IV, 7, 8.
Чурило Пленковичъ: I, 45, 46; II, 23, 24, (25); III, 24, 25, 26, 27.
Дюкъ Степановичъ: I, 47, 48, 49, 50, (51), (52); II, 26, 27, 28, 29, 30; III, 29, 30, 31; IV, 9, 10.
Соловей Будиміровичъ: I, 53, 54; II, 31; III, 32, 33; IV, 11.
Василій Буслаевъ: I, 55, 56, 57, 58; II, 32; III, 39. Смерть Василья: I, 59, 60; II, 33; III, 40.
Садко купецъ: I, 61, 62, 63, 64; III, 41, 42.
Терентій Данильевичъ: III, 43.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ: I, 65, 66, 67; II, 34; IV, 14.
Кастрюкъ: I, 68; II, 35, 36, 37; III, 44; IV, 15, 16.
Ермакъ Тимоѳеевичъ: II. 38.
Отчего на Руси завелась измѣна; II, 39.
Гришка Разстрига: I, 69; III, 45.
Скопинъ: I, 70.
Земскій соборъ: II, 40; III, 46, 47.
Стенька Разинъ: II, 41.
Сынъ Стеньки; III, 49.
Царь Петръ: II, 42, 43.
Графъ Румянцевъ: II, 44.
Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ: II, 45.
Князь Голицынъ: III, 48.
Два королевича изъ *Крякова:* I, 72.

Два Ливика: I, 73, 74, 75; III, 51; IV, 17.
Настасья королевна Политовская: I, 77; III, 52.
Ванюшка Ключничекъ: I, 71.
Ванька Удовкинъ и царь Волшанъ: I, 76.
Дмитрій Васильевичъ и Домна Александровна: I, 99.
Михайло князь: II, 46.
Смерть *княгини Михайловны:* III, 64.
Добрый молодецъ и жена неудачливая: I, 78; II, 49, 50; III, 52.
Добрый молодецъ и рѣчка Смородинка: I, 82.
Дворянинъ безчастный молодецъ: II, 51.
Молодецъ и горе: I, 84, 85, 86.
Горе: I, 83.
Неразсказанный сонъ: III, 57.
Царство подсолнечное: III, 58.
Девять братьевъ и сестра: III, 62; IV, 19.
Поѣздка на море: III, 63.
Хмѣль: I, 88.
Старецъ: II, 56, 57.
Каково птицамъ на морѣ: I, 87; II, 59; III, 59, 60, 61.
На чужой сторонѣ: I, 80.
Царь Саломонъ: II, 52, 53, 54, 55; III, 54, 55, 56; IV, 18.
Оника воинъ: I, 81; II, 48.
Бой: II, 58.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV-ой ЧАСТИ.

Предисловіе.

I. Былины, побывальщины, старины и былевыя пѣсни.

Стран.

I. Время до Владиміра. Богатыри старшіе:
Илья Муромецъ и Святогоръ богатырь 1. 3
II. Время Владимірово. Богатыри Кіевскіе:
Илья Муромецъ.
Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 2 7
Три поѣздки и борьба съ Соловьемъ 3 16
Тоже 4 26
Дунай Ивановичъ 5. 28
Ставръ Годиновичъ 6. 28
Хотенъ Блудовичъ 7. 36
Тоже 8. 42
Дюкъ Степановичъ 9. 47
О немъ-же 10. 52
Соловей Будиміровичъ 11. 56
Михайло Потыкъ Ивановичъ 12. 60
Иванъ Гостиный сынъ 7. 74
III. Москва:
Грозный царь Иванъ Васильевичъ 14. 81
Кострюкъ 15. 85
Тоже 16. 87
IV. Былины, побывальщины, былевыя пѣсни княженецкія, молодецкія, безыменныя:
Наѣздъ Литовцевъ на Москву 17. 93
Царь Саломонъ, царица Саломонія и царь Василій Окуловичъ 18. 97
Девять братьевъ и сестра 19. 99

II. Заплачки свадебныя.

I. Пудожскія свадебныя заплачки:
1. Заплачка невѣсты въ день сватовства послѣ рукобитья. 105
2. Когда невѣста отправляется для приглашенія родственниковъ 107

3. Причетъ по пріѣздѣ къ родственникамъ. 108
4. Причетъ при отъѣздѣ. . . . . —
5. Причетъ по пріѣздѣ домой 109
6. Причѣвка дѣвицъ, когда по пріѣздѣ въ гостьбицу будятъ невѣсту. 110
7. Причетъ дѣвицъ, когда зовутъ невѣсту въ баню. 112
8. Причетъ дѣвицъ по выходѣ изъ бани 115

II. Вытегорскіе свадебные причеты:

1. При просватовствѣ невѣста стиховодничаетъ. 116
2. На другой день послѣ просватовства 118
3. Передъ свадьбою утромъ. . . . . —
4. Невѣста поетъ молитву. 120
5. Невѣста зоветъ дѣвицъ «отдавать добровъ». 121
6. Невѣста причитаетъ, когда кто-либо изъ родственниковъ пріѣзжаетъ звать ее въ гости 123
7. По пріѣздѣ домой невѣста благодаритъ 124
8. Если невѣста сирота, то причитаетъ на могилѣ родителей. 125
9. Когда невѣста разстается съ красотою, то причитаетъ. 128
10. Невѣста проситъ у родителей благословенія 132
11. Невѣста садится за столъ съ дѣвицами. 133
12. По пріѣздѣ жениха невѣста причитаетъ . . . . . —

III. Изъ Петрозаводскихъ свадебныхъ заплачекъ:

1. Плачъ невѣсты послѣ «приказа» при благословеніи . . . 135
2. Плачъ на могилѣ родителей . . . . . —
3. Плачъ послѣ просватанья. . . . . —
4. Наканунѣ вѣнца, когда ведутъ въ баню. 136
5. Плачъ передъ баней 138
6. Плачъ невѣсты, когда отецъ ѣдетъ со зватыми приглашать жениха. 141
7. Наканунѣ вѣнчанія передъ ужиномъ къ подругамъ . . . —
8. Когда невѣсту накроютъ платомъ и она подноситъ платокъ жениху 143
9. По пріѣздѣ жениха, въ день вѣнчанья, передъ благословеніемъ. 144

Примѣчаніе. Особенности свадьбы въ Остречинскомъ и смежныхъ съ нимъ приходахъ Петрозаводскаго уѣзда. 146

IV. Пѣсни

1. Дѣтская пѣсня. 152

2. Небывальщина о мизгирѣ. 153

III. Повѣсти, сказанія и сказки.

1. О началѣ града Москвы и о великомъ князѣ Даніилѣ Александровичѣ 157
2. Исторія славная. Сказаніе о Азовскомъ осадномъ сидѣніи, какъ царскаго Величества сидѣли въ Азовѣ городѣ атаманы-казаки отъ Турецкаго царя Брагима 162
3. Гисторія о Азовскомъ взятіи и о осадномъ сѣденіи отъ Турецкаго царя Абрагима Донскихъ казаковъ Атамана Наума Васильевича и есаула Ивана Зыбина съ товарищами 1635 года 169
4. О солнцѣ. Вѣдомо буди, какъ сотворено повелѣніемъ Божіимъ 184
5. Повѣсть о царѣ, царицѣ, оклеветанной мачихою, и двухъ сыновьяхъ ея. 185
6. Сказка о мужикѣ-воинѣ. 203
7. Сказка объ Олешѣ Голопузомъ. 209

IV. Народныя повѣрья и суевѣрья въ Олонецкой губерніи.

Заонежскія повѣрья. 219
Легенда о Иванѣ — купецкомъ сынѣ. 234

V. Загадки, предсказанія, чарованія, заговоры, приговоры, отговоры, отпуски, обходы и т. п.

1. Сказаніе о громѣ и молніи. 243
2. Сказаніе на всю седмицу. . . . . —
3. Сказаніе о мѣсяцахъ на пользу Христіаномъ. 244
4. Сказаніе о травахъ 245
5. Какъ стать невидимкой. . . . . —
6. Загадки А.. 246
B. Обонежскія загадки . . . . . —
7. Предсказанія. 248
8. Чарованія 250
9. Приворожить молодца 251
10. Приворожить дѣвицу 252
11. Наговоръ на недруга 253
(Приговоръ на судей). . . . . —
12. Заговоръ отъ тоски. 254

13. Какъ свадьба отпускать . . . . . —
14. Заговаривать отъ притчи. . . . . —
15. Заговоръ отъ грыжи 255
16. Отъ бѣлой грыжи и зубовъ 256
17. Отъ зубной боли . . . . . —
18. Отъ суровца 258
19. Уразъ снять. 259
20. Кровь заговаривать. . . . . —
21. Отъ ногтя . . . . . —
22. Отговоръ сумасшедшаго. 260
23. Призоръ отговаривать. 261
Отъ зубной болѣзни, и щипоты, и отъ грыжи 262
24. Оборона скоту. . . . . —
25. Божественный обходъ рогатаго скота. 265
26. Отпускъ скота 268
Тожъ. 269
27. Заговоръ-оберегъ при свадьбахъ. 270

Приложеніе:

Объ особенностяхъ Олонецкаго подрѣчія. **П. Н. Рыбникова** 275
Замѣтка О. Ѳ. Миллера. III
Извлеченіе изъ письма П. Н. Рыбникова къ О. Ѳ. Миллеру LI

Приложенія отъ редактора IV части.

I. О началѣ Града Москвы (изъ «Временника» 1855). . . LIX
II. Объ Азовскомъ сидѣніи (изъ рукоп. Публ. Библ.). . . . LXV

Перечень пѣсень и проч. IV ч. по мѣсту и лицамъ, гдѣ, у кого и кѣмъ записано 1
Указатель былинъ по мѣстностямъ и сказителямъ (для всѣхъ IV-хъ частей , ... 3
Указатель былинъ по сказителямъ (для всѣхъ IV-хъ частей). 5
Указатель былинъ по содержанію (для всѣхъ IV-хъ частей). 8
Перечень опечатокъ IV части 15

ПОГРѢШНОСТИ, ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ IV ЧАСТИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ поправить:*
4	4	Святогоръ-богатырь и	Святогоръ богатырь, и
28	6	180	181
40	стих. 171	коньемъ	копьемъ.
46	136	Хотей сынъ Блудовичъ,	Хотей сынъ Блудовичъ
	154	Ты естъ	ты есть
47	162	въ земъ	въ земь
48	25	на сынемъ	на синемъ
63	131	за бѣли руки	за бѣлы руки
63	95	Подоленка королевична	Подоленка королевична; —
70	348	честивъ дарева	честны дарева
89	63	молода борца	молода борца,
121	17	(внизу) восокія	высокія
126	40	со мной по ряду	со мной по ряду.
133	15	базросчетну	безросчетну
147	строк. 13	пирогами и ужина	пирогами, и ужина
159	4	за ними	за нимъ
	25	Но скоро	Не скоро
169	2	(въ заглавіи) по осадномъ	и о осадномъ
171	12	виликой	великой
173	16	дати	думати
174	21	къ встрѣчу	въ встрѣчу
181	37	услуша	услыша
183	21	стєрть	смерть
189	13	глаголити	глаголати
198	16	метєре	матере
201	17	услишану	услышану
225	22	дерѐвню	дѐревню
226	8	подо́йникъ	подо́йникъ
231	23	туть-дорогу	путь дорогу
247	10	собирай тєсь	собирайтесь
281	1	крычи. Ай же ты	крычи: «ай же ты
	17	чєоезъ горы высоки черезъ	черезъ горы высоки, черезъ
253	17	правосливные	православные
257	34	щипоты	щепоты
276	26	ведеть, ведемъ, веде	ведешь, веде, ведемъ
278	29	пріѣзждялъ	пріѣждялъ
280	14	ребро	дебро
289	35	завѣтеръ	зàвѣтерь
292	11 и 12	щенять	щенядь
297	6	есть	ѣсть
XXV	1	«Словомъ»	«Словомъ о П. И.»
XXVII	19	1)	2)
—	31	1666	1866
XXXIV	22	Общества. Л. Н. Майковымъ	Общества, Л. Н. Майковымъ
XXXVI	30	Ивѣстная	Извѣстная.
XLIII *)	30	подъ вторымъ	надъ вторымъ

*) См. XLIII тутъ опечаткою же поставлено XXIII.

2007066007